

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
УРАЛЬСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ПЕРВОГО ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ Б. Н. ЕЛЬЦИНА

В. И. Михайленко

«ПАРАЛЛЕЛЬНАЯ» СТРАТЕГИЯ МУССОЛИНИ

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА
ФАШИСТСКОЙ ИТАЛИИ
(1922–1940)

В трех томах

Под общей редакцией
Т. В. Зоновой, В. Д. Камынина, В. П. Любина

Екатеринбург
Издательство Уральского университета
2013

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
УРАЛЬСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ПЕРВОГО ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ Б. Н. ЕЛЬЦИНА

В. И. Михайленко

Том 1

ФАШИСТСКАЯ ИТАЛИЯ
В ВЕРСАЛЬСКОЙ СИСТЕМЕ
(октябрь 1922 — август 1939)

Екатеринбург
Издательство Уральского университета
2013

УДК 94(450)
ББК ТЗ(4Ита)612-6
М 69

Под редакцией
доктора исторических наук,
профессора В. Д. Камынина

Михайленко, В. И.

М 69 «Параллельная» стратегия Муссолини : Внешняя политика фашистской Италии (1922–1940) : в 3 т. / В. И. Михайленко. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2013 — .

ISBN 978-5-7996-1009-8

Том 1 : Фашистская Италия в Версальской системе (октябрь 1922 — август 1939). — 2013. — 344 с.

ISBN 978-5-7996-1010-4 (т. 1)

В монографии исследуются особенности фашистской внешней политики с момента прихода Муссолини к власти и до поражения Италии в войне против Греции.

В первом томе анализируются преемственность империалистического курса и фашистские инновации в области внешней политики. Впервые в отечественной историографии исследуются военно-мобилизационные мероприятия и военное планирование в фашистской Италии. Автор отстаивает свою версию причин объявления Италией политики «неучастия в войне». Работа основывается на широком круге материалов из архивов Италии, публикаций документов и многочисленных отечественных и зарубежных исследованиях.

Для историков — ученых, студентов исторических факультетов, а также всех интересующихся историей фашизма.

УДК 94(450)
ББК ТЗ(4Ита)612-6

ISBN 978-5-7996-1010-4 (т. 1)
ISBN 978-5-7996-1009-8

© Михайленко В. И., 2013

ВВЕДЕНИЕ

Предлагаемая читателю работа является результатом многолетнего исследования фашистской внешней политики, начатого автором еще в студенческие годы. Она не претендует на комплексное исследование избранной темы, а может рассматриваться в общем контексте с трудами отечественных исследователей, занимавшихся изучением отдельных аспектов фашистской внешней политики.

Так, Н. Д. Смирнова исследовала балканское направление фашистской внешней политики. И. Хормач опубликовала фундаментальное исследование по истории советско-итальянских отношений в 1920–1930-х гг. Б. Р. Лопухов и Г. С. Филатов рассмотрели основные тенденции внешней политики Муссолини. И. Н. Чемпа-лов первым обратил внимание на итало-германские военные переговоры в апреле 1939 г. Его исследования формирования, функционирования и борьбы «жизненных пространств» накануне Второй мировой войны являются базовыми для нашего исследования.

Отличие данной работы от других заключается в том, что в ней предпринимается попытка рассмотреть внешнюю политику Муссолини в контексте «параллельной стратегии», формирование и реализация которой осуществлялись в период с момента прихода Муссолини к власти в октябре 1922 г. по октябрь 1940 г. Поражения фашистской армии, высадившейся в Греции, сначала сузили возможности для маневрирования, а затем и вовсе превратили Италию в военного и внешнеполитического вассала нацистской Германии.

Большинство исследователей антифашистской историографии исходили из родовой предопределенности фашистской внешней

политики к агрессивности. Это практически девальвировало интерес к исследованию проблем происхождения фашистской политики, ее преемственности (континуитета) с дофашистской, в том числе либеральной эпохи, ее маневренности, влияния военно-стратегического планирования на принятие решений в области внешней политики, и наоборот. Такой подход автоматически переводил фашистскую Италию в разряд внесистемной оппозиции Версальской системе, что не соответствовало истинному поведению фашистского руководства.

На протяжении достаточно длительного периода фашистская Италия действовала как ревизионистское государство, стремившееся решить свои территориальные требования внутри Лиги Наций. По крайней мере, до конца 1932 г. (отставки министра иностранных дел Дино Гранди) фашистское руководство позиционировало себя в качестве одного из ярых гарантов Версальской системы.

Используемая Муссолини агрессивная внешнеполитическая риторика являлась одним из пропагандистских инструментов для консолидации итальянского общества, придания ему гомогенности в рамках провозглашенной идеологической концепции *italianita* (принадлежности к итальянской нации) и строительства «новой цивилизации».

Какими бы громкими не являлись экспансионистские призывы Муссолини, их реализация находилась в прямой зависимости от военного планирования и военно-мобилизационного состояния страны.

Реальное поведение фашистской Италии на международной арене мало чем отличалось от действий Великобритании, Франции или других западных демократий. Что касается Советской России, то до вступления в Лигу Наций в 1934 г. она вообще являлась внесистемной оппозицией Версальской системе.

Сокрушительный удар по Версальской системе нанес мировой экономический кризис, начавшийся в октябре 1929 г. Выход из него для каждого государства оказался индивидуальным по срокам и формам действий.

В основе капиталистической стабилизации европейских государств в 1924–1929 гг. находился приток американских инвестиций, который мгновенно иссяк после наступления банковского кризиса в США. Великие европейские державы Великобритания и Франция, а также США попытались укрыться от мирового кризиса за прочными таможенными барьерами своих «жизненных пространств» (сфер влияния). Фашистская Италия в лице министра иностранных дел Д. Гранди до конца 1932 г. пыталась взывать к американской помощи, однако американские банки так и не вернулись в страну вплоть до поражения фашистской Италии в войне.

Попустительство западных демократий, гарантов Версальской системы, агрессии фашистской Италии в войне против другого члена Лиги Наций Абиссинии объясняется тем, что оно рассматривалось гарантами Версальской системы не в качестве внешнего вызова, а лишь как внутрисистемные разборки.

Для фашистской Италии война против Абиссинии имела важное значение по ряду причин. Обычно обращается внимание на ее пропагандистское значение как «маленькой победоносной войны» или на подготовку плацдарма для территориальной экспансии Италии в районе Африканского Рога и в направлении Индии. Реже абиссинская авантюра увязывается со стремлением фашистского руководства вывести страну из экономического кризиса путем военно-экономической мобилизации. Статистика показывает, что значительная часть вывозимых Италией в 1934–1936 гг. товаров приходилась на Эфиопию, что объясняется необходимостью покрыть военные расходы и создать новую инфраструктуру. Война в Абиссинии разогревала итальянскую экономику.

Фашистское руководство грезило идеями большого жизненного пространства *lo spazio vitale*, размеры которого не были стабильными, однако основу составляла значительная часть территории африканского Средиземноморья, Балкан, Северной и Восточной Африки, а также Корсика и Ницца.

Нельзя недооценивать роль военного планирования, но и переоценивать ее тоже не стоит. Как в любом государстве с сильной авторитарной властью, военное планирование находилось

в зависимости от субъективного выбора его лидера, в данном случае Муссолини. Принятие решений Муссолини в области внешней или военной политики не всегда соответствовало наличию объективных условий для этого. В любом случае он был первой и последней инстанциями в принятии исторических решений для Италии.

Несмотря на пропагандистскую завесу и раздувание мифа об итальянской империи и ее господствующей роли в *mare nostrum* (Средиземном море), фашистская Италия оставалась среднеевропейским государством по своему экономическому и военному потенциалу. Она не могла не использовать политику «баланса сил» для достижения своих внешнеполитических целей, маневрируя между великими державами. Итальянский исследователь Ренцо Де Феличе вернул в историографию понятие *peso determinante* (решающего веса, гирьки), которое характеризовало внешнюю политику фашистского руководства вплоть до заключения военно-политического союза с Германией.

Высшей точки итальянская политика *peso determinante* достигла в период Мюнхенского соглашения, организованного при самом непосредственном участии Италии. «Квартет четырех», в котором наряду с великими государствами Великобританией, Францией, Германией фашистская Италия перекраивала ненавистную ей карту парижских мирных соглашений, был идеальной формой реализации внешнеполитических устремлений до тех пор, пока Италия не завершит подготовку к войне.

Муссолини 16 апреля 1938 г. подписывает с Лондоном «пасхальное соглашение» о разграничении сфер влияния в Средиземноморье и одновременно начинает переговоры с Германией и Японией о военном союзе.

В строгом смысле этого понятия «параллельная стратегия» Муссолини начинает формироваться с появлением мощного ревизионистского центра в лице нацистской Германии. Сближение с нацистской Германией, которое реально выражается в начале итало-германско-японских военных переговоров в 1938 г. о тройственном военно-политическом союзе, укрепило фашистское

руководство в убеждении о возможности реализации собственной экспансионистской программы в параллели с будущими союзниками.

В течение ряда переговоров на уровне военных руководителей Германии и Италии, проходивших в апреле-июне 1939 г., итальянская сторона уклонялась от взятия на себя каких-либо конкретных обязательств по согласованию военных планов.

В ответ на не согласованный с Италией захват Германией всей Чехословакии Муссолини инициировал «параллельные» действия против Албании, захватив страну. Заключив военно-политический союз («стальной пакт») с Германией 22 мая 1939 г., Муссолини планировал использовать очередной военно-политический конфликт, спровоцированный Германией, для решения своих параллельных амбиций на Балканах, в Средиземноморье и в Африке.

Как только стало ясно, что Италии предстоит участвовать в мировой войне на стороне Германии, фашистское руководство ограничилось объявлением маловразумительной позиции *non belligeranza* (неучастия в войне) и продолжило политику маневрирования между великими державами. Неожиданно стремительное продвижение нацистской армии на Западном фронте склонило Муссолини к принятию решения о скорейшем вступлении в войну. Муссолини мало интересовал вопрос о боеготовности итальянских вооруженных сил. Важно было не опоздать воспользоваться преимуществами побед Германии.

Муссолини спешил вступить в войну до капитуляции Франции и надеялся на щедрую поддержку со стороны германского союзника в удовлетворении итальянских территориальных притязаний к Франции. Однако работа смешанной франко-германо-итальянской комиссии в связи с капитуляцией Франции не удовлетворила итальянскую сторону.

В тайне от своего союзника фашистское руководство приступает к реализации балканской части своей «параллельной стратегии» — нападению на Грецию. Увязнув в октябре 1940 г. в Греции и оказавшись перед необходимостью обратиться к Германии за военной поддержкой, фашистская Италия была вынуждена

расстаться с планами «параллельной стратегии». Отныне единая военная стратегия фашистских союзников осуществлялась из Берлина.

Исследование основывается на российских документах из Архива МИД и итальянских из Центрального государственного архива в Риме. В период работы в научных библиотеках Италии и в Историческом отделе генерального штаба сухопутных сил Италии автор имел возможность ознакомиться с публикациями итальянских дипломатических документов, мемуарами военачальников и дипломатов, исследованиями и ввести их в научный оборот. В российских библиотеках автор имел возможность ознакомиться и использовать публикации дипломатических документов Британии, Германии, Франции, США, СССР.

В завершение мне хотелось бы выразить признательность прежде всего своим российским учителям и коллегам. Одни из них оказали большое влияние на выбор научного направления и темы, другие своими исследованиями, критическими замечаниями и поддержкой влияли на исследовательский процесс. Это Иван Никанорович Чемпалов, Павел Юхимович Рахшмир, Георгий Семенович Филатов, Борис Рэмович Лопухов, Нина Дмитриевна Смирнова, Нелли Павловна Комолова, Лев Сергеевич Белоусов, Александр Иванович Борозняк, Валентин Александрович Буханов, Ирина Владимировна Григорьева, Юрий Сергеевич Кирьяков, Валерий Петрович Любин, Татьяна Петровна Нестерова, Станислав Иванович Рябоконь, Анатолий Гаврилович Чевтаев, Владимир Иванович Шихов, Ирина Александровна Хормач, Зинаида Павловна Яхимович.

С момента моей стажировки в Римском университете *La Sapienza* в далекие 1977–1978 гг. установился постоянный научный диалог с итальянскими коллегами, которым я безмерно благодарен за поддержку, критические замечания, поддержание высокой научной планки исследований внешней политики. Это Ренцо Де Феличе, Пьетро Пасторелли, Паола Брунду Олла, Брунелло Виджецци, Алессандро Витале, Адриано Гуэрра, Эннио Ди Нольфо, Розария Квартараро, Джампиеро Кароччи, Родольфо

Моска, Пьетро Нелье, Джузеппе Парлато, Маттео Пиццигалло, Джульяно Прокаччи, Ренато Рисалити, Энцо Сантарелли, Энрико Серра, Э. Серра, Лючио Чева. Это исследование не было бы полным без содействия генералов Ринальдо Крукку и Фернандо Фраттолило, в разные годы служивших начальниками исторического отдела Генерального штаба сухопутных сил Италии. Отдельная благодарность польскому исследователю Ежи Борейше.

Исследование логически и хронологически разделено на три тома. Первый охватывает период от прихода фашистов к власти до начала Второй мировой войны, второй — период «странной войны» и третий — от вступления Италии во Вторую мировую войну до нападения на Грецию.

Любой автор, занимающийся изучением международных отношений кануна Второй мировой войны, по завершении своего исследования выходит на мегавопрос: можно ли было ее избежать? В нашем случае изучение фашистской внешней политики подводит к выводу, что накануне Второй мировой войны не оказалось силы или блока сил, которые могли и хотели бы остановить скатывание мира к войне. В связи с этим мировая война стала неизбежной.

Глава 1

ФАШИСТСКАЯ ИТАЛИЯ В ВЕРСАЛЬСКОЙ СИСТЕМЕ (1922–1934)

*«Побежденная в лагере победителей». — Становление фашистской дипломатии. — Италия в европейской политике умиротворения. — Усиление государственного регулирования экономики. — Итальянская военная промышленность между двумя мировыми войнами. — Контроль над вооруженными силами и военное планирование. — Фашистская внешняя политика в тисках версальских договоренностей. — Объявление политики *peso determinante*.*

1.1. «Побежденная в лагере победителей»

Италия вступила в Первую мировую войну в 1915 г., сделав в последний момент правильный выбор в сторону Антанты, и, тем самым, по ее окончании обеспечила себе место в лагере победителей. Она получила значительные территориальные приращения по Сен-Жерменскому договору 1919 г., выгодное для себя соглашение с Югославией в Рапалло в 1920 г., расширение колониальных владений в Африке. Однако Италия не добилась гегемонии в Адриатике и преобладания в Средиземноморье, потерпела военное поражение в Албании и дипломатическое в Юго-Восточной Европе в связи с созданием ориентированной на Францию Малой Антанты¹. Значительная часть итальянского общества и политиче-

¹ Политический блок в составе Чехословакии, Румынии и Югославии. См.: Язькова А. А. Малая Антанта в европейской политике. 1918–1925 гг. М., 1974.

ских сил Италии от либералов до фашистов рассматривала итоги парижских мирных соглашений как *vittoria mutilata* (урезанную победу)¹.

Многие политические силы стремились использовать недовольство итогами версальского передела мира в своих интересах. Не последнее место среди них занимало фашистское движение.

Муссолини рано переметнулся на сторону тех, кто поддерживал вступление Италии в мировую войну, за что и был исключен из социалистической партии 24 ноября 1914 г. и, соответственно, снят с должности директора партийной газеты социалистов *Avanti!*²

К моменту прихода фашистов к власти в 1922 г. были определены важнейшие ориентиры их внешнеполитической программы в отношении Парижских мирных соглашений 1919 г., сформулированы общие цели экспансионистской политики. Это неудивительно, поскольку устойчивые связи между Муссолини и новой влиятельной финансовой и промышленной группировкой, которая добилась вступления Италии в Первую мировую войну на стороне Антанты, установились практически с момента его выхода из социалистической партии в 1914 г.

В общем хоре антигерманского интервенционизма звучал голос новой газеты Муссолини *Il Popolo d'Italia*, финансирование которой осуществлялось группами *Edison*, *Ansaldo*, оружейными заводами *Parodi*, Союзом сахарозаводчиков, крупнейшими банками *Banca italiana di sconto* и *Banca di Roma*.

В преддверии Парижской мирной конференции в 1919 г. фашистская *Il Popolo d'Italia* развернула яростную антиславянскую кампанию в связи с образованием государства южных славян. В газете звучали мотивы расового превосходства над славянами, претензии на полное господство в Адриатике и на территории соседних государств. В целом внешнеполитические цели — итальянская экспансия в ее различных формах и создание

¹ Смирнова Н. Д. Политика Италии на Балканах : Очерк дипломатической истории: 1922–1935 гг. М., 1979. С. 5.

² Любин В. П. Социалисты в истории Италии : ИСП и ее наследники. М., 2007. С. 159, 207.

империи — постоянно подогревались фашистской печатью. К примеру, на страницах *Il Popolo d'Italia* Муссолини утверждал 1 января 1919 г., что империализм является «вечным и неизменным законом жизни, он, в сущности, не что иное, как потребность и воля к экспансии, которую каждый индивидуум, каждый живущий народ содержит в себе». Фашисты провели ряд манифестаций в поддержку итальянских требований, выдвинутых на мирной конференции.

Для правящих политических и экономических элит путь империалистической экспансии являлся не единственным из рассматриваемых ими вариантов послевоенного развития Европы. В связи с этим обращает на себя внимание статья главы *FIAT* Дж. Аньелли «Европейская федерация, или Лига Наций», опубликованная в преддверии Парижской мирной конференции. В ней отмечалось:

Если действительно существует намерение сделать невозможным возврат к войне, то остается открытым один путь: федерация европейских государств под руководством центральной власти, которая управляет ими и правительствами. <...> Европейская федерация сможет нам предоставить осуществление самого экономического разделения труда с устранением всех таможенных барьеров... И гигантская трансформация национального рынка в континентальный рынок откроет перед промышленниками такую емкость рынка, промышленность получит такой гигантский импульс, которые сопоставимы с горизонтами, открывшимися перед американской индустрией после войны за независимость¹.

В связи с визитом президента США В. Вильсона в Италию *Il Popolo d'Italia* писала в 1919 г., что основание Лиги Наций должно предполагать в качестве определенного и предварительного условия «урегулирование национальных проблем», под которыми подразумевались «ясные и законные права, которыми Италия не может жертвовать». 16 февраля 1919 г. Муссолини разъяснял, что члены Лиги Наций должны находиться в положении «экономического и юридического равенства». Если останутся

¹ Цит. по: *Mori G. Il capitalismo industriale in Italia. Roma, 1977. P. 133* (здесь и далее перевод с итальянского мой. — В. М.).

«буржуазные» и «пролетарские» нации, то прочность отношений между ними и солидарность не смогут длиться вечно.

Здесь необходимо заметить, что требование «равенства» между нациями не следует понимать буквально. Имелось в виду равенство только между нациями, достигшими самого высокого уровня цивилизации, между которыми и возможно установление сообщества народов, основанного на равенстве и справедливости. В другом случае Муссолини высказывался в пользу союза между пятью господствующими в мире нациями, имея в виду США, Англию, Францию, Италию и Японию¹.

Американский историк Дж. Миллер считает, что США отводили Италии важную, если даже не основную роль в усилиях по созданию «стабильного» международного порядка. В период своей поездки в Италию Вильсон стремился убедить правительство этой страны принять американские условия «справедливого мира». Поскольку Вильсону не удалось достичь этого, отмечает Миллер, он решился на конфронтацию с Италией на Парижской мирной конференции, не поддержав ее притязания в полном объеме².

Для оказания нажима на Италию США использовали проблему военных долгов. К моменту перемирия военные долги Италии Соединенным Штатам составили 1 млрд 31 млн долл., Великобритании — 1 млрд 855 млн, Франции — 75 млн долл.³. До мировой войны доля США в итальянском импорте равнялась 13–15 %, в 1916–1919 гг. она возросла примерно до 40 %. США превратились в основного поставщика оружия и зерновых Италии⁴.

Вопрос об уплате Италией военных долгов правительство США поставило тотчас после прекращения военных действий. Уточнению могли подлежать лишь вопросы о сроках окончательного погашения долгов. На предоставляемые займы были установлены довольно высокие проценты, и условиями регламентировалось их

¹ См.: *Rumi G.* Alle origini della politica estera fascista: 1918–1923. Bari, 1968. P. 191.

² *Miller J. E.* Strategia della stabilizzazione : Gli Stati Uniti e l'Italia. 1917–1950 // *Storia contemporanea.* 1984. № 4. P. 751–752.

³ См.: *Репарационный вопрос и военные долги.* М., 1933. С. 5.

⁴ См.: *Mori G.* Il capitalismo industriale in Italia. P. 246–247.

погашение золотом, а не товарами¹. Отказ со стороны Великобритании в феврале 1919 г. и спустя пять месяцев со стороны США в предоставлении кредитов Италии усугубил ее экономическое положение².

Республиканская администрация У. Гардинга, пришедшая в США к власти в 1921 г., разделяла многие из целей Вильсона в отношении Европы, однако намеревалась достичь их иными средствами. Она отвергла Лигу Наций в качестве инструмента международного порядка. Основная ставка, по мнению Дж. Миллера, была сделана на создание международного валютно-финансового сообщества под эгидой американских банков. Сущность политики стабилизации заключалась в предоставлении американских кредитов иностранным государствам на условиях выплаты ими военных долгов, приведения национальных валют к золотому стандарту, установления согласованных таможенных тарифов, благоприятствующих устойчивому международному торговому обмену³.

Дж. Мигоне приводит сведения о том, что в апреле 1922 г. посол США в Риме информировал госдепартамент о готовности деятелей либерально-демократического толка Ф. Нитти и Л. Стурцо взять власть в свои руки в Италии при условии финансовой помощи США. Итальянский историк пишет, что это обращение было оставлено без внимания. Американские банки предпочитали выжидать становления политической стабилизации в Италии, чтобы не подвергать риску свои капиталовложения.

Когда выяснилось, что Италия не занимает в Версальской системе того места, на которое рассчитывало ее руководство, фашисты не скрывали своего разочарования. Муссолини отмечал:

Я всегда верил в то, что Лига Наций станет предприятием, в котором все будет общим: колонии, сырье, вооружение, деньги.

¹ См.: Громыко А. А. Внешняя экспансия капитала. История и современность. М., 1982. Гл. 31.

² См.: Candeloro G. Storia dell'Italia contemporanea. Milano, 1978, 1981. Vol. 8–9. Vol. 8. P. 225–226.

³ См.: Miller J. E. Strategia della stabilizzazione : Gli Stati Uniti e l'Italia. P. 752–753.

Однако, вопреки ожиданиям, она предусматривает выгоду лишь немногим¹.

Фашистская печать провоцировала антиверсальские настроения, недоверие к международным институтам, обвиняла бывших союзников в эгоизме, утверждала, что полагаться следует только на собственную силу и что именно фашизм ставит своей целью укрепление военного потенциала.

«Корабль войны, — писала 26 июля 1919 г. *Il Popolo d'Italia*, — это лучший инструмент внешней политики...» В феврале 1920 г. *Il Popolo d'Italia* выдвинула требования пересмотра Версальской системы. «Слово “ликвидация” договоров нам не нравится, — писала газета, — мы предпочитаем говорить о “ревизии” и добавляем, что двумя основными пунктами ревизии являются компенсации и колонии».

Фашистские экспансионистские планы были выдвинуты Муссолини в его речи 20 сентября 1920 г. в местечке Пола. В ней район Средиземного моря был назван центром итальянской экспансии. На Италию, по замыслу Муссолини, возлагалась роль связующего «моста между Западом и Востоком». Речь Муссолини была пронизана расистскими антиславянскими выпадами, в ней содержались угрозы в адрес Югославии и претензии на территорию Далмации. В заключение Муссолини призвал вооружаться².

1.2. Становление фашистской дипломатии

Приход фашистов к власти в октябре 1922 г. произошел прежде всего потому, что в политической ситуации «паралича» традиционных партий и угрозы прихода коммунистов к власти они были наиболее подготовлены к отстаиванию интересов итальянского империализма на международной арене и широкого круга политических и экономических сил внутри страны. Идеология

¹ Rumi G. Alle origini della politica estera fascista. P. 20.

² См.: Mola A. L'imperialismo italiano. Roma, 1980. P. 197–202.

и политика фашистского режима были эклектичными. Единственное, о чем можно говорить уверенно, они всегда были антилиберальными и антимарксистскими¹.

Оценивая внешнюю политику фашистского правительства в 1920-х гг., П. Тольятти обращал внимание на предопределенность столкновения Италии с другими империалистическими государствами на почве передела мира. Иного решения, кроме как попытаться разорвать сложившуюся систему, у итальянского империализма не было. Тольятти писал, имея ввиду Италию:

Вот почему в ее внешней политике не прослеживается единой линии, а она руководствуется директивами, изыскивающими самые разнообразные пути для использования противоречий и соперничества в капиталистической Европе, играет на тех или иных противоречиях, чтобы создать благоприятную обстановку для осуществления притязаний итальянского империализма².

Даже если согласиться с тезисом П. Тольятти о «предопределенности» ревизионистской политики фашистской Италии, он не исключал использования режимом иных, кроме военных, форм и методов реализации внешнеполитических целей.

Важное значение для понимания фашистской внешней политики имеет то обстоятельство, что период «освоения» фашистами управления внешней политикой занял достаточно продолжительное время. В связи с этим исследователь и карьерный дипломат Ф. Дж. Орсини ставит вопрос о том, какое определение было бы правильно использовать — «фашистская дипломатия» или «итальянская дипломатия в эпоху фашизма»? По его мнению, ответы на эти вопросы не являются легкими, и в любом случае их надо разводить во времени. Кроме того, он предлагает уточнить, о каких исполнителях может идти речь. О карьерных дипломатах, находившихся на дипломатической службе, или о лицах и структурах, которые участвовали в формировании внешней политики, но

¹ Михайленко В. И. Итальянский фашизм 90 лет спустя: актуальность исторического феномена // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 3, общественные науки. 2013. № 1. С. 8.

² Togliatti P. Opere. Roma, 1979. Vol. 2. P. 142–147.

принадлежали, например, к иным государственным органам или к фашистской партии. Наряду с партийной дипломатией, Муссолини поддерживал активные связи с европейскими лидерами посредством «тайной дипломатии» через доверенных лиц. С приходом фашистов к власти увеличилось количество акторов итальянской внешней политики¹.

Ф. Дж. Орсини выделяет несколько этапов фашизации итальянской дипломатии в 1922–1943 гг. Первый этап — с 1922 по 1929 г., когда происходила «умеренная» фашизация МИД Италии. Вторым — 1929–1936 гг., когда должность министра иностранных дел занимал Д. Гранди, и затем пост был передан Муссолини. Третий — с июня 1936 по февраль 1943 г., когда должность занимал зять Муссолини Г. Чиано. Четвертый — от отставки Чиано в феврале до отставки Муссолини 25 июля 1943 г.²

Вплоть до 1926 г. важную роль в формировании и исполнении итальянской внешней политики играл Генеральный секретарь МИД Италии С. Контарини, который в своем лице обеспечивал преемственность между дофашистской и новой фашистской дипломатией. С. Контарини и его ближайшие сподвижники в МИД Италии опирались на поддержку итальянских националистов³.

На наш взгляд, точку в дискуссии относительно взаимоотношений между «старой» и «новой» итальянской дипломатией и персональной роли Контарини поставил один из руководителей комиссии по публикации итальянских дипломатических документов Дж. Кароччи. Он пишет, что итальянские дипломатические документы не позволяют с точностью отнести все то, что было положительным во внешней политике, к заслугам Контарини, а все отрицательное повесить на Муссолини⁴.

¹ См.: *Orsini F. G.* La diplomazia fascista. URL: <http://www.dispi.unisi.it/sites/sito06/files/allegatiparagrafo/22-05-2013/wp19.pdf> (дата обращения: 22.05.2013).

² Ibid. P. 8.

³ См.: *Orsini F. G.* La diplomazia italiana dagli «anni del consenso» al crollo del regime. URL: <http://www.assdiplar.it/documentprogr/diplomaziafascista.pdf> (дата обращения: 22.05.2013).

⁴ *Carocci G.* La politica estera dell'Italia fascista (1925–1928). Bari, 1969. P. 19.

На самом деле С. Контарини вел «свою» внешнюю политику в строгом согласии с Муссолини, который в этот период совмещал пост главы правительства с постом министра иностранных дел. Можно с уверенностью говорить о том, что по поручению Муссолини генеральный секретарь вплоть до 1925 г. сконцентрировался на отношениях с Дунайской и Балканской Европой, Турцией и Советской Россией. В первые месяцы 1924 г. Италия признала новый советский режим и заключила два соглашения с Югославией и Чехословакией. Как результат — в политических кругах Италии стали поговаривать об оси Рим — Белград — Москва, пересекающейся с другой осью — Рим — Прага — Москва. Целью той политики являлось не только использование СССР в качестве противовеса Великобритании, но и усиление итальянских позиций в отношении Франции, инициировавшей Малую Антанту. С целью достижения своих целей Италия стремилась втянуть СССР в европейские дела¹. Муссолини с конца 1925 г. отводил СССР важную роль в своей политике ревизии Версальских договоров².

Дж. Кароччи отмечает непоследовательность итальянской внешней политики, смену славянофильских отношений на враждебность по отношению к Югославии. Итальянский историк, в частности, объясняет высадку итальянских войск на Корфу в 1923 г. не только результатом антигреческой враждебности, но и попытками принудить Югославию к соглашению с Италией. В январе 1924 г. был подписан Римский пакт между Италией и Югославией. Дж. Кароччи обращает внимание на обострение разногласий к 1925 г. между Муссолини и Контарини и не исключает, что последний, вопреки личным убеждениям, под угрозой отставки исполнял указания Муссолини по нагнетанию отношений с Турцией³. В этот период внешняя политика Италии определялась

¹ См.: *Хормач И. А.* СССР — Италия. 1924–1939 гг. : (Дипломатические и экономические отношения). М., 1995. С. 10–11 ; *Carocci G.* La politica estera dell'Italia fascista. P. 19.

² *Pizzigallo M.* Mussolini e il riconoscimento de jure dell'U. R. S. S. // *Storia e politica.* 1977. № 3. P. 504.

³ См.: *Carocci G.* La politica estera dell'Italia fascista. P. 22–24.

скорее по ситуации. Полпред СССР в Италии К. К. Юренев в донесении в Народный комиссариат иностранных дел (НКВД) предупреждал, что «политика Италии глубоко конъюнктурна»¹.

Сегодня точка зрения авторитетного исследователя дипломатической школы М. Тоскано об «импровизационном» характере фашистской внешней политики, обусловленном непредсказуемой деятельностью только «одного человека», не находит в историографии большого числа поклонников². К примеру, авторитетный исследователь и известный дипломат С. Романо считает, что внешняя политика Муссолини отражала «национальные интересы», а не была обусловлена «достижением престижных целей» и не была подчинена внутренней политике, как ранее утверждали некоторые историки. Внешняя политика, продолжает Романо, была «одновременно националистической и воспитательной». Основной целью фашистской внутренней и внешней политики являлось воспитание «нового человека». «Динамизм и энергия во внешней политике должны были убедить итальянцев в том, что они являются реалистичным народом, свободным от каких-либо предрассудков, а если станет необходимо, то и способным использовать насилие в сорелевском значении этого слова»³.

Основное отличие традиционной дофашистской внешней политики от муссолиниевской С. Романо видит не в ее содержании, а в стиле. «Будучи националистической, она (традиционная внешняя политика. — В. М.) не преследовала воспитательных целей, но исходила из того, что внешняя политика должна способствовать воспитанию нового человека»⁴. Напротив, в дипломатической практике Муссолини общественное мнение использовалось для того, чтобы делать внешнюю политику, а внешняя политика — чтобы формировать общественное мнение. Муссолини не только

¹ Хормач И. А. СССР — Италия. С. 26.

² См.: *Toscano M. Problemi particolari della storia della seconda guerra mondiale // Rivista di studi politici internazionali*. Firenze, 1950. № 3. P. 8–9.

³ *Romano S. [Prefazione] // Pizzigallo M. Mediterraneo e Russia nella politica italiana, 1922–1924*. Milano, 1983. P. XV.

⁴ Ibid.

стремился побеждать, но для него было главным всегда выглядеть победителем.

К элементам преемственности во внешней политике Италии С. Романо относит ее подчинение более могущественному союзнику, что проявлялось на протяжении всей истории страны. «Неудобная» международная позиция «просителя» определила выбор дипломатической тактики фашистской Италии — *peso determinante* (решающего веса)¹.

Понятие *peso determinante* было введено в политический оборот фашистскими дипломатами Д. Гранди и Р. Гуарилья. В 1973 г. автор многотомного исследования итальянского фашизма Р. Де Феличе ввел это понятие в научный оборот. Отправным пунктом его оценки внешней политики фашистского режима является утверждение, что поскольку Муссолини не писал трудов, подобных гитлеровской «Майн кампф», то у дуче не было какой-либо внешнеполитической программы как к моменту прихода к власти, так и в дальнейшем. Де Феличе выделяет два периода во внешней политике фашистской Италии. Первый — когда доминировали «национальные интересы», и второй — когда возобладали «идеологические интересы». Рубеж между ними он устанавливает в конце 1920-х — начале 1930-х гг. В первый период, по мнению Де Феличе, изменения коснулись лишь «стиля» внешней политики. В дальнейшем во внешней политике фашизма проявлялись ревизионистские тенденции, однако Муссолини «всегда исключал возможность конфликта в Европе»². Де Феличе пишет о стремлении Муссолини сохранить связи с версальской системой и придать Италии роль великой державы, ответственной и заинтересованной в поддержании порядка³.

Италия, по его мнению, не являясь великой державой, для достижения подлинного успеха во внешней политике должна

¹ Romano S. [Prefazione]... P. XVIII.

² De Felice R. Alcune osservazioni sulla politica estera mussoliniana // L'Italia fra tedeschi e alleati : La politica estera fascista e la seconda guerra mondiale. Bologna, 1973. P. 63.

³ De Felice R. Mussolini il duce. Torino, 1974. Vol. 1. P. 413–414.

была либо опираться на помощь подлинно великой державы, либо использовать противоречия между великими державами. Первый вариант Муссолини не мог принять в силу «престижных соображений». А второй он реализовал в рамках политики *peso determinante*. С его точки зрения, внешняя политика Италии основывалась на поддержании европейского равновесия, на равноудаленности Рима от Лондона и Берлина, на равной заинтересованности Италии в укреплении отношений с Англией, Францией и Германией. Под этим углом он рассматривает становление итало-германского сотрудничества после прихода нацистов к власти, которым отводится важное место по обеспечению «восстановления» за Германией роли второго полюса, без которого Италия не смогла бы выполнить свою роль в политике *peso determinante*¹.

Освещению колониальной политики фашизма Де Феличе отводит важное место в своих работах. В книге, написанной совместно с Л. Голиа, он утверждает, что «фашистский колониальный империализм является не второстепенной стороной общего развития фашизма и его истории, не просто приложением к внешней, военной или экономической политике, но определяющим элементом империалистической политики и силы фашистского государства с автономной спецификой, вытекавшей из особенностей эволюции самой колониальной реальности»².

Де Феличе выделяет четыре периода колониальной политики фашистской Италии. В первый, «переходный» период (1922–1926) фашисты не имели определенной программы в этой области, колониальной политикой занимались националисты. В этом он видит причину преемственности между «традиционным и фашистским империализмом». Отличие подхода либералов к колониальной политике от подхода фашистов, по мнению Р. Де Феличе, состоит в том, что первые делали ставку на силу, а вторые стремились «только к восстановлению власти метрополии над коренным

¹ De Felice R. Alcune osservazioni sulla politica estera mussoliniana. P. 65.

² De Felice R., Golia L. Storia fotografica del fascismo. Roma, 1981. P. XXVI.

населением колонии». Второй период (1927–1936) он определяет как время становления фашистской колониальной политики. Основным средством достижения колониальных целей на этом этапе являлся «мирный ревизионизм». Третий период, по его мнению, это время «апогея и вызревания» колониальной политики (1936–1940), который характеризуется ее окончательным оформлением и началом реализации. Наконец, четвертый период — «войны и поражения в Африке» (1940–1943) — Де Феличе рассматривает под углом изучения организации колониального мира по фашистской схеме или утверждения «нового колониального порядка»¹.

В мае 1925 г. заместителем Муссолини в МИД Италии был назначен его соратник по фашистской партии Д. Гранди. По мнению Дж. Кароччи, назначение Д. Гранди способствовало дальнейшей фашизации МИД Италии, выдавливанию из него дипломатов старой школы. Одной из первых жертв изменения кадровой политики стал сам С. Контарини, которого не спасла поддержка назначения Д. Гранди. 21 апреля 1926 г. он был отправлен в отставку. Дж. Кароччи не без оснований отмечает, что «во времена Контарини и в еще более акцентированной форме в последующем в Палаццо Киджи господствовала единственная воля — это воля самого Муссолини»².

Спустя два года после начала своей деятельности в МИД Италии Д. Гранди докладывал Муссолини, что внешнеполитическое ведомство стало одним из наиболее фашизированных государственных институтов. Это касалось не только рекрутирования членов фашистской партии в МИД, но и придания этому государственному органу новой роли во внутренней и внешней политике фашистской Италии. В связи с этим ставилась задача активного участия Италии в главных мировых проблемах³.

Под новые задачи изменялась структура МИД, появились новые структуры, и среди них Генеральная дирекция Восточной Европы

¹ См.: *De Felice R., Golia L. Storia fotografica del fascismo*. P. XIV–XV, XX–XXV.

² *Carocci G. La politica estera dell'Italia fascista*. P. 23.

³ См.: *Ibid.* P. 25.

и Африки, которую возглавил Р. Гуарилья. В сферу ее интересов вошло все Средиземноморье вплоть до Красного моря и Эфиопии. Одновременно осуществлялись попытки подчинения министерства колоний МИД Италии, а итальянские дипломатические представительства за рубежом получили задание активизировать профашистскую деятельность местных итальянских землячеств. Колониальная политика фашистской Италии рассматривалась как составная часть ее общей международной и, в частности, средиземноморской политики. Проблема национальной безопасности рассматривалась в контексте с итальянской экспансией в Восточном Средиземноморье. С точки зрения преемственности эта политика являлась продолжением традиций внешнеполитического курса А. Сан Джулиано (занимал пост министра иностранных дел в 1905–1906 и в 1910–1914 гг.), предусматривавшего итальянскую экспансию в направлении Африки, Средиземноморья, Адриатики и Балкан.

Дж. Кароччи отмечает различие между традиционной экспансионистской политикой Италии и фашистской экспансией. Первая вписывалась в схемы традиционной колониальной политики, которая опиралась на относительную европейскую солидарность и многостороннюю ориентацию итальянской внешней политики. Вторая была направлена на разрыв европейской солидарности с целью достижения территориальных притязаний¹.

Хронологическая граница между традиционной и фашистской колониальной экспансией, на наш взгляд, проходила примерно в 1933 г. Предложение Муссолини о заключении «пакта четырех» стало переходной формой к новой внешнеполитической стратегии. До вступления в войну в июне 1940 г. Муссолини стремился использовать динамичный баланс сил, который поддерживался сотрудничеством/соперничеством Великобритании, Франции и США. С 1933 г. место США в нем было замещено нацистской Германией.

¹ Carocci G. La politica estera dell'Italia fascista. P. 26.

1.3. Италия в европейской политике умиротворения

Начиная с принятия плана Дауэса, влияние американских банков в европейской политике возрастает неуклонно.

Начнем с того, что приход фашистов к власти в Италии был одобрительно встречен в правящих политических и деловых кругах США. В свою очередь, итало-фашистское руководство дало знать через одного из лидеров итальянского бизнеса А. Пирелли о поддержке американского плана реорганизации Европы и осудило позицию Франции в рурском конфликте. Возможно, с этого момента, предполагает итальянский исследователь Дж. Мигоне, США стали подходить к Италии как к участнику реорганизации версальского порядка¹. Захват итальянскими фашистами греческого острова Корфу в 1923 г. не изменил отношения США к Италии. Более того, попустительская позиция США ослабила возможность принятия решительных действий против агрессора.

В период с 1923 по 1926 г. США достигли соглашения с основными странами-должниками по вопросу о погашении военных долгов. В основу всех соглашений были положены американские требования. Англии была сделана скидка в 18 %, а Италии — в 68 %². Политические лидеры и банкиры действовали бок о бок в установлении тесных отношений между Италией и США. 16 мая 1923 г. состоялась встреча Муссолини с Т. Ламонтом, представителем финансового дома Дж. Моргана. Предоставление американских займов Италии обуславливалась политическими требованиями, которые в общем виде были связаны с принятием американских условий реорганизации европейского порядка. В свою очередь, в лице Т. Ламонта, который стал председателем итало-американской ассоциации сотрудничества, итальянский фашизм приобрел активного организатора профашистских кампаний в США³.

¹ См.: *Migone G. Gli Stati Uniti e il fascismo*. Milano, 1980. P. 50.

² Репарационный вопрос и военные долги. М., 1933. С. 7.

³ См.: *Migone G. Gli Stati Uniti e il fascismo*. P. 67.

Спустя несколько месяцев после того как Муссолини объявил о своем решении разрешить силой возникший в июне 1924 г. «кризис Маттеотти», американская комиссия по военным долгам получила директиву конгресса США пойти навстречу итальянским финансовым пожеланиям. Не без оснований Дж. Мори устанавливает связь между процессом укрепления фашистской диктатуры начиная с января 1925 г. и предоставления ей американских займов¹. На этот момент США располагали гигантскими золотыми резервами, составлявшими около половины всех мировых ресурсов².

В июне 1925 г. консорциум крупнейших банков США, возглавляемый Морганом, открыл кредит в 50 млн долл. правительству Муссолини с целью обеспечения им защиты лиры. Однако правительство США наложило вето на это решение, мотивировав его тем, что необходимо достижение полного соглашения о военных долгах. Нажим со стороны США на фашистское правительство сопровождался требованиями итальянской организации промышленников Конфиндустрии о смещении с поста министра финансов А. Де Стефани и назначении Дж. Вольпи на этот пост. 22 октября 1925 г. Дж. Вольпи отбыл в Вашингтон во главе делегации, в состав которой вошли Д. Гранди от МИД Италии и А. Пирелли от промышленников³.

14 ноября 1925 г. итальянская делегация подписала в США договор о возмещении военных долгов. Размер итальянского долга был установлен в 2 млрд 42 млн долл. с уплатой в течение 62 лет. Выплата итальянского долга была увязана с одновременным получением Италией репараций из Германии и Австрии. 27 января 1926 г. Дж. Вольпи и канцлер казначейства Великобритании У. Черчилль подписали соглашение о выплате Италией военных долгов Великобритании на сумму 266 млн 750 тыс. фунтов стерлингов в течение 62 лет⁴. К моменту объявления президентом США

¹ См.: *Mori G.* Il capitalismo industriale in Italia. P. 247–248.

² См.: *Franzinelli M., Magnani M.* Beneduce : Il finanziere di Mussolini. Milano, 2009. P. 158.

³ Ibid. P. 162.

⁴ *Migone G.* Gli Stati Uniti e il fascismo. P. 105.

Г. Гувером в 1931 г. моратория на репарационные платежи Италия получила из Германии 1 млрд 300 млн марок и около 500 млн лир золотом из Австрии, уплатив по военным долгам США и Великобритании около 660 млн марок.

Соглашения по военным долгам не только устранили неопределенность, вызванную огромным долгом Италии, который рано или поздно необходимо было выплачивать, но прежде всего открыли дорогу американским займам, необходимым для финансирования государственной и частной деловой активности. С 1925 по 1928 г. США предоставили Италии 22 займа на общую сумму 316,5 млн долл., в 1929 г. — 364,6 млн долл. Сроки выплаты по займам устанавливались в пределах от 10 до 30 лет. По объему прямых американских инвестиций Италия вышла в Европе на четвертое место после Великобритании, Германии и Франции¹.

Предоставление Соединенными Штатами и Великобританией стабилизационных займов было обусловлено приведением национальных валют к «золотому стандарту»². Вопрос о вхождении Италии в сообщество «золотого стандарта» был решен после переговоров президента Федерального Резерва США Б. Стронга с Муссолини в мае 1926 г. в Риме³. Вплоть до 1929 г. министр финансов Италии и итальянские банки тесно сотрудничали с коллегами из США и Великобритании.

В 1924–1925 гг. к «золотому стандарту» были приведены валюты Германии и Великобритании. Франция, Бельгия и Италия, входившие в созданный до войны «латинский валютный союз», были подвергнуты сильнейшему нажиму со стороны Великобритании и США. В 1926–1927 гг. в результате целого ряда мероприятий, осуществленных правительством Муссолини, была проведена стабилизация итальянской лиры. Декретом от 21 декабря 1927 г. она была приведена к золотому паритету: 100 лир за 7,919 г золота. Курс лиры устанавливался в соотношениях 19 лир за 1 доллар или

¹ См.: *Candeloro G. Storia dell'Italia contemporanea*. Milano, 1981. Vol. 9. P. 107.

² См.: *Громыко А. А.* Внешняя экспансия капитала. С. 90–92.

³ См.: *Franzinelli M., Magnani M. Beneduce : Il finanziere di Mussolini*. Milano, 2009. P. 163.

92,46 за 1 фунт стерлингов (в отечественной и зарубежной литературе чаще используется понятие «квота 90»).

Дж. Канделоро, Дж. Фалько, М. Сторачи полагают, что введение фашистским правительством «квоты 90» произошло под нажимом США и означало включение фашистской Италии в «стабилизационную систему» в Европе, создаваемую под эгидой американского капитала¹. Муссолини использовал в пропагандистских целях введение «квоты 90», подавая это событие как решающую победу над могучими противниками².

На внутривластные последствия ревальвации лиры обращает внимание в своем исследовании Д. Прети. Он считает, что введение «квоты 90» повлияло на расстановку сил в правящем блоке промышленной и банковской олигархии и изменило направление процесса накопления капитала, который осуществлялся фашистским руководством. Жестокий удар был нанесен по рабочему классу, были ограничены экономические и политические претензии крупных аграриев, созданы предпосылки для ликвидации крупных смешанных банков, создавались искусственные препятствия для слабых промышленных и банковских групп, ликвидировались последствия послевоенного экономического бума, итогом которого явилось упорядочивание экономических инициатив и инвестиционных вкладов.

В целом новая фашистская политика благоприятствовала укреплению позиций наиболее передовых электротехнических, машиностроительных, автомобилестроительных, химических и металлургических компаний. Д. Прети полагает, что назначение в 1925 г. министром финансов Дж. Вольпи и министром экономики Дж. Беллуццо, авторитетных представителей Конфиндустрии, означало утверждение экономического и политического курса, целью которого являлось осуществление концентрации скудных экономических и валютных ресурсов страны, иностранных инвестиций на ограниченном пространстве в интересах влиятельных

¹ См.: *Candeloro G. Storia dell'Italia contemporanea*. Vol. 9. P. 117; *Falco G., Storaci M. Fluttuazioni monetari alla meta degli anni 20* // *Studi Storici*. 1975. № 1. P. 67.

² См.: *Franzinelli M., Magnani M. Beneduce* : Il finanziere di Mussolini. P. 168.

политических и экономических групп¹. Об этом пишет в том числе Ф. Де Феличе. Он считал наиболее важным элементом государственной политики фашистской Италии «общественную функцию накопления капитала и распределение доходов между частными капиталистическими группами»².

Выступая в палате депутатов 3 июня 1926 г., Дж. Вольпи указывал на необходимость создания сплоченного индустриального блока, ориентированного на оптимальное и разнообразное, взаимно дополняющее друг друга производство с тем, чтобы добиться полной международной автономии итальянской экономики³.

В 1922–1925 гг. улучшились показатели итальянского экспорта. Этому способствовали оживление международного рынка и временное снижение конкуренции со стороны Германии и Австрии в Центральной и Юго-Восточной Европе. В 1922 г. рост итальянского экспорта составил 12,4 %, в 1923 г. — 19,2 %, в 1924 г. — 6 %, в 1925 г. — 27,1 %.

Но не все было так просто. Анализируя структуру итальянского экспорта, М. Парадизи показывает низкую долю в нем «новых» товаров, в первую очередь машинного оборудования и транспортных средств. В целом структура итальянского экспорта уступала индустриально развитым странам, особенно США и Великобритании. Около 70 % экспорта составляли «типично итальянские товары» — овощи, цитрусовые, фрукты, вина, текстиль. Рост производства в Италии стимулировался преимущественно иностранными инвестициями, а не прибылью от экспорта. В 1922–1929 гг. дефицит внешнеторгового баланса колебался в пределах от 4,7 до 7,9 млрд лир⁴.

Д. Прети приводит объемы иностранных заимствований, полученных Италией в период с 1925 по 1930 г., которые составили

¹ Preti D. *Economia e istituzioni nello Stato fascista*. Roma, 1980. P. 102–103, 106.

² *Stato e capitalismo negli anni trenta* / F. De Felice, G. Marramao, M. Trinti, L. ; Villari ; Roma, 1979. P. 92–96.

³ См.: Preti D. *Economia e istituzioni nello Stato fascista*. P. 109–110.

⁴ *L'economia italiana nel periodo fascista* / a cura di P. Ciocca e G. Toniolo. Bologna, 1976. P. 117, 189, 280, 283.

примерно 8 млрд лир¹. Из них *FIAT* получил 10 млн долл., а львиная доля (около 30 %) была предоставлена электроэнергетическим обществам. Дж. Мори обращает внимание на пока еще недостаточно исследованную тему в связи созданием в 1927 г. под американским руководством и с американским капиталом нового холдинга *Italian Superpower Corporation* с центром в Делавере и капиталом в 30 млн долл. С итальянской стороны в него вошли *Edison*, *Montecatini*, *Banca commerciale* и др.²

Финансово-экономические мероприятия, осуществленные правительством Муссолини при поддержке американского капитала, стали одним из важнейших условий внутренней и международной стабилизации фашистского режима. Был дан сильный толчок концентрации производства. С 1918 по 1927 г. происходило 16 поглощений акционерных обществ в год, а в 1928 г. — 106, в 1929-м — 102, в 1930-м — 107. В 1916 г. 0,29 % акционерных обществ владели 19,03 % всего акционерного капитала, а в 1932 — 0,89 % акционерных обществ — 51,7 % капитала; в 1941 — 0,67 — 60,6 %³. Четыре крупных электроэнергетических общества — *Edison*, *Bastogi*, *La Centrale*, *Adriatica di elettricità* — стали сердцевиной нового монополистического блока, пришедшего на смену группе «смешанные банки — металлургические кампании».

С 1926 по 1932 г. мощность электростанций возросла с 3 млн 40 тыс. кВт/ч до 5,3 млн. Развитие электроэнергетики дало импульс машиностроению, металлургии, электротехнике. Вместе с тем несбалансированность развития электроэнергетики по сравнению с другими отраслями была причиной глубоких искривлений в производственной структуре, отрицательно сказывалась на финансовом равновесии Италии. В период глубокого экономического кризиса капиталы вкладывались в гидроэлектростанции, производственные мощности которых превосходили потребности рынка (в 1931 г. потреблялось 63 % производимой электроэнергии). Однако цены на электроэнергию поддерживались государством на

¹ См.: *Preti D. Economia e istituzioni nello Stato fascista*. P. 107.

² См.: *Mori G. Il capitalismo industriale in Italia*. P. 260–261, 328.

³ См.: *Ibid.* P. 233.

стабильно высоком уровне¹. Предпринятые меры государственно-монополистического регулирования и иностранные инвестиции обеспечили в 1926–1929 гг. высокие темпы экономического роста: соответственно 165,8, 163,0, 182,9, 204,5 %². Наряду с электроэнергетикой отмечался значительный рост цементной и строительной индустрии, химической промышленности. Особенностью развития итальянской промышленности на рубеже 1920–1930-х гг. являлась ее преимущественная ориентация на внутренний рынок, но не на массовое потребление, а на государственные заказы.

Состав палаты депутатов, избранной в соответствии с новым законом в марте 1929 г., отвечал новой расстановке финансовых и экономических сил в Италии, отразил утрату аграрным сектором политической и экономической власти. По данным 1932 г., четыре крупных электроэнергетических холдинга имели в своих административных советах 40 сенаторов и депутатов, а группа страховых обществ — 40, группы химических, текстильных и машиностроительных компаний — от 25 до 30 каждая³.

Мировой экономический кризис 1929–1932 гг. подверг серьезному испытанию политику «умиротворения» Европы. Он привел к расстройству международной торговли, вызвал резкое падение товарного вывоза и обострил проблему рынков⁴. В тяжелом положении оказалась валютно-финансовая система капиталистических государств. В сентябре 1931 г. ведущие банки США, Великобритании и Франции отказались от «золотого стандарта». Главные капиталистические страны оградил экономику метрополий и колоний высокими таможенными барьерами от остального мира. Начинается экономическая и торговая война между «жизненными пространствами».

Начиная с 1931 г. происходит снижение поступлений в государственную казну Италии (в 1933–1934 финансовом году они

¹ См.: *Preti D. Economia e istituzioni nello Stato fascista*. P. 117–119.

² См.: *Guarneri F. Battaglie economiche tra le due grandi guerre*. Milano, 1953. Vol. 1. P. 161.

³ См.: *Preti D. Economia e istituzioni nello Stato fascista*. P. 105.

⁴ См.: *Громыко А. А. Внешняя экспансия капитала*. С. 150.

сократились на 2,5 млрд лир по сравнению с предшествующим периодом). Одной из причин снижения поступлений являлось сокращение экспорта товаров. В 1935 г. итальянский экспорт составлял чуть более трети от уровня 1929 г. В 1930 г. 35,3 % итальянского экспорта направлялось в развитые капиталистические страны — Францию, Великобританию, США, которые в годы экономического кризиса приняли меры к ограничению импорта¹.

В 1931 и 1932 г. Италия добилась заключения двусторонних торговых соглашений на основе безвалютного расчета (клиринга) с рядом стран Центральной и Юго-Восточной Европы.

Но особенно возросло значение Германии во внешней торговле Италии. Германские поставки машинного оборудования составили в итальянском импорте в 1932 г. 53,2, а в 1938 — 65,4 %. Одновременно сократились поставки этих товаров из Франции — с 5,5 до 1,6 %, из Великобритании — с 15,1 до 7,9 %. В 1930-х гг. доля Германии во внешней торговле Италии выросла до одной четверти².

Наряду с сокращением валютных поступлений от экспорта Италия лишилась некоторых других важных источников финансирования. В июне 1931 г. правительство США объявило о годичном моратории на выплату Германией репараций. США заявили о готовности предоставить временные льготы странам-должникам, однако отказались отменить военные долги. В 1933 г. Великобритания и другие должники США в одностороннем порядке прекратили выплаты по военным долгам.

В годы мирового экономического кризиса прекратился поток американских капиталов в Европу, а после кризиса он начал направляться в неевропейские страны³. В результате мирового экономического кризиса начал разрушаться валютно-финансовый и торгово-экономический механизм, созданный в период «стабилизации». «Версальско-вашингтонская система стояла

¹ См.: *L'economia italiana nel periodo fascista*. P. 296.

² *L'economia italiana nel periodo fascista*. P. 300–305 ; *Repaci F. A. La finanza pubblica italiana nel secolo 1861–1960*. Bologna, 1962. P. 142.

³ См.: *Громыко А. А.* Внешняя экспансия капитала. С. 131, 150.

перед крахом... Складывались условия для новых военных столкновений с целью передела мира», — отмечается в «Истории дипломатии»¹.

Мировой экономический кризис внес изменения в систему внешнего финансирования итальянской экономики, подорвал позиции итальянских банков. В связи с этим Э. Раджониери обратил внимание на утрату Италией двух наиболее существенных аспектов политики — финансово-экономического покровительства США и политико-дипломатической поддержки Великобритании².

Декретом фашистского правительства от 12 марта 1930 г. была установлена свобода валютного обмена, что привело к утечке золота и твердой валюты. В целях сохранения доверия мелких вкладчиков и осуществления операций по спасению банков правительство пыталось ценой крупных финансовых затрат сохранить «квоту 90».

Весной 1931 г. Великобритания прекращает привязку фунта стерлингов к «золотому стандарту». Италия понесла огромные потери, связанные с размещением своих значительных вкладов в ценных бумагах английских банков. Муссолини принял решение «отвязать» итальянскую лиру от фунта стерлингов и объявил введение «квоты 60», тем самым обостряя рецессию и кризис смешанных банков в Италии. Фашистское руководство и влиятельные финансовые круги переоценили скорую возможность возвращения фунта стерлингов и ведущих мировых валют к «золотому стандарту»³.

В связи с объявленной Германией неспособностью выплачивать репарации консорциум государств, завязанных на выполнение плана Юнга, проводит с июня 1931 по июль 1932 г. серию переговоров по внесению изменений в систему выплаты репараций и долгов. Переговоры завершаются достижением консенсуса

¹ История дипломатии : в 5 т. М., 1965. Т. 3. С. 537.

² *Ragionieri E.* La storia politica e sociale // *Storia d'Italia*. Torino, 1976. Vol. 4. T. 3. P. 213.

³ См.: *Franzinelli M., Magnani M.* Beneduce : Il finanziere di Mussolini. P. 176.

о фактическом закрытии плана Юнга. 12 июня 1933 г. в Лондоне открылась международная экономическая конференция, на которой была представлена итальянская делегация. Важнейшим итогом конференции явилась констатация ранее свершившегося факта, а именно ликвидации деятельности Банка международных урегулирований (*Bank for International Settlements*) как важнейшего международного института, связывавшего европейские и американские банковские и финансовые институты строгой регламентацией выплат долгов и репараций. Также не было достигнуто никаких соглашений относительно регулирования монетарной системы и постепенного демонтажа таможенных барьеров, созданных для защиты изолированных экономических пространств в связи с великой депрессией¹.

В этот период Италия пыталась через министра иностранных дел Д. Гранди выполнять роль связующего моста между США и Европой². Расчет строился на том, что США проявят инициативу в реорганизации валютно-финансовой и всей хозяйственной системы капиталистического мира, окажут помощь в оздоровлении положения в отдельных капиталистических странах.

Фашистское руководство намеревалось воспользоваться сложившейся обстановкой для улучшения своих международных позиций. Итальянское правительство одобрило мораторий на выплату репараций и долгов, предложенный президентом США Гувером. 4 июля 1931 г. министр иностранных дел Италии Д. Гранди сделал заявление американскому агентству *Associated Press*:

Я всегда был против намерения рассматривать мир разделенным на географические секторы. В ответе, сделанном год назад в отношении французского проекта экономической и политической пан-Европы, я открыто критиковал эту концепцию. Итальянское правительство всегда выступало против политики дистанцирования Европы от Америки. Эти два года кризиса показали необходимость

¹ См.: Ibid. P. 270.

² К примеру, П. Нелье считает Дино Гранди «проамериканским» министром иностранных дел. См.: *Neglie P. Un secolo di anti-Europa : Classe, nazione e razza: la sfida totalitaria*. Roma, 2003. P. 102.

солидарности не только между государствами нашего континента, но и между континентами¹.

Италия выступила против французского проекта пан-Европы, считая, что его целью является увековечивание послевоенного статус-кво. Одновременно она добивалась такой реорганизации Лиги Наций, которая позволила бы освободить ее от гегемонии Великобритании и Франции. В основе французского проекта, писал В. Гайда, заложена попытка сформировать европейский блок против США, отделить европейские государства от американского капитала и создать барьеры на путях экспорта США. Командные позиции в европейском объединении принадлежали бы Франции. По мнению Гайдy, после дискуссий в Женеве план Бриана вышел в измененном виде. Прежде всего, Германия отвергла попытки навязать ей новое Локарнское соглашение с более широкими обязательствами².

В связи с обсуждением этого проекта столкнулись французская и германская позиции. Первая была нацелена на закрепление послевоенного статус-кво, вторая — на ревизию и последующее разрушение всех пунктов договоров. В подходе к проекту пан-Европы позиция Германии заключалась в том, чтобы рассматривать его как «отправной пункт марша к новому порядку». В заключение своей пространной статьи В. Гайда отметил, что Италия рассматривает Лигу Наций в качестве эффективного инструмента, с помощью которого она намеревается защищать свои позиции³.

В статье А. Бруерс отмечалось, что Италия добивается «умиротворенной и спокойной Европы», для нее это означало бы получение колониальных компенсаций в соответствии с лондонским договором 1915 г., обеспечение статуса итальянцев в Тунисе, установление морского паритета, соглашение с Францией об эксплуатации Дунайско-Балканского региона⁴.

¹ *Cum. no: Migone G.* Gli Stati Uniti e il fascismo. P. 253.

² *Gayda V.* Evoluzione dell'idea paneuropa // *Gerarchia*. 1931. № 2. P. 119.

³ См.: *Ibid.* P. 124.

⁴ *Bruers A.* Civiltà asiatica e civiltà europea // *Gerarchia*. 1931. № 6. P. 442–443.

«Мы против закрытых систем как в политике, так и в экономике», — комментировала *Gerarchia* одно из выступлений Д. Гранди в феврале 1931 г.¹

За этими словами скрывалась растущая озабоченность фашистского руководства прогрессирующими изменениями в международной обстановке. В условиях глубокого кризиса версальских институтов шла перегруппировка политических сил, возникали новые планы и концепции международного развития, которые отражали эгоистические устремления отдельных стран, блоков или групп. Подписанный в марте 1931 г. австро-германский протокол о начале переговоров о таможенном союзе рассматривался в Италии как сигнал к началу осуществления широкомасштабной германской акции по ликвидации версальских договоров.

Автор статьи в журнале *Gerarchia*, скрывшийся под псевдонимом Минимус, указывал, что за австро-германскими переговорами о таможенном союзе могут последовать аншлюс, плебисцит по Саарской области и Данцигскому коридору, требования пересмотра вопроса о мандатах. Все это может означать возрождение традиционной для германского империализма политики экспансии на запад с целью установления господства в Европе и на восток за экономическое и военно-политическое подчинение территорий в духе политики *Drang nach osten*. В ближайшие годы, отмечал автор, наиболее реалистичным направлением германской экспансии может стать юго-восточное. В заключение автор статьи указывал, что итальянские интересы расходятся с германскими и французскими и скорее совпадают с английскими в обеспечении равновесия между Францией и Германией. В целом позиция Италии заключается в том, чтобы добиваться дальнейшей унификации европейской экономики. Одним из ее условий должно было стать создание европейского подкомитета по контролю за Австрией².

¹ Continuità e coerenza della politica estera fascista // *Gerarchia*. 1931. № 3. P. 263.

² *Minimus*. La Germania a Ginevra e a Chequers // *Gerarchia*. 1931. № 6. P. 459–470.

Выход из экономического кризиса связывался фашистским руководством с согласованными действиями ведущих европейских государств и США. Эта точка зрения была отражена в статье влиятельного фашистского экономиста Дж. Ариаса «Мировые экономические проблемы». Обратившись к проблеме движения капитала, он в качестве положительного примера сослался на позицию США и Великобритании, которые, несмотря на сокращение золотых запасов, сохраняли на достаточно высоком уровне вывоз капиталов. Эти страны, подчеркивал Ариас, играют решающую роль в оздоровлении мировой финансовой системы. Критике была подвергнута французская политика «экономической изоляции», проявившаяся в ограничении кредитов и других внешних финансовых обязательств и в наращивании золотого запаса. Отказ от военных долгов и репараций он рассматривал как неперемное условие решения экономического кризиса. По его мнению, положение в мировой экономике определял «кризис экономической организации либералистского типа, а не кризис капитализма»¹.

Под этим углом можно рассматривать многие внешнеполитические инициативы фашистского режима. В частности, итальянская дипломатия положительно отнеслась к советскому проекту пакта об экономическом ненападении, выдвинутом в 1931 г., усматривая в нем защиту принципа «экономического равенства государств»².

В ноябре 1931 г. итальянский министр иностранных дел Д. Гранди прибыл в США. В ходе визита он вынес на обсуждение ряд проблем: военные долги и репарации, безопасность, ограничение вооружений, экономическое сотрудничество. В отношении первой проблемы он подтвердил позицию Италии рассматривать во взаимосвязи проблемы военных долгов и репараций.

Позиция Италии по вопросам безопасности и вооружений была обусловлена ее стремлением к достижению равенства

¹ *Arias G. Problemi economici mondiali // Gerarchia. 1931. № 8. P. 643–650.*

² История внешней политики СССР : в 2 т. М., 1976. Т. 1. С. 265.

вооружений, в первую очередь с Францией, в ситуации, когда она не имела возможности в условиях кризиса направлять значительные суммы на гонку вооружений¹.

В интервью, которое Гранди дал по случаю встречи с видными деятелями финансового мира США, было сказано, что стороны обсудили проблемы финансового переустройства мира. «Гранди особенно отмечал необходимость придерживаться таких принципов, как стабилизация валют, свободный торговый обмен, финансовое сотрудничество»².

Выступая 10 декабря 1931 г. в фашистском сенате, министр иностранных дел Гранди дал высокую оценку той роли, которую правительство и деловые круги США играют в преодолении капиталистическими странами мирового кризиса. Однако последующее развитие событий не подтвердило оптимизм выводов министра. Одновременно *Gerarchia* опубликовала статью Дж. Ариаса, в которой выражалась озабоченность введением ведущими странами системы самозащиты.

Без сомнения, международное экономическое соглашение является основным условием для разрешения кризиса, но одно таможенное соглашение не может быть приемлемым, если оно не сопровождается всеобщим пересмотром экономических отношений...

— утверждал Ариас. Экономической изоляции и автаркии он противопоставлял «искреннюю и плодотворную международную экономическую солидарность»³.

В декабре 1931 г. была создана комиссия экспертов по германским репарациям. После отказа представителя США Стюарта занять место председателя на этот пост был избран итальянский делегат А. Бенедуче. Ввиду важной роли, которую играла Германия в системе *военные долги — репарации — кредиты*, комиссия рекомендовала в связи с пересмотром германской репарационной

¹ *Minimus*. Il viaggio del ministro Grandi in America // *Gerarchia*. 1931. № 12. P. 964.

² *Migone G.* Gli Stati Uniti e il fascismo. P. 262.

³ *Arias G.* La difesa goganale // *Gerarchia*. 1931. № 12. P. 991.

проблемы обсудить и принять меры, охватывающие всю совокупность финансовых и экономических вопросов, влияющих на мировой кризис. Дальнейшее развитие событий показало полный провал попыток международного урегулирования этих проблем.

Отставка 20 июля 1932 г. Д. Гранди с поста министра иностранных дел и его назначение послом в Лондон сигнализировали об исчерпании иллюзий относительно того, что сообщество ведущих государств во главе с США совместными усилиями реализует программу оздоровления мировой экономики и финансов. Отставку Д. Гранди и передачу портфеля министра иностранных дел вновь главе правительства Р. Гриспо, к примеру, рассматривает как показатель радикальных изменений во внешней политике фашизма¹.

Ведущие государства замкнулись в собственных экономических пространствах, отгородившись высокими таможенными барьерами.

Выступление президента США Ф. Рузвельта 3 июля 1933 г. не оставило никаких надежд на участие США в восстановлении доверия к мировой экономике. США уходят из Европы и концентрируются на спасении собственной монетарной и банковской системы.

Инвестиционный голод, вызванный сокращением американских займов Италии, ограничение экспортных возможностей в связи с принятыми протекционистскими мерами на мировом рынке и обострением межимпериалистической борьбы, нарушение механизма валютно-финансовых отношений создали новые условия для принятия внешнеполитических решений. Особенно повлиял на изменение международной обстановки приход нацистов к власти в Германии в 1933 г. После мирового экономического кризиса начинается новый этап во внешней политике фашистской Италии: ее руководство встает на путь военной ревизии версальских договоров и колониальных войн.

¹ См.: *Grispo R. Il Patto a quattro*. Roma, 1980. P. 118.

1.4. Усиление государственного регулирования экономики

Мировой экономический кризис и фактический распад экономической составляющей Версальской системы повлияли на реструктуризацию итальянской экономики, приспособленной для решения новых внутренних и международных задач.

В период с 31 декабря 1927 г. по 31 декабря 1934 г. валютные резервы Италии сократились с 12,1 до 4,9 млрд лир¹. Осуществленные государственные мероприятия по «оздоровлению» банков не дали ожидаемых результатов. Учрежденный в ноябре 1931 г. государственный финансовый институт *Istituto mobiliare italiano (IMI)* осуществил в течение года операции по спасению от краха акционерных обществ *Italgas, Terni*. Однако подобных единичных мероприятий было недостаточно для оздоровления экономики в целом.

В июне 1932 г. экономический кризис достиг в Италии высшей точки. В начале 1933 г. новый министр финансов Италии Г. Янг и доверенное лицо главы правительства А. Бенедуче разработали рекомендации относительно нового государственного института, которому поручались долгосрочное финансирование промышленности и стимулирование производства. Поворотным моментом экономической стратегии правящих сил являлось изъятие акций индустриальных обществ из владений банков и их холдингов. До этого около четырех десятилетий финансирование промышленности осуществлялось посредством кредитов или иных источников финансирования, поступающих от *Banca commerciale, Credito italiano, Banco di Roma*. В начале 1930-х гг. два крупнейших смешанных банка *Banca commerciale* и *Credito italiano* контролировали около трети средних и крупных предприятий итальянской индустрии.

¹ См.: *Guarneri F. Battaglie economiche tra le due grandi guerre*. Vol. 1. P. 167, 345.

В условиях экономического кризиса такая связь была губительной и для тех, и для других. В сентябре 1931 г. на рассмотрение правительства был вынесен подготовленный *Banca commerciale* проект оздоровления банковской системы в стране, который оставлял за банками роль основных кредиторов промышленности.

Однако в октябре был создан государственный институт при участии государственной казны под названием «Финансовое учреждение по контролю за национальной экономикой» (*Ente finanziario per il controllo dell'economia nazionale*). Одновременно Муссолини начал атаку на банковский капитал, обвиняя его в недостаточной защите национальных интересов перед угрозой экономического кризиса¹.

5 декабря 1931 г. Муссолини выступил с заявлением, в котором попытался разъяснить позицию правительства в связи с проведением мероприятий государственно-монополистического характера, вызвавших в обществе различные толкования. Относительно создания государственных регулирующих институтов Муссолини отметил, что речь идет о средствах энергичного приведения итальянской экономики к корпоративной фазе, т. е. речь идет о системе, которая соответствует в основном частной собственности и частной инициативе, но также стремится к тому, чтобы они развивались в рамках государства, поскольку, как заявлял Муссолини, только ему принадлежит право покровительствовать тому или другому, контролировать и стимулировать².

Мероприятия по государственному вмешательству Муссолини стремился представить как чрезвычайную временную меру, чтобы не усиливать беспокойство делового мира. Он избегал наращивания функционального аппарата, опасаясь, что это приведет к разбуханию бюрократических институтов государства, а также воспротивился проектам предоставления значительной и исключительной власти корпоративным органам, полагая, что ослабит

¹ См.: *Franzinelli M., Magnani M. Beneduce* : Il finanziere di Mussolini. P. 187, 190, 195, 196.

² Banche, industrie e l'Istituto Mobiliare Italiano // *Gerarchia*. 1932. № 1. P. 8.

позиции центральных органов и даст преимущества региональным и отраслевым.

23 января 1933 г. был учрежден государственный Институт промышленной реконструкции (IRI) (*Istituto per la ricostruzione industriale*), президентом которого Муссолини назначил А. Бенедуче. В руки Института был передан инвестиционный кредит, значительная часть акций металлургических, электротехнических, телефонных, газовых обществ, судоверфей, недвижимости. Государство-банкир стало контролировать 98 % банковского капитала, в руках государства-предпринимателя было сосредоточено 25 % промышленного капитала¹.

В связи с этим событием глава фашистского правительства писал своему министру финансов Г. Янгу:

...это будет означать поворот в нашей промышленно-экономической ситуации, мощно укрепит рынок, снимет давление на эмиссионные институты, активизирует рынок труда, перевозки, наконец, обменный курс позитивно скажется на государственном балансе.

Институт промышленной реконструкции установил контроль над банками, и через этот механизм — над значительной частью машиностроительных, металлургических предприятий, судостроением, электроэнергетикой и военной промышленностью². В конце 1933 г. А. Бенедуче доложил, что санация банков была проведена успешно. Муссолини высоко оценил деятельность главы Института промышленной реконструкции³.

Важно отметить, что в 1932–1933 гг. изменения коснулись многих сторон фашистской внутренней и внешней политики. Между этими изменениями можно установить определенную логическую связь. В 1932 г. Дж. Боттаи был смещен с поста

¹ См.: *Candeloro G. Storia dell'Italia contemporanea*. Milano, Vol. 9. P. 266 ; *Mori G. Il capitalismo industriale in Italia*. P. 34.

² *Franzinelli M., Magnani M. Beneduce : Il finanziere di Mussolini*. P. 215, 220, 230.

³ См.: *Ibid.* P. 221–222.

министра корпораций, и его портфель был передан Муссолини. Дж. Боттаи был одним из разработчиков проекта корпоративной системы. По его замыслу, министерство корпораций должно было осуществлять политическое руководство экономикой и ее программированием в качестве долговременной политики рационализации экономики¹.

В период с 1933 по 1937 г. сектор государственной собственности и государственного контроля существенно увеличился, к его управлению была подключена не фашистская политическая элита, а новая технократическая элита, верная фашистскому режиму. После введения автаркии и провозглашения империи Муссолини стремится ослабить роль партийной бюрократии и создать в качестве собственной опоры новый технократический класс². Р. Де Феличе, напротив, считает, что Муссолини был против формирования технократической (особенно корпоративной) прослойки, которая рано или поздно попыталась бы взять в свои руки управление государством³.

Во внутренней политике уходит на второй план идея социально-ориентированного (корпоративного) государства. В 1934 г. фашистские идеологи обратились к имперским и геополитическим мифам, заявив об их преобладании над социальными идеями. В дальнейшем обращение к теме корпорации носило скорей ритуальный характер⁴.

Мероприятия фашистского правительства были направлены на максимальную концентрацию накоплений в руках государства, на установление государственного контроля над рынком и обращением капиталов, на приоритет государственного инвестирования перед частным капиталом. Это было необходимо для осуществления инвестиционной политики в интересах ведущих

¹ См. об этом: *Bottai G. Vent'anni e un giorno*. Milano, 1977. P. 51, 54.

² См. об этом: *Franzinelli M., Magnani M. Beneduce* : Il finanziere di Mussolini. P. 243.

³ См. об этом: *De Felice R. Mussolini il duce*. Vol. 1. P. 11, 165–178.

⁴ См.: *Santomassimo G. Ugo Spirito e il corporativismo* // Studi storici. 1973. № 1. P. 63.

монополистических групп, для финансирования перевооружений и военных авантур фашистского режима. Государственная политика была направлена на максимальную мобилизацию внутренних сбережений. Рост государственных доходов происходил главным образом за счет увеличения чрезвычайных и обычных налогов. Дж. Мори отметил, что целями создаваемых фашистским правительством государственно-монополистических комплексов являлись «социализация убытков и приватизация прибылей»¹.

Итальянские исследователи расходятся в оценке результатов государственного регулирования итальянской экономики. К примеру, Л. Либертини и П. Грифоне придерживаются мнения, что фашизм смог обеспечить крупному капиталу социальную стабилизацию ценой экономической стагнации². Э. Фано Дамашелли призывает учитывать не только количественные, но и качественные оценки произошедших изменений и на их основе давать более объективную оценку экономическим изменениям в Италии³.

Концентрированным выражением нового экономического курса стало провозглашение Муссолини 23 марта 1936 г. политики автаркии. Касаясь одного из ее аспектов, можно согласиться с мнением М. Парадизи, что захват колоний отвечал классической концепции империи, рассматриваемой как расширение внутреннего рынка. В осуществлении колониальной экспансии были заинтересованы многие развитые отрасли итальянской экономики, которые не были связаны с внешним рынком или испытывали затруднения с выходом на него⁴.

¹ *Mori G.* Il capitalismo industriale in Italia. P. 322.

² *Fascismo e antifascismo nell'Italia repubblicana* / a cura di G. Quazza. Torino, 1976. P. 9; *Grifone P.* Il capitale finanziario. Torino, 1971. P. XXXVI.

³ *Fano Damascelli E.* La «restaurazione antifascista liberista»: ristagno e sviluppo economico durante il fascismo // *Il Movimento di Liberazione in Italia*. 1971. № 104. P. 59.

⁴ См.: *L'economia italiana nel periodo fascista*. P. 308–310.

1.5. Итальянская военная промышленность между двумя мировыми войнами

В годы Первой мировой войны итальянская военная промышленность, частная и находившаяся под контролем государства, вполне удовлетворяла потребности итальянских вооруженных сил. Более того, некоторые виды амуниции экспортировались в другие страны. К примеру, артиллерийские орудия экспортировались в Россию, Румынию, США. Взрыватели, зажигательные капсулы закупались Францией. Большое развитие в годы Первой мировой войны получило военное авиастроение, прежде всего в таких индустриальных группах как *FIAT* и *Ansaldo*¹. За годы войны капитал группы *Ansaldo* вырос с 30 млн до 500 млн лир, капитал группы *FIAT* увеличился в семь раз и достиг 200 млн лир².

После окончания Первой мировой войны контроль за военным производством осуществляла созданная еще в 1899 г. Комиссия по обороне, которая изменила только название, став в 1923 г. Верховной комиссией по обороне. В ее задачи входило решать насущные проблемы, связанные с военными потребностями. Ее возглавлял глава правительства Муссолини. В состав комиссии входили ведущие министры — военный министр, министры флота, иностранных дел, колоний, финансов, промышленности, а также начальники штабов трех родов войск. В конце 1925 г. в рамках комиссии были созданы Комитет по гражданской мобилизации, Комитет из представителей трех родов войск и Генеральный секретариат. Комитет по гражданской мобилизации имел свое представительство в министерстве национальной экономики и в военном министерстве. По существу, этот комитет стал прародителем будущего органа по руководству военной промышленностью.

¹ Ceva L., Curami A. *Industria bellica e Stato nell'imperialismo fascista degli anni trenta* // Nuova Antologia. 1988. № 2167. Luglio-Settembre. P. 318–319.

² Ceva L., Curami A. *Industria bellica e Stato nell'imperialismo fascista degli anni trenta*. P. 320.

Начиная с 1929 г. предприятия военной промышленности были обязаны запрашивать у руководства страны разрешение на любые изменения в производстве военной продукции. Руководство страны имело возможность регулировать военные заказы на итальянских предприятиях. Однако каждый из родов войск определял размещение заказов отдельно друг от друга. Были разработаны планы гражданской и военной мобилизации и созданы инструменты их осуществления.

В 1933 г. были созданы три мобилизационных центра — торговли, трудовых ресурсов и продуктов питания. В 1935 г. были сформированы еще девять структур гражданской мобилизации, среди них — специализировавшиеся по сырью, горючим материалам, электроэнергии, древесине, пропаганде, противовоздушной обороне и др.

Полное возобновление государственного контроля над военной промышленностью происходит только в 1935 г. В соответствии с декретом от 14 июля 1935 г. был создан Генеральный комиссариат по военному производству (*COGEFAG — Il Commissariato per le Fabbricazioni di Guerra*). Новая структура осуществляла руководство и контроль за исполнением мобилизационного закона «Нация в войне».

В феврале 1940 г. управление трудовыми ресурсами было разделено по возрастному принципу между министерством корпораций (граждане в возрасте с 18 до 70 лет), Национальной фашистской партией (граждане в возрасте с 14 до 18 лет и женщины в возрасте с 19 до 60 лет). Летом 1940 г. Комитет по гражданской мобилизации был распущен, и только год спустя летом 1941 г. многочисленные структуры были вновь объединены в отделе по координации гражданской мобилизации в непосредственном подчинении главе правительства¹.

В фашистской Италии под государственным контролем находились вся экономическая деятельность, научные исследования.

¹ Ibid. P. 321–323.

В 1923 г. был создан Национальный совет исследований (*CNR — Il Consiglio Nazionale delle Ricerche*), который вплоть до 1937 г. возглавлял Г. Маркони, затем маршал Бадольо и с 1941 г. профессор Валлаури. В задачи совета входили сбор научно-технической информации, продвижение исследований для публикации за рубежом, ведение базы данных на всех ученых, занимающихся военной тематикой, осуществление координационной работы. С провозглашением автаркии совет начал создавать разного рода межведомственные комиссии по разработке синтетических «суррогатов». До сих пор остается неясным невнимание комиссии к атомным делам, особенно к успехам с ядерными экспериментами, осуществленными группой Э. Ферми, а также к экспериментам с радаром, опыты над которым были произведены в 1935 г. и, наконец, в отношении реактивного самолета, первый экземпляр которого прошел летные испытания в 1940–1941 гг.¹

В конце 1933 г. государственный Институт промышленной реконструкции (*IRI*) контролировал 100 % военной металлургии (*Terni, Ansaldo-Cogne*), производства артиллерии (*Ansaldo, OTO, Armstrong*), а также добычи угля, до 90 % строительства военных судов (*Ansaldo, OTO, Cantieri Riuniti dell'Adriatico, Cantieri Navali del Quarnaro*), около 30 % производства локомотивов, более 40 % гражданской металлургии, около 30 % производства электроэнергии, вагонов и железнодорожных материалов, 20 % производства искусственного шелка и 13 % хлопка².

По части доли государственного присутствия в экономике только СССР превосходил фашистскую Италию. Государство пыталось проводить антимонопольную политику, «рубить» межкартельные сговоры, к примеру, в 1920-х гг. таковые существовали между группами *Terni* и *Ansaldo* о распределении государственных заказов и извлекаемой прибыли. В 1932 г. было подписано соглашение между *Ansaldo* и *FIAT* о том, что *Ansaldo* не будет заниматься производством наземных транспортных средств с двигателями

¹ Ceva L., Curami A. *Industria bellica e Stato nell'imperialismo fascista degli anni trenta*. P. 324.

² Minniti F. *L'industria italiana fra le due guerre. 1915–1945*. Milano, 1984. P. 187.

внутреннего сгорания, а также будет использовать для производства наступательной техники только двигатели производства *FIAT*. В свою очередь, *FIAT* не будет заниматься производством наступательной техники без согласования с *Ansaldo*. Это соглашение действовало в период всей Второй мировой войны. Военные, использовавшие средние танки производства *Ansaldo* и *FIAT* в период абиссинской и испанской войны, называли их «гробами на колесах». Штаб сухопутных сил пытался открыть внутренний рынок для боевой техники лучшего качества через получение лицензии от чешской *Škoda* и немецких заводов. Но продать монополизм *Ansaldo* и *FIAT* ему не удалось. Подобных примеров можно привести немало и по другим родам войск.

Л. Чева и А. Курами также отмечают роль социального фактора, когда производство заведомо неудачной военной продукции поощрялось государством лишь для того, чтобы сдерживать безработицу на производивших ее предприятиях. В частности, речь шла об упоминавшихся ранее средних танках группы *Ansaldo*.

Таким образом, делают вывод Л. Чева и А. Курами, «вся эта организация “нация в войне” и “гражданская мобилизация” со своими многочисленными комитетами и офисами лежала на земле, как гигантская оболочка, лишенная тела и, как мы увидим в начале войны, окажется навсегда забытой»¹. То же самое, считают авторы, можно отнести к провозглашенной Муссолини автаркии, реализация которой военными заводами осталась только на словах. Когда Муссолини в конце 1938 г. призвал к обновлению артиллерии, деньги на это были выделены государством, но ни *Ansaldo*, ни *OTO* не смогли выполнить военный заказ. Та же судьба постигла заказы на обновление артиллерии и др. Сравнивая периоды Первой и Второй мировых войн, авторы приходят к выводу, что в условиях конкурентной борьбы за новые военные заказы частные компании достигали производства конкурентоспособной на мировом рынке военной продукции. Либеральное государство,

¹ Ceva L., Curami A. *Industria bellica e Stato nell'imperialismo fascista degli anni trenta*. P. 332, 333, 335.

в отличие от фашистского, в военных приготовлениях проявило себя как более эффективное. Оно не было озабочено выполнением социальной или революционной миссии, не боялось проявить себя непопулярным, при распределении заказов опиралось на конкуренцию между частными производителями¹.

1.6. Контроль над вооруженными силами и военное планирование

После прихода Муссолини к власти взаимоотношения политической власти и военного командования находились в том же административном режиме, что и в дофашистский период.

Военное планирование исходило из возможности военного конфликта с Югославией или Францией, однако исключительно в качестве прелюдии к политико-дипломатическим переговорам.

В июньском 1925 г. номере журнала *Gerarchia* фашистский дипломат Р. Канталупо привлек внимание читателей к речи Муссолини в связи с реформой в итальянской армии. Возрастание роли Италии в мировой политике он связывал с укреплением ее военного потенциала. Великая держава, подчеркивалось в журнале, это та, которая способна к постоянной реализации своей национальной программы. Настоящую фазу итальянской внешней политики он определил в качестве «подготовительной»².

Первые оперативные военные планы военных действий против Югославии были разработаны в феврале 1926 г. В случае военной поддержки Югославии со стороны Франции был разработан план обороны Сицилии, Сардинии, острова Эльба, высадки на Корсике и сухопутной обороны на границе с Францией. В 1927 г. был разработан план вторжения в Австрию в случае возникновения угрозы независимости Австрии со стороны Германии. В последующие

¹ См.: Ceva L., Curami A. *Industria bellica e Stato nell'imperialismo fascista degli anni trenta*. P. 335–336.

² Cantalupo R. *Note sulla politica estera* // *Gerarchia*. 1925. № 6. P. 361.

месяцы происходили внесение уточнений и доработка военных планов.

Относительно возможностей реализации военных планов начальник Генерального штаба маршал Бадольо исходил из того, что военные приготовления «не должны рассматриваться абстрактно и на теоретическом уровне, но на основе конкретных факторов финансовых возможностей государства»¹.

Только в феврале 1927 г. Муссолини получил возможность установить юридический и административный контроль над военным планированием. Это произошло после разделения должностей начальника Генерального штаба и начальника штаба сухопутных сил. Первая осталась за маршалом П. Бадольо, вторую занял генерал Дж. Феррари. Маршал Бадольо, по существу, стал техническим консультантом главы правительства, который мог одобрить или отвергнуть разработанные им оперативные военные планы или план войны. По сравнению с предшествующим периодом новизна заключалась в том, что отныне глава правительства брал на себя полную ответственность не только за политическую, но и за военную подготовку к вооруженному конфликту². Если быть точными, то речь шла не о двух функциональных ответственностях главы правительства и начальника Генерального штаба, а об одной их общей ответственности за действия военно-политического характера.

Как образно выразился итальянский исследователь Ф. Минити, военный проект должна была готовить двуглавая химера, у которой политическая голова должна была быть такой же умной как военная. После провозглашения империи и введения званий маршалов для Муссолини и короля военные полномочия Муссолини расширились до Верховного командующего всеми вооруженными силами³.

¹ Цит по: *Minniti F.* Fino alla guerra : Strategie e conflitto nella politica di potenza di Mussolini. 1923–1940. Napoli, 2000. P. 42.

² См.: *Ceva L.* Appunti per una storia dello Stato Maggiore generale fino alla vigilia della «non belligeranza» (giugno 1925 — luglio 1939) // *Storia contemporanea.* 1979. № 2. P. 209.

³ См.: *Minniti F.* Op. cit. P. 17, 19–20.

С июля 1927 г. провозглашается новый курс в военном планировании.

В июле 1933 г. Муссолини забирает себе портфель военного министра, назначая своим заместителем генерала Ф. Байстрокки, который чуть позже станет начальником Генерального штаба сухопутных сил. Министром военного флота и начальником Генерального штаба флота назначается адмирал Д. Каваньяри, его коллегой по военной авиации — генерал Дж. Валле. Изменения в военной структуре означали, что в преддверии эфиопской кампании Муссолини дал понять, что он сам будет играть первую роль в ее организации. Из новых назначенцев первой жертвой неудач в абиссинской кампании стал генерал Байстрокки, снятый со своего поста в октябре 1936 г. Его преемником стал генерал А. Парияни¹.

Исследователь фашистской военной политики Л. Чева считает, что вплоть до 1934 г. военное командование не имело подготовленных планов большой войны, военное планирование ограничивалось уровнем отдельных вооруженных сил. Первая конкретная документация относительно военного планирования имеет отношение к сентябрю-октябрю 1934 г. в связи с австро-германским кризисом. Она предусматривала участие в войне против Германии на стороне Франции и Великобритании².

В 1934 г. новым словом итальянской военно-политической мысли стало провозглашение концепции стратегического единства (*Radunata strategica*), что, по существу, должно было привести к объединению под «стратегической волей» политического лидера всех ресурсов, необходимых для ведения войны, включая все виды военного планирования, мобилизации и принятия решений. Ставилась задача в течение пятнадцати дней с момента объявления военного положения завершить полную мобилизацию³. Другой вопрос — насколько удалось перейти от задуманного к реализации. 2 ноября 1936 г. Парияни направил маршалу Бадольо

¹ См. об этом: Ceva L. Le forze armate. Torino, 1981. P. 217, 223.

² См.: Ibid. P. 212.

³ См.: Minniti F. Fino alla guerra. P. 21.

документ, в котором констатировал, что пока удалось подготовить простые директивы для ориентации.

С 1934 г. в итальянских вооруженных силах произошли серьезные изменения, касающиеся новой структуры соединений, изменения униформы, определения перспективных видов вооружений и др. Не все из них оказались удачными и соответствующими последнему слову военной науки и практики¹. Сам Бадольо считал, что любой унифицированный план имеет смысл только тогда, когда можно с точностью определить вероятного противника и оценить его действия. Эта позиция была подтверждена в июле 1938 г., когда рассматривались гипотезы военных действий против Франции или Германии².

Новые подходы вызвали непонимание на уровне командующих округами, например, командующий военным округом Пада-нии генерал Э. Бастико попросил уточнить, к чему все-таки необходимо готовиться.

Таким образом, новые формы планирования военных операций не были совершенными. Возникало недопонимание того, в чем различие между оперативными планами и «единицами». Военные хотели иметь точные формулировки с указанием противника, количества вооруженных сил, мест дислокации, конкретных действий. Ф. Миннити приводит выдержки из военных директив следующего характера относительно одной из военных целей — Харрар (Харэр). «Один из главных центров антиитальянской пропаганды и контрабанды оружия» — так было сказано о нем в военном плане³. Итальянский исследователь обращает внимание на преимущественно штабной опыт военной карьеры Париани, который отметился участием в ливийской войне. За его спиной не было опыта Первой мировой войны. Париани должен был сделать невозможное — подготовить итальянские вооруженные силы против морской державы не только концептуально, но и политически, поскольку стратегия подчинялась сиюминутной

¹ См. об этом: *Ceva L. Le forze armate*. P. 219–222.

² См. об этом: *Minniti F. Fino alla guerra*. P. 23.

³ *Ibid.* P. 28.

политической конъюнктуре. «Отсюда абстрактность найденных решений в отношении как планирования, так и военного рас포рядка и доктрины», — заключает Ф. Миннити.

Строительство новой армии, предназначенной для маневренной войны, начинается в 1935 г. С 1939 г. планировалось выделить 5,5 млрд лир сроком на три года с тем, чтобы завершить модернизацию итальянских вооруженных сил с установкой на моторизацию дивизий¹.

Относительно будущей раскладки военных и политических сил на международной арене показательным является выступление Париани на совещании итальянских военных атташе в Риме 27–29 июня 1938 г.

Мы можем разделить государства на две категории: авторитарные и либеральные, ослабленные партиями и враждебными меньшинствами. Этим категориям отвечают соответствующие тенденции, демонстрирующие, кто реально стремится к империи... В своем синтезе ситуация отвечает двум военным ориентациям: статичные государства будут стремиться к обороне и контрнаступлению; динамичные страны — к наступлению, опираясь на теории наступления и принятия быстрых решений².

1.7. Фашистская внешняя политика в тисках версальских договоренностей

На рубеже 1925–1926 гг. произошло ослабление проанглийского вектора во внешней политике Италии, что было связано с двумя обстоятельствами.

Первым из них явилось разочарование итогами Локарнской конференции в октябре 1925 г. На конференции Муссолини демонстративно поддерживал инициативы Великобритании. Однако для него явился тяжелым ударом отказ Лондона распространить

¹ Цит по.: *Minniti F. Fino alla guerra*. P. 29.

² *Ibid.* P. 32.

гарантии на южную границу Германии, тем самым уменьшив вероятность аншлюса и германской экспансии на Балканы¹.

В апреле 1926 г. Муссолини совершил поездку в Ливию под аккомпанемент мощной антианглийской кампании. Подытоживая значение поездки Муссолини в Ливию, фашистский журналист Р. Канталупо выделял три основные цели: подтвердить историческое значение, которое фашизм придает африканской политике; углубить связь между Италией и мусульманским миром; повлиять на формирование в Италии массового колониального сознания². Еще более определенно оценил итоги поездки Муссолини в Ливию другой фашистский журналист Ф. Джерачи, который отметил, что Муссолини проявил себя в качестве настоящего *colonial man* (колониалиста). Италия должна делать свою политику в Ливии, восстановить позиции в Средиземноморье, превратить его в *mare nostrum*³.

Спустя месяц тот же автор указывал, что накануне Женевской конференции Италия ставит вопрос о пересмотре ее колониального статуса, о необходимости приведения его в соответствие с итальянскими политическими, экономическими и демографическими потребностями. В Африке и на Ближнем Востоке Италия добивается территориальных компенсаций. Установление в Италии официального «колониального дня» 21 апреля должно напоминать итальянцам об этих претензиях⁴.

Еще более обострились итало-британские отношения в связи с решением в июне 1926 г. чувствительного для итальянцев вопроса о Мосуле. Почти всю территорию Мосула турки передали Ирану, где сильными были позиции Англии. Значительно обострилось соперничество Италии с Англией и Францией на Балканах.

¹ См. об этом: Хормач И. А. СССР — Италия. С. 43.

² Cantalupo R. Politica e agricoltura nel Nord Africa // Gerarchia. 1926. № 4. P. 209–216.

³ Geraci F. Mussolini, «Colonial men» // Gerarchia. 1926. № 2. P. 139–140.

⁴ Geraci F. Il nuovo problema coloniale dell'Italia // Gerarchia. 1926. № 3. P. 205–207.

Италия стремилась ослабить французское влияние в Восточной Европе и создать собственную сферу влияния в этом районе.

Анализ итало-фашистской печати второй половины 1920-х гг. дает представление о том внимании, которое уделялось в ней межгосударственным отношениям. В июле 1926 г. влиятельный фашистский журналист В. Гайда выразил озабоченность в связи с тем, что возрастающая транснациональная картелизация угрожает поставить Италию в изоляцию. Гайда обратил внимание на установление Англией и США монопольного контроля над добычей сырья и создание ими искусственной нехватки первичных материалов. С нескрываемой озабоченностью он писал о создании европейского «стального треста», ведущие позиции в котором принадлежали французскому и германскому капиталу. Объем выпускаемой трестом продукции в четыре раза превышал мощности итальянской промышленности¹.

Спустя полгода Гайда с удовлетворением отмечал обострение франко-германских противоречий в «стальном тресте». Он указывал на провал французских попыток установить контроль над германской индустрией и отмечал возрастание экономической мощи Германии. Гайда призывал к восстановлению традиционных политических связей с Германией и усматривал в этом возможность для Италии добиться ослабления французского влияния в Центральной и Юго-Восточной Европе. Опираясь на германскую поддержку, Италия, по его словам, могла создать собственную систему господства от Австрии и Венгрии до Румынии и Албании. Общим для Италии и Германии являлось то, заключал Гайда, что они не считали урегулирование колониальных проблем окончательным².

Разнонаправленность внешней политики фашистской Италии проявлялась в ее отношении к Веймарской Германии. С начала 1920-х гг. фашистское руководство оказывало поддержку правым силам в Германии, в том числе национал-социалистам. С 1923 г. на территории Италии действовали филиалы

¹ См.: *Gayda V. Il risveglio della Germania e l'accordo con l'Austria // Gerarchia. 1926. № 7. P. 451–459.*

² См.: *Gayda V. La lotta per il centesimo // Gerarchia. 1927. № 2. P. 134–145.*

авиационно-конструкторских компаний *Junkers* и *Fokker*. С 1928 г. было установлено постоянное секретное сотрудничество между военно-воздушными структурами обеих стран¹.

Италии не удалось создать под своей эгидой балкано-дунайский блок, включавший Польшу, Чехословакию, Австрию, Венгрию, Румынию, Югославию, Болгарию, Албанию и Грецию. К этому можно добавить другие внешнеполитические неудачи Италии. Несмотря на ее противодействие, Германия получила место в Совете Лиги Наций. Произошло заметное ухудшение отношений с Англией, Францией и Германией².

Противоречивость внешнеполитического курса фашистской Италии в 1922–1932 гг. была обусловлена интеграцией страны в американскую систему стабилизации Европы. Фашистская Италия стала одним из объектов американской политики и в то же время одним из стабилизирующих факторов в Западной Европе. Отношение фашистского руководства к Версальской системе, в которую Италия оказалась интегрированной множеством связей, не было априорно отрицательным. Многое зависело от путей дальнейшей эволюции самой системы и формирования альтернативных ей концепций.

Во внешней политике фашистской Италии в 1920-х гг. сочетались «реалистичные», т. е. в духе политики «умиротворения» Европы, и ревизионистские по отношению к версальским договорам тенденции. В эти годы стабилизировалось балканско-дунайское направление во внешней политике, было заявлено о территориальных и колониальных претензиях в Африке, на Ближнем Востоке и в бассейне Средиземного моря, осуществлялась политико-экономическая экспансия в этих районах³.

В период подготовки Рейнского гарантийного пакта весной 1925 г. Г. Стреземан обозначил перед Италией проблему аншлюса

¹ См. об этом: *Petersen J.* Hitler e Mussolini : La difficile alleanza. Bari, 1975. P. 18, 21, 201, 231.

² См. об этом: *Хормач И. А.* СССР — Италия. С. 48–49.

³ См. об этом: *Смирнова Н. Д.* Политика Италии на Балканах. С. 10.

Австрии. По запросу Муссолини в июле 1925 г. ему был представлен первый план действий против Германии.

В период 1926–1930 гг. рассматривалась возможность итало-французского сближения на антигерманской основе. Более восьми раз в этот период итальянская сторона предлагала Франции заключить союз¹. С руководителем французской военной миссии генералом Гамеленом были обсуждены условия итало-французского сотрудничества, которые включали итальянские притязания на установление контроля над Эфиопией, блокирование продвижения Германии на восток и в сторону бреннерской границы, поддержку итальянских притязаний в Средиземноморье².

Рассматривая в качестве внешнеполитических приоритетов Средиземноморье и Балканы, фашистская Италия в начале 1930-х гг. приняла участие в переговорах с Лондоном и Парижем по проекту средиземноморского пакта. Начало переговорам положила Морская конференция в Лондоне 1930 г. В связи с конференцией состоялся обмен мнениями между Римом, Лондоном и Парижем относительно проблем безопасности в Средиземноморье. Италия добивалась полного паритета морских военных сил с Францией. Франция отказалась сокращать военно-морское строительство, противопоставив идею достижения соглашения по типу «Средиземноморского Локарно» о взаимных гарантиях. Среди новых предложений было оказание помощи в обход Лиги Наций стране, пострадавшей от агрессии³.

Со своей стороны Великобритания выдвигала идею «адриатического Локарно» — разновидности пакта о ненападении между Францией, Италией, Албанией и Югославией. Муссолини, в свою очередь, стремился к такому варианту соглашения, которое могло бы развязать ему руки на Балканах и в Средиземноморье. Италия продвигала планы итало-греко-турецкого соглашения в пику французской системе союзов на Балканах и в Восточном

¹ См. об этом: *Minniti F. Fino alla guerra*. P. 42.

² Ibid.

³ *Brundu Olla P. L'equilibrio difficile : Gran Bretagna, Italia e Francia nel Mediterraneo (1930–1937)*. Milano, 1980. P. 3, 15.

Средиземноморье. Соглашение между Италией и Францией не было достигнуто. Британское правительство не проявляло интереса к средиземноморскому пакту. Его задачей являлось достижение стабильности в зоне британских интересов¹.

В марте 1931 г. стало известно о подписании австро-германского таможенного союза. Это событие сблизило позиции Франции и Италии, в чьих взаимных интересах было ограничить германское продвижение в Австрию. Фашистское руководство стремилось воспрепятствовать экономическому аншлюсу посредством соединения итало-венгерского и австро-венгерского экономических соглашений и улучшением отношений с Белградом. 22 мая 1931 г. французское правительство предложило Италии заключение пакта о дружбе с условиями преодоления разногласий по военно-морским вопросам, а также заключение средиземноморского пакта с участием Великобритании в качестве гаранта морского судоходства и с расширением действия пакта на Адриатику. Оказание соответствующего давления на Белград для вовлечения Югославии в пакт Италия брала на себя². В апреле 1932 г. полным провалом завершились итало-югославские переговоры по достижению двустороннего соглашения. Югославия настаивала на гарантиях статус-кво в Адриатике и Центральной Европе, подразумевавшего отражение германской угрозы, с участием в них Франции. Италия, в свою очередь, ответила поддержкой югославских сепаратистов, покушавшихся на целостность югославского государства³.

1.8. Объявление политики *peso determinante*

Выступая на заседании фашистского Большого Совета 2 октября 1931 г., Муссолини признал, что Италия пока еще не созрела для того, чтобы самостоятельно выдвинуться для достижения

¹ См. об этом: *Brundu Olla P. L'equilibrio difficile*. P. 10–11.

² *Ibid.* P. 33.

³ См.: *Волков В. К.* Германо-югославские отношения и развал Малой Антанты: 1933–1939 гг. М., 1966. С. 14; *Brundu Olla P. L'equilibrio difficile*. P. 45.

победы. Однако, отметил он, европейские протагонисты не могут обойтись без нее. «Итальянская политика — это политика *peso determinante*», — заключил Муссолини¹. Этот тактический ход с использованием «решающего веса» в европейском балансе сил фашистское руководство использовало вплоть до поражения Франции в войне. Р. Де Феличе рассматривает политику *peso determinante* как проявление реализма и использование методов Макиавелли во внешней политике².

Ситуация изменилась в связи с выдвижением итальянской дипломатией проекта «пакта четырех», который нуждался в поддержке со стороны восточноевропейских стран. Наметившееся итало-югославское сближение в своих интересах попыталась использовать Франция, выдвинув проект экономического блока между странами, ранее входившими в Австро-Венгерскую империю. Его очевидной целью было предотвращение германского проникновения в Дунайскую Европу. В Риме не оценили позитивно этот проект, не без оснований рассматривая его также как направленный против Италии.

Неудача постигла итальянскую дипломатию в попытках заключения итало-греко-турецкого соглашения. Опасаясь итальянской экспансии в Восточном Средиземноморье и Черноморском бассейне, Турция пошла на заключение двусторонних соглашений с Румынией, Грецией и Югославией, вступила в переговоры с Болгарией и рассчитывала на советскую поддержку³.

Новый поворот в итальянской политике в Средиземноморье и на Балканах был связан с возрастанием германской угрозы в 1934 г.

Начало 1934 г. ознаменовалось рядом внешнеполитических успехов Германии. 26 января 1934 г. был заключен польско-германский договор о мирном разрешении споров и неприменении силы. За ним 21 февраля 1934 г. последовало

¹ De Felice R. Mussolini il duce. 1. Gli anni del consenso : 1929–1936. Torino, 1974. P. 378.

² См.: De Felice R. Mussolini il duce. P. 379.

³ См. об этом: Brundu Olla P. L'equilibrio difficile. P. 51.

подписание германско-венгерского экономического соглашения, которое открыло путь к установлению экономического контроля Германии над Балканской Европой. Следующим шагом стало сближение Германии с Югославией¹.

Убийство французского министра иностранных дел Л. Барту 9 октября 1934 г. положило конец французским планам связать между собой проекты Восточного и Средиземноморского пактов с целью обеспечения международной безопасности. Новый министр иностранных дел П. Лаваль сделал ставку на двусторонние договоренности. В январе 1935 г. было подписано соглашение Лавалья — Муссолини, которое открыло перспективы согласованных действий двух стран по колониальным вопросам, ситуации в Центральной, Юго-Восточной Европе и в Средиземноморье.

Не менее сложно складывалась для Италии политическая ситуация в Западном Средиземноморье. Политические изменения в Испании, связанные с отъездом 14 апреля 1931 г. короля Альфонса из страны, обострили итало-французские отношения. Фашистское руководство, имевшее доверительные отношения с испанской монархией, начало анализировать последствия возможного улучшения отношений между Парижем и Мадридом. В Риме подозревали о наличии секретного соглашения между Францией и Испанией о мирной передаче Балеарских островов Франции. Чтобы не допустить подобного развития событий, Италия провела летом 1932 г. военно-морские учения вблизи островов. Тем самым Италия добилась противоположного результата. В целях сдерживания итальянской экспансии в Западном Средиземноморье и в Северной Африке Мадрид поддержал французскую идею «средиземноморского Локарно». Согласно неподтвержденным германским источникам, в ходе визита в ноябре 1932 г. главы правительства Франции в Мадрид было достигнуто устное соглашение о сотрудничестве между испанским и французским генеральными штабами².

¹ Petersen J. Hitler e Mussolini. P. 281–282.

² См. об этом: Brundu Olla P. L'equilibrio difficile. P. 38.

Итальянский исследователь П. Брунду Олла считает, что фашистское руководство переоценило враждебность республиканского правительства Испании по отношению к Италии. Этим объясняется поддержка фашистским руководством испанских заговорщиков против республики и подписание в марте 1934 г. пакта с испанскими монархистами об их поддержке в борьбе против республиканского правительства¹.

Таким образом, слабость международных позиций фашистской Италии, военно-техническое отставание, неспособность ее экономики завоевать прочное место на мировых рынках подталкивали фашистский режим к использованию «архаичных» форм экспансии. Стремление создавать военно-политическими средствами своеобразные «охотничьи заповедники», т. е. колониальные зоны в определенных регионах, было, как пишет Дж. Кароччи, типичным для страны с ограниченными капиталами².

¹ См.: *Brundu Olla P. L'equilibrio difficile*. P. 41, 43.

² См.: *Carocci O. Appunti sull'imperialismo fascista negli anni '20* // *Studi Storici*. 1967. № 1. P. 126, 136–137.

Глава 2

НА ПУТИ К «ПАРАЛЛЕЛЬНОЙ» СТРАТЕГИИ МУССОЛИНИ (1933–1938)

Фашистские планы «нового порядка» в Европе. — Итальянская инициатива «пакта четырех». — Проект Восточного пакта и позиция Италии. — На пути к формированию политической оси Рим — Берлин. — Планирование итальянских военных операций и начало тройственных переговоров о военном союзе. — На пути к средиземноморскому урегулированию. — Англо-итальянское «пасхальное» соглашение 16 апреля 1938 г.

2.1. Фашистские планы «нового порядка» в Европе

С полным основанием 1933 год можно считать «началом конца» Версальской системы, по крайней мере, в том ее виде, в котором замыслили мирные договоры отцы-основатели. Мировой экономический кризис подорвал систему договоренностей и разрушил механизм управления торговлей, стабилизацией валют, репарациями и долгами, оставил Европу без внешних финансовых заимствований. В 1933 г. был дан толчок одностороннему изменению самой системы международных договоренностей со стороны основателей Версальской системы, прежде всего речь идет о начале переговоров о четырехстороннем пакте. Наконец, в 1933 г. к власти в Германии приходит Гитлер, чья деятельность с самого начала была направлена на ревизию версальских договоренностей.

В октябре 1933 г. Гитлер порвал с Лигой Наций, заявив о выходе из нее в одностороннем порядке.

Приход к власти Гитлера с не скрываемыми им планами продвижения, в том числе в направлении итальянских геополитических интересов, в Дунайскую Европу и на Балканы вызвал обеспокоенность в Риме.

Предвидя реконструкцию версальских договоренностей, Муссолини предложил собственный план европейского строительства. Впервые европейская идея была выдвинута на проведенной в 1932 г. под патронажем Муссолини международной конференции «Европа в современном кризисе». Конференция состоялась в год выдвижения проекта «пакта четырех» и должна была, по замыслу Муссолини, обсудить его концепцию «нового европейского порядка», в основу которой было положено, в частности, полное отрицание «абстрактного принципа равенства между великими и малыми государственными образованиями»¹.

В отечественной историографии первым исследовал фашистский вариант «европеизма» Б. Р. Лопухов. Он указывал на политические спекуляции фашистов на фразеологии и эмоциональном тоне буржуазно-демократической «европеистской» концепции Дж. Мадзини². Исследование выдающегося итальяниста Б. Р. Лопухова имеет значение уже потому, что несмотря на его оценку «спекулятивного» характера фашистского европеизма, он отмечает наличие самого феномена. Исследование было опубликовано в советский период, и маловероятно, чтобы цензура пропустила работу, в которой исследователь отмечает, что итальянский фашизм выдвигал собственный вариант европейского строительства. С другой стороны, в большинстве итальянских исследований, обращенных к теме строительства единой Европы, ее истоки находят исключительно в области либеральных буржуазных идей.

¹ *Cofrancesco D. Il mito europeo del fascismo, 1938–1945 // Storia contemporanea. 1983. № 1. P. 5.*

² См.: *Лопухов Б. Р. Фашистский и антифашистский вариант «европеизма» // Европа и Средиземноморье. М., 1986.*

Исследователь П. Нелье справедливо пишет, что «идея Европы, в сущности, представляет собой идею цивилизации, которая формируется в процессе встречи-столкновения (*incontro-scontro*), следовательно, проявляется в разнообразии, являющемся фундаментальным элементом всего комплекса идентичности, связанного с происхождением, традициями, культурой и общими устремлениями»¹.

За два десятилетия фашистского режима европейская идея претерпела несколько этапов, пройдя путь от национальной исключительности к ее универсальному характеру (от варианта интроверта к экстраверту). Она формировалась на основе «идеи нации», которая лежала в основе европейских буржуазно-демократических революций XIX в., начиная с Французской революции. Не стало исключением итальянское Рисорджименто. Фашистский философ Дж. Джентиле был уверен в том, что именно фашизм «вернул дух Рисорджименто», поскольку намеревался осуществить интеграцию масс в структуры и в жизнь государства². Не вдаваясь в детали, отметим одно аксиоматическое положение — итальянский фашизм осуществил «национализацию масс», т. е. интегрировал массы в государственную жизнь. Эта «национализация масс» в последующем сыграла важную роль в переходе к послевоенной демократии в стране. Именно фашисты противопоставили идеи «нации» и «национального государства» международному (в более узком смысле — европейскому) интернационализму левых социалистов в Италии и Коммунистическому Интернационалу. И в этом соперничестве они одержали кратковременную победу.

Обладавший большим чутьем к социальной «температуре» Муссолини опубликовал 15 декабря 1917 г. в газете *Il Popolo d'Italia* статью, которая называлась «Траншейная аристократия».

¹ Neglie P. Un secolo di anti-Europa. Classe, nazione e razza: la sfida totalitaria. Rome, 2003. P. 8–9.

² Zaganella M. Il fascismo e la nazionalizzazione delle masse // Fare gli italiani. Dalla Costituzione dello Stato nazionale alla promulgazione della Costituzione repubblicana (1861–1948) / a cura di G. Parlato e M. Zaganella. Roma, 2011. P. 85.

В ней он исходил из того, что в ходе Первой мировой войны сложился новый тип отношений между нацией и народом. Траншеи выполнили роль *melting pot* (плавильного котла), в котором выплавлялась итальянская нация. В 1932 г. Муссолини в Итальянской энциклопедии опубликовал свою знаменитую фразу: «Для фашиста все в государстве, и все человеческое, и духовное, имеет намного меньше значения за пределами государства».

Таким образом, в своей первоначальной форме фашистское государство формировалось как «сверхнациональное». Каким образом в фашистском европейском мифе сочетались два, казалось бы, несовместимых принципа — «нация» и «Европа»?

Прежде всего рассмотрим, что происходит на европейской арене после окончания Первой мировой войны. Потерпели окончательное поражение «старые» государства (*Ancien regime*) имперского типа. Появились десятки новых национальных государств, за которые развернулась политическая и идеологическая борьба с тем, чтобы «освоить» выбор ими определенного типа политических режимов.

Пришедший к власти в Италии в 1922 г. фашизм как идеология и как определенный тип политического режима включился в эту борьбу. Его соперниками оказались режимы либерально-демократического типа (США, Франция, Великобритания) и большевистского типа (СССР), а с 1933 г. — национал-социалистического типа (Германия). В этом случае борьба за сферы влияния включала в себя как территориальный, экономический, так и ценностный, идеологический, политический компоненты. В 1939 г. из 28 европейских государств только 11 можно было отнести к государствам демократического типа¹.

В большинстве стран, особенно Восточной Европы и Балкан, процесс формирования национальных государств шел с большим отставанием, и основа идентичности новых государств

¹ См.: *Neglie P. Un secolo di anti-Europa : Classe, nazione e razza: la sfida totalitaria*. P. 36.

формировалась с использованием идеологических, религиозных, расовых, этнических и иных скрепов.

Определенную универсальную систему ценностей («коллективная судьба») выдвинула Лига Наций, однако их трактовка дезавуировалась избирательным применением. Как писал Х. Ортега-и-Гассет, «Лига Наций родилась мертвой, дух, которым она вдохновлялась, был мертвым»¹. Как великий либеральный европеец Ортега-и-Гассет провозглашал универсальные ценности «государства-нации», которые он формулировал следующим образом:

Разные государственные формы возникают из тех разных форм, в которых инициативная группа осуществляет сотрудничество с другими. Поскольку государство есть призыв к совместной деятельности, каждый, кто примыкает к общему делу, и будет действующей частицей государства. Раса, кровь, язык, географическая родина, социальный статус — все это имеет второстепенное значение. Право на политическое единство дается не прошлым — древним, традиционным, фатальным, неизменным, а будущим, то есть не тем, чем мы были вчера, но тем, чем мы будем завтра, — вот что соединяет нас в одно государство².

Либеральная демократическая европейская идея включает такие этико-политические ценности, как свобода, равенство, мир, право на самоопределение.

Можно вслед за Ортегой-и-Гассетом уничижительно говорить о тоталитарных феноменах, рожденных «восстанием масс». «Оттого-то и большевизм, и фашизм, две политические «новинки», возникшие в Европе и по соседству с ней, отчетливо представляют собой движение вспять», — утверждает Ортега-и-Гассет³. Однако нельзя не считаться с тем, что итальянский фашизм сформировал собственную идентичность, в которую вошли как идеи Просвещения, прогресса, формирования «нового человека», строительства «новой цивилизации», «третий путь», так и отрицаемые

¹ *Ortega y Gasset J. Meditazione sull'Europa. Roma, 2000. P. 77.*

² *Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Вopr. философии. 1989. № 4. С. 152.*

³ Там же.

либеральными учеными в качестве «второстепенных» — «раса», «единство крови», «язык», «географическая родина» и др. Удивительным образом итальянский фашизм сочетал в себе обе тенденции — консервативную и революционную. Первая нашла воплощение в политическом режиме, вторая — в фашистском движении¹.

Сформированную к началу 1930-х гг. фашистскую идентичность Муссолини вынес на мировую сцену в качестве «универсальной». В немалой степени этому содействовал мировой экономический кризис, который повысил интерес к авторитарно-тоталитарным моделям политических режимов.

Идеологи фашизма вкладывали в понятие «национальное государство» иной смысл, чем это делали либералы. Для них «нация» являлась некоей духовной субстанцией, которая обладает собственной жизнеспособностью (*vitalita*), была наполнена исторической памятью и стремлением к экспансии на основе «естественного права» государства. Для реализации своего «естественного права» государство должно быть сильным. Отсюда «идея экспансии, т. е. ее расширения до имперской экспансии, неразрывно связана с фашизмом»².

Для фашистов государство было высшим выражением существования человека, абсолютной формой коллективной жизни, высшей формой организации человеческой цивилизации³.

Фашистская цивилизация, постоянно жизнеутверждающаяся и жесткая, должна реализоваться в последовательной политике завоеваний. В итальянском случае для этого не было глубоких экономических причин, но преобладали «духовные» интересы, ее самоутверждение в качестве великой цивилизации, ведущей свое начало от античного Рима. Такой уровень амбиций не был результатом только политического выбора, но составлял внутреннюю сущность фашизма. Средствами реализации этих амбиций

¹ De Felice R. Intervista sul fascismo. Roma ; Bari, 1976. P. 40, 41.

² Neglie P. Un secolo di anti-Europa : Classe, nazione e razza: la sfida totalitaria. P. 90.

³ См.: Gentile E. Il mito dello Stato nuovo. P. 262–270.

являлись патернализм и авторитаризм как внутри страны, так и на мировом уровне¹.

Преодоление национального государства, но не его отрицание, было частью фашистской идеологии. Преодоление национального государства сочеталось с темой «жизненного (или имперского) итальянского пространства» с использованием средиземноморских и романских символов. Никакого равенства между большими и малыми государствами. Устанавливается политическая иерархия, в которой Италии принадлежит господствующая роль². В середине 1930-х гг. наблюдался даже такой противоречивый момент, когда идеолог демократического европеизма Р. Куденхове-Калерги обратился к фашистскому руководству с предложением возглавить процесс европейского единства в борьбе против «новых варваров в лице расистского пангерманизма»³. Другими опасностями для Европы, с которыми итальянский фашизм намеревался вступить в борьбу, были большевизм и гегемония США.

В 1928 г. А. Гравелли основал журнал *Antieuropa*. В 1933 г. на его страницах была размещена программа фашистского интернационала, в которой были изложены принципы сотрудничества между независимыми фашистскими государствами и универсальным фашизмом, отличавшимся от национал-социализма. Конкуренция между фашистским и нацистским режимами предполагала их превосходство над другими моделями «новой Европы», в частности, над американской.

Для обоснования фашистских претензий на «жизненное пространство» (*spazio vitale*) и «новый порядок» (*ordine nuovo*) использовались как некоторые традиционные социальные и политические мифы, так и новые. В «доктрине фашизма» 1932 г. указывалось:

Фашистское государство — это воля силы и империи. Римская традиция является здесь идеей силы... Для фашизма тенденция

¹ Neglie P. Un secolo di anti-Europa : Classe, nazione e razza: la sfida totalitaria. P. 90.

² См.: Cofrancesco D. Il mito europeo del fascismo // Storia contemporanea. 1983. № 1. P. 44.

³ Ibid.

к империи, т. е. к экспансии наций есть проявление жизненности, а противоположная... является знаком упадка¹.

Фетишизация «римской традиции» имела многофункциональную направленность в фашистской идеологии, в том числе была направлена на обоснование специфических форм организации мирового порядка. Пропагандистское обеспечение этой концепции было связано с утверждениями о «кризисе капиталистической цивилизации». Муссолини заявил о начале перехода от одной цивилизации к другой. Вдохновителем и конструктором «новой цивилизации» была объявлена Италия.

В основе как международного, так и внутреннего порядка должен быть заложен принцип «иерархии отношений», который обеспечивает «международное единство» империи. Экономические, национальные, расовые, социальные и политические (классовые отрицались) отношения выстраивались строго по принципу иерархического подчинения. Это означало признание за итальянцами «цивилизаторской функции» в рамках империи, безусловного подчинения «низших» рас «высшей» итальянской расе. Предполагалось, что малые государства будут вовлечены в это сообщество, приняв на себя высшие универсальные ценности новой цивилизации. Эти ценности будут итальянскими, поскольку Италия имеет моральное превосходство по отношению к другим странам, в том числе к Германии².

Тема «строительства Европы» была выведена на первый план в фашистской внешнеполитической пропаганде. Какой смысл вкладывался в нее фашистским руководством и какие при этом преследовались цели? Десятый номер журнала *Gerarchia* в 1932 г. был целиком посвящен теме «Фашизм — универсальная идея». Он открывался подборкой выступлений Муссолини. В одном из них Муссолини утверждал, что фашизм стоит на повестке дня во многих странах, и можно предвидеть скорую фашизацию Европы.

¹ См.: *Mussolini B. La dottrina del fascismo*. Roma, 1941.

² См.: *Neglie P. Un secolo di anti-Europa : Classe, nazione e razza: la sfida totalitaria*. P. 99.

Представляется вполне обоснованным мнение Н. Д. Смирновой о том, что фашизм пытался выйти за пределы Италии в форме идейного экспансионизма¹.

Основная цель международной конференции 1932 г., прошедшей под патронажем Муссолини, была сформулирована следующим образом: «...указать с романской мудростью пути для закладывания новой исторической основы Европы, для создания нового европейского порядка, который установит императив плодотворной солидарности на смену междоусобной разрушительной борьбе». Докладчики стремились доказать, что фашизм является «универсальным решением не только с целью оздоровления Европы, но и для спасения всей цивилизации». Фашистский идеолог Ф. Коппола сделал акцент на защиту «конструктивного европейского империализма, противоречащего тлетворным силам русского коммунизма, с одной стороны, и североамериканского материализма — с другой». «Или Рим, или Москва» — так звучал броский лозунг фашистов².

Неявно конференция отразила идеологическое соперничество между итальянским фашизмом и германским национал-социализмом. В связи с этим журнал *Gerarchia* обошел молчанием не только выступления, но даже сам факт участия в конференции нацистских деятелей А. Розенберга и Г. Геринга. Коммунистический журнал *Lo Stato Operaio* рассматривал конференцию сквозь призму обсуждавшегося в это время проекта «пакта четырех». Собственно, он и обратил внимание на доклад нацистского идеолога Розенберга, который выдвинул идею установления «европейского единства» на основе разграничения сфер влияния между четырьмя европейскими капиталистическими державами. Анти-советская направленность пакта не вызывала сомнений. «План Розенберга» предусматривал следующее разграничение сфер влияния и экспансии. В германскую сферу включались все «исконно-германские земли», а также районы России от Черного до Белого

¹ См.: Смирнова Н. Д. Политика Италии на Балканах : Очерк дипломатической истории. М., 1969. С. 17.

² Цит. по: Curcio C. Europa: storia di un'idea. Firenze, 1958. V. 2. P. 87.

морей и Западное Средиземноморье, во французскую — Северная Африка и Западное Средиземноморье, в итальянскую — Балканы и Восточное Средиземноморье, в английскую — ее традиционные сферы влияния. Публикация в *Lo Stato Operaio* обращала внимание на неслучайное совпадение предложений Розенберга и первоначального итальянского проекта «пакта четырех». В статье было высказано предположение о существовании определенного политического соглашения между итальянскими фашистами и германскими нацистами по международным вопросам еще до прихода Гитлера к власти.

В октябре 1932 г., выступая в Турине, Муссолини выдвинул идею «нового политического порядка» вместо «дискредитировавшей себя слишком универсальной конструкции» в лице Лиги Наций.

Но я думаю, что если бы завтра... осуществились необходимые и эффективные предпосылки для сотрудничества четырех великих западных держав, Европа была бы умиротворенной с политической точки зрения, и, возможно, даже стискивающий нас кризис подошел бы к своему концу¹.

Глава фашистского правительства стремился возложить особую миссию в Европе на Великобританию, Францию, Германию и Италию. Он утверждал, что иерархия отношений существовала в Европе объективно и исторически².

Принцип иерархии отношений на международной арене рассматривался фашистским руководством как аналогия корпоративной системы в самой Италии, т. е. он предусматривал закрепление системы политических соглашений господства узкой группы стран. По этому поводу в 1947 г. итальянский дипломат В. Черрути писал следующее:

Вдохновитель «пакта четырех» [т. е. Муссолини] стремился к созданию не союза, а инструмента действий. Он хотел, чтобы все европейские проблемы решались только четырьмя договариваю-

¹ *Mussolini B. Opera omnia*. Firenze, 1973. V. XXV.

² См. об этом: *Il Patto Mussolini*, a cura di A. Vaccari. Roma, 1933. P. 34, 41.

щимися державами. Это был лучший способ ослабить Лигу Наций, подорвать престиж¹.

Реализация этого проекта должна была привести к полной дестабилизации сложившейся системы международных отношений.

Захват Эфиопии и объявление Италии империей внесли изменения в концепцию «фашистского универсализма». На первый план вышла тематика имперского строительства. После осуществления захвата Эфиопии римская и имперская тема, отмечает Д. Кофранческо, начала преобладать над европейской².

В плане организации итальянской экономики упор был сделан на экономическую автаркию. На Ассамблее корпораций в марте 1936 г. Муссолини выступил с обоснованием плана экономической автаркии. В основе развития экономики, подчеркивал Муссолини, лежит посылка о «неизбежности положения, при котором страна будет призвана пройти через испытания войны».

Когда именно? Как именно? Никто не сможет этого сказать, но колесо судьбы вращается быстро... В переживаемый исторический период факт войны является вместе с доктриной фашизма определяющим элементом позиции государства в отношении хозяйства страны,³ —

заклучил фашистский лидер. Итальянский исследователь А. Мола отмечает, что несмотря на рассуждения некоторых политиков и исследователей о том, что Италии в 1938 г. были навязаны извне расистские антисемитские законы, никто не сможет опровергнуть очевидных фактов, что итальянский фашизм проводил политику расовой дискриминации, осуществлял практику апартеида сначала в отношении народов Эфиопии, а затем народов собственной и других стран⁴.

¹ *Cerruti V.* Collaborazione internazionale e ragioni dell'insuccesso della Società delle Nazioni // *Rivista di Studi politici internazionali*. 1946. P. 55.

² См.: *Cofrancesco D.* Il mito europeo del fascismo, 1938–1945 // *Storia contemporanea*. 1983. № 1. P. 7–8.

³ Цит. по: *Il Messaggero*. 1936. 24 marzo.

⁴ См.: *Mola A. A.* L'imperialismo italiano. Roma, 1980. P. 218.

За четыре года до принятия расовых законов в Италии журнал *Gerarchia* писал, что нельзя допускать смешения рас, необходимо добиваться осуществления принципа, что только один цвет расы имеет право на господство. В целом расизм, как писал в 1938 г. Дж. Альмиранте, будущий лидер неофашистов, должен был стать цементирующим фактором империалистической политики¹. Отличие «имперского порядка» от «колониального», утверждали фашистские идеологи, заключалось в том, что империя не только обеспечивает хорошее руководство подчиненными народами и занимается облагораживанием их территорий, но и создает социальные, политические и экономические организации, родственные таким же в метрополии.

Будучи средством обоснования борьбы итальянского империализма за передел мира, фашистская концепция «нового порядка» обладала известной эластичностью, приспосабливалась к требованиям текущего момента. В статье «Итальянские колонии в европейской системе» министр колоний А. Лессона отмечал важную роль, которую могли бы выполнить колонии в поддержании равновесия между европейскими странами. В связи с этим он прямо указывал, что Италия ставит решение колониального вопроса в качестве основного в своей внешней политике и стремится к колониальным приобретениям, которые были бы пропорциональны владениям других государств.

«Италия, — писал журнал *Gerarchia*, — является не только центром Средиземноморской Европы, но и всего средиземноморского района». Географически, исторически, политически и в военном отношении Средиземное море является жизненным пространством для Италии, подтверждал эти претензии Муссолини в речи 26 марта 1939 г. На всех этапах фашистская концепция «европейской солидарности» использовалась для обоснования экспансии итальянского империализма, его межблоковой и внутриблоковой борьбы. В ней была отражена претензия фашизма на

¹ Цит. по: *Curcio C. Europa: storia di un'idea*. V. 2. P. 91.

руководство «западным миром» и спасение «западной цивилизации» от «угрозы большевизма».

В сентябре 1939 г., когда фашистская Италия объявила о своем «неучастии в войне» (*non belligeranza*), итальянские фашисты предлагали мирно договориться на основе разграничения сфер влияния между Англией, Францией, Германией и Италией в широком пространстве территориальных интересов, условно названном «Евроафрика». Согласно итальянскому плану, за Германией признавались права на колонии, которыми она владела до 1918 г., однако указывалось, что ее основной функцией и «исторической миссией» является европейская экспансия, осуществляемая в восточном направлении. Африканский континент должен быть полностью предоставлен средиземноморским странам, в первую очередь Италии, которая осуществляла бы свою «цивилизаторскую функцию в римских традициях».

Вступление фашистской Италии в войну в июне 1940 г. и первоначальные военные успехи фашистского блока внесли существенные коррективы в итальянские планы организации «нового порядка». Итальянские фашисты исходили из принципа установления двух «жизненных пространств» в Европе, которые должны были отвечать «сущностям двух доктрин — фашистской и национал-социалистической».

Возникнет новая Европа и новый континент... географические границы будут пересмотрены... В политических и экономических границах Европа включает территории Африки, арабской и Средиземноморской Азии¹.

Другой фашистский журнал *Critica fascista* писал в редакционной статье:

Один полюс оси упрется в центр Европы, другой в центр Юго-Восточной Европы и вовлечет в свою орбиту средиземноморский бассейн, всю Африку, часть Азии, включая омывающие ее моря,

¹ Gerarchia. 1940. № 6. P. 141.

средиземноморскую и индийскую Азию... Здесь будет развиваться империя новой цивилизации¹.

Исследователь К. Курчио полагает, что речь шла о компромиссном варианте «строительства Европы», который отвечал бы новой политической реальности. Фашистский идеолог Ю. Эвола писал в 1940 г.: «...Организирующая сила подлинной цивилизации является не “латинской”, а просто “романской”, “арийско-романской”»².

Одним из последних мероприятий в рамках фашистского универсализма была конференция на тему «Идея Европы», организованная 23–24 ноября 1942 г. в Риме Национальным институтом фашистской культуры. Научный редактор публикации материалов конференции и автор развернутого предисловия Д. Лонго писала в 2000 г., что так и осталось неясным, имела ли какое-то влияние конференция с участием авторитетных интеллектуалов фашистской эпохи на реальную политику и отражала ли она вообще реальные внешнеполитические цели фашистского режима³.

В любом случае конференция отразила два подхода к европейской идее. Первый подход, представленный директором Национального института фашистской культуры К. Пеллици, представлял концепцию Европы как расширенного сообщества, пронизанного общими ценностями, в равной степени разделяемыми даже такими странами, как Великобритания и СССР, которые вносят собственные идеалы и опыт в европейский багаж. Советский коммунизм и британский империализм он рассматривал как «два крайних проявления внутренних моральных феноменов в европейском сознании».

Второй подход нашел выражение в выступлении теоретика корпоративизма философа У. Спирито. Он считал, что на текущий момент Европа уже не находится в зоне внимания фашистской Италии. Естественным пространством, на которое обращено

¹ Vincere la guerra per vincere la pace // Critica fascista. 1940. № 16. P. 259.

² Paces F. Appunti per servire l'idee di una nuova Europa // Critica fascista. 1940. № 21. P. 342.

³ См.: Il fascismo e l'idea d'Europa : Il Convegno dell'Istituto Nazionale di Cultura Fascista (1942) / a cura e con introduzione di G. Longo. Roma, 2000.

внимание фашистской Италии, является Средиземноморье. Фашизм поворачивается в сторону Европы только в связи со страхом быть окончательно вытесненным из нее германской экспансией. Реальными противниками Италии являются США, которые замышляют интегрировать Европу в собственные, контролируемые ими экономические механизмы, а также Великобритания, которая находится в центре сложной системы международных отношений и рассматривает Европу только как часть этой международной сети, и Советский Союз, осуществивший процесс радикального обновления¹.

Подводя итоги, можно рассуждать о трех вариантах фашистского «европеизма»: первый был приспособлен к условиям Версальской системы, второй разрабатывался в рамках итальянской концепции, а затем приспособливался к германской политике «жизненного пространства» (*lebensraum*). Даже после утраты фашистской Италией военно-политической самостоятельности итальянский вариант «европеизма» отличался от нацистского. Третий планировался в некоторых фашистских кругах в расчете на сохранение и приспособление фашистского политического режима к условиям послевоенной реконструкции Европы, осуществляемой под эгидой США и Великобритании.

2.2. Итальянская инициатива «пакта четырех»

15 июля 1933 г. в Риме Муссолини и послы Франции, Германии и Великобритании подписали соглашение, известное как «пакт четырех». Несмотря на то, что соглашение так и не вступило в силу из-за отказа французского парламента его ратифицировать, оно и сегодня представляет заметный исторический интерес для понимания событий, которые, начиная с прихода Гитлера к власти, привели к фатальному движению по направлению к войне. Муссолини предвидел разделение мира на два враждующих блока и стремился «пактом четырех» содействовать созданию директората в составе

¹ Цит. по: Longo G. Introduzione : Il fascismo e l'idea d'Europa. P. 35, 43, 44.

Англии, Франции, Германии и Италии, который приступил бы к ревизии версальских соглашений в обход Лиги Наций и международного сообщества. В книге Дж. Джордано «Пакт четырех во внешней политике Муссолини» итальянская инициатива представлена как проявление стремления Италии «контролировать Гитлера» и «воспрепятствовать германским акциям против мира»¹.

Некоторые исследователи относят истоки проекта «пакта четырех» к апрелю 1931 г., когда Муссолини в беседе с временным поверенным Франции заявил, что «только посредством соглашения между четырьмя державами — Англией, Германией, Францией и Италией может быть решен кризис, который потрясет мир»². Во время визита германского канцлера Брюнинга в Рим в августе 1931 г. Муссолини изложил свой план соглашения четырех стран, который, однако, не получил поддержки со стороны германского канцлера.

Законченный вид проект «пакта четырех» приобрел в мае 1933 г. В первой редакции проекта была заложена основная идея Муссолини — противопоставление директората четырех стран международному сообществу, Лиге Наций. Цели, преследуемые итало-фашистской дипломатией, были достигнуты лишь частично: окончательный текст договора не совпадал с проектом, предложенным Муссолини. Но эти расхождения были непринципиальны. Муссолини стремился обосновать особую миссию четырех держав в Европе и утверждал, что «иерархия отношений» существует в Европе объективно и исторически.

Принцип иерархии отношений на международном уровне рассматривался фашистским руководством по аналогии с корпоративной системой в самой Италии, то есть предусматривал закрепление политическими соглашениями господства узкого директората держав. В предисловии к подборке статей и документов, изданных в 1933 г. о «пакте четырех», составитель А. Ваккари выразил эту идею в следующих словах:

¹ *Giordano G. Il Patto a quattro nella politica estera di Mussolini. Bologna, 1976. P. 8.*

² Цит. по: *Petersen J. Hitler e Mussolini. P. 76.*

...Пакт Муссолини вынес на обсуждение смелую, но вполне реалистическую гипотезу: согласие и сотрудничество между четырьмя главными державами Европы действительно вынесет в не столь отдаленный срок установление скорее европейского экономического, чем политического общества (создание которого сейчас практически исключено), которое посредством серии отдельных соглашений установит гомогенный блок, способный противостоять великому американскому обществу¹.

В связи с этим он привлек внимание к идеям создания «Соединенных штатов Европы и Европейского экономического союза», отдавая предпочтение формам международных экономических соглашений.

Вершину пирамиды «нового мирового порядка» должна была замкнуть комбинация в виде директората четырех стран. «Пакт четырех», писал в 1934 г. фашистский орган *Gerarchia*, это не только политическое завоевание, но и перспективный институт с точки зрения организации будущей фашистской империи. Он включает в себе принцип иерархии. Вместе с тем исключалось «авторитарное господство одной из держав». Предполагалось, что каждый участник директората должен иметь свою империю или, другими словами, организацию «международного единства». Принцип федеративного объединения равноправных стран в рамках таких зон влияния исключался полностью.

Планы установления директората четырех стран были отвергнуты. Однако Лондон и Париж встали на путь деформации Версальской системы за счет частичных уступок Германии и Италии на основе двусторонних соглашений с каждой из них и в ущерб интересам других государств. Фашистский автор Э. Грей писал в 1942 г., что «это была последняя крупная попытка усмирить гегемонистскую волю западных держав и подвести к принятию концепции и к совместному участию в осуществлении политики европейской иерархии на высочайшем уровне моральных и политических ценностей»².

¹ Цит. по: Patto Mussolini / a cura di A. Vaccari. Roma, 1933. P. 13.

² Gray E. Dopo vent'anni : Il fascismo e l'Europa. Roma, 1942. P. 34.

В марте 1934 г. на страницах журнала *Gerarchia* Муссолини напоминал об «исторических целях» фашистской Италии в Азии и Африке. «Мы требуем и добиваемся того, чтобы духовная, политическая и экономическая экспансия фашистской Италии не была блокирована другой стороной»¹. Спустя три месяца он уже указывал, что на повестке дня стоит упорядочение положения в Саарском районе, Восточной и Дунайской Европе. От решения этих вопросов, утверждал он, зависит, быть миру или войне. И заключал: «Я не верю в вечный мир»².

После провала проекта «пакта четырех» фашистская Италия вступила на путь вооруженной борьбы за передел мира средствами локальных войн.

Исторический опыт межвоенного периода показал, по мнению П. Пасторелли, что диктатурам необходимо противопоставлять только военную силу, обеспечивающую военное равновесие³.

2.3. Проект Восточного пакта и позиция Италии

После прихода Гитлера к власти в январе 1933 г. Советский Союз обозначил свою активную позицию против осуществления завоевательной программы нового германского руководства. В рамках этой политики советское правительство считало сотрудничество с Францией важным условием достижения европейской безопасности. С французской стороны интерес к советским мирным инициативам появляется после того, как 14 октября 1933 г. Германия покинула конференцию по разоружению, а 19 октября вышла из Лиги Наций. В этих условиях ЦК ВКП(б) разработал идею коллективной безопасности, изложенную в его постановлении от 12 декабря 1933 г.⁴

¹ Rileggendo gliseri Hi e discorsi di Benito Mussolini // *Gerarchia*. 1934. № 1. P. 3.

² *Mussolini B. L'epoca delle camicie nere* // *Gerarchia*. № 3. P. 181.

³ См.: *Pastorelli P. Esperienza storica e studi strategici* // *Storia e politica*. 1983. № 4. P. 802.

⁴ См.: *История Второй мировой войны*. М., 1973. Т. 1. С. 283–284.

В ходе советско-французских переговоров, проходивших в мае-июне 1934 г., был выдвинут проект Восточного пакта, состоявший из трех частей: договора о региональной взаимопомощи, договора о взаимопомощи между СССР и Францией, а также генерального акта. В договоре о региональной взаимопомощи должны были принять участие СССР, Польша, Германия, Чехословакия, Финляндия, Эстония, Латвия и Литва.

Наряду с обязательствами об оказании помощи в случае агрессии предусматривались также консультации участников пакта в целях предупреждения войны или содействия восстановлению мира. Участники пакта обязывались не оказывать поддержки стране-агрессору, не являющейся участницей соглашения. По советско-французскому договору СССР становился наравне с Англией и Италией гарантом Локарнского договора 1925 г. Франция брала на себя обязательства оказывать помощь СССР в случае нападения на него одного из участников Восточного пакта. Согласно генеральному акту, Восточный пакт должен был войти в силу после вступления СССР в Лигу Наций¹.

Формально ни Англия, ни Италия не должны были стать участниками Восточного пакта, однако Франция стремилась заручиться их поддержкой в этом вопросе. Английское правительство на словах одобряло идею коллективной безопасности, но на деле стремилось использовать свое согласие для достижения договоренности с Германией о вооружениях на максимально выгодных для нее условиях².

Об отношении фашистского руководства к Восточному пакту известно немного. В Италии этот вопрос освещен в статье А. Лопеца Челли, написанной на основе архивных документов³.

¹ См.: Документы внешней политики СССР : в 24 т. Т. 17. № 254. С. 480 (далее — ДВП СССР) ; *Сиполс В. Я.* Внешняя политика Советского Союза. 1933–1935. М., 1980. С. 171–177.

² См.: *Международная жизнь.* 1963. № 6. С. 150.

³ См.: *Lopez Celly A.* L'Italia, Barthou ed il progetto di una Locarno orientale nel 1934 // *Storia e politica.* 1978. № 1. P. 48–90; № 2. P. 241–278.

Советско-французское сближение и выдвижение обеими сторонами коллективной инициативы по обеспечению безопасности в Европе были встречены в Риме с нескрываемой озабоченностью и тревогой. По признанию французского министра иностранных дел Л. Барту, Италия вместе с Англией еще в конце 1933 г. оказывала сильный нажим на Францию с целью добиться от нее дальнейших уступок Германии и перевода переговоров на рельсы «пакта четырех»¹.

Среди причин, определявших отрицательное отношение правительства Италии к советско-французской инициативе, можно выделить следующие. Прежде всего, в Риме существовала озабоченность в связи с возможным созданием широкого политического союза стран от Парижа до Анкары. Весной 1934 г. Л. Барту выдвинул идею заключения Средиземноморского пакта. Его целью являлось устранение возможной экспансии Италии в Средиземноморье². В Риме вызывало опасение то обстоятельство, что вступление Советского Союза в Лигу Наций будет сопровождаться усилиями ряда стран создавать региональные соглашения о взаимопомощи, а это может превратить Лигу Наций в «разновидность европейского антигерманского фронта»³. Советско-французское соглашение сужало для Рима возможность «сыграть на германской карте» против Франции.

В первой половине 1934 г. отношения между Римом и Парижем развивались противоречиво. Сближению препятствовали острые разногласия по проблеме морских вооружений, о статусе итальянцев в Тунисе и в связи с итальянскими колониальными притязаниями, особенно в Сомали. В усилении Германии Муссолини видел существенный фактор для улучшения своих позиций на переговорах с Францией.

¹ См.: *Международная жизнь*. 1963. № 6. С. 151.

² См. об этом: *Рябоконь С. И.* Позиция стран Балканской Антанты в период переговоров о Восточном пакте // *Политика держав на Балканах и Ближнем Востоке*. Свердловск, 1977. С. 20–21.

³ Цит. по: *Lopez Celly A.* L'Italia, Barthou ed il progetto di una Locarno orientale nel 1934. P. 60–61.

18 мая в Женеве министр иностранных дел Франции Барту ознакомил представителя Италии в Лиге Наций П. Алоизи с проектом Восточного пакта. Сообщение П. Алоизи о его беседе с Л. Барту и об отрицательном отношении Италии к советско-французской инициативе было направлено послам в Берлине, Париже и Москве.

Первые публичные резкие выпады против Восточного пакта появились 10 июня в редакционной статье газеты *Il Popolo d'Italia*. Статья была инспирирована, а возможно, и написана самим Муссолини. Спустя три дня итальянский посол в Париже Пиньятти официально уведомил Барту о крайне отрицательном отношении Рима к проекту Восточного пакта и противопоставил ему «пакт четырех»¹.

В связи с усилением опасности германского проникновения в Центральную и Юго-Восточную Европу между Римом и Парижем началось обсуждение планов совместной реорганизации Дунайского района. Итало-французское сближение имело временный характер в силу того, что укрепление французской системы союзов в этом районе не в меньшей степени препятствовало реализации итальянских планов экспансии. Итальянские усилия были направлены также на подрыв французской системы союзов. Параллельно в Риме стремились выработать совместную с Берлином экономическую политику в Дунайском районе².

Наметилась линия согласования позиции между Римом и Берлином также по поводу Восточного пакта. В конце мая — начале июня 1934 г. итальянский посол в Берлине В. Черрути неоднократно обсуждал с германским руководством вопрос об отношении к Восточному пакту. Переговоры показали совпадение позиций двух стран в их отрицательном отношении к советско-французской

¹ См. об этом: Ibid. P. 63, 64, 66–67, 75–76.

² См. об этом: Шихов В. И. Первые Римские протоколы (март 1934) // Международные отношения в новейшее время : в 2 ч. Свердловск, 1966. Ч. 1. С. 8–9.

инициативе. Германская сторона ясно дала понять о своем крайне враждебном отношении к этому проекту¹.

14 и 15 июня 1934 г. состоялась встреча Гитлера и Муссолини. С глазу на глаз они обсудили вопросы двусторонних отношений и международные проблемы. Известно, что переговоры не принесли положительных результатов в вопросах урегулирования австрийской проблемы и разграничения сфер влияния в Юго-Восточной Европе². Как отмечал советский полпред в Италии, «обе стороны сошлись лишь в отрицательном отношении к системе региональных пактов и гарантийных договоров»³. В циркулярном письме, направленном 22 июня всем итальянским дипломатическим представителям, МИД Италии указывал:

Относительно региональных соглашений глава правительства и канцлер пришли к выводу добиваться исключения всего, что может привести к разделу Европы на группы государств и станет препятствием для их дальнейшей консолидации и оживления отношений⁴.

Спустя несколько дней после переговоров в Венеции Муссолини принял французского посла Ш. Шамбрена. После беседы с главой правительства посол сообщил в Париж, что Италия заняла враждебную позицию к проекту Восточного пакта⁵. Итальянский посол во Франции открыто противопоставлял соглашению с участием Советского Союза достижение франко-германского пакта при посредничестве Англии и Италии.

В инструкциях, направленных 23 июня главой итальянского правительства послам в Лондоне и Варшаве, рекомендовалось обратить внимание правительств Англии и Польши на пагубные последствия, к которым приведет подписание Восточного пакта. Послу в Лондоне Муссолини поручил обсудить с английскими

¹ См. об этом: Documents on German Foreign Policy. Ser. C. V. 2. № 491 (далее — DGFP).

² См. об этом: *Смирнова Н. Д.* Политика Италии на Балканах. С. 253–256.

³ ДВП СССР. Т. 17. № 237. С. 450.

⁴ Цит. по: *Lopez Celly A.* L'Italia, Barthou ed il progetto di una Locarno orientale nel 1934. P. 77.

⁵ См.: Documents Diplomatiques Françaises. Ser. 1. Vol. 6. № 372.

руководителями усилия, направленные на срыв советско-французской инициативы. Одновременно Рим побуждал польское правительство выступить против советско-французской инициативы¹.

Советская дипломатия проявляла заинтересованность в сохранении Италии в числе тех стран, которые оказывали сопротивление Германии. Тем более, что 2 сентября 1933 г. был подписан советско-итальянский договор о дружбе, ненападении и нейтралитете². Сближение с ней могло произойти на основе близости позиций в предотвращении аншлюса Австрии. В противном случае итало-германское сотрудничество резко изменило бы к худшему всю обстановку в Европе. Советское правительство стремилось показать беспочвенность итальянских возражений против Восточного пакта, исходя из посылки, что злобой дня является предотвращение германской опасности³.

Советские руководители пытались опровергнуть подозрения фашистского руководства в том, что Восточный пакт направлен против Италии. Они высказывались против установления какой-либо связи между Восточным пактом, с одной стороны, и Средиземноморским пактом, Малой Антантой, с другой⁴. В беседе с итальянским послом в Москве нарком иностранных дел неоднократно разъяснял советскую позицию в отношении Восточного пакта и опровергал возражения итальянской стороны против проекта. Комментируя аргументы советского наркома, посол Б. Аттолико обратил внимание своего МИД, что они построены на «хорошем логическом фундаменте»⁵.

Определенное воздействие на итальянскую позицию в отношении Восточного пакта оказали переговоры в Лондоне 9 и 10 июля между министрами иностранных дел Англии и Франции. Два

¹ См. об этом: *Lopez Celly A. L'Italia, Barthou ed il progetto di una Locarno orientale nel 1934.* P. 81, 82.

² См. об этом: *Quartararo R. Italia — URSS. 1917–1941 : I rapporti politici.* Napoli, 1997. P. 122.

³ См. об этом: *Сиполс В. Я.* Внешняя политика Советского Союза. С. 189.

⁴ ДВП СССР. Т. 17. № 218. С. 411.

⁵ Цит по: ДВП СССР. Т. 17. № 221. С. 427; № 228. С. 433–434 ; *Lopez Celly A. L'Italia, Barthou ed il progetto di una Locarno orientale nel 1934.* P. 85.

аргумента вынудили английское правительство изменить свое недружественное отношение к проекту Восточного пакта. Во-первых, это высказывания Барту о том, что в случае отказа западных стран от сотрудничества с СССР последний может стать на путь нормализации отношений с Германией. Во-вторых, действовали угрозы Барту, что Франция пойдет на заключение военного союза с СССР, если не будет подписан Восточный пакт¹.

Министр иностранных дел Англии Дж. Саймон обещал поддержать проект Восточного пакта и оказать соответствующее воздействие на Германию, Польшу и Италию. Но поставил при этом два условия.

Во-первых, он предложил, чтобы гарантии, которые Франция и СССР должны были дать друг другу, распространялись и на Германию. Он добивался, чтобы Германия участвовала в соглашении между СССР и Францией о взаимной помощи. Это означало бы, что Франция должна была гарантировать не только СССР от возможного нападения Германии, но и Германию от возможного нападения СССР. Советский Союз должен был, в свою очередь, гарантировать Францию от возможного нападения Германии, а Германию — от возможного нападения Франции.

Во-вторых, Саймон фактически потребовал согласия Франции на перевооружение Германии, заявив, что «согласие Германии на предложенное Восточное Локарно будет неизбежно зависеть от того, сможет ли быть достигнуто некоторое урегулирование вопроса вооружений»². Таким образом, английское правительство использовало обращение к нему относительно Восточного пакта для того, чтобы получить согласие Франции на перевооружение Германии.

Французский министр иностранных дел согласился с требованием Саймона о распространении на Германию франко-советских гарантий, но второе условие отверг. Однако Барту предложил сообщить в Берлин, что в результате заключения Восточного пакта

¹ См. об этом: *Сиполс В. Я.* Внешняя политика Советского Союза. С. 185–186.

² Цит. по: *Международная жизнь.* 1963. № 6. С. 157–158.

в Локарно создадутся лучшие условия для рассмотрения вопроса о германском перевооружении¹.

Английское правительство явно рассчитывало на возражения Советского Союза в отношении выдвинутых Лондоном условий. Вопреки этим надеждам, Советское правительство согласилось на участие Германии во франко-советском договоре².

В соответствии с достигнутой в Лондоне договоренностью между Барту и Саймоном 12 июля английское правительство через своих послов довело до сведения министров иностранных дел Италии, Германии и Польши, что оно поддерживает проект Восточного пакта. В частных беседах с ответственными руководителями этих стран англичане давали понять, что они не симпатизируют Восточному пакту. Вечером 12 июля английский посол в Риме Э. Дрэммонд довел до сведения Муссолини итоги англо-французских переговоров³.

Перед опасностью оказаться в изоляции итальянское правительство сделало 13 июля официальное сообщение, что оно поддерживает советско-французскую инициативу.

На итальянскую позицию оказала влияние не только угроза международной изоляции. Оправдывая поворот, итальянская официальная пропаганда ссылалась на то, что в ходе лондонских переговоров проект Восточного пакта «был полностью преобразован и стал ближе к традиционной линии итальянской политики»⁴. А. Лопец Челли полагает, что изменение итальянской позиции было связано со стремлением Рима в тот период во всем следовать за Лондоном. В 1934 г., пишет он, отношения с Англией «все еще имели приоритет в итальянской внешней политике». Вплоть до агрессии в Эфиопии, продолжает итальянский

¹ Цит. по: *Международная жизнь*. 1963. № 6. С. 157–158.

² См. об этом: *Белюсова З. С.* Франция и европейская безопасность. М., 1976. С. 183.

³ См. об этом: *Международная жизнь*. 1963. № 6. С. 157–158 ; *Cunolo B. Я.* Внешняя политика Советского Союза. С. 185–186 ; *Lopez Celly A.* L'Italia, Barthou ed il progetto di una Locarno orientale nel 1934. P. 242.

⁴ Цит. по: *Salvemini G.* Preludio alla seconda guerra mondiale. Milano, 1967. P. 315.

исследователь, фашистское руководство занимало позицию «равной удаленности» от Берлина и Парижа и не стремилось создавать впечатления тесной итало-германской солидарности. Наконец, заключает Лопец Челли, Восточное Локарно представлялось итальянской дипломатии «меньшим злом» по сравнению с советско-французским договором о взаимопомощи, который привел бы к установлению тесных связей обеих стран с Малой и Балканской Антантами¹.

В опубликованных советских дипломатических документах отмечается, что положительные перемены в позиции Рима к Восточному пакту произошли раньше, примерно к 26 июня. По мнению советского полпреда в Италии В. Потёмкина, такая перемена была вызвана следующими причинами:

Во-первых, сыграла свою роль более точная информация о сущности нашего проекта Восточноевропейского пакта. Она рассеяла опасения, вызванные призраком огромного антигерманского и антиитальянского блока. Во-вторых, итальянцы поняли, что Восточный пакт может осуществиться и вне связи с тревожащим их франко-советским гарантийным соглашением. В-третьих, поскольку в пакте предполагается участие Германии, он теряет в глазах итальянцев одну комбинацию, направленный против дружественной ей страны. В-четвертых, учитывая участие в пакте наряду с Германией Чехословакии и Польши, итальянцы начинают расценивать этот момент как фактор, могущий ослабить французские позиции в Европе и консолидацию Малой Антанта. В-пятых, сознавая зависимость франко-советского сближения от германской опасности, они рассчитывают, что по мере нормализации германо-советских отношений может замедлиться темп упомянутого сближения. Наконец, в-шестых, выражая свою готовность при известных условиях содействовать осуществлению нашего плана, итальянцы надеются нажать на этом политический капитал как посредники между Берлином и Москвою и участники дела умиротворения Европы².

¹ См.: *Lopez Celly A. L'Italia, Barthou ed il progetto di una Locarno orientale nel 1934. P. 244–247.*

² ДВП СССР. Т. 17. № 196, 218, 221, 228, 248; № 237. С. 451, 452.

К этому следует добавить другие обстоятельства, вызванные кризисом в итало-германских отношениях в связи с активизацией нацистской агентуры в Австрии и наметившимся процессом итало-французского сближения¹.

Сейчас менее, чем когда-либо, Муссолини расположен ссориться с нами. Сильнее, чем раньше, говорит в нем недоверие к национал-социалистической Германии. Настоятельнее, нежели раньше, возникает перед ним необходимость вывести свою страну из состояния изоляции...

— заключил свой доклад советский полпред². Министр иностранных дел Чехословакии обратил внимание еще на одну причину, заключающуюся в том, что «итальянская лира уже давно держится только милостью Банк де Франс»³.

Последовательное выполнение Лондоном и Римом обещаний поддерживать проект Восточного пакта могло бы сказаться чрезвычайно положительно на ходе переговоров о Восточном пакте и, в частности, повлияло бы на позицию Германии и Польши. К сожалению, как британская, так и итальянская дипломатии вели двойную игру, стремились ослабить антиревизионистскую направленность Восточного пакта и не допустить чрезмерно активной роли СССР в урегулировании европейских дел. Отказавшись поддерживать германские усилия, направленные на немедленный срыв переговоров о пакте, глава итальянского правительства советовал Гитлеру извлечь максимальную выгоду из советско-французской инициативы⁴. Сами итальянцы обусловили свою поддержку Восточного пакта достижением соглашения с Францией по колониальным вопросам. В преддверии визита Барту в Рим МИД Италии подготовил документ, в котором суть итало-французского колониального урегулирования была сведена к следующей формуле: «Итальянцы проявляют незаинтересованность во французской

¹ См.: Савинова О. В. Проблемы аншлюса Австрии во франко-итальянских отношениях (1933–1935) // Проблемы итальянской истории. 1978. М., 1978. С. 75.

² Там же.

³ Цит. по: ДВП СССР. Т. 17. № 237. С. 453; № 220. С. 421.

⁴ DGFP. Ser. C. Vol. 3. № 88. P. 103.

Северной Африке, а Франция — в Восточной Африке, включая Эфиопию»¹.

В начале августа доверенное лицо главы итальянского правительства сенатор А. Теодоли совершил поездку в Париж, где встретился с Барту и ответственными работниками МИД. Переговоры касались предстоявшей в ноябре дискуссии между министрами иностранных дел обеих стран. Стороны договорились обсудить главные европейские проблемы. К ним Теодоли по указанию Муссолини настойчиво стремился присоединить колониальные проблемы, и особенно обсуждение положения в Восточной Африке. Итоги переговоров сенатора в Париже не удовлетворили Муссолини. Он с раздражением резюмировал, что Франция избегает дискуссии по двусторонним проблемам, сводя ее к международным. Это вело, по словам Муссолини, к возрастающей незаинтересованности Италии в Восточном пакте даже в свете английской инициативы².

Италия активно поддерживала предложение Лондона об увязывании подписания Восточного пакта с решением вопроса о перевооружении Германии. Тактика Рима сводилась к постепенному «согласованному пересмотру существующих договоров»³. Однако Барту в своем публичном выступлении 15 июля дал понять, что он исключает параллель между переговорами о Восточном пакте и перевооружением Германии. Это заявление охладило расчеты в Риме на возможность мирного пересмотра договоров. Дальнейшее ослабление интереса руководства Италии к Восточному пакту совпало с обострением итало-германского соперничества в Австрии, последовавшего за попыткой нацистского переворота 25 июля 1934 г.

Правительство Муссолини склонялось к подписанию двустороннего политического союза с Австрией. Поскольку противниками такого союза активно выступали Англия, Югославия

¹ De Felice R. Mussolini il duce. P. 510–512.

² См.: Lopez Celly A. L'Italia, Barthou ed il progetto di una Locarno orientale nel 1934. P. 263.

³ Ibid. P. 252, 253.

и Франция, Рим был вынужден занять благоприятную позицию к французскому предложению о гарантии независимости Австрии посредством заключения так называемого Дунайского пакта. Однако итальянцы намеревались включить в него Германию, чтобы изолировать Францию от ее союзников и не допустить сотрудничества Малой и Балканской Антант¹.

В Риме планы создания новой политической группировки противопоставлялись Восточному пакту и могли нанести ущерб его подготовке. Все это свидетельствовало об истинных намерениях итальянской дипломатии действовать в направлении, противоположном целям и сути проекта Восточного пакта.

1 августа министерство иностранных дел Латвии обратилось в Рим с запросом относительно согласия Италии на участие в консультациях в рамках Восточного пакта, даже если Италия не присоединится к нему. Итальянский МИД ответил, что этот вопрос не является актуальным и еще не рассматривался в министерстве. В любом случае, говорилось в ответе, итальянская позиция будет согласована с английской².

Не ставя полного знака равенства между политикой Лондона и Рима, следует признать, что в рассматриваемый период английская дипломатия располагала определенными возможностями для оказания воздействия на Италию. В конце августа Франция обратилась к правительствам Англии и Италии с предложением согласовать с ними процедуру вступления СССР в Лигу Наций. 28 августа временный поверенный Италии в Лондоне Л. Витетти сообщил в Рим о заинтересованности Англии в обсуждении с итальянским правительством условий приема СССР в Лигу. В противном случае, подчеркивало английское руководство, может утвердиться общественное мнение, что прием СССР в Лигу произошел

¹ См.: *Авершин В. И.* Борьба СССР за коллективную безопасность в Дунайском бассейне и на Балканах // Балканы и Ближний Восток в новейшее время. Свердловск, 1974. С. 18.

² См. *Lopez Celly A.* L'Italia, Barthou ed il progetto di una Locarno orientale nel 1934. P. 254–255.

исключительно благодаря дипломатическим усилиям Франции¹. Спустя два дня Алоизи направил циркулярное письмо дипломатическим представителям в странах, входящих в Лигу Наций, с разъяснением, что вступление СССР в Лигу Наций произошло благодаря совместной инициативе, предпринятой правительствами Англии, Италии и Франции².

8 сентября 1934 г. Германия направила предполагавшимся участникам Восточного пакта официальный меморандум о том, что она не намерена принимать участие в многостороннем договоре, предусматривающем оказание взаимной помощи. Германское руководство противопоставляло пакту двусторонние договоры. Считая невыгодным по политическим соображениям безоговорочное отклонение идеи заключения многостороннего соглашения, оно выражало согласие на подписание только такого договора, который содержал бы лишь обязательства о ненападении и консультациях. В качестве предварительного условия Германия выдвинула претензии на признание за ней прав на перевооружение³. Италия признала германские предложения обоснованными.

Уклончивым по форме и отрицательным по существу был ответ, полученный от Польши. НКВД расценил ответы Германии и Польши как фактический отказ от участия в Восточном пакте⁴.

Л. Витетти обсудил с руководителем Форин Оффиса Р. Ванситтартом последствия германского меморандума. Ванситтарт заметил, что заключительная часть документа оставляла надежду на подписание многостороннего соглашения о консультациях, в которых, однако, он не видел никакой пользы. Комментируя сообщения французской печати о возможности заключения Восточного пакта в обход Германии, О. Сарджент, заместитель государственного секретаря Форин Оффиса, ясно дал понять, что

¹ См.: *Lopez Celly A.* L'Italia, Barthou ed il progetto di una Locarno orientale nel 1934. P. 258.

² *Aloisi P.* Journal. P., 1957. P. 212–213.

³ *Суполс В. Я.* Внешняя политика Советского Союза. С. 193 ; DGFP. Ser. C. Vol. 3. № 200.

⁴ *Международная жизнь.* 1963. № 7. С. 154.

британская дипломатия будет рассматривать такую инициативу как исключительно вредную. В ответном письме, направленном в итальянское посольство в Лондоне, Муссолини сообщил, что он разделяет позицию английского руководства¹.

Лопец Челли считает, что Италия в тот период придерживалась традиционных целей внешней политики и искренне стремилась добиться сближения с Францией. Однако правительство Франции «недооценило тот вклад, который могла внести Италия в работу по достижению европейской безопасности» и стремилось достичь сотрудничества с Римом «малой ценой». В итоге период сотрудничества двух стран был кратковременным².

Учитывая отрицательную позицию Германии и Польши, советское правительство продолжало добиваться заключения Восточного пакта без них. Наряду с Германией, Польшей и Англией немалая доля ответственности за срыв усилий по заключению Восточного пакта лежит и на итальянском руководстве.

Не отказываясь формально от поддержки Восточного пакта, итальянская дипломатия фактически противопоставила ему сотрудничество с одной Францией, направленное на изоляцию СССР. На некоторое время итало-французское сближение стало важным фактором международных отношений³.

После убийства 9 октября 1934 г. Луи Барту сотрудничество между Италией и Францией приобрело новые оттенки. Справедливо пишет Н. Д. Смирнова, что если для Барту сближение с Италией рассматривалось в качестве одного из промежуточных этапов на пути общеевропейского урегулирования в интересах создания системы коллективной безопасности, то для нового министра иностранных дел П. Лаваля достижение договоренности с Италией сводилось к обоюдовыгодному империалистическому торгу⁴.

¹ См.: *Lopez Celly A.* L'Italia, Barthou ed il progetto di una Locarno orientale nel 1934. P. 267.

² Ibid. P. 277–278.

³ См. об этом: *Савинова О. В.* Проблема аншлюса Австрии во франко-итальянских отношениях. С. 75.

⁴ См.: *Смирнова Н. Д.* Политика Италии на Балканах. С. 271.

Советский нарком Литвинов обращал внимание на то, что «наша концепция о полезной параллельности нашего и итальянского сближения с Францией как будто не разделяется Италией, которая видит в этих двух сближениях элемент конкуренции»¹.

С 5 по 7 января 1935 г. в Риме встречались Муссолини и новый французский министр иностранных дел П. Лаваль. Подписанное в ходе переговоров «соглашение Лавалю — Муссолини» (Римский пакт) развязало руки итальянскому империализму для агрессии против Эфиопии. Советский нарком иностранных дел указывал на опасные последствия соглашения для коллективной безопасности:

1. Уменьшение интереса к Восточному пакту, хотя Римский пакт должен выполнять совершенно другие функции и не может заменять Восточного пакта. 2. Германия, которая готова была заплатить за легализацию вооружений Восточным пактом, предпочтет расплатиться Римским пактом, если другие не будут настаивать на обоих пактах в качестве компенсации за довооружение. 3. Создан прецедент пакта о консультации и ненападении без взаимной помощи. Это усилит сопротивление Германии включению в Восточный пакт взаимной помощи. 4. Присоединение к соглашению Англии, Турции, Греции и других стран может создать впечатление антисоветского блока. 5. В случае присоединения Англии Муссолини может попытаться под покровом нового соглашения воскресить «пакт четырех»².

В ходе римских переговоров Италия и Франция поставили на повестку дня задачу оформления Дунайского пакта. В этом маневре проявилось отчетливое намерение итальянского руководства расколоть союзы в Центральной и Юго-Восточной Европе. Обеспокоенные агрессивным характером политики нацистской Германии, страны Малой Антанты высказались на заседании постоянного совета в Любляне 11 января за достижение советско-французского сотрудничества и скорейшее заключение Восточного пакта³.

1–3 февраля 1935 г. французский министр иностранных дел Лаваль вел переговоры в Лондоне с целью подготовки совместных

¹ ДВП СССР. Т. 18. № 24. С. 37.

² ДВП СССР. Т. 18. С. 614, ссылка 9.

³ См. об этом: Международная жизнь. 1963. № 7. С. 158.

предложений, на базе которых можно было бы договориться с гитлеровской Германией, требовавшей отмены статей о военных ограничениях Версальского договора. Из опубликованного коммюнике видно, что в ходе переговоров тема Восточного пакта была отодвинута на задний план. О нем говорилось как о составной части широкого и трудноосуществимого проекта¹.

Известно, что английское правительство оказывало нажим на Францию с целью совершенно исключить упоминание о Восточном пакте из общего текста Лондонского соглашения². Советский нарком М. Литвинов предостерегал, что англичане «толкали французов в Лондоне и будут в дальнейшем еще больше толкать к ликвидации или обесценению Восточного пакта»³. Действительно, в дальнейшем Англия не оказывала поддержки заключению Восточного пакта и, более того, занимала по отношению к нему откровенно враждебную позицию.

В апреле 1935 г. советское правительство рассматривало Италию наряду с Англией «несомненными противниками Восточного пакта»⁴. Развернув активную подготовку к войне против Эфиопии, фашистское руководство стремилось воспрепятствовать любым действиям, направленным на осуществление мер коллективной безопасности в Европе. В Риме проявляли повышенный интерес к тому, чтобы заручиться дипломатической поддержкой своих агрессивных действий со стороны Лондона и Парижа.

Стали проявляться контуры итало-германского сближения. Пристальный интерес в Риме вызвало сообщение доверенного лица Муссолини, председателя итальянской торговой палаты в Берлине Дж. Ренцетти о беседе 11 апреля 1935 г. с германскими высшими должностными лицами на вечеринке по случаю бракосочетания министра авиации Г. Геринга. Ренцетти особенно выделил тот факт, что он оказался единственным иностранцем, приглашенным на торжество. Наиболее интересным, по словам Ренцетти,

¹ См.: Международная жизнь. 1963. № 8. С. 181.

² Там же. С. 183.

³ ДВП СССР. Т. 18. № 40. С. 69.

⁴ Международная жизнь. 1963. № 10. С. 151.

оказался его разговор с министром просвещения Б. Рустом. Министр сообщил, что Гитлер проявил большой интерес к его предстоящей поездке в Рим по приглашению Итало-германского института колоний. В Берлине, подчеркнул министр, придают большое значение развитию культурных связей с Италией. «Хорошие итало-германские отношения, — продолжал Руст, — могут внести решающий вклад в формирование европейского духа, который так необходим, чтобы иметь возможность противостоять вторжению азиатской расы». Министр заверил Ренцетти, что Италии не следует опасаться германского продвижения на юг. Из беседы с Рустом президент итальянской торговой палаты вынес убеждение, что Берлин обеспокоен развитием итало-французских отношений и стремится противопоставить ему расширение связей с Италией по всем направлениям, чтобы «воздвигнуть мост самого сотрудничества». Ренцетти заметил своему собеседнику, что определенные итальянские обязательства в отношении Франции не должны являться помехой для итало-германского сотрудничества¹.

Беседа Ренцетти с Рустом состоялась в тот день, когда в Стреше (Италия) открылась конференция глав правительств и министров иностранных дел Великобритании, Франции и Италии в связи с денонсированием Гитлером военных статей Версальского договора.

В Берлине опасались образования антигерманского фронта и стремились сорвать его рядом маневров. 12 апреля министр иностранных дел Германии К. Нейрат заявил о готовности Берлина пойти на заключение Восточного пакта, содержащего условия о ненападении и консультациях². Одновременно Германией были предприняты шаги для углубления связей с Италией. 23 апреля прибывший в Италию принц Филипп Гессенский добился аудиенции у Муссолини с тем, чтобы обсудить некоторые стороны

¹ Archivio Centrale dello Stato. Ministero Cultura Popolare. B. 165. Fasc. 20. 11.04.1935 (далее — ACS).

² См. об этом: *Сиполс В. Я.* Внешняя политика Советского Союза. С. 269–270.

итало-германских отношений¹. Есть основания предполагать, что с этой встречи начались регулярные визиты принца Гессенского в Рим в качестве доверенного лица тайной дипломатии Гитлера, а не с августа 1936 г., как утверждает западногерманский исследователь М. Функе².

В мае 1935 г. Гитлер и Муссолини публично призвали смягчить напряженность между двумя странами. По итальянской инициативе было достигнуто соглашение о прекращении полемики в печати обеих стран. В Италии был снят запрет на распространение немецких газет. 21 мая Гитлер сделал жест, откровенно рассчитанный на примирение с Италией. Он заявил, что Германия «не имеет ни намерения, ни желания вмешиваться во внутренние дела Австрии и тем более аннексировать ее»³.

После заключения в мае 1935 г. франко-советского и советско-чехословацкого договоров о взаимопомощи глава итальянского правительства сообщил германскому военно-воздушному атташе в Риме, что договоры создали новый фактор в международной политике, и новый итальянский внешнеполитический курс будет вести к сближению с Германией⁴.

Советский нарком иностранных дел выразил свою озабоченность полпреду в Италии: «Из разных достоверных источников получаем сведения, что итальянцы науськивают прибалтийские государства против сотрудничества с СССР, рекомендуя им сближение с Польшей»⁵. В сообщении в Москву советский полпред отметил, что Италия «отрицательно относится как к франко-советскому пакту, так и ко всей системе безопасности», и через посредство Польши «Муссолини хочет добиться такой политической комбинации, которая могла бы противостоять франко-советско-малоантантовской системе»⁶.

¹ ACS. PCM. 1934–1936. B. 15. F. 2. Sottofasc. 3973. *Politica germanica*. 23.04.1935.

² См.: *Funke M. Sanktionen mid Kanonen*. Dusseldorf, 1970. S. 66.

³ Цит. по: *Petersen J. Hitler e Mussolini. La difficile alleanza*. Roma, 1975. P. 364.

⁴ См. об этом: *Petersen J. Hitler e Mussolini*. P. 364.

⁵ ДВП СССР. Т. 18. № 207. С. 313.

⁶ ДВП СССР. Т. 18. С. 636–637.

Линия, избранная французским министром иностранных дел Лавалем, затрудняла возможность превращения советско-французского договора в эффективный инструмент для борьбы против агрессии. 3 июня Лаваль направил германскому посольству меморандум, в котором предложил продолжить переговоры о Восточном пакте на основе германских условий от 12 апреля, предусматривавших ограничиться подписанием соглашения о ненападении и безопасности. Германское руководство отклонило Восточный пакт и в новом виде, заявив, что в результате заключения франко-советского договора его заявление от 12 апреля утратило силу¹.

Советский нарком иностранных дел констатировал, что в связи с позицией Германии можно считать «на данное время вопрос о Восточном пакте и без взаимной помощи ликвидированным»².

С самого начала возникновения советско-французской инициативы она вызвала отрицательное отношение в Риме. Однако перед угрозой оказаться в изоляции итальянское правительство было вынуждено поддержать проект, но не отказалось от усилий, направленных на его срыв.

Итальянская дипломатия добилась поставленных целей. Отсутствие организованного коллективного отпора фашистской агрессии развязало руки итальянскому империализму в Восточной Африке, быстрыми темпами росла германская агрессия в Европе. Политика попустительства агрессорам открыла путь итало-германскому союзу и приблизила Вторую мировую войну.

2.4. На пути к формированию политической оси Рим — Берлин

Интерес фашистского руководства к деятельности национал-социалистической партии в Германии приобрел устойчивый характер после ее успехов на выборах 1928 г. Сразу же после назначения

¹ См.: Сиполс В. Я. Внешняя политика Советского Союза. С. 296.

² ДВП СССР. Т. 18. № 253. С. 273–274.

в январе 1933 г. на пост канцлера Гитлер направил письмо Муссолини, в котором выразил горячую поддержку политике дружбы в отношении Италии. Два дня спустя на приеме, устроенном для итальянских журналистов, рейхсканцлер указал на «настоятельную необходимость тесных и дружеских связей» между двумя фашистскими режимами, вытекающих из претензий обеих стран на «права великих наций»¹.

Наиболее деликатные поручения по связям с нацистской верхушкой глава итальянского правительства доверял в тот период руководителю итальянской торговой палаты в Берлине Джузеппе Ренцетти, который действовал в обход министерства иностранных дел. За это его называли «длинной рукой» Муссолини в Берлине. Муссолини был знаком с Ренцетти. С 1922 г. Ренцетти постоянно проживал в Германии, был вхож в политические круги правых сил, имел многочисленные полезные знакомства в нацистской верхушке². Через Ренцетти Муссолини направил Гитлеру личное послание. В нем указывалось на возможность проведения согласованной политики с Германией на международных конференциях по экономическим проблемам и разоружению, где традиционно сталкивались интересы обеих стран. Пространное донесение из Берлина с анализом внутривнутриполитической ситуации в Германии Ренцетти заключил выводом, что «нацисты подтверждали и подтверждают необходимость следования решительной политике дружбы с Италией»³.

Французский посол в Берлине писал в эти дни в Париж: «Мне представляется, что сегодня соглашение с Римом занимает ключевое место в дипломатической стратегии Гитлера»⁴. Достижение сотрудничества с Италией, считает Р. Де Феличе, открывало

¹ Цит. по: *Petersen J.* Hitler e Mussolini. P. 120.

² См.: *De Felice R.* Mussolini il Duce. V. 1. P. 432.

³ Archivio Centrale dello Stato, Ministero della Cultura Popolare. D. 165. Fas. 20. G. Renzetti. 5.02.1933.

⁴ Documents diplomatiques français, 1932–1939. 1 ser. (1932–1935). Paris, 1966. T. 2. № 275. P. 584 (далее — DDF).

Германии выход на дорогу дружбы с Англией при условии изоляции Франции¹.

Весной 1933 г. в Италии побывал вице-канцлер Германии Ф. фон Папен и рейхсминистр Г. Геринг. Они обсудили перспективы двусторонних отношений с Муссолини и, в частности, вопрос об оказании итальянской помощи в перевооружении германской армии. По существу, речь шла о расширении тех сторон итало-германского сотрудничества, которые успешно развивались в предшествующее пятилетие. Новое соглашение, заключенное Герингом в Риме, предусматривало обучение итальянцами в течение двух лет 160 немецких пилотов. Для центров подготовки были выбраны военные аэродромы вблизи Милана. Немецкие пилоты были переодеты в итальянскую форму и выдавали себя за южных тирольцев. Всего за два года было обучено 220 пилотов².

Особый интерес в Берлине с начала 1920-х гг. вызывало развитие сотрудничества военно-морских сил двух государств. В германских планах ведения морской войны Италии отводилась ведущая роль в Средиземном море, где она должна была достичь превосходства над военно-морскими силами противника³.

Немецкий историк Й. Петерсен полагает, что с приходом нацистов к власти «союз двух фашистских государств витал в воздухе и мог осуществиться в любой момент»⁴. Еще до установления гитлеровской диктатуры Муссолини считал целесообразным привлечение Германии к итало-венгерскому сотрудничеству в борьбе против Малой Антанты. Этот вопрос был обсужден на встрече главы итальянского правительства с венгерским коллегой Д. Гёмбешем, который впервые употребил термин «ось», говоря о предполагавшемся союзе трех стран⁵. Для итало-фашистского

¹ *De Felice R.* I rapporti tra fascismo e nazional-socialismo fino all'andata al potere di Hitler (1922–1933) : Appunti e documenti. Napoli, 1971. P. 188.

² См. об этом: *Petersen J.* Hitler e Mussolini. P. 524–525.

³ См. об этом: *Schreiber G.* Revisionismus und Weltmachtstreben : Marinefunrung und deutsch-italienisch Berichungen, 1919 bis 1947. Stuttgart, 1978. S. 50, 101, 104.

⁴ *Petersen J.* Hitler e Mussolini. P. 120.

⁵ См.: *Robertson E.* Mussolini as Empire-BUILDER, 1932–1936. L., 1977. P. 37.

руководства сближение с Германией открывало благоприятные перспективы для пересмотра версальских договоров, но в том, что касалось Австрии и Юго-Восточной Европы, их столкновение было неизбежным¹.

В связи с усилением опасности германского проникновения в Центральную и Юго-Восточную Европу между Римом и Парижем началось обсуждение планов совместного «урегулирования» проблем Дунайского района. Итало-французское сближение на этой основе было недолговечным, так как обе стороны претендовали на преимущественное влияние в бассейне Дуная. Параллельно в Риме предпринимали попытки разработать совместную с Берлином экономическую политику в Дунайском районе. Но в начале октября итало-германские отношения обострились в связи с усилением подрывной деятельности нацистов в Австрии, которые 3 октября организовали покушение на канцлера Дольфуса².

Отсутствие договоренности между Италией и Германией по внешнеполитическим вопросам отражалось на состоянии межпартийных отношений, которые внешне носили дружественный характер. В первой половине 1933 г. в Италии побывали многочисленные нацистские партийные делегации для изучения опыта работы фашистской партии. В начале июня министр пропаганды Й. Геббельс ознакомился в Риме со структурой фашистского пропагандистского аппарата. Были налажены связи в области культуры, образования, между фашистскими профсоюзами. В сентябре на съезде нацистской партии руководитель итальянской делегации заместитель секретаря фашистской партии А. Марпикати заявил, что успех национал-социализма стал важным вкладом в «триумф фашистских идеалов во всем мире». Захват нацистами власти первоначально комментировался в итальянской прессе для обоснования тезиса о наступлении «переходного периода от одного типа

¹ Смирнова Н. Д. Политика Италии на Балканах. С. 190–191.

² См.: Шихов В. Н. Первые Римские протоколы // Международные отношения в новейшее время : в 2 ч. Свердловск, 1966. Ч. 1. С. 9, 10.

цивилизации к другому», к установлению тоталитарных фашистских режимов¹.

Итальянские идеологи претендовали на ведущую роль в мировом фашистском движении. В связи с провозглашенной концепцией «универсального фашизма» Рим оказывал финансовую помощь фашистским движениям в США, Англии и других странах, стремился организовать их по итальянскому образцу².

С приходом нацистов к власти в Германии усилилось наметившееся несколько ранее противодействие итальянским теориям об универсальном значении фашизма. Поэтому по инициативе Муссолини в июле 1933 г. были созданы Комитеты действия за универсализацию опыта Рима (КАУР). Как пишет Б. Р. Лопухов, образование КАУР означало официальный отход Муссолини от его же прежних утверждений начала 1920-х гг., что «фашизм — это не товар для экспорта». Отныне он рассматривался именно «как товар для экспорта», причем с маркой «Сделано в Италии»³. Польский исследователь Ежи Бореяша считает, что Муссолини, «будучи не в состоянии осуществить экономическое или военное проникновение в другие страны Восточной Европы, не говоря уже о далеких государствах Латинской Америки, сделал ставку на политическое проникновение или идеологическое “облучение”»⁴.

Острыми взаимными уколами обменялась пресса обеих стран в связи с принятием в Германии закона «Об упорядочении национальной работы». Дискуссия возникла не столько в связи с законом, сколько в связи с комментариями в книге Э. Эшмана на этот закон.

В ней утверждалось, что в отличие от итальянской корпоративной системы, стабилизирующей капитализм, новое германское

¹ См.: *Il Popolo d'Italia*. 1933. 22 Aug. ; *Corriere della Sera*. 1933. 2 Sept.

² ACS. MCP. B. 18. Sottofasc. 71–71a. Rapporti Ambasciata a Washington, 1923–1928 ; *De Felice R. Mussolini il Duce*. V. 1. P. 592.

³ См.: *Лопухов Б. Р.* История фашистского режима в Италии. М., 1977. С. 177–181.

⁴ *Borejsza J.* Il fascismo e l'Europa orientale : Dalla propaganda all'aggressione. Roma ; Bari, 1981. P. 147.

трудовое законодательство выводят страну за рамки капитализма к исторически новому социальному порядку¹. Завязалась полемика между газетой немецкого трудового фронта *Deutsche* и ее итальянским близнецом *Il Lavoro fascista*. Особенно отрицательный резонанс вызвала в Риме статья редактора *Deutsche* К. Буша, который утверждал, что с расовой точки зрения германский народ превосходит итальянский, а фашистскую систему в Италии назвал устаревшей. В германской печати использовались такие грубые ярлыки в отношении фашистского режима, как «низкая латинская раса», «еврейский фашизм»². Следы полемики видны в письмах Ренцетти главе правительства и начальнику кабинета печати главы правительства Г. Чиано. После вмешательства рейхсканцлера К. Буш принес публичные извинения итальянской стороне³.

Стремясь придать фашизму респектабельность, итальянский пропагандистский аппарат отмежевался от некоторых наиболее одиозных программ национал-социализма, таких, как расовая, антисемитская. Обе партии придавали немаловажное значение утверждению идеологического приоритета. В конце года в Монтрё был проведен международный фашистский конгресс под эгидой КАУР. На нем присутствовали делегаты почти из 30 стран, но представители нацистской партии не были приглашены. В следующем году были проведены еще две встречи, однако в целом притязания итальянского фашизма на гегемонию в международном масштабе оказались несостоятельными⁴.

В некоторых странах фашистские движения испытывали сильное итальянское влияние, но до распространения опыта было далеко.

¹ См.: *Eschmann E.* Die Aussenpolitik de Aussenpolilik des Faschismus. Berlin, 1934.

² *Michaelis M.* Il Conte Galeazzo Ciano di Cortellazzo quale antesignano dell'Asse Roma-Derlino // *Nuova Rivista storica*. 1977. № 1–2. P. 122. По оценке гитлеровского специалиста по «расовым» вопросам Г. Гюнтера, доля «полноценных арийцев» в Италии не превышала 15 %.

³ ACS. MCP. B. 165. Fasc. 20. Renzetti. 29.05.1934.

⁴ См. об этом: *De Felice R.* Mussolini il Duce. V. 1. P. 594–596.

Столкновения на идеологической почве перемежались с соперничеством на международной арене. Пробным камнем для выявления позиций обоих режимов был так называемый австрийский вопрос. Усилия итальянской дипломатии были направлены на укрепление позиций в придунайских странах, особенно в Австрии, в противовес гитлеровским планам аншлюса. В марте 1934 г. в Риме были заложены основы блока Италии, Венгрии и Австрии, состоялось подписание протокола о координации политики и двух экономических протоколов¹.

Реакция Германии была отрицательной. Однако обе стороны продолжали выявлять точки соприкосновения. Так, Ренцетти сообщил в Рим о значительном интересе в правительстве рейха к речи Муссолини, произнесенной им в конце мая, особенно к той ее части, где говорилось достаточно ясно, что Италия уже сейчас готова «завоевать свое право на существование с помощью оружия»².

Продолжались итало-германские консультации по вопросам перевооружения. Итальянское руководство поддержало германские требования в этом вопросе³. В пространной статье о фашистской внешней политике итальянский посол в Лондоне Д. Гранди ясно дал понять, что Италия поддерживает германские усилия, направленные на восстановление ее военно-политических и финансовых позиций и на занятие «равноправного положения в консорциуме свободных наций». Что касалось Италии, то, по словам Гранди, «первая конструктивная фаза внешней политики Муссолини завершилась», фашизм предъявил итальянские требования к Европе и ждет их удовлетворения. Они включали обеспечение итальянской экономики сырьем, получение выхода к океанам, открытие доступа итальянскому капиталу в колониях, признание итальянских прав в Средиземноморье. Из статьи влиятельного фашистского дипломата было видно, что в Риме возлагали надежды на

¹ См.: Шихов В. Н. Первые Римские протоколы. С. 19.

² ACS. MCP. B. 165. Fag. 20. G. Renzetti. 29.05.1934.

³ *Magistrati M.* Il prologo del dramma. Milano, 1971. P. 199–200.

одновременное обсуждение итальянских и германских требований в рамках директората четырех держав.

10 мая Ренцетти сообщил в Рим о намерении Геринга в сопровождении статс-секретаря Ремера принца Гессенского посетить Рим с частным визитом с целью «достижения урегулирования по двусторонним итало-германским вопросам». Ренцетти особенно обращал внимание на то, что Геринг является доверенным лицом рейхсканцлера. Два дня спустя он сообщил, что по неизвестным ему причинам поездка отложена. Позже стало известно о предполагавшемся визите Гитлера в Италию. Ренцетти информировал, что в зависимости от хода переговоров Гитлер попытается достичь соглашения по идеологическим и расовым вопросам, обсудить отношения двух стран с Ватиканом. Большие надежды возлагались в Берлине на успешное обсуждение австрийского вопроса¹.

Переговоры фашистских руководителей проходили в Стра близ Падуи и в Венеции 14 и 15 июня 1934 г. Они не принесли положительных результатов в вопросе урегулирования двусторонних отношений. Наиболее остро развивалась дискуссия по Австрии². Неуступчивая позиция Гитлера в этом вопросе раздражала Муссолини. Внешняя политика Германии представлялась ему рискованной и нерасчетливой, а внутреннее положение — нестабильным.

Новое обострение отношений между Италией и Германией было вызвано попыткой нацистского переворота в Австрии 25 июля 1934 г., в результате которой был убит австрийский канцлер. Италия предприняла решительные действия с тем, чтобы не допустить аншлюса. Муссолини отдал приказ об отправке четырех дивизий на границу с Австрией, были аннулированы контракты на продажу 24 истребителей *FIAT* Германии, немецким пилотам было отказано в подготовке в Италии³.

В Берлине старались закрывать глаза на враждебные выпады итальянцев. В инструкциях для германской печати (например, 25, 29 августа и 7, 18 сентября) строго рекомендовалось

¹ ASC. MCP. 165. Fas. 20. G. Renzetti, 10, 12.05.1934; 14.06.1934.

² См. об этом: *De Felice R. Mussolini il Duce. V. 1. P. 494–495.*

³ См. об этом: *Petersen J. Hitler e Mussolini. P. 336.*

комментировать «поразительные политико-культурные наскоки итальянской печати в невызывающей форме, чтобы не сделать их государственными проблемами». Аналогичные инструкции поступили в отношении резко антигерманской речи Муссолини, произнесенной им 16 сентября, которая совпала по времени с работой съезда НСДАП. Германской прессе было категорически запрещено выступать с нападками на итальянских руководителей¹.

Сдержанность нацистов была замечена в Риме, и это обстоятельство способствовало снижению уровня критики в отношении Германии. Так, зарубежные комментаторы обратили внимание на примирительный тон речи Муссолини в Милане 6 октября. Без Германии, говорил глава правительства, «трудно представить себе решение европейских дел». Он выразил готовность поддержать Берлин в вопросе перевооружений, но при условии присоединения Германии к соглашению между Италией, Англией и Францией от 17 февраля 1934 г. в защиту независимости Австрии². Однако основное внимание обращалось на сближение с Францией.

В серии статей, анонимно опубликованных Муссолини в газете *Il Popolo d'Italia*, развивалась тема сотрудничества Италии с Францией. На некоторое время итало-французское сближение стало важным фактором международных отношений³.

С 5 по 7 января 1935 г. в Риме встретились Муссолини и французский министр иностранных дел П. Лаваль. Одним из важнейших итогов переговоров было предоставление итальянскому империализму свободы рук в Эфиопии⁴.

Западногерманский исследователь Й. Петерсен утверждает, что соглашение Муссолини — Лавалья привело Италию в антиревизионистский лагерь⁵. Этот вывод не соответствует

¹ См. об этом: *Petersen J.* Hitler e Mussolini. P. 331, 552.

² *Ibid.* P. 334.

³ *Савинова О. В.* Проблема аншлюса Австрии во франко-итальянских отношениях // Проблемы итальянской истории. М., 1978. С. 75.

⁴ Подробнее о соглашении см.: *Савинова О. В.* Проблема аншлюса Австрии во франко-итальянских отношениях. С. 77–79 ; *Трофимов В. А.* Итальянский колониализм и неоколониализм. М., 1979. С. 160–165.

⁵ *Petersen J.* Hitler e Mussolini. P. 337.

действительности. В связи с предстоящей агрессией против Эфиопии Рим был заинтересован в сотрудничестве с Францией, но оно ограничивалось острым итало-французским соперничеством. За месяц до заключения сделки с Лавалем Муссолини запросил посла в Берлине В. Черрути о том, когда, по его мнению, Германия будет способна военным путем решить проблему аншлюса. Посол высказал предположение, что это произойдет не ранее, чем через два года. Муссолини решил, что к тому времени будет завершена война в Эфиопии, и тогда Италия займет еще более неуступчивую позицию по вопросу аншлюса¹.

Расчетам Муссолини, однако, не суждено было осуществиться. Эфиопская война дала толчок итало-германскому сближению.

В апреле 1935 г. внимание Муссолини привлекло сообщение Ренцетти о беседе с германскими высшими должностными лицами на ужине по случаю бракосочетания Геринга. Ренцетти особенно выделил тот факт, что он оказался единственным иностранцем, приглашенным на торжество. Наиболее интересным, по словам Ренцетти, оказался его разговор с министром просвещения Рустом.

Германский министр сообщил, что Гитлер проявил большой интерес к предстоящей поездке в Рим по приглашению Итало-германского института колоний. В Берлине придают важное значение развитию культурных связей с Италией. «Хорошие итало-германские отношения, — продолжал он, — могут внести решающий вклад в формирование европейского духа, который так необходим, чтобы противостоять вторжению азиатской расы». Что касается австрийского вопроса, то Италия не должна опасаться германского продвижения на юг. Из беседы с Рустом Ренцетти сделал вывод, что Берлин обеспокоен развитием итало-французских отношений и стремится противопоставить им расширение связей с Италией по всем направлениям, чтобы «воздвигнуть мост самого сотрудничества». Ренцетти заметил собеседнику, что определенные

¹ См.: *Cerruti V. Perche Hitler aiuto' il Negus // Tempo. 1959. 20 apr.*

итальянские обязательства в отношении Франции не должны являться помехой к итало-германскому сотрудничеству¹.

Беседа состоялась в тот день, когда в Стресе открылась конференция глав правительств и министров иностранных дел, созванная в связи с денонсированием Гитлером военных статей Версальского договора. В Берлине опасались образования антигерманского фронта и стремились сорвать возможность его возникновения путем улучшения отношений с Италией. 23 апреля прибывший в Италию принц Филипп Гессенский добился аудиенции у Муссолини с тем, чтобы обсудить некоторые стороны германской политики в отношении Италии². Принц Филипп Гессенский был родственником короля Италии и часто выполнял миссию связного между Гитлером и Муссолини. Еще до прихода нацистов к власти он стал другом Геринга, и этим объясняется его высокий статус в нацистских кругах. После смещения Муссолини был арестован нацистами и отправлен в концентрационный лагерь. В лагере он выжил, после войны был допрошен и дал показания союзникам³.

Обнаруженный нами в итальянском архиве документ позволяет поставить под сомнение заявление принца Гессенского, сделанное им в июне 1967 г. исследователю М. Функе, о том, что до августа 1936 г. он «не принимал никакого участия в установлении контактов» между Римом и Берлином⁴. Спустя месяц по приглашению Итальянской академии германский министр юстиции Франк принял участие в конференции по теме «Римское и германское право»⁵.

В мае 1935 г. фашистские руководители публично призвали смягчить напряженность между странами. По итальянской инициативе было достигнуто соглашение о прекращении полемики

¹ ACS. MCP. B. 165. Fas. 20. G. Renzetti. 11.04.1935.

² ACS. Presidenza del Consiglio dei Ministri, 1934–1936. B. 15. Fasc. 2. Sottofasc. 3973. *Politica germanica*, 23.04.1935.

³ См.: *Michaelis M.* La prima missione del Principe d'Assia presso Mussolini // *Nuova Rivista storica*. 1971. P. 367.

⁴ См.: *Funke M.* Sanktionen und Kanonen. Dusseldorf, 1970. S. 66.

⁵ ACS. MCP. B. 165. Fasc. 20. G. Renzetti. 11.04.1935.

в печати обеих стран. В Италии был снят запрет на распространение немецких газет. 21 мая Гитлер сделал важное заявление, привлечшее внимание итальянских руководителей. Он сказал, что Германия «не имеет ни намерений, ни желания вмешиваться во внутренние дела Австрии и тем более аннексировать ее».

После заключения франко-советского и советско-чехословацкого договоров о взаимопомощи Муссолини сообщил германскому военно-воздушному атташе в Риме, что договоры создали новый фактор в международной политике, и новый итальянский внешнеполитический курс будет вести к сближению с Германией⁶.

Спустя неделю после заключения англо-германского морского соглашения 18 июня 1935 г. британский лорд — хранитель печати А. Иден прибыл в Рим для переговоров о разграничении сфер влияния. Он обещал Муссолини помочь добиться уступок от Эфиопии при условии, что Италия не будет посягать на английские владения в Африке. Однако договориться с главой фашистского правительства не удалось.

В связи с подготовкой к агрессии в Восточной Африке итало-фашистское руководство проявило заинтересованность в нейтрализации последствий англо-германского соглашения, стремилось заручиться поддержкой или, в крайнем случае, благожелательным нейтралитетом германской стороны в предстоящем конфликте. Эти вопросы были обсуждены Гитлером и Ренцетти в ходе полуторачасовой беседы 21 июня 1935 г. Первым делом Гитлер жестко поставил вопрос о замене итальянского посла в Берлине Черрути, присутствие которого он рассматривал в качестве главного препятствия для дальнейшего развития отношений между двумя странами. Затем он затронул австрийскую проблему и попытался всю ответственность за подготовку нацистского переворота в Австрии в 1934 г. возложить на Рема. Рейхсканцлер заверил, что Германия не станет добиваться аннексии Австрии.

Ренцетти обратил внимание на необходимость достижения такого соглашения между Италией и Германией, чтобы

⁶ См.: *Petersen J. Hitler e Mussolini*. P. 364.

«интриганы не провоцировали переворотов в Австрии». Гитлер возразил ему на это, заявив, что нельзя требовать от Германии, чтобы она отказалась от поддержки австрийских нацистов и от их включения в состав правительства. «Я не думаю об аннексии, — заверил он Ренцетти, — у нас, как и у вас, другие цели — поиски новых рынков сбыта и источников сырья. Не надейтесь получить достаточную поддержку в этом деле со стороны Англии и Франции, которые хотели сконцентрировать ваше внимание на бреннерской границе». Он особенно настойчиво подчеркивал мысль, что «в связи с общностью проблем, почти идентичным положением и схожестью режимов» Италия и Германия «должны следовать вместе». Ренцетти подытожил сообщение в Рим выводом, что Гитлер показал решимость и настойчивость в достижении политических связей и сотрудничества с Италией, в случае объединения усилий Италия и Германия могли бы добиться всего, чего пожелают¹.

В качестве ответного любезного жеста Муссолини принял 9 июля 1935 г. главного редактора газеты *Hamburger Frendenblatt* Свена фон Мюллера. Это был первый дружеский жест итальянской стороны по отношению к германской прессе с момента убийства австрийского канцлера. Перед беседой с Муссолини Мюллер был основательно проинструктирован германским послом У. Хасселем. В соответствии с этими рекомендациями редактор сделал заявление о намерении германской стороны улучшить отношения с Италией. При этом он подчеркнул незаинтересованность Берлина в Эфиопии и гарантировал неучастие Германии в антиитальянских мероприятиях Лиги Наций.

Муссолини выразил уверенность в скором улучшении итало-германских отношений, но уклонился от ответа на прямой вопрос, когда же Италия отведет войска от бреннерской границы. Муссолини подтвердил родство фашизма и национал-социализма и обещал прекратить идеологические нападки на Германию. В качестве проявления доброй воли он обещал отозвать из Берлина посла Черрути. Муссолини сообщил о намерении Италии

¹ ACS. MCP. B. 165. Fasc. 20. G. Renzetti. 21.11.1934.

разрешить эфиопский вопрос, даже если Англия окажется в оппозиции. Мюллер передал заверения Берлина, что в случае англо-итальянского конфликта Германия будет придерживаться политики строгого нейтралитета. Муссолини был удовлетворен этим заявлением.

В отчете в рейхсканцелярию Мюллер подчеркнул, что африканская авантюра поставила Италию в опаснейшее военное, экономическое и политическое положение, из которого нет выхода без французской поддержки. Этим он объяснил сдержанность Муссолини в достижении конкретного соглашения с Берлином¹.

Э. Альфиери, заместитель министра образованного в июне 1935 г. министерства печати и пропаганды, информировал министра Г. Чиано, находившегося в тот момент в Восточной Африке, что в связи с возможным ухудшением отношений Италии с Англией и Францией Муссолини решил предпринять шаги к сближению с Берлином, чтобы «держать открытой дверь для более тесных связей, которые могут стать необходимыми в зависимости от обстановки»².

Отзыв посла Черрути должен был расчистить путь к соглашению. Новый посол в Берлине Б. Аттолико был протеже зятя Муссолини Галеаццо Чиано. Он получил ясные инструкции добиваться «размораживания» отношений между двумя странами³. В сентябре по поручению Муссолини в Берлин был направлен флорентийский профессор Гвидо Манакорда, обсудивший с Гитлером по поручению дуче австрийскую проблему. В феврале 1936 г. профессор Манакорда был принят Гитлером во второй раз⁴.

Отношение Берлина к итальянской аванюре в Восточной Африке было двойственным. Германское руководство было заинтересовано в поддержке действий, имевших целью пересмотреть

¹ *Michaelis M.* Il conte G. Ciano di Cortellazzo quale antesignano dell'Asse Roma — Berlino. P. 124–125.

² ASC. MCP. B. 185. Fasc. 33. Sottofasc. 6. D. Alfieri. 11.09.1935.

³ См.: *Magistrati M.* Il prologo del dramma. P. 91.

⁴ См.: *Michaelis M.* La prima missione del Principe d'Assia presso Mussolini. P. 369.

послевоенный статус-кво. «Итальянская политика в Абиссинии выгодна нам потому, что она вводит элемент динамики в застойное положение по колониальному вопросу», — писал германский посол фон Хассель¹. Руководитель абвера В. Канарис заверил итальянского коллегу М. Роатта в том, что в случае итало-эфиопской войны Германия запретит поставки военного снаряжения и посылку инструкторов в Эфиопию. Но за спиной итальянцев уже велись переговоры о тайных поставках германского оружия в Эфиопию².

В Берлине были заинтересованы в затягивании конфликта, что позволило бы переключить внимание мировой общественности и политических сил с Европы на Африку, внести новый элемент в отношения с Италией. Германский министр иностранных дел прогнозировал в частном письме:

Тот факт, что итальянское правительство неожиданно начало стремиться к установлению с нами хороших отношений, объясняется вполне естественно нынешней сложной ситуацией и ее ухудшением в будущем в связи с абиссинской авантюрой. В наших интересах пойти им навстречу в подходящий момент. Наступит день, когда мы сможем вести переговоры и решить с Италией австрийский вопрос³.

Тем не менее Геббельс дал инструкции органам печати освещать обстановку в Восточной Африке таким образом, чтобы не создавалось впечатление, что Берлин «испытывает удовольствие от вероятной войны и ждет ее с облегчением»⁴.

Германское руководство тщательно скрывало свои замыслы от итальянцев. Посол Аттолико в канун итальянской агрессии был убежден, что Германия займет в конфликте позицию «строгого

¹ DGFP. Ser. C. V. 4. № 174.

² См.: *Funke M.* Sanktionen und Kanonen. S. 43–45, 47.

³ *Funke M.* Le relazioni italo-tedesche al momento del conflitto etiopico e delle sanzioni della Società della Nazioni // *Storia contemporanea*. 1971. № 3. P. 481.

⁴ *Funke M.* Le relazioni italo-tedesche al momento del conflitto etiopico... P. 484.

нейтралитета при большом понимании и даже настоящей симпатии к нашей позиции»¹.

В октябре 1935 г. итальянский империализм развязал конфликт против Эфиопии. Хотя правящие круги Англии и Франции попустительствовали агрессии, они не могли полностью игнорировать мировое общественное мнение и позицию ряда стран в организации отпора агрессору. Лига Наций ввела санкции против итальянского агрессора. Но даже ограниченные санкции напугали фашистское руководство. Опасаясь оказаться в изоляции, оно поощряло дальнейшее развитие отношений с Германией, делая упор на общности антикоммунистических позиций.

Осенью 1935 г. в политических кругах Германии обсуждался вопрос о создании антикоммунистического пакта. 25 ноября начальник отдела внешней политики НСДАП Й. Риббентроп предложил Гитлеру первый проект такого соглашения, который получил одобрение рейхсканцлера. Два дня спустя статс-секретарь МИД Бюлов направил в Рим предложение о заключении секретного соглашения для «общей борьбы против большевизма». В ответ Муссолини предложил ускорить установление тесного сотрудничества. В декабре в Берлин прибыл представитель КАУР, эксперт по Советскому Союзу Э. Инсабато. По поручению Муссолини он предложил координировать антибольшевистскую пропаганду. Между КАУР и крупной немецкой организацией *Antikomintern*, находившейся под покровительством министерства пропаганды, были установлены контакты для координации их борьбы «против коммунистической пропаганды в мире, Коммунистического Интернационала и мирового масонства»². В Берлине положительно отнеслись к предложению о проведении переговоров между представителями гестапо и итальянской полиции³.

Вместе с тем Германия продолжала тайные поставки оружия Эфиопии и предоставила ей кредит для закупки военного

¹ ACS. MCP. B. 113. Fasc. 4. B. Attolico.

² Petersen J. Hitler e Mussolini. P. 387–388.

³ См. об этом: Robertson E. Mussolini as Empire-BUILDER. P. 182.

имущества на сумму 3 млн марок¹. Берлин воспользовался сокращением объема торговли Италии с Балканскими странами в связи с принятием Лигой Наций решения об экономических санкциях против Италии и усилил свое экономическое проникновение в этот район². Сама Германия не участвовала в экономических санкциях и наращивала торговлю с Италией. Доля Германии в итальянской внешней торговле выросла с 16,1 % в 1934 г. до 23,3 % в 1936 г., но условия торговли были для Италии кабальными³.

Обстоятельный анализ состояния итало-германских отношений к концу 1935 г. был дан советником итальянского посольства в Берлине М. Маджистрати в письме министру пропаганды и печати Чиано.

Вкратце суть письма сводилась к следующему. Первоначально в Берлине существовали опасения, что итало-французское сотрудничество в эфиопском вопросе складывалось на антигерманской основе. Лишь к концу 1935 г. произошли позитивные перемены в позиции Германии в отношении Италии. В Берлине полагают, подчеркнул советник, что итальянская агрессия в Восточной Африке способствует ослаблению «фронта Стрезы», создает прецедент для выдвижения германских политических и экономических требований. Поражение Италии в войне, по мнению нацистского руководства, могло быть использовано против самой Германии и ее политической программы, затруднило бы ревизию версальских договоров (советник конкретно указал на лиц в высшем германском политическом и военном руководстве, которые стремились к углублению сотрудничества с Италией). Он выразил уверенность, что Германия будет занимать в отношении Италии позицию «строгого», «благожелательного нейтралитета»⁴.

Состояние официальных итало-германских отношений на конец 1935 г., казалось бы, не давало оснований для оптимистиче-

¹ См. об этом: *Funke M.* Sanktionen und Kanonen. S. 43–45.

² См. об этом: *Смирнова Н. Д.* Политика Италии на Балканах. С. 296.

³ См. об этом: *Petersen J.* Hitler e Mussolini. P. 396–400.

⁴ ACS. VCH. B. 113. Fasc. 4. B. Attolico. 30.12.1935 ; *Magistrati M.* Il prologo del dramma. P. 97–98.

ского заявления Муссолини в 1937 г. о том, что ось Берлин — Рим родилась осенью 1935 г. и уже два года великолепно действует. Вплоть до агрессии в Восточной Африке фашистское руководство не порывало с традиционными направлениями внешней политики Италии.

В то же время для углубления сотрудничества с Германией необходимо было преодолеть острое соперничество между фашистскими государствами, прежде всего в австрийском вопросе и в Юго-Восточной Европе, разграничить сферы влияния, договориться о согласованной линии поведения в международных делах.

Учитывая специфику международной обстановки и наличие неурегулированных вопросов в отношениях с Германией, Муссолини осуществлял проверку нового курса через идеологические организации и министерство печати и пропаганды в обход министерства иностранных дел. По существу, в 1936 г. наиболее важные вопросы углубления итало-германского сотрудничества были сконцентрированы в министерстве печати и пропаганды, во главе которого стоял зять Муссолини Г. Чиано. В обход министерства иностранных дел под патронажем главы правительства Чиано закладывал идеологические и практические основы будущей оси Рим — Берлин. Исследователь Р. Мори считает, что с 1935 г. министерство, которым руководил Чиано, превратилось в «дублера» итальянского МИД¹.

К концу 1935 г. переговоры между Англией, Францией и Италией о достижении мирной сделки за счет Эфиопии вступили в решающую стадию. В декабре было подготовлено секретное соглашение Хора — Лавалья, рекомендовавшее Эфиопии сделать территориальные уступки в пользу Италии. Это предложение было Эфиопией отклонено². Провал соглашения Хора — Лавалья поставил Италию в сложное положение. Военная обстановка в Восточной Африке складывалась не в пользу итальянских агрессоров,

¹ См.: *Mori R. Verso il riavvicinamento fra Hitler e Mussolini*. P. 85–87.

² См.: История Второй мировой войны : в 12 т. М., 1974. Т. 2. С.17.

в результате контратаки абиссинцев часть провинции Тембьен была ими оставлена.

Командированный в Восточную Африку Г. Чиано использовал свое кратковременное возвращение в Рим для резкой критики внешнеполитической линии на сотрудничество с Францией и Великобританией, которую олицетворял заместитель министра иностранных дел Ф. Сувича. Г. Чиано обвинил Францию в предательстве и на этом основании требовал полной переориентации внешней политики на союз с Германией, заключения с ней конкретных соглашений¹.

Новые веяния в итальянской столице ощутили на себе итальянские послы в Париже, Берлине и Брюсселе, приглашенные к главе правительства на совещание по обсуждению принципиальных вопросов внешней политики.

Примечательно, что с основным докладом на совещании выступил посол в Берлине Аттолико. Его доклад был построен таким образом, чтобы показать силу и жизненность нацистского режима. По рекомендации посла глава правительства сделал 6 января предложение «огромного интереса» германскому послу фон Хасселю, которое заключалось в возможности «освободить итало-германские отношения от австрийского долга». Это предлагалось сделать на основе утверждения формальной независимости Австрии путем заключения с ней «дружественного соглашения с пактом о ненападении, которое на практике поставило бы Австрию в кильватер политики Германии»². Об этом предложении были информированы с итальянской стороны лишь Аттолико и Чиано.

Итальянские условия решения австрийской проблемы полностью не удовлетворяли Гитлера, однако для него не менее важным представлялся отход итальянского руководства от прежней позиции в этом вопросе. Поэтому он одобрил итальянское предложение и высказался за дальнейшее углубление сотрудничества между двумя странами при условии, что Италия не вернется к «фронту

¹ *Petersen J.* Hitler e Mussolini. P. 408.

² *Ibid.* P. 411.

Стрезы». В ответ Муссолини заверил, что «Стреза мертва»¹. Посол в Берлине рекомендовал правительству Италии использовать в своих интересах слабость позиций Англии и Франции в защите Локарнских соглашений². 30 января Аттолико направил в министерство иностранных дел Италии отчет «Женевская нота Идена и Германия». В нем указывалось на серьезные опасения в политических кругах Англии и Франции в связи с возможным образованием итало-германского блока³.

Начальник кабинета Муссолини в МИД П. Алоизи записал в дневнике 3 февраля: «Здесь (в Риме. — В. М.) появляются прогерманские тенденции. Бедные итало-французские отношения»⁴. 25 февраля между Италией и Германией было заключено соглашение о мерах борьбы против советско-французского пакта и об общей линии политики в отношении Локарнских соглашений⁵. Посол Аттолико утверждал, что Сувица от отставки спасает только то, что «лошадей на переправе не меняют». 7 февраля Сувич направил главе правительства меморандум с предложениями по внешнеполитическим вопросам. В нем указывалось, что итало-германское сближение не должно выходить за рамки идеологического сотрудничества. «Было бы хорошо дать понять другим странам, что итало-германское сближение не имеет более широкого распространения». Сувич настаивал на защите Австрии любой ценой и указывал на опасные для Италии последствия аннексии Австрии и выхода Германии на границу с Италией. Он предупреждал против опасных иллюзий о том, что Германия, выйдя на границу по Бреннеру, останется на тех же позициях, а не попытается преодолеть сотню километров, которые отделяют ее от Адриатического моря. По мнению Сувича, аншлюс поставил бы под угрозу все итальянские позиции в Дунайско-Балканском регионе⁶.

¹ Цит по: *Petersen J.* Hitler e Mussolini. P. 413.

² ACS. MCP. B. 113. Fasc. 4. B. Attolico. 18.01.1936.

³ Ibid. 30.01.1936.

⁴ *Aloisi P.* Journal. P. 113.

⁵ См.: История Второй мировой войны. Т. 2. С. 19–20.

⁶ См.: *Mori R.* Verso il riavvicinamento fra Hitler e Mussolini. P. 80–83; *Michaelis M.* Il conte G. Ciano di Cortellazzo quale antesignano dell'Asse Roma — Berlino. P. 133.

Пока продолжалась итало-эфиопская война, Муссолини поощрял обе тенденции во внешней политике. Это придавало ей крайне двойственный характер. В период оккупации немецкими войсками Рейнской зоны 7 марта 1936 г. правящие круги Англии и Франции не оказали противодействия авантюре Гитлера. 10 марта 1936 г. в Париже открылось совещание «локарнских стран» с участием Англии, Франции, Италии и Бельгии, которое не дало положительных результатов¹.

Итальянская делегация приняла в нем участие, несмотря на ранее сделанные заверения Берлину не участвовать в антигерманских действиях. Ответом Рима на оккупацию Рейнской зоны явилось подписание Италией, Австрией и Венгрией Вторых Римских протоколов 23 марта 1936 г. Оно преследовало цель укрепления итальянских позиций в Дунайском бассейне и было направлено как против англо-французской политики в этом районе, так и против усиливающейся германской экспансии. Подписание Римских протоколов было встречено в Берлине с нескрываемым раздражением². На вопрос корреспондента нацистской газеты *Völkischer Beobachter* о причинах зигзагов итальянской дипломатии Муссолини цинично заявил:

Это политика! Не понимаете? Фюрер меня поймет. Италия не может играть с открытыми картами. Мы не можем обнаружить перед Францией и Англией нашу позицию в отношении Германии. Еще нет! Необходимо продвигаться медленно и наверняка. Но Италия и Германия имеют общность судьбы... Наступит день, когда мы встретимся, хотим мы этого или нет! Но мы хотим! Потому что мы должны³.

¹ См.: Сиполс В. Я. Дипломатическая борьба накануне Второй мировой войны. М., 1979. С. 110–111.

² См.: Шихов В. И. Второй Римский протокол // Сборник докладов и сообщений по новой и новейшей истории на 2-й научной конференции вузов Уральского экономического района. Пермь, 1966. С. 198.

³ Цит по: *Michaelis M.* Il conte G. Ciano di Cortellazzo quale antesignano dell'Asse Roma — Berlino. P. 127.

Чтобы сгладить негативное отношение в Берлине к заключению Вторых Римских протоколов, Муссолини форсировал итало-германские переговоры по двум направлениям.

В Берлин одновременно прибыли две итальянские делегации во главе с начальником военной разведки М. Роатта и начальником итальянской полиции Л. Боккини. О переговорах первой делегации исследователи не располагают достаточной информацией. Документы о переговорах Боккини с начальником немецкой службы СС Гиммлером впервые были введены в оборот Р. Де Феличе¹. Эта встреча явилась важным мероприятием в рамках создания оси Рим — Берлин. Переговоры проходили с 30 марта по 1 апреля в помещении гестапо в Берлине. Р. Де Феличе опубликовал четыре документа, раскрывающих цели и значение встречи.

В первом документе Боккини дал общую оценку внутривнутриполитической обстановке в Германии, отметил «крепкие позиции» нацистского режима. Сенсационное впечатление на него произвели германские успехи в военной области, повсеместная милитаризация. По его убеждению, немецкая верхушка полагала, что только союз великих авторитарных сил в Европе — Италии и Германии — может привести к победоносной борьбе, и поэтому два великих государства должны действовать согласованно. Гитлеровское руководство предлагало не ограничиваться соглашением технического порядка о сотрудничестве между полициями, а на его основе готовить политическое соглашение.

Во втором документе был дан обзор общей дискуссии. Стороны обменялись информацией о структуре и механизме деятельности полицейских служб. Особое внимание было отведено вопросам совместной борьбы против коммунистической деятельности и масонских организаций. Методы поддержания связей между двумя полициями и формы сотрудничества были определены в третьем документе. Обе делегации высказались за проведение их странами согласованной политики против СССР.

¹ См.: *De Felice R. Alle origini del Patto d'Acciaio // Cultura. 1963. № 5. P. 524–538.*

В четвертом документе содержался восторженный отчет члена итальянской делегации о посещении им нацистских концлагерей¹.

Закреплению сотрудничества должны были способствовать визиты итальянского министра сельского хозяйства Э. Россони в Германию в апреле 1936 г. и министра без портфеля Х. Франка на конференцию по германскому праву, организованную Национальным фашистским институтом культуры. Франк был принят Муссолини. За ним последовали поездки в Италию министра сельского хозяйства Дарре, руководителя молодежной организации Шираха, гаулейтера Гамбурга Кауфмана. Визиты приобрели настолько частый характер, что германский посол фон Хассель всполошился в связи с их возможным «обесцениванием». Министр иностранных дел Нейрат обратился к Гитлеру с просьбой строго регламентировать число поездок. В конце года было принято решение, разрешавшее поездки только с личного согласия рейхсканцлера.

В мае 1936 г., сломив мужественное сопротивление абиссинцев, итальянские войска вошли в Аддис-Абебу. Итальянское руководство провозгласило образование итальянской империи. На повестку дня оно поставило задачу международного признания аннексии Эфиопии и отмены экономических санкций Лиги Наций. Для достижения этих целей Муссолини открыто шантажировал правительства западных стран сближением с Германией.

Показательной в этом отношении была беседа Муссолини с бывшим французским министром Л. Мальве 22 июня:

Настоящее положение обязывает меня искать безопасность в другом месте, поскольку со стороны Франции и Англии я ее потерял. Чтобы восстановить равновесие, к кому мне еще обратиться, если не к Гитлеру?

И далее Муссолини утверждал, что инициатива сближения исходила от Германии, которая с пониманием отнеслась к итальянской позиции в период войны с Эфиопией:

До сего дня я занимаю сдержанную позицию. Но я точно могу оценить, что произойдет, если договорюсь с Гитлером. Сначала

¹ См.: *De Felice R. Alle origini del Patto d'Acciaio*. P. 524–538.

будет аншлюс. Затем последуют Чехословакия, Польша, германские колонии и т. д. Словом, война будет неизбежна.

В заключение Муссолини просил проинформировать французское правительство о том, что если его отношение к итальянским требованиям не изменится, Италия станет союзницей Германии. Аналогичный маневр был осуществлен в отношении Лондона¹.

Требования фашистского руководства включали признание захвата Эфиопии, отказ Англии от поддержки стран Балканской Антанты, предоставление Италии кредитов для «освоения» захваченных территорий в Восточной Африке, создание «директории четырех держав» для решения европейских проблем².

По инициативе западных держав Лига Наций прекратила экономические санкции против Италии с 15 июля. Признания итальянской империи Англией и Францией последовали позднее.

Успех агрессивных действий в Африке раззадорил фашистское руководство. «После эфиопской кампании фашистская Италия гораздо быстрее двинулась по пути военных авантюр», — пишет Г. С. Филатов³.

Итоги итальянской агрессии в Восточной Африке повлияли на отношение германского руководства к Италии. Если в 1920-х гг. Гитлер утверждал, что по географическим причинам и в силу британского военно-морского превосходства Италия не в состоянии занять антианглийские позиции, то после 1935 г. Италии стала отводиться роль южного фланга фашистского блока в борьбе против Англии и Франции.

9 июня 1936 г. Муссолини назначил министром иностранных дел своего зятя Г. Чиано. Учитывая, что в данный период Г. Чиано занимал прогерманскую позицию, можно предположить о новых веяниях во внешней политике фашистской Италии. Историк М. Микелис не исключает, что Г. Чиано использовал свою

¹ См.: *De Felice R. Mussolini il duce*. V. 1. P. 749, 750, 752–754.

² См.: *Чемпалов И. Н.* Политика великих держав в Юго-Восточной Европе накануне Второй мировой войны (1933–1939) : дис. ... д-ра ист. наук. Пермь, 1973. С. 100, 101.

³ *Филатов Г. С.* Крах итальянского фашизма. М., 1973. С. 17.

прогерманскую позицию в конъюнктурных целях в борьбе за должность министра иностранных дел. Как бы там ни было, 13 февраля из посольства Германии была направлена депеша в Берлин, в которой сообщалось, что информатор из итальянского МИД доложил, что в доверительных беседах с сотрудниками МИД Чиано говорил о необходимости полного пересмотра итальянской внешней политики и достижения определенных соглашений с Берлином¹.

До него фактически дела министерства иностранных дел вел заместитель министра Ф. Сувич, который был известен как ярый защитник независимости Австрии и противник союзных отношений с Германией².

Один из лидеров итальянских коммунистов П. Тольятти придавал важное значение переменам в дипломатическом аппарате Италии, рассматривая назначение Чиано как приход к рычагам внешней политики «убежденных поборников политики оси Рим — Берлин», сторонников новой теории, согласно которой осуществление программы и обещаний фашизма может иметь место только путем международной экспансии фашизма и его окончательной победы во всем мире над демократическими режимами и над большевизмом. «Политика агрессии Гитлера и Муссолини находит в этой идеологии самое циничное оправдание», — предупреждал П. Тольятти³.

Однако не надо забывать, что единственным творцом и интерпретатором внешней политики был сам Муссолини, который в этот момент не разделял восторженной прогерманской позиции своего зятя и дочери Эдды. По приглашению свояченицы, сестры мужа Марии Чиано Маджистрати, бывшей замужем за первым секретарем итальянского посольства в Берлине, Эдда в июне целый месяц гостила в германской столице. Она была принята

¹ См.: *Michaelis M.* Il conte G. Ciano di Cortellazzo quale antesignano dell'Asse Roma — Berlino. P. 138.

² См.: *Moseley R.* Mussolini's Shadow: The double life of Count Galeazzo Ciano. N. Haven ; L., 1999. P. 21 ; *Magistrati M.* Il prologo del dramma. P. 108.

³ *Эрколи М. (Тольятти П.).* На итальянском полюсе «оси Рим — Берлин» // Коммунистический Интернационал. 1937. С. 28–29.

Гитлером, Геббельсом и другими нацистскими лидерами, проводила время в многочисленных светских приемах. Берлин ее покорила настолько, что это даже стало поводом для серьезных семейных разборок с мужем¹.

17 июля 1936 г. начался военный мятеж в Испании. Совместные действия Италии и Германии против республиканского правительства в Испании стали важным этапом итало-германского сближения.

Среди визитеров в столицы двух государств все чаще стали фигурировать военные. В июне в недельной поездке по Германии находилась группа военных экспертов в составе полковника Марраса, бывшего военно-морского атташе Р. Куртена и полковника А. Сенцаденари. С 6 по 11 июля полковник Г.-Х. Рейнхард, майор Ф. Шёрнер, капитан Ф. Руге и майор Г. Вальдау обсудили с итальянскими коллегами технические вопросы и проблемы командования.

В августе в Рим был направлен со специальным поручением рейхсканцлера принц Гессенский. Он сообщил Муссолини, что Германия не имеет особых политических и территориальных претензий в районе Средиземного моря, и предложил установить тесное итало-германское сотрудничество в испанском вопросе. 25 августа принц Гессенский вернулся в Берлин с конкретным предложением главы итальянского правительства провести переговоры на уровне лиц, облеченных высоким доверием, для обсуждения практических мер². Спустя день в Рим отбыла германская военная делегация во главе с адмиралом Канарисом, которая согласовала с итальянцами вопросы совместных действий в Испании.

С 29 по 31 августа министр пропаганды Геббельс встретился в Венеции с коллегой Альфиери. Видимо, в ходе встречи министров пропаганды было достигнуто соглашение о координации пропагандистских мероприятий, связанных с интервенцией в Испании. Дальнейшая координация действий пропагандистских

¹ См.: *Moseley R. Mussolini's Shadow*. P. 28.

² См. об этом: *Michaelis M. La prima missione del principe d'Assia presso Mussolini (agosto 1936) // Nuova rivista storica*. 1974. P. 367–370.

аппаратов осуществлялась через пресс-атташе соответствующих посольств и министерств¹.

Но наиболее важные переговоры, непосредственно подготовившие политический союз двух стран, были проведены в сентябре во время встречи Гитлера с начальником кабинета МИД Италии Анфузо и во время поездки Франка в Рим. Франк изложил Муссолини позицию германского руководства в связи с развитием обстановки в Средиземноморье, вызванной интервенцией Италии и Германии в Испании. Он подчеркнул, что Германия оказывает помощь франкистам по чисто политическим причинам и не имеет других интересов в Испании или Средиземноморье, более того, она признает этот район итальянской сферой влияния. Коснувшись колониального вопроса, Франк подчеркнул, что в Берлине не имеют иллюзий относительно возможных английских уступок.

Франк заверил, что Берлин готов в любой момент признать итальянскую империю, но лучше всего это сделать во время запланированного визита Чиано в Берлин в октябре. Наконец, он акцентировал внимание итальянцев на необходимости установления «прямых отношений», особенно необходимых для борьбы против «большевистской опасности».

Муссолини согласился с Франком в том, что их «главным общим врагом является большевизм», и в борьбе с ним не следует ограничиваться рамками Иберийского полуострова. Вместе с тем он обратил внимание на напряженность англо-итальянских отношений в Средиземноморье, где Италия намерена добиваться установления своего господства. Муссолини принял приглашение посетить Берлин, как только будет достигнуто соглашение между двумя странами о разграничении сфер влияния. «Визит должен показать не только солидарность режимов, но также определить общую политику двух государств, которая должна быть ясно наметена по всем направлениям: на Восток, Запад, Юг и Север»².

¹ ACS. MCP. B. 87. Fasc. 1. Germania. 20.05.1937.

² Цит. по: *L'Europa verso la catastrofe*. Milano, 1964. V. 1. P. 79–85.

20 октября министр иностранных дел Италии Г. Чиано прибыл в Берлин. На третий день переговоров министры иностранных дел подписали протокол, который определил итало-германское сотрудничество по широкому спектру вопросов. Министры договорились о согласованных политических действиях в отношении Локарнского договора и на Международной экономической конференции. В рамках Лиги Наций Италия обязывалась защищать германские интересы. Стороны договорились о поставках военного снаряжения испанским мятежникам и об условиях признания франкистского режима. Германия признала аннексию Эфиопии. Италия обязывалась поддержать Берлин в колониальных вопросах, Италия и Германия договорились проводить совместную политику против коммунистической пропаганды всеми имеющимися в их распоряжении силами. В Дунайском бассейне Италия и Германия условились действовать согласованно против любых попыток создания международных отношений в этом районе без их участия.

Достичь конкретного соглашения о разграничении сфер влияния, однако, не удалось. В протоколе была отмечена полезность итало-германского сотрудничества в Дунайском бассейне, и стороны договорились предоставить возможность техническим комиссиям в текущем порядке обсудить механизм сотрудничества¹.

24 октября Чиано был принят Гитлером в горной резиденции Берхтесгаден. В общих чертах, но достаточно откровенно Гитлер дал понять итальянскому министру иностранных дел, что Германия ставит в повестку дня цели передела мира. Борьба против коммунизма оставалась первоочередной задачей и одновременно являлась прикрытием для подготовки более широкого плана территориальной экспансии, которая могла привести к открытому вооруженному конфликту с Англией и другими западными странами. «Германия будет готова к войне через три года, через четыре будет очень готова, а через пять — лучше всего», — заверил Гитлер.

¹ См.: *L'Europa verso la catastrofe*. V. 1. P. 90–94.

Он информировал Чиано о прогрессирующем германо-японском сближении¹.

25 ноября 1936 г. в Берлине состоялось официальное подписание Германией и Японией Антикоминтерновского пакта, направленного на окружение и изоляцию СССР. Год спустя к нему присоединилась Италия. Политическое соглашение, подписанное министрами иностранных дел Италии и Германии в Берлине, стало шагом на пути формирования союза фашистских государств, вставших на путь вооруженной борьбы за передел мира.

Очевидец и участник событий тех лет, находившийся в Берлине первый советник посольства Италии в Берлине М. Маджистрати, писал в мемуарах:

Было очевидно, что от этого сближения не возникало глубокой и душевной симпатии. Однако параллельное развитие ситуации для обеих стран должно было подталкивать обе стороны к большему сближению или, по крайней мере, к более углубленному изучению взаимных международных позиций².

В речи Муссолини 1 ноября 1936 г. значительное место было отведено оценке итало-германского соглашения:

Эта вертикаль Рим — Берлин является не диафрагмой, а скорее осью, вокруг которой могут сотрудничать все европейские государства, вдохновленные волей к сотрудничеству и миру³.

13 января с десятидневным визитом в Италию прибыл германский министр Геринг. Он убеждал Муссолини в неизбежности англо-итальянского конфликта в Средиземноморье и призвал углублять сотрудничество между фашистскими странами. Он попытался привлечь внимание главы итальянского правительства к программе военно-морского строительства. В этой связи странно было слышать из уст министра авиации рекомендации не переоценивать значение авиации по сравнению с военно-морским флотом. Министр привел примеры живучести военных кораблей,

¹ L'Europa verso la catastrofe. V. 1. P. 99–106.

² *Magistrati M.* Il prologo del dramma. P. 108.

³ Il Popolo d'Italia. 1936. 2 nov.

подвергшихся налетам самолетов противника. Муссолини познакомил Геринга с итальянскими планами военно-морского строительства. Как раз в начале января была принята новая программа строительства военных судов, она включала два броненосца водоизмещением 35 тыс. т и 12 эсминцев, значительное количество подводных лодок. После завершения этой программы итальянский военный флот должен был насчитывать четыре броненосца водоизмещением по 35 тыс. т (типа *Littorio*), четыре броненосца по 24 тыс. т (типа *Cavour*), полностью модернизированных, семь крейсеров водоизмещением 10 тыс. т, 12 крейсеров водоизмещением 5–8 тыс. т, 12 больших эсминцев, 24 средних и 32 небольших и более 100 подводных лодок¹.

Геринг заметил, что военно-морские силы Италии, Германии и Японии превзойдут мощь других стран. Очевидным было стремление Геринга привязать военно-политическую стратегию Италии к стратегии Германии. Геринг спросил Муссолини, как он представляет себе дальнейшее развитие итало-германских отношений. Глава правительства уклонился от прямого ответа на вопрос, сославшись на необходимость продолжения в дальнейшем «параллельных действий». По австрийскому вопросу Муссолини дал понять, что Италия больше не вернется к «страже на Бреннере», но подчеркнул важность сохранения соглашения 11 июля 1936 г.²

Советник итальянского посольства в Берлине Маджистрати полагал, что поворот в позиции Италии в отношении независимости Австрии произошел в феврале 1937 г. Италия пошла на уступки Берлину в расчете на поддержку агрессивных планов в Средиземноморье.

В июле 1937 г. японский министр иностранных дел Итагаки вручил премьер-министру документ, в котором наряду с анализом обстановки на Дальнем Востоке содержалось предложение укрепить политические отношения между Германией, Италией и Японией, а в перспективе развернуть их в военный союз. 31 июля

¹ ACS. Segretaria Particolare del Duce. 1937. B. 8. Fasc. 15. Sottofasc. A-IE 8/1 1937; Druga wojna swiatowa na morzu. Gdansk, 1976. S. 770, 773.

² См.: L'Europa verso la catastrofe. V. 1. P. 138–153.

японский посол в Италии Хетта передал Чиано письмо японского министра иностранных дел с предложением придать отношениям между двумя странами конкретную форму. Посол разъяснил, что речь идет о соглашении антикоммунистического характера типа того, что было заключено год назад между Берлином и Токио. Это соглашение можно сопроводить секретным протоколом о тесном «военно-техническом сотрудничестве». Япония особенно проявляла интерес к сотрудничеству с Италией в области авиации и флота. В перспективе японская сторона рассматривала возможность развития соглашения в пакт «весьма благоприятного нейтралитета». Чиано не дал ответа на японское предложение¹. На переговорах в Берлине по этому вопросу Риббентроп предложил договориться о конкретной военной помощи. Его предложение вызвало озабоченность в японских правящих кругах в связи с опасностью вовлечения в европейскую войну и преждевременного обострения отношений с Лондоном. В Токио делали упор на антисоветскую направленность соглашения.

Истоки итало-японских переговоров по данному вопросу восходят к концу августа 1937 г., когда началось обсуждение соглашения, преследующего антикоммунистические цели, примерно по тому же образцу, что и заключенное японско-германское соглашение. Тогда же началось обсуждение секретного соглашения о техническом сотрудничестве в военной области. Последующее присоединение Италии к Антикоминтерновскому пакту изменило первоначальный план итало-японского соглашения.

На первый план вышли проблемы взаимных обязательств благоприятного нейтралитета и взаимных консультаций в случае необходимости и технических соглашений между генеральными штабами сухопутных, морских и военно-воздушных сил.

16 сентября 1938 г. итальянский посол в Токио сообщил, что японская сторона предпочитает пакту трех государств два двусторонних договора (итало-японский и японско-германский), чтобы «придать больший вес и гибкость нашим действиям и лучше

¹ ACS. SPD. Autografi. 1937. B. 8. Fasc. 15 ; ACS. MCP. B. 21. Fasc. 308. Viaggi del Duce.

учитывать интересы каждой из сторон». Проект двустороннего итало-японского военного пакта обсуждался в конце 1938 — начале 1939 г. в военных кругах двух стран параллельно с проектом тройственного военного союза. В последнем рассматривались возможности согласованных действий в случаях дипломатического конфликта, угрозы неспровоцированной агрессии и вооруженного конфликта. Проект предполагал создание совместного военного органа. В секретных протоколах предусматривалось создание специальных постоянных политических и технических органов для рассмотрения течения конфликтов и определения необходимых организационных форм сотрудничества¹.

Глава итальянского правительства прибыл в Берлин 25 сентября. Первый визит Муссолини за границу после 1925 г. был задуман как широкая манифестация солидарности и единства политики двух фашистских режимов. В Берлине был проведен грандиозный митинг на олимпийском стадионе, в дни визита были закрыты учреждения и школы, символический характер придавался присутствию Муссолини и маршала Бадольо на военных маневрах в районе Мекленбурга, посещению итальянской делегацией крупных военных заводов в Эссене. В речах фашистских руководителей подчеркнуто отмечались общность режимов и политических целей, прочность фашистской оси. Итальянской прессе было дано указание подчеркивать дружеский характер встречи и итало-германскую солидарность².

В ходе переговоров Гитлер признал преобладание итальянских интересов в Испании и в целом в Средиземноморье, в свою очередь, Муссолини обязался признавать «особые германские интересы» в мире. Но по австрийскому вопросу глава итальянского правительства формально подтвердил независимость Австрии, осуществляемую в «тени великой Германии»³.

¹ См.: DDI. V. XI. Doc. 125. P. 163–165.

² См.: ACS. MCP. B. 31. Fasc. 431. Viaggio del Duce a Berlino. 1937.

³ Цит по: *Шухов В. И.* Политика Англии и держав оси Берлин — Рим в Юго-Восточной Европе (сентябрь 1937 — май 1938) // *Политика великих держав на Балканах и Ближнем Востоке.* Свердловск, 1977. С. 56–57.

20 октября японский посол информировал Чиано, что германское правительство предложило заключить тройственный пакт, и с этой целью Риббентроп предполагает посетить Рим. Подтверждение пришло в тот же день. Германский посол в Риме и начальник кабинета Риббентропа Х. Раумер нанесли визит Чиано. Итальянский министр в общих чертах подтвердил готовность Италии присоединиться к Антикоминтерновскому пакту, но попросил уточнить, какие секретные соглашения существуют между Германией и Японией. Раумер уклонился от ответа, что произвело на министра крайне неблагоприятное впечатление. В то время, как японская сторона предлагала перенести в тройственный пакт положение о благоприятном нейтралитете, в Берлине искали повод, чтобы добиться его сохранения в соглашении между Германией и Японией. Итальянский исследователь М. Тоскано полагает, что в Берлине не хотели распространения этого пункта на Италию, поскольку это вызвало бы крайне отрицательную реакцию Англии¹.

22 октября 1937 г. Риббентроп прибыл в Рим. В основном были обсуждены условия вступления Италии в Антикоминтерновский пакт. Чиано вновь свел разговор к вопросу о секретных протоколах в германо-японском соглашении. Он подчеркнул, что первоначально итальянцы положительно отнеслись к заключению в рамках пакта секретной статьи о благоприятном нейтралитете во всех случаях и о консультациях в особых.

Риббентроп подтвердил существование между Германией и Японией «разновидности джентльменского соглашения», в рамках которого осуществляются некоторые технические контакты между двумя генеральными штабами. Отношения между двумя странами углубляются и в других областях. Соглашение было направлено как против СССР, так и против западных держав. Сославшись на неопределенность позиции Токио, Риббентроп не дал ответа относительно возможности подписания с Италией секретного протокола².

¹ См.: *La politica estera italiana dal 1914 al 1943* / a cura di M. Toscano. Roma, 1963. P. 199.

² См.: *L'Europa verso la catastrofe*. V. 1. P. 234–236.

В беседе с Муссолини Риббентроп указал на необходимость дальнейшего развития пакта. Глава фашистского правительства согласился с ним в том, что за Антикоминтерновским пактом должно последовать более тесное соглашение политического и военного характера. Муссолини предложил усилить помощь обеих стран франкистам, но ясно дал понять, что Италия имеет свои виды на Испанию. Он упомянул об итальянских планах создания военно-морской базы на Мальорке. В случае конфликта с Англией и Францией Италия рассчитывала при помощи военных баз на Мальорке и Пантеллерии перерезать французские и английские коммуникации с Африкой, где, по мнению Муссолини, развернется один из наиболее важных фронтов грядущей войны. Риббентроп поддержал итальянские притязания на Мальорку, которую он назвал «новой важной фигурой в средиземноморской игре»¹.

В свою очередь, Риббентроп попытался заручиться итальянской поддержкой в отношении аншлюса Австрии. Ответ главы итальянского правительства был предельно ясен. Он заявил, что Италия более не является «главным часовым австрийской независимости», однако напомнил, что Германия не должна предпринимать действий против Австрии, не поставив предварительно в известность Италию. Муссолини объяснил изменение позиции Италии в отношении стран Центральной Европы тем, что отныне ее интересы сосредоточены на Средиземноморье и в колониях, а Сицилии предстоит превратиться в «географический центр Римской империи»². Северо-восточную границу империи в Риме предполагали провести через балканские страны. С этой целью фашистские руководители планировали дополнить «вертикальную» ось Рим — Берлин «горизонтальной» Рим — Белград — Будапешт. Последней предстояло выполнить роль барьера на пути германской экспансии в Юго-Восточную Европу³.

¹ Советский полпред в Италии указывал на особенно важное значение для Рима германской поддержки в испанских делах в свете англо-итальянского соперничества в Испании. См.: ДВП СССР. Т. 20. № 422. С. 628.

² Цит по: *L'Europa verso la catastrofe*. V. 1. P. 238–245.

³ См.: *Смирнова Н. Д.* Балканская политика фашистской Италии. С. 37.

Важное значение для определения конкретных агрессивных целей германского империализма имело выступление Гитлера на совещании политических и военных руководителей 5 ноября 1937 г. На этом совещании рейхсканцлер утверждал, что ни автаркия, ни увеличение доли в мировой торговле не могут решить проблемы Германии. Единственным выходом, утверждал Гитлер, является «приобретение обширного жизненного пространства» силой оружия. Гитлер считал, что вопрос о возвращении колоний можно решить только в том случае, если Англия окажется в тяжелом положении, а Германия будет хорошо вооружена. Он считал возможным возникновение благоприятной ситуации для сведения счетов с Англией и Францией в случае конфликта между ними и Италией в Средиземноморье. Гитлер полагал, что проблему «жизненного пространства» можно решить за шесть-восемь лет начиная с 1938 г. В качестве первоочередных жертв были намечены Австрия и Чехословакия¹.

Таким образом, Италию и Германию сближала общность интересов в борьбе за передел мира против Англии и Франции, но при этом между ними сохранялось острое соперничество, особенно в Юго-Восточной Европе.

6 ноября 1937 г. Италия присоединилась к Антикоминтерновскому пакту. Творцы тройственного пакта стремились ослабить беспокойство в столицах западных стран в связи с подписанием соглашения. По словам Чиано, англичане «чувствуют, что система заключается против них». Советский полпред Б. Е. Штейн описал курьезный случай с фашистским журналистом В. Гайдой, являвшимся «рупором» итальянского дуче. Сразу же после присоединения Италии к пакту Гайда, по словам советского дипломата, «не заглянув в святцы, бухнул в колокола»². Первая его статья, посвященная тройственному пакту, была явно направлена против Англии. В ней журналист занялся подсчетом морских сил союзников и сделал из этого угрожающие для Англии выводы. «Итальянское

¹ См.: Документы и материалы кануна Второй мировой войны : в 2 т. 1937–1939. М., 1981. Т. 1. № 1. С. 24–34.

² ДВП СССР. Т. 20, ссылка 238. С. 764.

правительство, конечно, хотело, чтобы Англия увидела в этом договоре угрозу, направленную против нее, но отнюдь не желало, чтобы эта угроза была выявлена столь ясно», — подчеркнул полпред. В итоге Гайде запретили на время писать статьи о внешней политике¹.

Итальянское правительство дало знать госдепартаменту США, что развитие отношений между тремя странами не противоречит американским интересам, а пакт направлен только против Коминтерна и «большевистской опасности, угрожающих западной цивилизации»². В действительности тройственный пакт вывел к переговорам о заключении военного союза в целях реализации широких захватнических планов. Итальянский министр иностранных дел Чиано указал на это достаточно откровенно:

Три народа вышли на общую дорогу, которая, может быть, приведет их к сражению. Необходима борьба, чтобы разбить лед, который сковывает энергию и устремления молодых народов... Нет больше положения 1935 г. Италия пробилла изоляцию: она находится в центре гигантской военно-политической комбинации, не существовавшей никогда ранее³.

2.5. Планирование итальянских военных операций и начало тройственных переговоров о военном союзе

Новые веяния стали проявляться и в разработке вопросов итальянской военной стратегии. Разработка военных планов нового типа была инициирована Муссолини, и ее возглавил заместитель военного министра, начальник Генерального штаба А. Парини. В своих стратегических планах итальянское военное командование исходило из возможности ведения в будущем войны против

¹ ДВП СССР. Т. 20, ссылка 238. С. 764.

² ACS. MCP. B. 163. Fasc. 19. Sottofasc. 78. Stati Uniti. 28.11.1937.

³ Ciano G. Diario. Roma, 1947. P. 46.

Англии и Франции, а также Греции и Турции. Особая роль в будущих военных операциях принадлежала итальянским островам в Средиземноморье, в первую очередь речь шла о об островах в Эгейском море. С июня 1936 г. итальянская военно-воздушная база на острове Родос была признана в качестве важнейшей для ведения наступательных военных операций во всем Восточном Средиземноморье. В августе аналогичное признание сделало военно-морское командование острова. 5 ноября 1936 г. состоялось совещание под руководством маршала Бадольо, на котором проблема планирования операций в Средиземноморье была вынесена на широкое обсуждение руководителей различных родов войск. Совещание проводилось в развитие политической директивы Муссолини, изложенной им 1 ноября в миланской речи, суть которой была лаконично выражена Муссолини: «Средиземноморье для Италии — это вопрос жизни»¹.

Военное руководство исходило из того, что Италия находится внутри кольца, внешние контуры которого контролируются британскими вооруженными силами, и в этом проявляется ее стратегическая слабость и зависимость. Единственное оптимистическое видение ситуации исходило только от военного отдела колоний Генерального штаба сухопутных сил. В октябре указанный военный отдел представил свое видение ситуации, исходя из того, что присутствие в Эфиопии позволяет держать под итальянским контролем две важнейшие британские морские коммуникации — Суэц — Аден — Индийский океан и Каир — Кейптаун. Была отмечена растущая поддержка Италии со стороны местного населения региона. В связи с вышесказанным военный отдел считал возможным организовать наступление итальянского военного корпуса из Триполитании или (при благоприятном стечении обстоятельств) наступление в направлении Алжира. Для этого предполагалось использовать итальянские военно-воздушные базы в Киренаике и на островах Эгейского моря с целью установления контроля над воздушным пространством Восточного Средиземноморья и вплоть

¹ Цит по: *Minniti F. Fino alla Guerra*. P. 142.

до Центрального Средиземноморья и Сицилии. Второе направление военных операций могло включать низовья Египта или срединного Нила через Асуан и Вади Хальфа в направлении Бахарии или Фарафра¹. Париани представил маршалу Бадолью проект, который рассматривал роль баз на Эгейских островах в наступательных действиях. Военно-морской флот и авиация должны были нанести удары противнику по его жизненно важным центрам — Александрии, Суэцу, Хайфе, Кипру, Смирне, проливам, Салоникам, Пирею, Кандии (Ираклиону). Сухопутные силы могли бы ограничиться поддержанием безопасности гарнизонов на островах Леро и Родос. Генеральный штаб флота рассматривал в качестве гипотезы ведение военных действий против Великобритании в противопоставлении итальянской линии Леро — Родос — Тобрук британской линии Кипр — Хайфа — Александрия. Маршал Бадолью согласился с представленным ему видением стратегической картинки в Восточном Средиземноморье. Учитывая сложность ведения военных операций через Судан, он отдавал предпочтение наступлению из Ливии в направлении Египта. Обсуждение планов военных наступлений сопровождалось планами строительства или реконструкции итальянских военных аэропортов в Средиземноморье. Захват части англо-египетского Судана рассматривался как один из результатов осуществления наступательного плана².

Адмирал Каваньяри высказал свое мнение относительно наступательного плана против Великобритании. В частности, он представил предложения относительно наступления из Эритреи с целью установления контроля над Суэцким каналом и возможности выдавливания британского флота из Александрии. Таким образом, итальянский флот мог бы осуществлять свои операции в Красном море и Индийском океане. С участием сухопутных и воздушных сил Италия могла бы оккупировать Аден, Перим, английское и французское Сомали, Момбасу и Порт-Судан и таким образом нарушить британские коммуникации в Восточном

¹ Ibid. P. 143.

² См. об этом: Ibid. P. 144, 145.

Средиземноморье. В случае войны против Франции жизненно важной целью стал бы захват Бизерты. Контроль над Центральным и Западным Средиземноморьем не рассматривался¹.

Оптимистично выглядел доклад начальника генерального штаба авиации генерала Валле. Он утверждал, что благодаря развитию военно-воздушных сил контроль над британскими коммуникациями с Центральной и Южной Африкой и Азией перешел к Италии. Он посетовал на отсутствие координации между родами войск в Средиземноморье и высказался в пользу формирования единой средиземноморской стратегии, что предлагал сделать министр колоний И. Бальбо. Предложения Бальбо сводились к наступательным действиям против французского и британского Сомали, против Адена, Кении и решающему наступлению в направлении Судана. Наступательные действия должны были осуществляться преимущественно из Ливии. В направлении Египта Бальбо считал возможным ведение итальянских наступательных действий по двум направлениям. Одно — по побережью в направлении Александрии, другое — через пустыню из Куфры и Ауената в направлении Нила в качестве вспомогательной операции к наступательным действиям из Эритреи в направлении Хартума. Относительно западной границы с Тунисом Бальбо предлагал исключить наступательные действия до тех пор, пока не сложатся благоприятные условия².

Ф. Миннити заключает, что Муссолини уклонился от детального обсуждения предложенных проектов и ограничился заявлением о том, что при организации военного планирования необходимо принимать в расчет стратегические критерии, предложенные Париани. Он поручил Бальбо и начальникам трех штабов войск осуществлять контроль за подготовкой вооруженных сил. Муссолини также высказался за утверждение должности Верховного командующего³.

¹ См. об этом: *Minniti F. Fino alla Guerra*. P. 145.

² См.: *Ibid.* P. 146, 147.

³ См.: *Ibid.* P. 147.

В 1936–1937 гг. наблюдались разнонаправленные разработки стратегических планов отдельными родами войск, не сведенные воедино. 1 марта 1937 г. П. Бадольо заявил руководителям родов войск, что текущая международная обстановка не благоприятствует принятию единого плана. Была произведена корректировка планов военных действий против Югославии и против Германии в защиту независимости Австрии. Новая задача, поставленная перед вооруженными силами, сводилась к обеспечению безопасности Италии в Средиземноморье. Тактические задачи вооруженных сил оказались размытыми и в целом сводились к повышению боевой готовности. Ф. Миннити считает, что новая директива заместителя военного министра нанесла значительный ущерб координации планирования действий трех родов войск. Вплоть до 1942 г. в связи с подготовкой захвата Мальты совместное планирование не осуществлялось. Исключение составляли планы согласованных действий сухопутных сил и авиации относительно наступательных действий на территории Югославии и против Германии¹.

Между мартом и апрелем 1937 г. был разработан новый план (*piano radunato*) P. R. 12, в котором была предпринята попытка объединить континентальную стратегию со средиземноморской. За пределами планирования оставались Ливия и итальянская Восточная Африка. В октябре 1937 г. Бальбо распорядился начать работу по планированию участия итальянских войск, дислоцированных в Ливии в случае конфликта против Франции и Англии². В конце 1937 г. произошло обострение отношений между Италией и западными демократиями в связи с нарушением итальянскими подводными лодками международного права в средиземноморских водах. Итальянское командование реанимировало многие из тех планов морских и наземных действий против Великобритании.

В декабре 1937 г. на совещании высшего военного руководства были обсуждены вопросы оперативного взаимодействия трех

¹ *Minniti F. Fino alla Guerra.* P. 150.

² *Ibid.* P. 153.

родов войск на Балканах против Албании, Греции и Югославии, а также в районах Средиземного и Красного морей, в Африке против Англии и Франции. На совещании указывалось, что военные действия против Франции примут позиционный характер на альпийской границе, в то время как решающая борьба развернется в Северной Африке в направлении Египта и Туниса. В связи с этим были обсуждены вопросы обеспечения необходимых поставок в итальянские колонии и защиты итальянских коммуникаций. На совещании прямо говорилось, что «возможными врагами являются Франция и Великобритания»¹.

Итальянский исследователь Л. Чева обращает внимание на то, что на указанном совещании впервые была изложена «концепция Париани» (по имени начальника генерального штаба сухопутных сил), согласно которой урегулирование конфликта произойдет не в Альпах, а в Северной Африке, где запланированы «наступление на Суэц, военные действия против Египта, оборона на тунисском фронте»².

В начале января 1938 г. Париани сообщил И. Бальбо, что для реализации военного плана защиты на Востоке и наступления на Западе необходимо удвоить количество пехотных дивизий, усилить их моторизацию и танковое сопровождение.

Эти задачи нашли свое отражение в плане P. R. 12, который был направлен для исполнения в период между февралем и мартом 1938 г. В нем не было разделов относительно военного планирования в Африке, хотя генеральная директива определяла три театра военных действий: альпийский, средиземноморский и североафриканский. Итальянская Восточная Африка не была представлена в планировании. Предлагалось направить в Ливию восемь дивизий. Локальное наступление предусматривалось в Альпах.

¹ Verbale della seduta del 2 dicembre 1937 // L'Esercito italiano alla vigilia della seconda guerra mondiale. Roma, 1982. P. 410–417. Allegato 13.

² Ceva L. Appunti per una storia dello Stato Maggiore Generale fino alla vigilia della «non belligeranza» (giugno 1925 — luglio 1939) // Storia contemporanea. 1979. № 2. P. 236–239.

Германское участие не предусматривалось. Ф. Миннити оценил разработанный план как неэффективный¹.

В конце 1937 г. японский генеральный штаб предложил Берлину заключить военный пакт. Гитлеровское руководство отклонило это предложение из опасений преждевременного втягивания в конфликт, особенно в связи с напряженной обстановкой на Дальнем Востоке. Весной 1938 г. японский генеральный штаб обратился в Рим с предложением о военном сотрудничестве. В Японию была направлена делегация фашистской партии, однако итальянское руководство уклонилось от принятия предложения в свете предстоящего подписания соглашения с Лондоном.

В январе нанес визит в Рим германский военный министр Бломберг. Визит совпал с открытием 15-й сессии Верховной комиссии обороны Италии. 13 февраля прибыл в Италию Риббентроп, 21 марта — руководитель германского Рабочего фронта Лей, который затем выехал в Ливию².

Ссылки фашистской пропаганды на антисоветскую направленность Антикоминтерновского пакта не могли полностью скрыть от Лондона и Парижа опасности, исходившей от новой политической коалиции фашистских государств. Однако вместо того, чтобы стремиться к созданию фронта коллективного отпора фашистским агрессорам, правительства западных держав искали пути сговора с агрессорами на антисоветской основе. 2 января 1938 г. Риббентроп направил Гитлеру доклад, в котором указывалось, что в связи с неподготовленностью Англии к войне и обострением противоречий с Италией и Японией Лондон не решится начать войну с Германией из-за центральных европейских проблем, но попытается ослабить треугольник Берлин — Рим — Токио путем заключения отдельного соглашения с Италией³.

¹ *Minniti F.* Fino alla Guerra. P. 162.

² *Toscano M.* Le origini diplomatiche del Patto d'Acciaio. Firenze, 1956. P. 10–12.

³ *Чемпалов И. Н.* Политика великих держав в Юго-Восточной Европе в период аншлюса Австрии и чехословацкого кризиса в 1938 г. // Балканы и Ближний Восток в новейшее время. Свердловск, 1974. С. 129.

Для фашистской Италии наметившееся сближение с Германией означало, что в реализации своей параллельной стратегии и поддержании баланса сил она сместила свою политику «*peso determinante*» в германскую сторону, не отказываясь в принципе от диалога и сотрудничества с западными демократиями.

2.6. На пути к средиземноморскому урегулированию

Попытки фашистского руководства добиться мирной ревизии той части Версальской системы, которая непосредственно касалась Англии и Франции в Восточном Средиземноморье, встретили отпор со стороны последних. В сентябре 1933 г. фашистский сенатор А. Теодоли по поручению Муссолини вел переговоры в Лондоне и Париже с целью добиться пересмотра системы мандатов в Сирии и Палестине в пользу Италии. Спустя месяц Теодоли вернулся в Рим с пустыми руками. Центром англо-итальянского соперничества становится Средиземноморье и прилегающие к нему регионы. В Восточном Средиземноморье итальянские притязания распространялись на Балканы, Ближний Восток, Северную и Северо-Восточную Африку, в частности на Албанию, Йемен, Эфиопию, Мальту, Египет, Палестину, Саудовскую Аравию, Трансиорданию, Ирак, Сирию, Ливан¹.

В Италии и ее колониях осуществлялись объемные военные приготовления. В 1934 г. было начато строительство трансливийской прибрежной автостреды, представлявшей угрозу как для французского Туниса, так и для Египта, одного из британских аванпостов в Восточном Средиземноморье и на Ближнем Востоке². Одновременно итальянцы начали строительство укреплений на Додеканезских островах, расположенных близко к турецкому

¹ *Quartararo R.* Roma tra Londra e Berlino : La politica estera fascista dal 1930 al 1940. Roma, 1980. P. 40, 41, 57, 53, 54, 56.

² *Левин И.* Подготовка войны на Арабском Востоке. М., 1937. С. 32.

побережью¹. Усилилась фашистская пропаганда на арабские народы. В 1933 г. Италия заключила договор о дружбе с Саудовской Аравией. Италия стремилась представить себя в качестве защитницы арабов в их освободительной борьбе против британского и французского империализма. С 1934 г. фашистская Италия открыла регулярные передачи на арабском языке с помощью мощной радиостанции, расположенной в городе Бари². Одновременно итальянцы приступили к организации сети своей агентуры на территориях, населенных арабами³. Примерно с этого времени итальянское руководство начинает свою игру с верхушкой покоренных арабских племен в Ливии⁴. В сентябре 1935 г. было создано итальянское верховное командование в Красном море, в зону которого входили Аденский залив и Индийский океан⁵.

Соглашение между французским министром иностранных дел Лавалем и Муссолини в январе 1935 г. развязало фашистам руки против Эфиопии. Итоги франко-итальянских переговоров получили одобрение в Лондоне⁶. Созданный в январе 1935 г. междепартаментский комитет во главе с Дж. Мэффи пришел к выводу, что у Британии не существует собственных интересов в Эфиопии, за исключением водных ресурсов озера Тана, Голубого Нила и обеспечения прав некоторых племен на пастбища⁷.

В течение всего 1934 г. район Средиземного моря не вызывал серьезного беспокойства в Лондоне. Британское руководство продолжало рассчитывать на дружеские отношения с Италией или Францией, несмотря на серьезные противоречия между ними.

¹ См.: Живкова Л. Англо-турские отношения 1933–1939. София, 1971. С. 31.

² См.: Macdonald C. Radio Bari : Italian wireless propaganda in the Middle East and British countermeasures. 1934–1938 // Middle Eastern Studies. L., 1977. V. 13. № 2. P. 195–207.

³ См.: Левин И. Подготовка войны на Арабском Востоке. С. 40; Луцкий В. Провал фашистских планов в Африке и на Ближнем Востоке. Ташкент, 1943. С. 48.

⁴ См.: Аршаруни Н. А. Иностранный капитал в Ливии. 1911–1967. М., 1970. С. 36.

⁵ См.: Quartararo R. Roma tra Londra e Berlino. P. 126, 127.

⁶ См.: История Второй мировой войны. Т. 2. С. 13.

⁷ См.: Parliamentary Debates : Home of Commons. V. 309. Col. 8.

В Лондоне скептически относились к планам средиземноморской безопасности, выдвинутым Францией, рассматривая их скорее как проявление одностороннего желания Франции укрепить свои позиции в этом регионе. В апреле 1935 г. в Стрезе состоялась конференция с участием британского премьер-министра Дж. Макдональда, французского министра иностранных дел П. Лаваля и Муссолини. В ходе конференции обсуждалось положение в Северо-Восточной Африке. Английская сторона ограничилась мягким предупреждением, что в случае применения силы Италия «не сможет рассчитывать на какое-либо сотрудничество» со стороны Великобритании¹.

Позиция Великобритании объяснялась тем, что в марте 1935 г. во время встречи с британскими министрами Гитлер потребовал предоставления Германии «колониального равенства»². Выступая 2 мая 1935 г. в палате общин, министр иностранных дел Дж. Саймон заявил, что «передача мандатов не является вопросом для обсуждения»³. Чтобы не создавать прецедента, который повлек бы за собой обсуждение всего комплекса колониальных проблем, в Лондоне отдавали предпочтение закулисным переговорам поодиночке с ревизионистскими государствами. 31 мая 1935 г. в итальянском посольстве в Каире состоялась встреча посланника А. Лессоны с Верховным комиссаром Великобритании в Египте М. Лэмпсоном. Лессона заявил открыто, что для Англии было бы лучше предоставить Италии свободу действий в Эфиопии по примеру Франции. Он заверил, что в этом случае англичане не должны испытывать беспокойства в отношении озера Тана. В ответ Лэмпсон заверил итальянскую сторону, что в своем отношении к Италии его правительство руководствуется исключительно «духом дружбы»⁴.

23 июня 1935 г. в Рим прибыл английский министр по делам Лиги Наций А. Иден. Он привез компромиссный проект под кодовым названием «Зейла», суть которого сводилась к передаче

¹ *Quartararo R. Roma tra Londra e Berlino. P. 126, 127.*

² ДВП СССР. Т. 18. № 143. С. 223; № 146. С. 231; № 147. С. 241.

³ *Parliamentary Debates: Home of Commons. V. 301. Col. 687.*

⁴ *The Killeam Diaries. 1934–1946. L., 1972. P. 37–39.*

Италии эфиопской области Огадена; кроме того, Великобритания должна была открыть Италии доступ к Красному морю в порту Зейла через коридор по территории Британского Сомали. Однако договориться с Муссолини на этой основе не удалось¹.

С июля 1935 г. англо-итальянские отношения начинают обостряться. По словам нового министра иностранных дел Великобритании С. Хора, правительство было глубоко озабочено ситуацией в Северо-Восточной Африке, затрагивающей интересы Англии и Франции². Тем не менее, представители Великобритании и Франции получили инструкции, согласно которым на сентябрьской сессии Лиги Наций необходимо было исключить применение военных санкций к Италии в случае ее нападения на Эфиопию; о закрытии Суэцкого канала не могло быть и речи³.

С парламентской трибуны подобную нерешительность британские министры пытались объяснить противодействием Франции в принятии решительных мер в отношении агрессора, а также бесполезностью нефтяных санкций без участия в них США⁴. Между тем, США были готовы распространить эмбарго не только на поставки вооружений, но и на стратегическое сырье, включая нефть⁵.

В ночь на 3 октября 1935 г. итальянские войска без объявления войны вторглись в Эфиопию. Летом 1935 г. в Лондоне осознали опасность прямого столкновения с Италией. В британских военных и политических кругах были проанализированы слабые стороны позиций в Средиземноморье, прежде всего фактическая изоляция Великобритании в связи с достижением франко-итальянского соглашения⁶.

¹ См.: *Robertson E. M. Mussolini as Empire-BUILDER. L., 1977. P. 106–108, 118, 144, 147–150.*

² См.: ДВП СССР. Т. 18. № 327. С. 458.

³ См. об этом: *Попов В. И. Дипломатические отношения между СССР и Англией (1929–1939). М., 1965. С. 240.*

⁴ См.: *Parliamentary Debates. Home of Commons. V. 313. Col. 1624, 1625, 1629.*

⁵ См.: *Brudick H. A new look at American Policy during Italian-Ethiopian crisis. 1935–1936 // The J. of Modern History. V. 33. № 1. P. 71.*

⁶ См.: *Quattararo R. La crisi mediterranea del 1935–1936 // Storia contemporanea. 1975. № 6. P. 811–822.*

Великобритания предприняла превентивные меры. В Средиземном и Красном морях были подтянуты из метрополии и с Дальнего Востока крупные военно-морские и военно-воздушные соединения. Большие соединения флота находились в портах Александрии, Гибралтара, Адена и Мальты. На флот были призваны резервисты. Наибольшие военные приготовления коснулись Египта, тем более, что в конце 1935 г. там прошли массовые анти-британские выступления¹.

Тем не менее, британские правящие круги готовы были искать пути к соглашению с Италией, чтобы избежать обострения отношений. Британская сторона исходила из того, что итало-эфиопская война не должна была помешать соглашению с Италией. Приоритетом для Лондона являлось наличие германской и японской опасности. Таким образом, британская дипломатия действовала по двум направлениям в Средиземноморье. С одной стороны, она стремилась найти урегулирование эфиопской проблеме, а с другой, предпринимала меры предосторожности для того, чтобы обеспечить безопасность своим интересам в Средиземноморье².

Еще в период подготовки итальянской экспансии против Эфиопии со стороны Лондона и Парижа предпринимались попытки добиться урегулирования противоречий с Италией за счет частичных уступок³. Великобритания готова была закрыть глаза на захват Италией Эфиопии, но не намеревалась позволить Муссолини нарушить статус-кво в Средиземноморье⁴. Но наибольшее значение в этом плане как в Лондоне, так и в Риме придавалось заключению всеохватывающего соглашения между двумя странами, которое позволило бы разграничить сферы влияния, обеспечить свободный доступ к колониям, источникам сырья.

¹ См.: ДВП СССР. Т. 18. № 450. С. 596; *Roskill S. W. The Navy at War. 1939–1945. L., 1960. P. 21.*

² См.: *Brundu Olla P. L'equilibrio difficile. P. 58–59.*

³ См.: *Трофимов В. А. Итальянский колониализм и неоколониализм. М., 1979. С. 182–184.*

⁴ См.: *De Felice R. Mussolini il duce. V. 1. P. 681.*

Об итальянской расположенности не обострять отношения с Лондоном и Парижем свидетельствуют инструкции фашистского министерства печати и пропаганды, в которых редакторам итальянских газет было рекомендовано проявлять максимальную сдержанность в отношении Великобритании и Франции¹.

После подписания итало-германского соглашения фашистская Италия рассчитывала на поддержку такого баланса сил, который дало бы ей свободу маневрирования между западными державами и Германией в период подготовки к новой мировой войне. Используя равновесие, Италия стремилась получить преимущество не только перед Францией и Великобританией, но и перед партнером по оси.

После заключения соглашения с Берлином в Риме усилился интерес к достижению соглашения с Лондоном, итогом которого должно было стать признание Италии в качестве великой средиземноморской державы. Италия рассчитывала представить собственные козыри в достижении цели передела сфер влияния в Средиземноморье, а именно недостаточно сильные позиции Великобритании в регионе, активную антибританскую фашистскую пропаганду в арабском мире, сотрудничество с Германией. Однако Великобритания не была готова делиться своим могуществом в Средиземноморье. Ее сила заключалась в военных соглашениях с Францией, в договорах о взаимной помощи с Грецией, Югославией и Турцией, в наличии военно-морских баз в регионе, наконец, Лондон мог опереться на поддержку Лиги Наций. К концу декабря 1935 г. Великобритания заключила «джентльменские соглашения» с Турцией, Грецией и Югославией, призванные служить укреплению британских позиций в Восточном Средиземноморье². Закрепив свои позиции по всем этим направлениям,

¹ См.: ACS. MCP. D. 185. Fasc. 34. Ufficio Stampa del Capo del Governo. 6.11.1935; 11.11.1935.

² См.: Живкова Л. Англо-турские отношения 1933–1939. С. 38, 39 ; Рябоконь С. И. Джентльменское соглашение Англии с Турцией, Грецией и Югославией в декабре 1935 г. // Политика великих держав на Балканах и Ближнем Востоке в новейшее время. Свердловск, 1981. С. 73–89.

Великобритания была настроена к переговорам с Италией на своих условиях¹.

Итальянский посол в Лондоне Д. Гранди обращал внимание своего правительства на прогрессирующе благожелательную позицию британской прессы в пользу соглашения с Италией. Ссылаясь на хорошо осведомленного информатора, он подчеркивал, что эта линия поощряется в британской прессе правительственными кругами. В соответствии с официальными директивами средства массовой информации Великобритании вели планомерную обработку общественного мнения в свете предстоящего признания Лондоном аннексии Эфиопии².

Отдел печати итальянского посольства указывал, что одной из причин благожелательного отношения Лондона к соглашению с Римом было осложнение англо-германских отношений по колониальному вопросу³. В свою очередь, сотрудничеством с Англией фашистское руководство планировало поправить свой международный авторитет, добиться юридического признания аннексии Эфиопии, укрепить позиции на Балканах, ослабленные в период экономических санкций Лиги Наций.

27 января 1936 г. только что назначенный министром иностранных дел Франции П. Фланден в ходе встречи с британским коллегой А. Иденом вернулся к идее «Средиземноморского Локарно» в его новой версии. Суть его сводилась к предоставлению гарантий Великобритании на ее владения и транспортные коммуникации в Средиземноморье, с другой стороны, Италии было бы предложено беспрепятственное сообщение с ее имперскими территориями⁴. Французский проект был встречен прохладно не только Италией и Югославией, но и Великобританией.

28 апреля 1936 г. британский министр Иден в беседе с полпредом СССР заявил, что он «не уверен в силах Эфиопии», и выразил

¹ См.: *Brundu Olla P. L'equilibrio difficile*. P. 62.

² См.: ACS. MCP. B. 158. Fasc. 6. Rapporto dalle Ambasciate. 16.11.1936.

³ См.: ACS. MCP. B. 323. Germania. 19.12.1936.

⁴ См.: *Brundu Olla P. L'equilibrio difficile*. P. 66.

сомнение в целесообразности продолжения санкций против Италии «на нынешней стадии войны»¹.

29 апреля состоялось заседание британского кабинета министров. Его решение по эфиопскому вопросу сводилось к тому, чтобы как можно быстрее похоронить эфиопскую проблему и вплотную заняться другими более насущными проблемами².

В мае 1936 г. на выборах во Франции одержал победу Народный фронт и было сформировано правительство во главе с Л. Блюмом. Британское руководство крайне низко оценивало дипломатические способности нового главы правительства Франции. Установка Лондона на двусторонние соглашения получила свое продолжение. Министерство иностранных дел Великобритании приняло решение сделать самостоятельное без привлечения Франции заявление о гарантиях отдельным странам Восточного Средиземноморья³.

5 мая 1936 г. итальянские войска заняли столицу Эфиопии. Муссолини провозгласил образование «итальянской империи». На повестку дня вышел вопрос об отмене санкций и международном признании аннексии Эфиопии.

Захват Эфиопии укрепил позиции итальянского империализма в Африке, регионе Красного моря, на кратчайших путях из Европы в Азию, создал плацдарм для активизации итальянской политики в Восточном Средиземноморье и на Ближнем Востоке, активизировал планы итальянского продвижения в сторону Индийского океана.

18 июля 1936 г. в Испании вспыхнул франкистский мятеж против правительства Народного фронта, получивший поддержку Италии и Германии. Итальянское руководство обладало полной информацией о подготовке военного переворота в Испании⁴. 21 июля генерал Франко принял итальянского военного атташе в Тан-

¹ См.: ДВП СССР. Т. 19. № 142. С. 349.

² См.: *Brundu Olla P. L'equilibrio difficile*. P. 74.

³ См.: *Ibid.* P. 78, 79.

⁴ См.: *Canosa R. Mussolini e Franco. Amici, alleati, rivali: vite parallele di due dittatori*. Milano. 2008. P. 54–57.

жере Дж. Луккарди. В ходе беседы он сообщил о том, что целью переворота является установление в Испании «республиканского правительства фашистского типа»¹. Франко запросил военную помощь и предложил установить секретную связь. Муссолини колебался до 26 июля, когда было принято решение о передаче мятежникам двенадцати итальянских бомбардировщиков². 31 июля девять из двенадцати вылетевших самолетов попали в распоряжение Франко³. Так начиналось итальянское вмешательство в гражданскую войну в Испании.

Решение о вмешательстве нацистской Германии в испанские дела было принято Гитлером 25 июля. 5 августа состоялась встреча руководителей военных разведок Германии и Италии. Были обсуждены вопросы координации действий двух государств по оказанию помощи Испании. 23 августа Гитлер направил принца Гессенского в Рим для переговоров о достижении «самого тесного сотрудничества» между двумя правительствами в испанских делах. Речь шла о формировании миссии связи из двух представителей (по одному от каждой страны) при Франко. При этом германская сторона заверила, что «Германия не имеет никаких территориальных притязаний в Средиземноморье» и что «ее единственный интерес связан с тем, чтобы предотвратить победу большевизма в Испании и его нераспространения на другие государства». Спустя три дня Муссолини отдал соответствующее распоряжение⁴. С этого момента контакты между политическими, военными и разведывательными руководителями происходят на постоянной основе.

Несмотря на то, что правительство Великобритании приняло решение воздержаться от поддержки противоборствующих сторон в гражданской войне в Испании, его симпатии были явно на стороне Франко. Позиция Лондона повлияла на принятие французским правительством решения о «невмешательстве» в испанские

¹ См.: *Canosa R. Mussolini e Franco*. P. 61.

² Ibid. P. 67.

³ См.: Ibid. P. 67, 68.

⁴ Ibid. P. 75, 76, 78.

события¹. Взамен французское правительство надеялось на поддержку Лондоном реанимированного проекта Средиземноморского пакта с участием Италии². Однако Великобритания вновь не поддержала французскую инициативу, добившись в июле 1936 г. предоставления итальянских гарантий независимости Турции, Греции и Югославии. Одновременно Великобритания аннулировала ранее предоставленные свои гарантии этим странам³. Сделано это было под давлением итальянской стороны⁴.

С июня 1936 г. складываются благоприятные предпосылки для англо-итальянского сближения. Среди прочего это общее стремление остановить революционный процесс в Испании, воспрепятствовать проектам региональной безопасности (как восточно-европейскому, так и средиземноморскому), сдерживать германский ревизионизм. В связи с этим возросла британская заинтересованность в поддержке Италией ее проектов или в ее нейтральном отношении. Кроме того, британское руководство исходило из невозможности взять на себя дополнительные обязательства в Средиземноморье из-за недостаточной, по оценке британских военных, эффективности оборонительной системы⁵.

18 июня 1936 г. советник итальянского посольства в Лондоне Л. Витетти поднял перед начальником ближневосточного отдела Форин Оффиса Дж. Ренделом вопрос о желательности «урегулирования возможных источников англо-итальянской напряженности, особенно на Ближнем Востоке, в Красном море и др.». Затем по различным каналам последовал обмен заявлениями, подчеркивающими взаимное стремление к сотрудничеству по широкому кругу вопросов⁶. Сделать это было непросто из-за несовпадения позиций заинтересованных в средиземноморском урегулировании

¹ См.: *Puzzo D. A. Spain and the Great Powers. 1936–1941. N. Y. 1962. P. 99–105 ; Adamthwaite A. France and the coming of the Second World War. L., 1977. P. 42.*

² См.: DDF. 2-е ser. Т. 3. № 31 ; *Brundu Olla P. L'equilibrio difficile. P. 99–101.*

³ См.: PD. H. C. V. 315. Col. 1125.

⁴ См.: *Brundu Olla P. L'equilibrio difficile. P. 88.*

⁵ Ibid. P. 98.

⁶ См.: Ibid. P. 123–126, 136.

государств. В Лондоне рассматривались варианты средиземноморского урегулирования без существенных уступок Италии, которые в то же самое время не привели бы к усилению позиций Франции в Средиземноморье. В качестве примирительного жеста в отношении Италии Великобритания вывела часть своего флота из Средиземноморья, однако в Югославии, Греции и Турции это тотчас вызвало обеспокоенность тем, что Великобритания не намерена выполнять свои обязательства в отношении этих стран. 12 июля посол в Риме Э. Дрэммонд передал итальянскому министру иностранных дел предложение, чтобы Италия предоставила формальные гарантии правительствам в том, что не имеет агрессивных намерений против этих стран.

21 июля итальянский советник посольства в Лондоне Л. Витетти информировал министра иностранных дел Идена о гарантиях Италии, предоставленных Греции, Турции и Югославии. В свою очередь, спустя два дня Иден передал через Витетти о своем решении выступить в палате общин с предложением об отзыве британских гарантий Греции, Турции и Югославии. Итальянский министр иностранных дел предложил опубликовать совместное итало-британское коммюнике по этому поводу. Однако его предложение не получило одобрения в Лондоне¹.

Двойственное впечатление оставил меморандум министра иностранных дел Великобритании А. Идена, оглашенный 19 августа. В нем отмечалось, что «любое изменение статус-кво в Западном Средиземноморье должно быть предметом самых тесных консультаций с британским правительством». В Италии это заявление рассматривалось как возможность осуществления изменений, не согласованных с Лондоном².

В ответ на инициативу Муссолини конца сентября 1936 г. по ограничению морских вооружений в Средиземноморье британское руководство передало 7 октября через посла Дрэммонда свои условия заключения соглашения с Италией. Они предусматривали прекращение антибританской пропаганды в Палестине и арабском

¹ *Brundu Olla P. L'equilibrio difficile*. P. 102.

² *Ibid.* P. 109, 112.

мире, исключение из обсуждения темы ограничения вооружений в Средиземноморье, отказ от связывания между собой европейских и средиземноморских соглашений¹. Итальянское посольство в Берлине сообщало, что одной из причин благожелательного отношения Лондона к соглашению с Римом являлось осложнение англо-германских переговоров по колониальному вопросу².

П. Брунду Олла считает, что в Лондоне недооценили значение итало-германского соглашения от 25 октября 1936 г., рассматривая его не более как политическую игру на балансе европейских сил³. Казалось бы, речь Муссолини от 1 ноября давала основание для такой оценки. Муссолини провозгласил новую политическую ориентацию фашистской Италии на сотрудничество с Германией и одновременно высказался за «ясное, быстрое и полное соглашение, признающее взаимные интересы» с Великобританией⁴. 5 ноября министр иностранных дел А. Иден, выступая в палате общин, приветствовал заявление Муссолини о том, что Италия не будет создавать угрозу британским коммуникациям в Средиземном море. Он выразил готовность к согласованию британских и итальянских интересов в Средиземноморье и обратил внимание на право каждой стороны защищать свои интересы в этом регионе. Заместитель постоянного секретаря в МИД Великобритании сообщил итальянскому послу Гранди, что британские официальные лица рассматривают речь министра как отправной пункт прогрессирующего улучшения отношений с Италией⁵. В интервью корреспонденту английской газеты *Daily Mail* 9 ноября Муссолини предложил конкретизировать англо-итальянские отношения в виде джентльменского соглашения, в которое были бы включены взаимные гарантии относительно интересов обеих стран в Средиземноморье⁶.

¹ См.: *Brundu Olla P. L'equilibrio difficile*. P. 133.

² См.: ACS. VCP. B. 323. La Germania ed il problema coloniale. 19.12.1936.

³ *Brundu Olla P. L'equilibrio difficile*. P. 135.

⁴ *Mussolini B. Opera Omnia*. V. 28. P. 67–72.

⁵ См.: PD. H. C. V. 317. Col. 286 ; DBFP. Ser. 2. V. 17. № 363. Fn. 2.

⁶ См.: *Price G. W. Je connais ces dictateurs*. Paris, 1938. P. 318–319.

18 ноября британский кабинет уполномочил министра Идена начать переговоры с Италией как можно скорее и без предварительных условий. Ради достижения соглашения Лондон игнорировал подрывную деятельность Италии в Юго-Восточной Европе по разрушению версальских региональных блоков, в частности Малой и Балканской Антанты. Более того, Лондон всячески препятствовал укреплению отношений Франции с малыми восточноевропейскими союзниками. В феврале 1937 г. британский посол в Париже получил инструкции, в которых ему было указано, что Форин Оффис отрицательно относится к заключению коллективного соглашения о взаимопомощи между Малой Антантой и Францией¹. Что касается Франции, то ей пришлось согласиться с двусторонним англо-итальянским сближением, воспрепятствовать которому она объективно не имела возможности².

2 декабря посол в Риме Дрэммонд получил конкретные инструкции Форин Оффиса на ведение переговоров с итальянскими руководителями. Лондон предлагал ограничиться обменом нотами между британским послом и итальянским МИД, которые отражали бы позиции правительств по интересующим вопросам. В основу британской позиции был положен текст заявления Идена в палате общин от 5 ноября относительно свободы судоходства в Средиземном море и соблюдения настоящего статус-кво. Обращалось внимание на прекращение антибританской пропаганды, на соблюдение британских интересов в Эфиопии в соответствии с соглашениями 1906 и 1927 г. Британская сторона стремилась прояснить итальянскую позицию относительно Египта, а также границ Эфиопии с Британским Сомали, Кенией и Суданом. Впервые было включено предложение о возможности присоединения в последующем Франции к англо-итальянской декларации³.

Во время встречи с британским послом министр иностранных дел Чиано отверг большую часть английских предложений и противопоставил им свой проект декларации, имевший более общий

¹ См.: DBFP. Ser. 2. V. 18. № 154. P. 202–204.

² См.: *Brundu Olla P.* L'equilibrio difficile. P. 176.

³ См.: DBFP. Ser. 2. V. 17. № 426.

характер. 18 декабря посол Дрэммонд получил дополнительные рекомендации Форин Оффиса на ведение переговоров. Лондон более не настаивал на присоединении Франции, но настаивал на пунктах относительно свободы коммуникаций и выходов к океанам, а также предлагал ввести дополнительный параграф о взаимных гарантиях «национального статуса территории» Испании. Последнее обстоятельство было вызвано распространявшейся информацией о возможности отторжения Балеарских островов от Испании в пользу Италии. Чиано согласился предоставить устные гарантии целостности территории Испании, но категорически отказался включить этот вопрос в текст декларации¹.

У итальянской стороны сложилось впечатление, что интервенция Италии против испанской республики не является первоочередной для Лондона².

31 декабря состоялся обмен нотами между министром Чиано и послом Дрэммондом относительно статус-кво в Западном Средиземноморье. 2 января была подписана англо-итальянская декларация. В ней стороны признали, что «свобода проходов и транзита в Средиземном море находятся в сфере жизненных интересов как Италии, так и Британской империи». Кроме того, стороны заявили о стремлении поддерживать статус-кво национальных территорий средиземноморских стран и обязались признавать их права и интересы в этом регионе³.

Итоги англо-итальянского «джентльменского» соглашения оцениваются в научной литературе достаточно скептически. Кроме заверения в дружбе с Италией, Великобритания практически ничего не получила. Стороны не взяли на себя ни одного конкретного обязательства. В частности, итальянская сторона не взяла на себя обязательства по прекращению антибританской пропаганды, не гарантировала соблюдение британских интересов в Восточной Африке, не прекратила антибританскую активность

¹ См.: DBFP. Ser. 2. V. 17. № 441, 482, 483, 508.

² См.: *Brundu Olla P. L'equilibrio difficile*. P. 204–206.

³ *Accordo italo-britannico del 2 gennaio 1937* // Цит. по: *Brundu Olla P. L'equilibrio difficile*. P. 233–235.

в Йемене и Саудовской Аравии. Обмен нотами по Испании не был наполнен реальным содержанием. Итальянская сторона гарантировала территориальную целостность Испании, но не ее независимость. Соглашение не остановило усиливающееся вмешательство фашистских государств в испанские дела.

Министр иностранных дел Иден постарался нейтрализовать критические замечания, которые появились в части британской прессы относительно соглашения, обратив внимание на положительную реакцию Франции и других средиземноморских государств¹.

Что касается фашистской Италии, то она получила свободный доступ к проходам в Средиземном море. 21 декабря Великобритания признала Итальянскую империю и вернула свое дипломатическое представительство в Аддис-Абебу. Соглашение с Великобританией позволило усилить итальянские позиции на переговорах с Францией и малыми европейскими государствами. Исключение Франции из соглашения рассматривалось как подрыв «фронта Стрезы» и нанесение мощного удара по французской системе союзов в Восточной Европе и на Балканах. И это означало, что переговоры по «средиземноморскому Локарно» были окончательно провалены. Соглашение не внесло разлада в становление итало-германских отношений. Фашистское руководство получило дополнительные аргументы для реализации своей политики *peso determinante* в общеевропейском балансе сил.

Германия стремилась сорвать англо-итальянское сближение. С этой целью 13 января 1937 г. с десятидневным визитом прибыл в Италию германский министр Геринг. Он убеждал Муссолини в неизбежности англо-итальянского конфликта в Средиземноморье и призывал углублять сотрудничество между двумя странами. Однако глава итальянского правительства указал на необходимость и в дальнейшем придерживаться «параллельных» действий. Вместе с тем в расчете на поддержку Германии итальянских планов на

¹ См.: Brundu Olla P. L'equilibrio difficile. P. 203–204.

Балканах и в Средиземноморье фашистское руководство пошло на уступки Берлину в австрийском вопросе¹.

2.7. Англо-итальянское «пасхальное» соглашение 16 апреля 1938 г.

В феврале 1937 г. Чиано направил письмо английскому министру иностранных дел Идену с предложением начать всеобщее упорядочение спорных вопросов между двумя странами в обмен на признание аннексии Эфиопии. Из-за отсутствия документов можно лишь догадываться, каким был ответ, поскольку в марте итальянская пропагандистская машина была запущена против Великобритании².

В этом месте представляется целесообразным коснуться деликатной темы «секретных каналов», которые действовали между Лондоном и Римом на протяжении практически всего периода существования фашистского режима. Для неформального контакта с премьер-министром Н. Чемберленом Муссолини пользовался услугами леди Айви, вдовы Остина Чемберлена — брата британского премьер-министра³. В 1976 г. после публикации Р. Квартараро дневников А. Дингли стало известно о существовании еще одного секретного канала для контактов с британскими руководителями⁴.

Официально Дингли занимал должность юриста в итальянском посольстве в Лондоне. Итальянец по происхождению, он родился на Мальте, там же и в Риме получил высшее образование, с 1912 г. работал в одном из судов Лондона, с 1920 по

¹ L'Europa verso la catastrofe. Milano, 1964. V. 1. P. 138–153.

² Watt D. C. Gli accordi mediterranei anglo-italiani del 16 aprile 1938 // Rivista di studi politici internazionali. 1959. № 26. P. 61.

³ См.: Watt D. C. Gli accordi mediterranei anglo-italiani del 16 aprile 1938. P. 67 ; Colvin I. The Chamberlain. N. Y., 1971. P. 286.

⁴ См.: Quartararo R. Inghilterra e Italia : Dal Patto di Pasqua a Monaco (con un'appendice sul «canale segreto» italo-inglese) // Storia contemporanea. 1976. № 4. P. 607–716.

1945 г. — в итальянском посольстве. 29 мая 1945 г. при неясных обстоятельствах покончил жизнь самоубийством. Дингли оставил два экземпляра своих дневников. Подлинник был обнаружен и уничтожен английской разведкой. А копия, о которой британская разведка не догадывалась, была передана вдовой Дингли бывшему послу Д. Гранди, а затем вместе с дневниками Гранди и его личными бумагами в руки профессора Де Феличе, который поделился своей находкой с ученицей Р. Квартараро.

Повышенный интерес к документам второстепенного чиновника итальянского посольства понятен, поскольку он являлся одним из важных звеньев секретного канала между Чемберленом и Муссолини. В дневниках Дингли объемом свыше 400 страниц отражена деятельность секретного канала с июля 1937 по май 1940 г. Дингли старался ежедневно вести свои записи или в крайнем случае через день с приложением документов. Из опубликованных документов видно, что основным английским контактером Дингли был Джозеф Болл, влиятельный деятель консервативной партии, друг Чемберлена, имевший тесные связи с британской службой безопасности и разведкой. Сопоставление документов Дингли с документами британского кабинета и Форин Оффиса показывает, что «канал Дингли — Болл» выполнял более важную роль в подготовке англо-итальянского соглашения, чем официальный, по линии министерств иностранных дел. Этот вывод подтверждается в результате знакомства с книгой другого итальянского исследователя Д. Болек Чекки, написанной на обширном архивном материале английского кабинета и Форин Оффиса¹.

После заключения «джентльменского» соглашения Лондон попытался взять под свой контроль переговоры Италии со странами Восточной и Юго-Восточной Европы, оттеснив Францию на задний план. Как только возникли предпосылки итало-югославского сближения, А. Иден дал указание британскому посланнику в Белграде Р. Кэмпбеллу предпринять все необходимые меры,

¹ См.: *Bolech Cecchi D. L'accordo di due imperi : L'accordo italo-inglese 16 aprile 1938. Milano, 1977.*

чтобы воспрепятствовать заключению союзного соглашения¹. Иден советовал югославским руководителям улучшать отношения с Италией поэтапно, не заходя слишком далеко, но и не стесняясь в своих требованиях². Одновременно Форин Оффис направил в дипмиссии в Греции и Турции инструкции, рекомендовавшие разъяснять правительствам этих стран, что для поддержания дружественных отношений с Великобританией им «нет необходимости стремиться к развитию равнозначно дружественных отношений с Италией»³.

Итало-югославские переговоры проходили под английским контролем. Принц-регент Югославии Павел обсуждал с Кэмпбеллом все югославские предложения в итальянский проект⁴. Наконец, 25 марта 1937 г. итальянский министр иностранных дел и премьер-министр Югославии подписали договор о нейтралитете.

Весной 1937 г. происходит обострение англо-итальянских отношений. Для этого сложилось много причин, среди них направление крупных итальянских военных соединений в Испанию, открытое противодействие Великобритании фашистскому проникновению на Балканы, продолжавшаяся антибританская пропаганда на Арабском Востоке и др.⁵

Вместе с тем в Лондоне и Риме не спешили «сжигать мосты» в отношениях между двумя странами. С приходом в Великобританию к власти в мае 1937 г. нового премьер-министра Н. Чемберлена англо-итальянские переговоры получили новый импульс. Инициатива переговоров принадлежала Муссолини и содержалась в его личном письме, направленном Чемберлену через итальянского посла. Возобновилась деятельность «секретного канала».

¹ См.: DBFP. Ser. 2. V. 18. № 215. P. 302.

² См. об этом: *Смирнова Н. Д.* Балканская политика фашистской Италии. С. 31.

³ DBFP. Ser. 2. V. 18. P. 195, 196. F. 3.

⁴ См.: DBFP. Ser. 2. V. 18. № 195. P. 272, 273; № 215. P. 302; № 221.

⁵ См.: *Watt D. C.* Gli accordi mediterranei anglo-italiani del 16 aprile 1938. P. 61–62; *Colvin I.* The Chamberlain. N. Y., 1971. P. 45.

В ходе трех встреч между 1 и 10 июля Дж. Болл от имени правительства просил Дингли найти способ оказания влияния на итальянское руководство с тем, чтобы попытаться разрешить трудности, препятствующие заключению всеобщего соглашения между двумя странами. Дж. Болл подчеркнул при этом, что несмотря на неофициальный характер переговоров через секретный канал, он имеет большие полномочия от главы правительства, и Чемберлен лично будет контролировать ход переговоров. Вдвоем они составили перечень английских предложений, которые Дингли должен был передать в Рим. Предложения предусматривали прекращение взаимных нападок по радио и в печати, решение острых проблем в Средиземноморье на двусторонней основе с перспективой заключения регионального пакта и привлечения в него других заинтересованных сторон. Вслед за разрядкой отношений между Лондоном и Римом английское руководство обещало юридически признать Итальянскую империю, оказать влияние на формирование общественного мнения в пользу соглашения. Английская сторона также обращала внимание на трудности в достижении соглашения с Берлином, на разочарование в Лондоне итальянской позицией в Комитете по невмешательству в испанский вопрос. Дж. Болл намекал на важность итальянского посредничества в англо-германских переговорах. В заключение подчеркивалось, что «только Россия выиграла бы в результате европейского конфликта»¹.

9 июля 1937 г. Иден произнес речь в британском парламенте, в которой отразились новые веяния правящих кругов в отношении Италии. Он подтвердил незыблемость британских интересов в Средиземноморье, стремление Лондона сохранить свободу судоходства. Вместе с тем он попытался рассеять подозрения в других средиземноморских странах относительно ущемления их интересов или стремления Англии к «вендетте»². В конце июля Чемберлен и Муссолини обменялись дружественными посланиями,

¹ II «canale segreto» di Chamberlain. Цит. по: *Quartararo R.* Inghilterra e Italia. P. 648–716.

² См.: *Eden J.* Le memorie di A. Eden. Milano, 1962. V. 1. P. 566–567.

в которых выражали надежду на прогресс переговоров¹. Характеризуя позицию Н. Чемберлена, советский полпред в Великобритании И. М. Майский отмечал, что «сейчас он серьезно носитися с идеей “пакта четырех” и организации западной безопасности, будучи готов для достижения этой цели далеко идти навстречу Германии и Италии»².

По итогам двух встреч с А. Иденом, результаты которых были переданы в Рим, Г. Чиано передал через А. Дингли меморандум, адресованный Чемберлену. Итальянское руководство в принципе одобрило содержание вопросов и форму самих переговоров, однако категорически отклонило идею расширения двустороннего соглашения до уровня регионального пакта. По испанскому вопросу Чиано указал на общность английских и итальянских интересов в борьбе против «большевизма». Итальянская сторона заверила, что иных целей его страна не преследует в Испании и выведет своих «добровольцев», как только станет очевидной победа Франко³.

Аналогичные заверения содержались в письме Муссолини главе британского кабинета от 21 июля. Чемберлен отметил «дружественный характер» послания Муссолини⁴. В ответном письме Чемберлен предлагал возобновить переговоры при первом подходящем случае. Не успело письмо дойти в Рим, как информация об инициативе главы британского кабинета появилась в газете *News Chronicle*⁵.

В итальянской печати акцентировалось внимание на европейском значении восстановления англо-итальянской дружбы, «которая может восприниматься как продолжение оси Рим — Берлин»⁶.

¹ См.: *Bolech Cecchi D.* L'accordo di due imperi : L'accordo italo-inglese 16 aprile 1938. P. 11.

² ДВП СССР. Т. 20. № 269. С. 418.

³ См.: II «canale segreto» di Chamberlain. P. 654–658.

⁴ *Chamberlain N.* The Struggle for Peace. L., 1939. P. 75.

⁵ См. об этом: *Bolech Cecchi D.* L'accordo di due imperi : L'accordo italo-inglese 16 aprile 1938. P. 11.

⁶ Zentrales Staatsarchiv der DDR. Potsdam. Film 15294. Aufn. E 540366.

Советский полпред в Лондоне И. М. Майский в информации об активизации англо-итальянских отношений указывал 2 августа 1937 г. на стремление правящих кругов Великобритании урегулировать межимпериалистические противоречия путем заключения «англо-франко-итальянского пакта на Средиземном море с одновременным отказом Италии от устройства морских и воздушных баз на испанской территории... Весь вопрос лишь заключается в том, какую цену потребует за это Италия и сможет ли Англия ее уплатить... Британское правительство готово было бы в счет цены также признать аннексию Абиссинии, в этом отношении здесь в последнее время замечаются сильные тенденции». 10 августа Майский дополнительно информировал НКВД, что «британское правительство будет стараться влиять на французское правительство в желательном ему направлении, и как будто в Париже почва для этого достаточно подготовлена»¹.

По вопросу отношения к сотрудничеству с Италией между премьер-министром и министром иностранных дел Великобритании существовали разногласия. Д. Болек Чекки пытается их объяснить возрастными различиями, описывая характер «покладистый и оптимистический у старого Чемберлена» и «непримиримый и пессимистический у молодого Идена»². Нам представляется более точной оценка расхождений между главой правительства и министром, которая содержится в биографии Идена, написанной В. Г. Трухановским:

...Иден тоже был за переговоры с итальянцами для тех же целей, то есть для целей умиротворения. Но в отличие от Чемберлена, он настаивал, чтобы Рим до открытия официальных переговоров... продемонстрировал свою готовность держать слово и выполнил данное ранее Лондону обещание относительно вывода так называемых итальянских «добровольцев» из Испании. Таким образом, расхождения между Чемберленом и Иденом касались сугубо тактического

¹ ДВП СССР. Т. 20. С. 741. Сн. 161.

² *Bolech Cecchi D.* L'accordo di due imperi : L'accordo italo-inglese 16 aprile 1938. P. 12.

момента и не затрагивали стратегию политики Англии в отношении Италии»¹.

В. Г. Трухановский отмечает, что положение Идена на посту министра стало невозможным вследствие «оскорбительно-пренебрежительного отношения премьер-министра к своему министру, его демонстративного стремления осуществлять внешнеполитические акции за спиной последнего»².

Записи Дингли подтверждают, что основная нить переговоров с Италией находилась в руках Чемберлена, который действовал через секретные каналы в обход Форин Оффиса³.

Сентябрь прошел в Риме под знаком ожидания скорого признания Великобританией аннексии Эфиопии. Вопреки этим расчетам, произошло ухудшение отношений Италии с Лондоном и Парижем. Пиратские нападения фашистских подводных лодок на торговые суда в Средиземном море вынудили правительства Англии и Франции созвать международную конференцию для обсуждения мер, способных обеспечить безопасность плавания на открытых морских путях. Англичане имели ключи к военно-морским шифрам Италии и располагали неопровержимыми доказательствами того, что нападения совершаются по прямому приказу из Рима⁴. Тем не менее, британская делегация воздержалась от поддержки предложенной СССР политической декларации, прямо обвиняющей в пиратстве Италию.

Глава советской делегации на Нионской конференции в сентябре 1937 г. в телеграмме в НКВД высказал предположение, что «вся эта конференция затеяна Англией и Францией с целью оспаривания у Италии Средиземного моря путем посылки туда большого количества истребителей (эсминцев) и воспрепятствования курсированию в Средиземном море подводных лодок». Литвинов

¹ Трухановский В. Г. Антони Иден : Страницы английской дипломатии : 30-е-50-е годы. М., 1974. С. 153.

² Трухановский В. Г. Антони Иден : Страницы английской дипломатии. С. 153.

³ II «canale segreto» di Chamberlain. P. 658.

⁴ См.: Dilks D. Appeasement and Intelligence // Retreat from Power. L., 1981. P. 144.

полагал, что проведение этого плана «сыграет роль козыря в руках Англии и Франции в предстоящей торговле с Италией»¹.

По итогам Нионской конференции 14 сентября 1937 г. была подписана конвенция, по которой Англия и Франция брали на себя обязанности по патрулированию и охране судоходства в Средиземном море. Нападения на торговые суда прекратились, но не следует это связывать напрямую с патрулированием. Еще до начала конференции британское адмиралтейство узнало из перехваченных радиogramм о приказе итальянским подводным лодкам прекратить все активные действия².

Италия вела собственную контригру: она отказалась участвовать в работе Нионской конференции и принять ее решения. В сентябре состоялся визит Муссолини в Берлин, вызвавший тревогу в западных странах. В Лондоне опасались, что теперь придется иметь дело не с одной Италией, а с союзнической комбинацией Италии и Германии, которая начнет действовать не только в дипломатической, но и в военной областях.

В октябре правительства Англии и Франции предприняли новую попытку привлечь Италию к переговорам о выводе добровольцев из Испании³. В Лондоне надеялись на поддержку Римом английских предложений хотя бы в символической форме. Однако дальнейший ход событий доказал правоту слов первого заместителя наркома иностранных дел В. П. Потёмкина, что «итальянцы и немцы не пойдут ни при каких условиях на действительный отзыв своих сил из Испании»⁴. Прав был и советский полпред Майский, предрекавший очередную капитуляцию Англии и Франции в этом вопросе перед Римом⁵.

На заседании Комитета по невмешательству 20 октября посол в Великобритании Гранди выдвинул новые итальянские предложения по испанскому вопросу. Советский полпред в Лондоне

¹ ДВП СССР. Т. 20. С. 750–751. Сн. 189.

² См.: *Dilks D. Appeasement and Intelligence*. P. 144, 145.

³ Известия. 1937. 9, 10 окт.

⁴ ДВП СССР. Т. 20. № 365. С. 548.

⁵ См.: ДВП СССР. Т. 20. № 359. С. 537.

своевременно вскрыл суть нового маневра итальянской дипломатии, сводившегося к тому, чтобы затянуть политические дискуссии, а тем временем подбросить франкистам подкрепление и расчистить путь для англо-итальянских переговоров. «Такая расчистка тем более возможна, что англичане удовлетворились бы очень небольшими уступками со стороны Муссолини в испанском вопросе, — писал И. М. Майский. — Они вовсе не стремятся к полной эвакуации итало-германских войск...»¹

При явном попустительстве западных стран фашистским агрессорам произошло присоединение Италии к Антикоминтерновскому пакту 6 ноября 1937 г. В беседе с китайским послом в Риме итальянский министр иностранных дел заметил, что подписание тройственного пакта сделает Англию «более сговорчивой в вопросе итало-английских отношений»².

Основополагающим стратегическим принципом английского командование всегда считало обязанности военно-морского флота по защите Британской империи. Вплоть до конца 1930-х гг. защита дальневосточных рубежей стояла на первом месте. Адмиралтейство всегда настаивало на необходимости для Англии избежать войны в Средиземном море не потому, что королевский флот не мог разбить Италию, а потому, что возможные потери могли осложнить отправку британского флота в Сингапур в случае войны с Японией³.

В 1937 г. английский государственный деятель и историк Э. Карр писал в связи с присоединением Италии к Антикоминтерновскому пакту:

Если мы не хотим отдавать Тихий океан японцам... то перед нами лежат два возможных курса. Мы можем прийти к соглашению с Италией на условиях, которые, возможно, повлекут за собой признание Италии ведущей средиземноморской державой только для того, чтобы иметь возможность противостоять германским требованиям.

¹ ДВП СССР. Т. 20. С. 756. Сн. 212; № 381. С. 566.

² ДВП СССР. Т. 20. С. 764. Сн. 239.

³ См.: *Howard M. British military preparations for the Second World War // Retreat from Power. P. 102–104.*

Или же мы можем прийти к соглашению с Германией с целью восстановить наше превосходство в Средиземном море против Италии¹.

Несмотря на потенциальную опасность, исходившую для Великобритании от союза фашистских государств, правительство Чемберлена с настойчивостью, достойной лучшего применения, продолжало курс на сделку с агрессорами. В Лондоне были продолжены консультации с участием Гранди, Болла и Дингли. В конечном итоге англичане удовлетворились итальянским планом постепенного вывода «добровольцев» из Испании. В очередной публичной речи 9 ноября Чемберлен выразил желание «упрочить отношения с Италией и Германией на основе взаимного доверия и понимания»². Однако во время встречи Чиано с британским послом выяснилось, что тот не получал от Форин Оффиса никаких инструкций относительно ведения переговоров.

В действительности база для переговоров готовилась, но в обход МИД, через секретный канал. 10 ноября Дж. Болл вместе с А. Дингли подготовил пакет вопросов, которые тот должен был обсудить с итальянским послом в Лондоне. Итоги последовавшей затем беседы Дингли с послом были суммированы в меморандуме, подготовленном специально для Чемберлена. Прежде всего англичан интересовало, не сопровождалось ли вступление Италии в Антикоминтерновский пакт принятием секретных протоколов или соглашений антибританского характера. Д. Гранди не смог ответить на этот вопрос, но счел необходимым предостеречь, что задержка англо-итальянского соглашения приведет к усилению итальянских обязательств в отношении союзников по пакту. Относительно причин отказа итальянского министра иностранных дел встретиться с Иденом на Брюссельской конференции посол разъяснил, что Чиано импонирует сама идея встречи³. Однако он

¹ Pratt L. R. *East of Malta, West of Suez : Britain's Mediterranean Crisis. 1936–1939.* Cambridge, 1975. P. 5, 6.

² Bolech Cecchi D. *L'accordo di due imperi.* P. 19.

³ Приглашение Идена итальянскому министру иностранных дел на встречу в Брюсселе на конференции по китайско-японскому конфликту, проходившей с 3 по 24 ноября 1937 г., было направлено в первых числах ноября.

полагает, что почва для немедленных переговоров еще не подготовлена. На неудаче переговоров могли бы погреть руки противники политики Чемберлена¹. Последнее замечание подтверждает, что итальянцы были в курсе разногласий между главой кабинета и его министром. Не скрывал этого перед итальянцами и Чемберлен. 16 ноября он дал понять через секретный канал, что задержка с подписанием соглашения вызвана не столько вопросом о выводе итальянских «добровольцев» из Испании, сколько внутривнутриполитической обстановкой в Великобритании².

Возможно, оправдательное заявление Чемберлена было приурочено к поездке в Германию министра без портфеля В. Галифакса, имеющей целью успокоить фашистское руководство в связи имевшимися у него опасениями относительно заключения англо-германской сделки без участия Италии³. 19 ноября Галифакс был принят Гитлером. Хотя переговоры не дали ожидаемых в Лондоне результатов, сбылось предположение советского полпреда Майского, что Чемберлен «будет продолжать попытку сговориться с Гитлером и Муссолини»⁴. Относительная неудача англо-германских переговоров усилила интерес в Лондоне к развитию отношений с Италией.

20 ноября Чемберлен дал знать через Дж. Болла, что англо-итальянские переговоры могут начаться уже на следующей неделе. Спустя три дня Гранди, Болл и Дингли в течение двух часов обсуждали вопросы предстоящих переговоров. Гранди счел необходимым напомнить Боллу о двух меморандумах Форин Оффиса от 9 сентября и 2 октября, в которых априори исключалась возможность признания аннексии Эфиопии. Посол дал понять, что если английская позиция по этому вопросу не изменится, то нечего и рассчитывать на открытие переговоров. Болл обещал через

¹ См.: II «canale segreto» di Chamberlain. P. 662, 663.

² См.: Ibid.

³ Советский полпред в Италии констатировал: «Большую внутреннюю озбоченность вызвал и продолжает вызывать визит Галифакса в Берлин» // ДВП СССР. Т. 20. № 422. С. 626.

⁴ ДВП СССР. Т. 20. № 420. С. 621.

премьер-министра добиться смягчения позиции Форин Оффиса по этому вопросу¹.

После встречи с главой правительства Болл передал Гранди меморандум с предложением согласовать заранее приемлемую для обеих сторон повестку переговоров. В меморандуме особенно подчеркивалось, что инициатива переговоров должна исходить от итальянской стороны, а официальные переговоры следует открыть после предварительного и строго секретного обсуждения их повестки².

На заседании британского кабинета министров 8 декабря был представлен доклад министра координации обороны Т. Инскипа, в котором обращалось внимание на значение, с точки зрения имперской обороны, «любой политической или международной акции, которая бы уменьшила число наших потенциальных врагов». В развитие идей доклада А. Иден выразил готовность предлагать и дальше усилия в этом направлении на южном конце оси Рим — Берлин. Чемберлен мотивировал улучшение отношений с Италией намерением «оторвать одну из трех держав от двух остальных». «Однако настоящим ключом к ситуации, — открыто заявил глава правительства, — являлась Германия»³. Возможно, переговоры с Римом рассматривались английским премьер-министром как средство нажима на Берлин с целью ускорения соглашения ведущей фашистской державой.

Однако в начале декабря последовала инициатива Идена, идущая вразрез с предложениями Чемберлена. Глава Форин Оффиса дал знать итальянскому послу, что переговоры не начнутся до тех пор, пока не прекратится антибританская и антифранцузская пропаганда со стороны Италии, а вопрос об официальном признании Лондоном аннексии Эфиопии не будет исключен из повестки⁴. Заявление Идена привело к обострению англо-итальянских отно-

¹ См.: *Watt D. C. Gli accordi mediterranei anglo-italiani del 16 aprile 1938. P. 65.*

² См.: *Il «canale segreto» di Chamberlain. P. 664.*

³ *Международная жизнь. 1973. № 5. С. 113 ; Adamthwaite A. The lost peace : International Relations in Europe: 1918–1939. L., 1980. P. 198, 199.*

⁴ См.: *Eden A. Le memorie di A. Eden. V. 1. P. 597.*

шений. Создается впечатление, что хорошо информированное о разногласиях между Чемберленом и Иденом итальянское руководство преднамеренно накаляло отношения с Лондоном, чтобы довести разногласия между главой правительства и министром до полного разрыва.

По поручению посла Гранди секретный переговорщик Дингли прямо заявил Боллу, что позиция Идена опасна и препятствует успешному ходу переговоров. Итальянская сторона в категорической форме выдвинула в качестве основного условия открытия переговоров признание Итальянской империи, в остальных вопросах выражалась готовность пойти навстречу пожеланиям¹.

12 декабря Муссолини объявил о выходе Италии из Лиги Наций. Гранди был отозван в Рим под предлогом участия в заседании Большого фашистского совета. Из записей Дингли следует, как пишет Р. Квартараро, что выход Италии из Лиги Наций явился логическим следствием задержки английской стороной переговоров с Италией².

23 декабря временный поверенный Италии в Лондоне Гв. Кролла представил Идену меморандум с изложением позиции итальянского правительства о необходимости «полного, а не частичного решения всех проблем между Италией и Германией». Важное место среди них вновь отводилось признанию аннексии Эфиопии. По оценке Чиано, эта встреча не способствовала проявлению англо-итальянских отношений³.

Интересное замечание относительно позиции британского министра иностранных дел содержится в записях Дингли. В итальянском посольстве Дингли познакомили с документами относительно встречи в начале декабря министров иностранных дел Англии и Франции. Оба участника высказались за переговоры с Германией и Италией, но Иден отметил при этом, что сначала

¹ См.: Il «canale segreto» di Chamberlain. P. 665.

² См.: *Quartararo R. Inghilterra e Italia : Dal Patto di Pasqua a Monaco (con un'appendice sul «canale segreto» italo-inglese).* P. 665.

³ См.: *Ciano G. Diario.* N. Y., 1948. P. 73. 24.12.1937.

надо договориться с Германией¹. 22 декабря на заседании кабинета было принято решение «возможно скорее продолжить переговоры, начатые лордом — председателем Совета с г-ном Гитлером». Чемберлен высказался за немедленные переговоры также с Италией².

Для вывода англо-итальянских отношений из тупика в начале января были продолжены встречи между британским послом и министром иностранных дел Италии, контакты через леди Айви, но наиболее интенсивно и эффективно продолжал работать «канал Дингли — Болл». 10 января 1938 г. Болл сообщил, что в связи и отъездом Идена из Лондона Чемберлен взял на себя всю инициативу переговоров с Италией³. Премьер-министр гарантировал включение в повестку переговоров всех итальянских предложений, включая признание империи. Чемберлен предлагал перенести центр переговоров из Рима в Лондон, что позволило бы осуществлять прямой контакт между ним и Гранди, минуя Форин Оффис.

Инициатива Чемберлена требовала срочного возвращения посла Д. Гранди из Рима. По телефону итальянский посол обратился с просьбой к Дингли организовать ему встречу с Чемберленом на 17 января. Внезапное возвращение Идена в Лондон 15 января спутало все карты, поскольку сделало невозможным из протокольных соображений прямой контакт между премьер-министром и послом в обход Форин Оффиса. В своих записях Дингли подробно описывает, как он вместе с Боллом лихорадочно изыскивал варианты, чтобы все-таки обойти Идена. Наконец, 18 января Болл через Дингли передал послу, чтобы тот написал письмо Идену с просьбой организовать встречу с ним и премьер-министром для передачи важного послания Муссолини. Такое послание уже имелось. В нем глава итальянского правительства выражал надежду на то, что пакт станет «всеобщим и действенным соглашением», а «не фиктивным, составленным на легкую руку». Болл передал

¹ II «canale segreto» di Chamberlain. P. 667.

² Международная жизнь. 1973. № 5. С. 114 ; Birkenhead E. The Life of Lord Halifax. Hamish Hamilton, 1965. P. 376.

³ Иден 3 января отправился на две недели в отпуск на юг Франции, откуда он собирался выехать прямо в Женеву на сессию Совета Лиги Наций.

Дингли образец письма для посла, написанный на именной бумаге правительства и, очевидно, под его диктовку. На следующий день специальным курьером Гранди направил письмо в МИД. Приглашение Идена послу последовало немедленно, но стало известно, что участие Чемберлена во встрече не предполагается. Из беседы с министром он вынес впечатление, что, в отличие от Чемберлена, Иден не торопится открыть переговоры с Италией. О позиции Идена тотчас стало известно через лондонские газеты.

Через те же источники информации глава британского кабинета, по существу, дезавуировал позицию Идена. Дингли констатировал, что это решение Чемберлена означало его вступление в открытый конфликт со своим министром иностранных дел. 1 февраля Чемберлен посредством секретного канала дал знать итальянскому руководству о своей готовности начать переговоры как можно скорее, но во избежание серьезных разногласий в кабинете предложил дожидаться возвращения Идена из Женевы¹. В ответ Муссолини предложил обсудить на переговорах четыре вопроса: пропаганды, положения в Средиземноморье, колониальный и экономический. В Лондоне обратили внимание на отсутствие вопроса об Испании².

Узнав о фактическом начале англо-итальянских дискуссий, Иден выразил протест главе правительства, однако дальнейшая его позиция в этом вопросе характеризовалась прогрессирующей уступчивостью. Не лишено оснований предположение Р. Квартараро, что на позицию Идена повлияли перестановки, осуществленные Гитлером в дипломатическом аппарате, и реорганизация им высшего военного руководства. В результате мер, осуществленных в начале февраля 1938 г., наиболее агрессивные круги генералитета взяли на себя руководящую роль в подготовке войны³.

¹ См.: Il «canale segreto» di Chamberlain. Appendice. P. 672.

² *Bolech Cecchi D.* L'accordo di due imperi. P. 30.

³ См.: История Второй мировой войны. М., 1974. Т. 2. С. 381 ; *Quartararo R.* Inghilterra e Italia : Dal Patto di Pasqua a Monaco (con un'appendice sul «canale segreto» italo-inglese). P. 673–674.

Во время приема итальянского посла 5 февраля А. Иден был более благосклонен к идее сотрудничества с Римом, чем ранее. Тем не менее, он вновь настаивал на включении в повестку переговоров вопроса о выводе итальянских войск из Испании в качестве обязательного условия. Дж. Болл высказал предположение, что Иден тем самым пытается спасти свое лицо перед общественным мнением. Спустя два дня стало ясно, что и глава британского кабинета тем же приемом пытался погасить недовольство общественного мнения в стране в связи с предстоящими переговорами с фашистскими государствами¹.

10 февраля Иден представил итальянскому послу свой план вывода итальянских «добровольцев» из Испании. Таким образом, англо-итальянские переговоры сдвинулись с места. Однако, стремясь избежать гласности, английское руководство продолжало настаивать на ведении неофициальных переговоров через секретный канал в Лондоне².

Такая постановка вопроса не устраивала итальянскую сторону. 16 февраля Чиано направил Гранди письмо с указанием в ультимативной форме добиваться официального открытия переговоров. В тот же день состоялась очередная встреча Дингли с Боллом. Представитель Чемберлена сообщил, что постарается организовать встречу посла с премьер-министром. Состоявшаяся 18 февраля встреча Чемберлена с Гранди в присутствии министра иностранных дел подробно описана в научной литературе³. Поведение итальянского посла выглядело вызывающим. Он отказался обсуждать австрийскую проблему, заранее исключил возможность возврата к Стрезе, уклонился от обсуждения английского проекта вывода итальянских «добровольцев» и настаивал на признании империи. Беседа была прервана, во время обеденного перерыва

¹ См.: ДВП СССР. Т. 21. № 41. С. 72.

² См.: *Bolech Cecchi D.* L'accordo di due imperi. P. 30.

³ См.: *Трухановский В. Г.* Антони Иден. С. 154–156; *Cooper D.* Old Men Forget: The Autobiography of Duff Cooper. L., 1953. P. 214; *Templewood.* Nine Troubled Years. L., 1954. P. 278; *Feiling K.* The Life of Sir Chamberlain. L., 1946. P. 338–339; *Colvin I.* The Chamberlain Cabinet. P. 97–99.

произошла стычка между Чемберленом и Иденом. Глава правительства требовал «не упустить последний шанс для заключения соглашения с Италией», министр полагал, что время для переговоров еще не наступило¹. В конечном итоге Чемберлен настоял на своем. После перерыва он объявил Гранди, что по окончании консультации с членами кабинета будет сделано официальное заявление о начале переговоров с Италией. На этот раз глава правительства выдвинул в качестве неперемennого условия принятие Римом английского плана вывода итальянских войск из Испании. В остальном он согласился с предложенной итальянцами повесткой переговоров².

После двухдневных обсуждений английский кабинет санкционировал немедленное открытие переговоров. Благодаря информации, полученной по секретному каналу, Чемберлен вел расчетливую игру в кабинете. В нужный момент он сообщил о согласии Рима принять английские условия решения испанской проблемы. В свою очередь, Чемберлен заблаговременно сообщил в Рим о предстоящей отставке Идена. Несомненно, секретный канал облегчил позитивный исход переговоров. Обе стороны и в дальнейшем стремились поддерживать в активном состоянии этот секретный канал³.

22 февраля 1938 г. Чемберлен объявил об отставке министра иностранных дел Антони Идена. Пост министра иностранных дел занял В. Галифакс, полностью поддерживавший внешнеполитический курс Чемберлена. Английский посол в Риме был отозван на родину для получения инструкций относительно переговоров с Италией. Накануне отъезда он был принят министром иностранных дел Италии.

5 марта английский посол вернулся в Рим с инструкциями правительства Великобритании по всем предложенным на рассмотрение вопросам. Спустя три дня состоялась первая из пятнадцати встреч посла с министром иностранных дел Италии. Посол вручил

¹ The Diaries of Sir Alexander Cadogan: 1938–1945. L., 1971. P. 50.

² Bolech Cecchi D. L'accordo di due imperi. P. 35.

³ Il «canale segreto» di Chamberlain. P. 677.

Чиано письмо главы Форин Оффиса с пожеланиями возобновить дружбу между двумя странами. В качестве первого шага Галифакс призвал обеспечить взаимный благожелательный тон печати. Затем посол изложил основы английских предложений относительно переговоров. Выработка документов продолжалась до середины апреля, а декларация по Суэцкому каналу была завершена за несколько часов до подписания англо-итальянского соглашения. В ходе переговоров английская позиция по испанскому вопросу эволюционировала. Была выдвинута «каучуковая» формула «существенного прогресса в действительном выводе добровольцев». Что касается признания аннексии Эфиопии, то правительство Чемберлена направило 9 апреля письмо Генеральному секретарю Лиги Наций с просьбой включить этот вопрос в повестку на ближайшей сессии. Робкие попытки Лондона подключить к переговорам Францию получили решительный отпор со стороны итальянского руководства. Согласование других вопросов прошло в спокойной обстановке¹.

14 апреля впервые с начала экономических санкций Муссолини принял посла Великобритании в своей резиденции. Состоялось ознакомление с текстами соглашений, которые были одобрены главой итальянского правительства.

О значении, которое придавалось в Риме соглашению с Великобританией, свидетельствует запись в дневнике Чиано: «С сегодняшнего дня действительно закрывается эфиопская компания, закрывается имперским соглашением...»²

В пасхальный день 16 апреля в резиденции МИД Италии Палаццо Киджи министр Чиано и британский посол лорд Перт (в 1937 г. после смерти брата лорда Перта Э. Дрэммонд унаследовал его титул) подписали соглашение по поручению своих правительств. Англо-итальянское соглашение включало протокол и восемь приложений, обмен нотами между двумя сторонами относительно Испании, Ливии, обращение Великобритании к Лиге

¹ О переговорах между Чиано и английским послом см. в сборниках документов: *L'Europa verso la catastrofe*. V. 1. P. 309–326; DBFP. Ser. 3. V. 1. № 53. P. 27–29.

² *Ciano G. Diario*. P. 156. 14.04.1938.

Наций о юридическом признании итальянского суверенитета над Эфиопией, протокол о присоединении Италии к Лондонскому морскому договору, устные гарантии по Палестине, соглашения о добрососедских отношениях и обмен нотами по озеру Тана и Суэцкому каналу между Великобританией, Италией и Египтом.

В протоколе утверждалось, что оба правительства «вдохновлены желанием поставить отношения между двумя странами на прочную и длительную основу и внести свой вклад в дело мира и безопасности». Действие соглашения не ограничивалось определенным сроком. Предполагалось после вступления соглашения в силу открыть переговоры с участием Египта для окончательного определения границ между ним, британскими и итальянскими владениями, договориться о торговых и прочих интересах стран на этих территориях.

В первом приложении Англия и Италия подтвердили Римскую декларацию по Средиземному морю от 2 января 1937 г. и ноты от 31 декабря 1936 г. относительно статус-кво в Западном Средиземноморье. Во втором устанавливалось, что ежегодно в январе через военных атташе будет происходить обмен информацией по предполагаемым важным административным перестановкам и перемещениям вооруженных сил в заморских владениях, сопредельных со Средиземным, Красным морями, Аденским заливом и на африканских территориях, в квадрате, ограниченном на западе 20-м градусом долготы и на юге 7-м градусом широты. Оба правительства обязывались заранее информировать о решениях относительно строительства новых военно-морских или авиабаз в Средиземноморье, в районе, в ограниченном 19-м градусом долготы и Красным морем.

В обширном третьем приложении обе стороны брали на себя обязательство гарантировать независимость и целостность Саудовской Аравии и Йемена, воздержаться от вмешательства в случае возникновения конфликта между ними. При этом Великобритания сохранила за собой право предпринять «меры защиты» участков территории, по которым проходят ее имперские коммуникации. Италия отказывалась от проникновения в этот район в любой

форме. С другой стороны, Великобритания гарантировала в Аденском протекторате свободу транзита, торговли и пребывания как отдельных итальянских лиц, так и компаний.

В четвертом приложении оговаривалось прекращение взаимной враждебной пропаганды.

В пятом и шестом приложениях итальянское правительство подтвердило взятые на себя 3 апреля 1936 г. обязательства и заявление МИД Италии английскому послу 31 декабря 1936 г. относительно озера Тана, а также относительно освобождения местного населения в Восточной Африке от воинской повинности.

В соответствии с седьмым приложением итальянское руководство гарантировало свободу исполнения религиозных культов гражданами британской национальности в Восточной Африке.

В восьмом приложении содержались соответствующие заявления о верности обеих стран Константинопольской конвенции 1888 г., которая гарантировала свободу прохода военных и торговых судов через Суэцкий канал в мирное и военное время¹.

Д. Болек Чекки справедливо пишет, что англо-итальянское соглашение позволило Италии выйти из международной изоляции, в которой оказалась страна в результате авантюры в Эфиопии. Но далее она высказывает сомнительный тезис о его значении для дела «укрепления мира и освобождения Италия от немецкой опеки»². Опрометчивость подобных суждений очевидна. Итальянские расчеты в связи с соглашением были лаконично суммированы Чиано в его дневнике:

В Европе ось остается основной. В Средиземноморье сотрудничество с англичанами до тех пор, пока это будет возможным. Франция остается за чертой: по отношению к ней наши требования определены уже сейчас³.

¹ См. полные тексты принятых документов в приложении к книге: *Bolech Cecchi D. L'accordo di due imperi*. P. 247–263. Text of the Agreement and Exchange of Notes between the United Kingdom and Italy and of the «Bon-voisinage» Agreement and Exchanges of Notes between the United Kingdom, Egypt and Italy, signed at Rome. 1938. Apr. 16.

² *Bolech Cecchi D. L'accordo di due imperi*. P. 78.

³ *Bonnet G. Defense de la paix*. Geneve, 1946. P. 147.

Соглашение с Лондоном позволило итальянскому правительству ужесточить свои требования к Франции.

Ратификация англо-итальянского соглашения британским парламентом состоялась 16 ноября 1938 г. после заключения мюнхенского соглашения и подписания англо-германской 30 сентября и франко-германской деклараций, т. е. когда дипломатия западных стран, казалось бы, достигла желанной цели¹. Ратификация не обеспечивала прогресса в решении испанской проблемы.

После заключения соглашения с Лондоном фашистское руководство поставило на повестку дня планы агрессии на Балканах. К весне 1938 г., пишет Н. Д. Смирнова, экспансионистскую программу итальянского фашизма как составную часть средиземноморской программы можно было считать оформившейся. В рамках реализации «параллельной» стратегии в апреле Чиано представил главе правительства план оккупации Албании².

Англо-итальянское соглашение не расстроило планы создания итало-германского военно-политического союза. В мае 1938 г. состоялся визит Гитлера в Италию. Опираясь на соглашение с Англией, итальянское руководство стремилось выторговать уступки у Германии в Юго-Восточной Европе в обмен на дальнейшее сближение с ней. В ходе переговоров двух фашистских диктаторов было начато обсуждение проектов военно-политического союза³.

¹ См.: Документы и материалы кануна Второй мировой войны. Т. 1. № 100. С. 237–239; № 102. С. 241; № 117. С. 257.

² См.: Смирнова Н. Д. Балканская политика фашистской Италии. С. 58, 68.

³ См.: *Toscano M.* Le origini diplomatiche del Patto d'acciaio. Firenze, 1956. P. 13.

Глава 3

ФАШИСТСКАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА В ПЕРИОД ЧЕХОСЛОВАЦКОГО КРИЗИСА (март 1938 — март 1939)

Новые внешнеполитические вызовы внешней политике Италии. — Тройственные переговоры о военном союзе. — Мюнхенское соглашение и позиция Италии. — Тревожная неопределенность: фашистская политика под знаком мюнхенского конкордата. — Планирование итальянских военных операций. — Продолжение переговоров о тройственном военно-политическом союзе.

3.1. Новые внешнеполитические вызовы

Вслед за аншлюсом Австрии в марте 1938 г. угроза нацистской агрессии нависла над Чехословакией. Захват Австрии изменил расстановку сил в Центральной и Юго-Восточной Европе в пользу Германии и поставил под угрозу итальянские позиции в этом районе. Формально фашистское руководство Италии солидаризировалось с действиями Германии, однако в реальности не исключало дальнейшего германского продвижения на Балканы, которые рассматривались в Риме как итальянская сфера влияния.

Заклучив «пасхальное» соглашение с Лондоном, 19 апреля фашистское руководство откликнулось на французское предложение о возобновлении переговоров между двумя странами. Франция изъявила готовность признать итальянский захват Эфиопии при условии, что переговоры начнутся до обсуждения этого вопроса

в Совете Лиги Наций 12 мая. В выдвинутом Италией пакете предложений содержались многие из тех, которые в дальнейшем стали предметом острых споров между двумя странами¹.

22 апреля французское посольство передало в МИД Италии меморандум, в котором были выделены для обсуждения 12 вопросов. В ходе обсуждения меморандума между министром иностранных дел Г. Чиано и временным поверенным Франции М. Блонже-лем выявилась незаинтересованность итальянской стороны пойти навстречу французским пожеланиям, в частности по вопросу о пересмотре англо-итальянских соглашений относительно Аравии и Красного моря, а также о предоставлении гарантий Италии по испанскому вопросу. Тем не менее, обе стороны нашли целесообразным продолжить переговоры после завершения визита Гитлера в Италию².

Фашистское руководство рассчитывало, что подписанные соглашения приведут к урегулированию англо-итальянских противоречий в бассейнах Средиземного и Красного морей и в Северной Африке. Параллельно фашистское руководство активизировало свои усилия по созданию блока стран, включающего Югославию, Румынию, Польшу. Эта группировка государств должна была обезопасить стран-участниц блока от потенциальных германских притязаний³. Прямым следствием аншлюса стало также распоряжение Муссолини о подготовке захвата Албании через год⁴. Усилилось экономическое и политическое проникновение Италии в соседнюю страну. По поручению Чиано министерство культуры усилило пропагандистскую обработку населения Албании посредством ежедневных радиопередач, расширения преподавания

¹ См. об этом: *Quartararo R.* Dal Patto di Pasqua a Monaco // *Storia contemporanea*. 1976. № 4. P. 611.

² См.: *Documents Diplomatiques Français. 1932–1939. Ser. 2. P., 1974. T. 9.* P. 454–456 ; *Bolech Cecchi D.* L'accordo di due imperi: L'accordo italo-inglese 16 aprile 1938. Milano, 1977. P. 82–83.

³ См. об этом: *Михайленко В. И.* Мюнхенский сговор и политика фашистской Италии. С. 117.

⁴ См. об этом: *Minniti F.* Fino alla Guerra : Strategie e conflitto nella politica di potenza di Mussolini. 1923–1940. Napoli, 2000. P. 165.

итальянского языка в Албании; итальянские компании монополизировали прокат фильмов в Албании и практически вытеснили французских и греческих конкурентов. Министр культуры Альфieri представил правительству смету на строительство новой крупной радиостанции в Тиране¹.

Фашистский маршал Э. Кавилья в своем дневнике выражал опасения тех кругов, которые были встревожены выходом Германии к итальянской границе на Бреннерском перевале. Он писал:

В военном отношении положение меняется. Прежде нас могли атаковать, подготовив наступление в Баварии и пройдя через всю Австрию. Теперь они [немцы] могут подготовить его непосредственно на границе и оказывать на нас немедленный нажим... Можно предвидеть, что через год, если не через несколько месяцев, наступит очередь Чехословакии... Затем мы будем иметь дело с Германией на Адриатике...²

Представление об итало-германском соперничестве в Австрии дает анонимный итальянский меморандум от 13 апреля 1938 г., найденный в Центральном государственном архиве в Риме. В нем сообщалось, что после аншлюса Австрии гитлеровские власти издали закон от 23 марта, согласно которому все иностранцы, проживавшие в Австрии, без исключения под угрозой наказания должны были передать рейху все свои вклады за рубежом. Жертвой этого закона стали прежде всего итальянские подданные, представлявшие наиболее крупный контингент иностранцев в Австрии. Перевод их вкладов в марки делал невозможным вывоз их за границу, в том числе в Италию. Меморандум обращал внимание итальянского министра финансов на опасные последствия такого положения для страны и призывал «как можно быстрее и энергичнее» отреагировать на этот закон, чтобы спасти депозиты итальянцев, проживавших в Австрии³.

¹ См.: ACS. MCP. II. 93. Fasc. 2. Propaganda italiana in Albania. 20.V.1938.

² Цит. по: Santarelli E. Storia del fascismo Roma. 1981. V. 2. P. 320.

³ Archivio Centrale dello Stato : Presidenza del Consiglio dei Ministri. Anno 1937–1939. Annesione dell’Austria alla Germania. Fasc. 15. Sottofasc. 2. № 4304 (далее — ACS. PCM).

Интересно отметить, что при подписании торгового договора с Германией итальянская сторона отказалась предоставить преимущества, которыми пользовалась Австрия в Триесте. «Политическая обстановка требует переноса проблемы усиления военного контингента из Средиземноморья в долину реки По», — констатировал 3 апреля заместитель военного министра А. Париани¹. Вслед за этим последовало решение генерального штаба об укреплении границы с Германией и приведении в готовность семи дивизий, дислоцированных к востоку от реки Минчио и к северу от реки По.

18 апреля 1938 г. в отдел планирования операций поступило распоряжение из военного министерства «начать работу над планом Р. R. 16». «Противник с севера — нейтралитет с востока и запада — наблюдение за Швейцарией. ... Р. R. 16 должен являться основой для двух дополнительных разработок, т. е. нашего союза с Ф.[ранцией], нашего союза с Ю.[гославией] — но это мы должны сделать позже»². Разработанные военные директивы предусматривали ведение обороны на предполагаемом фронте военных действий в районе Альто Адидже и наступление в районе Каринтии. Исходя из этого, к 25 апреля были подготовлены некоторые общие оценки оперативного замысла, определена численность войск и их дислокация. План исходил из возможного противодействия германскому наступлению³. 26 апреля Муссолини обсудил с начальником генерального штаба положение в Северной Италии. Особое беспокойство военного командования вызывала низкая пропускная способность итальянских железных дорог. К 20 июня 1938 г. подготовка первой части плана «Р. R. 16» была завершена⁴. В начале сентября отдел планирования военных операций Генерального штаба подготовил для Париани записку относительно военной атаки Греции. После обсуждения 20 октября плану нападения на Грецию было присвоено название *Esigenza AG*⁵.

¹ Minniti F. Fino alla Guerra. P. 163.

² Цит. по: Ibid.

³ Ibid.

⁴ Ibid. P. 164.

⁵ Ibid. P. 165.

С 11 по 24 мая итальянское командование провело военные учения в Ливии. Успешная высадка трехтысячного десанта вдохновила итальянское руководство на включение в оперативные планы военных операций против французов в Северной Африке. Таким образом, окончательно сформировалось четыре направления военных действий: адриатическое, тирренское, средиземноморское и океаническое (индийское). Среди них на тот момент решающее значение отдавалось континентальному восточному направлению, прежде всего атакам против Югославии¹.

В случае войны против Великобритании и Франции Средиземноморье и Африка должны были превратиться в единый большой театр военных действий.

3.2. Тройственные переговоры о военном союзе²

В обстановке обострения германско-чехословацких отношений в мае 1938 г. состоялся визит Гитлера в Италию³. Внешне итало-германские переговоры были обставлены еще более помпезно, чем предыдущие встречи глав фашистских правительств⁴. Однако результатами переговоров оказались недовольны оба их участника. Муссолини дал понять, что не собирается отказываться от переговоров с Великобританией. В свою очередь, германская сторона игнорировала настойчивые призывы Рима пойти навстречу

¹ Minniti F. Fino alla Guerra. P. 167.

² В этом разделе используется статья, написанная А. В. Михайленко под моим научным руководством. См.: Михайленко А. В. Переговоры между Берлином, Токио и Римом о Тройственном военно-политическом союзе (апрель 1938 — май 1939 гг.) // Изв. Урал. гос. ун-та. № 2 (1975). 2010. Проблемы образования, науки и культуры. С. 138–152.

³ Как отмечают составители сборника итальянских дипломатических документов, итальянские документы о визите Гитлера были испорчены из-за высокой влажности, и восстановить их содержание не представляется возможным. См.: I Documenti Diplomatici Italiani. Ottava serie: 1935–1939. Vol. IX. Roma, 2001. P. 85.

⁴ См.: ACS. PCM. Anni 1937–1939. B. 4/11. Fasc. 3711. Sottofasc. 44. Venuta di Hitler in Italia. 1938.

в признании итальянских интересов в дунайско-балканском районе. В Берлине уже готовились к тому, чтобы после захвата Чехословакии прибрать к своим рукам всю Юго-Восточную Европу, а Италии предлагали заняться Африкой. Дальнейшие итальянские внешнеполитические расчеты строились на укреплении оси Рим — Берлин при сохранении англо-итальянского соглашения и выдвигании колониальных претензий к Франции¹.

Опираясь на соглашение с Англией, фашистское руководство стремилось выторговать уступки у Германии в Юго-Восточной Европе в обмен на дальнейшее сближение с ней. В свою очередь, германское руководство стремилось нейтрализовать значение англо-итальянского соглашения, связав Рим военным союзом, и облегчить осуществление агрессивных планов в отношении Чехословакии на случай вмешательства Англии и Франции в конфликт.

Гитлер заявил своему адъютанту: «Чешский вопрос может быть разрешен вопреки Франции и Великобритании, если только мы будем тесно связаны союзом с Италией»². В разгар чехословацкого кризиса Гитлер поручил военному атташе в Риме фон Ринтелену подготовить доклад о состоянии итальянских вооруженных сил. Выводы военного атташе о боеспособности итальянских сил оказались неутешительными, и Гитлер распорядился в дальнейшем корректировать подобную информацию в положительном духе³.

В апреле германское министерство иностранных дел подготовило три проекта договора о военно-политическом союзе с Италией: секретный, открытый договор о взаимопомощи и проект с открытым документом об интенсификации отношений между двумя странами, но с секретным соглашением о взаимопомощи. Проекты претерпели с десятком модификаций, прежде чем были

¹ См.: Бочаров Д. Д. Итало-фашистская дипломатия и мюнхенский сговор // Новая и новейшая история. 1962. № 1. С. 76.

² Цит. по: Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal. V. 25. P. 414.

³ См.: Rintelen E. Mussolini l'alleato. Roma, 1952. P. 48–49.

предложены итальянцам. Представляет интерес дополнительный секретный протокол, который был направлен против Англии и Франции¹. Он предусматривал координацию военных мероприятий, установление постоянного сотрудничества военных командований двух стран, совместное ведение войны. Немецкая сторона предлагала развернуть военное сотрудничество сразу же после подписания пакта. Под ним подразумевались обмен информацией о вооруженных силах противника, обмен военно-техническим опытом, взаимные приготовления в области военной экономики и вооружений, взаимное обсуждение оперативных и тактических вопросов, распределение стратегических объектов для достижения общих военных целей, согласование военно-правовой политики².

По немецкой версии, итальянское руководство не было якобы готово к переговорам о пакте и поэтому избегало разговоров на эту тему. Когда же немецкая делегация настояла на обсуждении, Муссолини отклонил германские проекты³. На самом деле итальянская сторона противопоставила немецкому проекту свой собственный, в котором главный акцент был сделан на определении и разграничении сфер влияния в Балканском и Дунайском регионах, а также на проблемах решения проблемы области Альто Адидже путем выселения из нее немецкоязычного населения⁴.

В дневнике Чиано от 1 мая читаем следующую запись:

Представляю главе (правительства. — *В. М.*) возможный договор с Германией. Он согласен. Я предложил его Риббентропу, подчеркнув, что в наших обоюдных интересах подписать пакт. Мы уже заключили договор с Лондоном, а через некоторое время подпишем его с французами. Если не зафиксировать наши позиции с Берлином, все скажут, что ось ликвидирована, и мы вернулись к Стрезе⁵.

¹ См.: *Watt D.* An Earlier model for the Pact of Steel // *International Affairs*. 1957. № 2. P. 189, 190.

² См.: *DDI*. Vol. IX. P. 85.

³ См.: *Kordt E.* Nicht aus den Akten. Stuttgart, 1950. S. 216.

⁴ См.: *Михайленко В. И.* Формирование итало-германского военно-политического союза в 1936–1939 гг. // *Политика великих держав на Балканах и Ближнем Востоке в новейшее время*. Свердловск, 1983. С. 43.

⁵ *Ciano G.* Diario. Roma, 1947. P. 166.

Итальянский исследователь М. Тоскано утверждает, что министр Чиано первым вручил своему немецкому коллеге проект пакта, в котором главный акцент был сделан на разграничении сфер влияния в Дунайском бассейне¹.

В статье британского историка Д. К. Уотта анализируется имеющийся в британских архивах первоначальный итальянский проект «стального» пакта. Из него видно, что фашистское руководство стремилось предупредить возможные притязания Берлина на итальянские территории, особенно в провинции Альто Адидже, и воспрепятствовать германскому проникновению в итальянскую сферу влияния на Балканах и в других районах². Проект был встречен в штыки германской делегацией. «Он более похож на мирный договор с противником, чем на союз с другом», — раздраженно заметил статс-секретарь МИД Германии Э. Вейцзекер³. 4 мая Гитлер обсудил с Муссолини германский проект⁴. Переводчик на переговорах П. Шмидт вспоминает, что Риббентроп со свойственной ему прямолинейностью оказывал сильный нажим на итальянцев с целью добиться принятия ими немецкого проекта пакта. На это Чиано ответил с саркастической улыбкой: «Солидарность между нашими двумя режимами проявляется в эти дни с такой очевидностью, что формальный союзный договор излишен»⁵.

Исходом переговоров оказались недовольны обе стороны. Муссолини дал понять, что не собирается отказываться от переговоров с Англией. Более того, немецкая сторона сделала вывод, что в случае возникновения конфликта из-за судетской проблемы Италия останется «с оружием у ноги», не будет чинить препятствия германским действиям, но не предпримет активных действий в поддержку Германии⁶. В свою очередь, германская сторона

¹ См.: *Toscano M. Le origini diplomatiche del Patto d'Acciaio. Firenze, 1956. P. 196.*

² См.: *Watt D. An Earlier model for the Pact of Steel. P. 187.*

³ *Weizsacker Д. Erinnerungen. Munchen, 1950. S. 158–159.*

⁴ ACS. PCM. Anni 1937 1939. B. 4/11. Fasc. 3711. Sottofasc. 44. Venuta di Hitler in Italia. 1938.

⁵ *Schmidt P. Statist auf diplomatischer Buhne. 1923–1945. Bonn, 1949. S. 387–388.*

⁶ DDI. V. IX. P. 86.

игнорировала настойчивые призывы Рима пойти навстречу в признании итальянских интересов в Дунайско-Балканском районе¹. Британский посол в Риме лорд Э. Перт рассматривал итоги итало-германских переговоров как проявление ослабления связей в фашистской оси. Близкой позиции придерживалось посольство Франции в Риме².

Выдавая желаемое за действительное, западные политики стремились убедить себя и других в правильности избранного ими курса на «умиротворение» фашистских агрессоров. 12 мая правительство Великобритании внесло на рассмотрение Совета Лиги Наций предложение о предоставлении свободы действий всем членам Лиги Наций в вопросе признания захвата Италией Эфиопии³. Против английского предложения выступили СССР, Китай, Боливия и Новая Зеландия. Таким образом английское правительство готовило почву для обусловленного соглашением от 16 апреля признания итальянской колониальной империи.

В период майского кризиса 1938 г. фашистское руководство демонстрировало полную поддержку действий германского партнера. Министр культуры Д. Альфиери информировал Геббельса о безоговорочной поддержке в итальянской прессе позиции Германии в кризисе⁴.

Состоявшиеся во второй половине мая контакты между Чиано и Блонделем выявили нежелание итальянской стороны форсировать соглашение с Францией. Министр иностранных дел Ж. Бонне констатировал: «Истина состоит в том, что, после того как Муссолини заполучил свое соглашение с Англией, он больше не проявляет интереса к быстрому заключению соглашения с Францией»⁵. Несмотря на нажим, оказанный на Италию со

¹ В письме министра иностранных дел Чиано в посольства в Белграде, Бухаресте, Будапеште и Софии указывалось: «никакого раздела на зоны влияния ни на Балканах, ни в других районах». См.: DDI. V. IX. Doc. 103. P. 146.

² См.: *Bolech Cecchi D. L'accordo di due imperi*. P. 88–92.

³ См.: ДВП СССР. Т. 21. С. 247–250.

⁴ ACS. MCP. B. 116. Fasc. 8. Goebbels. 1938. 25 magg.

⁵ *Bonnet G. Defense de la paix*. P., 1946. P. 147.

стороны Великобритании, она категорически отказалась обсуждать с Францией испанский вопрос, а также проект соглашения о Красном море и Аравии. Великобритания не реагировала на нарушение англо-итальянской договоренности по испанскому вопросу, когда вместо сокращения своего воинского контингента в Испании фашистская Италия пошла на его увеличение в июне и июле¹. Фактически Великобритания переложила на фашистскую Италию функцию противодействия «коммунистической угрозе» в Испании и в Средиземноморье в целом².

В конце мая в Риме было принято решение продолжить обсуждение проекта договора о военном союзе с германскими руководителями. В этот период у итальянцев возникли затруднения в переговорах с Англией и особенно с Францией.

Муссолини предложил внимательно изучить германский проект и привлечь к переговорам Японию. К этому времени итало-японские связи значительно укрепились. 31 мая посол Италии в Токио сообщил, что косвенным путем он получил информацию о японских предложениях. Они включали заключение договора о взаимных обязательствах благожелательного нейтралитета в случае вступления в войну одной из сторон и подписание отдельных договоров между генеральными штабами сухопутных сил и флота³.

В начале июня министерства иностранных дел и военно-морского флота Германии и Японии договорились о направлении в Токио адмирала Де Куртена для ведения переговоров о военном соглашении⁴. 6 июня министр иностранных дел Г. Чиано направил итальянскому послу в Японии Дж. Аурити письмо, в котором предложил обсудить с японскими руководителями вопрос о договоре на следующих условиях:

¹ См. об этом: *Bolech Cecchi D.* L'accordo di due imperi. P. 102–103, 118, 120, 134.

² См. об этом: *Brundu Olla P.* L'equilibrio difficile: Gran Bretagna, Italia e Francia nel Mediterraneo (1930–1937). Milano, 1980. P. 227.

³ См.: *Ferretti V.* Il Giappone e la politica estera italiana. Milano, 1980. P. 218.

⁴ См.: *Ciano G.* Diario. P. 187. 06.VI.1938.

1) взаимные обязательства о благоприятном нейтралитете во всех возможных случаях; 2) взаимные обязательства о консультациях в особых случаях; 3) технические соглашения между генеральными штабами сухопутных, морских и воздушных сил двух стран¹.

18 июня посол Дж. Аурити сообщил, что идея договора была рассмотрена в министерстве иностранных дел и в военном министерстве и была вынесена на Совет пяти министров². Были даны необходимые заверения в том, что руководство флота находится в согласии с руководством сухопутных сил в отношении этого договора. Предполагалось, что министерство иностранных дел может находиться в оппозиции договору, которая не является непреодолимой. С проектом был ознакомлен также премьер-министр³. Аурити сообщал, что исключительно по процедурным вопросам японская миссия не сможет до осени выехать в Рим. Итальянская сторона предложила пока использовать дипломатические каналы для продолжения переговоров⁴. На самом деле затягивание вопроса о заключении договора было связано с острыми дискуссиями в японском руководстве по вопросам военной стратегии. Часть руководства настаивала на антибританской направленности договора. Другие считали, что договор должен был иметь антисоветскую направленность, и в случае войны Японии против СССР итальянский флот мог оказать сильное давление на советский черноморский флот. В одном из японских документов отмечались три цели японской политики в отношении Великобритании: избежать создания блока между демократиями и СССР; подтолкнуть Великобританию к партнерству со странами оси; изолировать СССР. Что касается Италии, то здесь выражалась озабоченность вовлечения Японии в войну с Великобританией и Францией из-за чисто европейских проблем. Правда, в другом исследовании предполагалось,

¹ DDI. V. IX. Doc. 201. P. 270.

² Высший исполнительный орган в Японии.

³ См.: *Ferretti V. Il Giappone e la politica estera italiana*. P. 218.

⁴ См.: DDI. V. IX. D. 235. P. 316.

что итало-японский договор мог удержать Великобританию от поддержки СССР в случае советско-японской войны¹.

Изучение проекта в МИД Японии, закончившееся к началу июля, показало большую вероятность втягивания страны в конфликт с Великобританией при незначительных его преимуществах в случае войны против СССР².

23 июня Риббентроп принял итальянского посла Б. Аттолико. К сожалению, и этот важный документ с записью переговоров сильно пострадал от воздействия воды, и многие его строки невозможно прочитать. Тем не менее, даже сохранившиеся части документа представляют несомненный интерес. В ходе беседы стороны затронули вопрос о договоре. Риббентроп отметил, что только безусловный военный союз отвечал бы интересам обеих стран. Он также подчеркнул, что в период разрешения чехословацкого кризиса Германия будет полагаться исключительно на себя и не настаивает на итальянской военной помощи. Посол сделал вывод о том, что Риббентроп настаивал на трехстороннем договоре, но не исключал возможность заключения двустороннего между Германией и Италией³.

27 июня Чиано поручил послу в Берлине информировать Риббентропа о намерении встретиться с ним примерно через месяц в Комо для подготовки договора⁴. Зондаж в Берлине дал неожиданные результаты. Германское руководство категорически отказалось включить военные статьи в секретный протокол, оно настаивало на открытом военном союзе с участием Японии. М. Тоскано объясняет позицию Берлина уверенностью немцев в своей способности решить чехословацкий вопрос без участия Италии⁵. Не исключено и противоположное — открытым военным союзом германское руководство предполагало усилить нажим на Англию и Францию с тем, чтобы добиться решения судетской проблемы

¹ См.: *Ferretti V. Il Giappone e la politica estera italiana*. P. 219.

² См.: *Ibid.*

³ См.: DDI. V. IX. Doc. 253. P. 342–346.

⁴ DDI. V. IX. Doc. 267. P. 362–363.

⁵ См.: *Toscano M. Le origini diplomatiche del Patto d'Acciaio*. P. 26.

в свою пользу. Итальянское посольство в Японии тщательно отслеживало любую информацию относительно продвижения проекта договора. Например, 8 июля посол Аурити сообщал в Рим, что в данный момент проект находится на рассмотрении у главы правительства и в военном министерстве¹.

С новыми немецкими предложениями о военном союзе прибыл в Рим принц Гессенский. Чиано записал в дневнике 11 июля:

Переговоры с принцем Гессенским, посланцем Риббентропа. Предмет: о военной помощи. Риббентроп настаивает, чтобы такой пакт был заключен. Я ответил, что дуче и я думаем в том же духе, но мы хотим посмотреть на развитие отношений с Лондоном и тем временем подготовить основу популярности соглашения. Похоже, что Риббентроп, опасаясь распространения слухов и ссылаясь на готовность японцев принять участие в пакте, откажется от поездки в Комо. Принц Гессенский уполномочен вести переговоры секретно, в обход посольства².

8 июля кабинет военного министерства подготовил для заместителя военного министра А. Парияни записку, в которой обосновывалось установление на постоянной основе итало-германского сотрудничества в военно-технической области³. Очевидно, документ был подготовлен в связи с визитом заместителя военного министра А. Парияни в Германию, который находился в Германии с 7 по 12 июля 1938 г. Вернулся А. Парияни под сильным впечатлением от «огромной скорости» наращивания мощи германской армии. Он выразил уверенность, что военный потенциал Германии уже к 1941–1942 гг. достигнет значительной эффективности, и предложил Муссолини договориться с Германией о создании постоянно действующего органа военно-технического сотрудничества⁴. С этим предложением итальянское руководство вскоре обратилось в Берлин.

¹ См.: DDI. V. IX. Doc. 309. P. 420.

² *Ciano G. Diario*. P. 157.

³ DDI. V. IX. Doc. 296. P. 401.

⁴ DDI. V. IX. Doc. 311. P. 421.

10 июля А. Париани был принят Г. Герингом, а на следующий день А. Гитлером. В отчете Париани, направленном Муссолини по итогам визита, говорилось:

Так называемые демократические нации пытаются нанести поражение авторитарным государствам самым простым способом — попытаться разделить их... Блок должен быть компактным (Геринг акцентировал внимание на том, что соглашение должно быть тесным и обеспечивать поддержку даже в том случае, если одна из сторон допустит ошибку).

Далее утверждалось, что участники договора должны стремиться к мирному разрешению своих проблем, но также быть готовыми к войне. Между Италией и Германией нет непримиримых противоречий. Первая из них имеет устремления в юго-восточном направлении (Средиземноморье), в котором она доминирует. Устремления другой стороны направлены на северо-восток. Очевидным является наличие контактных зон, но для этого достаточно законных способов решения проблем. Желательно в будущем зафиксировать соглашения во всех областях. Германская сторона обещала начать решение деликатной для Италии проблемы — репатриации немецкого населения из Альто Адидже. Далее Париани пишет: «Нами были решены две проблемы: верховное командование. Противовоздушная оборона». По итогам визита в Германию у А. Париани сложилось впечатление, что германская сторона настроена на решительное углубление отношений¹.

В конце июля было продолжено обсуждение вопроса о военном союзе. Посол в Берлине докладывал о своей встрече с министром иностранных дел Й. Риббентропом. К сожалению, и этот важный документ оказался поврежденным. Фраза «Тройственный договор. Риббентроп продолжал настаивать на своей концепции...» неожиданно обрывается. Далее следуют вопросы Б. Аттолико: «а) какого результата вы достигли с Японией? Рассматриваете ли вы заключение договора с Италией на тех же условиях, что и с Японией?» Ответ Й. Риббентропа: «С Японией продвигаются дела, но пока

¹ DDI. V. IX. Doc. 310. P. 420–421.

нет ничего конкретного. Немецкий эмиссар (как я уже писал — принц Гессенский) находится в поездке в Японии, где встречается с двумя-тремя японскими представителями, расположенными к заключению тройственного договора»¹. Б. Аттолико напомнил итальянское условие заключения союза, связанное с включением Дунайского бассейна в итальянскую сферу влияния. Й. Риббентроп ответил, что это вопрос второстепенной важности. В завершение Риббентроп отметил, что поставленные вопросы можно было бы обсудить во время приезда министра иностранных дел Г. Чиано на нацистский партийный съезд в Нюрнберге².

Осложнение международной обстановки в связи с вступлением чехословацкого кризиса в заключительную стадию сделало неясной перспективу переговоров о военном союзе. В донесениях итальянских дипломатических представителей в Берлине, Лондоне, Париже, Чехословакии звучали панические настроения о неминуемой европейской войне. Посол в Берлине Б. Аттолико сообщал, что даже нацистские экстремисты пессимистично оценивают итоги вооруженного столкновения с Великобританией и Францией. По личному убеждению Б. Аттолико, все стороны постараются избежать войны и решить судетскую проблему дипломатическим путем³.

31 июля посол в Японии Аурити информировал МИД Италии о том, что его германский коллега по возвращению в Токио получил инструкции укреплять связи с Японией. Вместе с тем из бесед с японскими военными руководителями у Аурити сложилось впечатление, что их запросы в Берлин о конкретизации отношений остаются без ответа⁴.

В Токио проект тройственного пакта был обсужден 12 августа на Совете пяти министров. Министр иностранных дел генерал К. Угаки представил проект пакта. Угаки подверг критике предшествующий проект Касахары, в котором содержался пункт

¹ DDI. V. IX. Doc. 349. P. 468.

² Ibid. P. 467–470.

³ Ibid. Doc. 328. P. 442–446.

⁴ Ibid. Doc. 360. P. 486–487.

об автоматическом вступлении участников договора в войну. Итальянский исследователь В. Ферретти пишет: «Теперь стало ясно, что пакет соглашений с Италией, скрепленный с проектами о благожелательном нейтралитете и военных соглашениях, которые, однако, не предусматривали *casus foederis* в отношении Лондона, не содержал принципиального риска вступить в противоречие с германскими предложениями»¹. Складывалось впечатление, пишет итальянский исследователь В. Ферретти, что Токио стремился провести серию параллельных переговоров с Римом и Берлином, в ходе которых планировал добиться исключения обязательств автоматического вступления в войну².

С конца июля внимание европейских правительств и общественности переключается на миссию британского лорда Ренсимена, который выступил посредником в урегулировании судетской проблемы дипломатическим путем.

В конечном итоге Риббентроп уклонился от предложения итальянской стороны о переговорах в Комо. В свою очередь, Чиано не принял приглашение о поездке на нюрнбергский съезд НСДАП. 8 августа Чиано обратился к послу в Италии с инструкциями относительно передачи письма Риббентропу с отказом приехать на партийный съезд. Основной мотив сводился к тому, что в данный момент он считает «невозможным принять приглашение». Он поручил в разговоре с Риббентропом не настаивать на повторении повестки во время возможной будущей встречи, а «обсудить все вопросы, представляющие общий интерес»³. Не исключено, что осложнение итало-германских отношений было вызвано активизацией немецкого ирредентистского движения в области Альти-Адидже. По крайней мере, в это время генеральный консул в Инсбруке Романо бомбардировал МИД Италии тревожными донесениями о нацистской активности в этой области⁴.

¹ Ferretti V. Il Giappone e la politica estera italiana. P. 220.

² Ibid.

³ DDI. V. IX. Doc. 385. P. 521. 15 августа Аттолико направил Риббентропу письмо на английском языке с объяснением причин отказа Чиано приехать в Нюрнберг. См.: DDI. V. IX. Doc. 401. P. 565.

⁴ См.: DDI. V. IX. Doc. 386. P. 521–526.

Однако в других областях было продолжено усиление итало-германского сотрудничества. На съезд нацистской партии в сентябре прибыла из Италии самая представительная за все годы делегация во главе с секретарем фашистской партии Р. Фариначи¹. В начале августа произошел обмен военными делегациями. Германская военная делегация во главе с генералом Ф. Фроммом наблюдала за итальянскими военными маневрами. А итальянский маршал И. Бальбо посетил Германию для участия в авиационной выставке. Записей его встреч с Герингом и 13 августа с Гитлером не сохранилось². Все более тесными становились итало-германские контакты в области пропаганды.

В этот сложный период нарастания чехословацкого кризиса, пожалуй, самой актуальной задачей для итальянских дипломатов являлось получение точной информации о намерениях Гитлера. 18 августа военный атташе в Берлине Э. Маррас сообщил в Рим, что согласно доверительным источникам, Германия может начать вторжение в Чехословакию в период между концом сентября — началом октября. Весь расчет строился на невмешательстве Великобритании и Франции³. 25 августа посол Б. Аттолико сообщает в Рим о том, что немецкая военная машина практически готова для вторжения⁴. 27 августа Й. Риббентроп передал через Б. Аттолико, что он информирует Рим о решении в отношении Чехословакии сразу же, как только это станет возможным⁵.

Донесения итальянских дипломатов свидетельствуют о стремлении британского руководства не допустить вступления Италии в войну одновременно с Германией⁶. Британское правительство прилагало максимальные усилия, чтобы ввести в силу «пасхальное соглашение». Еще 12 мая правительство Великобритании внесло на рассмотрение Совета Лиги Наций предложение о предо-

¹ См.: ACS. MCP. B. 87. Fasc. 5. Congresso di Norimbergo. 1937–1939.

² См.: *Ferretti V Il Giappone e la politica estera italiana*. P. 565.

³ См.: DDI. V. IX. Doc. 406. P. 574.

⁴ См.: Ibid. Doc. 430. P. 609.

⁵ Ibid. Doc. 442. P. 635.

⁶ Ibid. Doc. 453. P. 649.

ставлении свободы действий всем членам Лиги Наций в вопросе признания захвата Италией Эфиопии. Против английского предложения выступили СССР, Китай, Боливия и Новая Зеландия.

Со своей стороны, Берлин стремился убедить британское руководство в силе итало-германского сотрудничества. «Ось еще никогда ранее не была столь крепкой, как сейчас», — утверждал Риббентроп и намекал, что Великобритания может получить серьезные проблемы в Средиземноморье и на Дальнем Востоке с Японией¹.

Итальянское руководство опасалось упустить свой шанс в сложной международной обстановке. Во время встречи с Й. Риббентропом итальянский посол буквально дословно передал ему слова Г. Чиано: «Мы не должны, не можем и не хотим создавать впечатление для итальянского народа, что развитие событий станет сюрпризом для нас»². 7 сентября состоялась встреча Б. Муссолини с принцем Гессенским, однако запись переговоров не сохранилась³. В девятом томе итальянских дипломатических документов опубликовано письмо, которое принц Гессенский передал Муссолини. В нем излагается оценка Гитлером международной обстановки и делается упор на неподготовленность Великобритании и Франции к вступлению в войну против Германии⁴. Ответное письмо Муссолини не было найдено, хотя известно, что он передал через принца Гессенского заверения в итальянской солидарности⁵.

Обострение европейской ситуации оказало влияние на тройственные переговоры о военном союзе. Германия стремилась активизировать переговоры. В Токио обнаружились межведомственные разногласия по этому вопросу. Особую пикантность решению по данному вопросу придавало обострение советско-японских отношений⁶. 15 сентября в Рим поступило сообщение от посла в Токио

¹ DDI. V. IX. Doc. 453. P. 650.

² Ibid.

³ Ibid. P. 666; P. 703.

⁴ См.: Ibid. Doc. 495. P. 703–705.

⁵ См.: Ibid. P. 705.

⁶ См.: Ibid. V. X. Doc. 29. P. 28.

Дж. Аурити. Итальянский посол подчеркивал, что он пока не знает, идет ли речь о японско-германском договоре или о тройственном союзе¹. Спустя три дня посол сообщил, что в своей основе проект был одобрен правительством и министерством иностранных дел. Послу И. Хиратори было поручено передать проект в Рим, в то время как военной миссии было поручено обсудить технические аспекты. Японская сторона предлагала заключить отдельный договор с Германией и отдельный — с Италией².

3.3. Мюнхенское соглашение и позиция Италии

Выступление А. Гитлера на Нюрнбергском съезде нацистской партии 6 сентября 1938 г. открыло новую фазу судетского кризиса³. Сразу же после выступления рейхсканцлера судетские немцы спровоцировали кровавые столкновения с полицией, в ходе которых появились убитые с обеих сторон, и ультимативно требовали вывода чехословацкой полиции из своей зоны⁴. А министр иностранных дел Й. Риббентроп дал знать итальянскому послу, что речь идет только о радикальном решении проблемы, основанной на самоопределении судетских немцев⁵.

Итальянский исследователь Дж. Андре считает, что публикация письма Муссолини британскому посреднику лорду Ренсимену⁶ провела ту черту, после которой судетский кризис преобразовался в чехословацкий кризис. В обращении к лорду Ренсимену Муссолини расширительно толковал возникший политический кризис, отметив, что в нем присутствуют не только судетские проблемы, но также польские, венгерские и словацкие требования. Чехословацкое государство он назвал «искусственным образованием

¹ См.: DDI. V. X. Doc. 35. P. 32.

² См.: *Ferretti V. Il Giappone e la politica estera italiana*. P. 220–221.

³ См.: DDI. V. IX. Doc. 501. P. 709–712.

⁴ См.: *Ibid.* 26. P. 26.

⁵ См.: *Ibid.* V. X. P. 13.

⁶ См.: *Ibid.* Doc. 24. P. 23, 24. Письмо было опубликовано в фашистском официальном издании *Popolo d'Italia* 14 сентября 1938 г.

Версальской системы»¹. Заявление главы фашистского правительства способствовало укреплению отношений Италии с Венгрией и Польшей².

10-го числа Гитлер направил предложение Муссолини о проведении личной встречи на Бреннере через неделю³.

17 сентября Чиано встретился с Муссолини в поезде, в котором глава правительства передвигался из Форли в Триест. Муссолини заявил:

Я принял решение. Если произойдет конфликт между Германией, Прагой, Парижем и Москвой, я останусь нейтральным. Если вмешается Великобритания, сделав его всеобщим и придав ему идеологический характер, тогда мы бросимся в это пекло. Италия и фашизм не могут оставаться нейтральными⁴.

Далее Чиано записал в дневнике, что Дуче прогнозирует скорое военное решение конфликта⁵.

Инструкции, которые Муссолини дал своему министру иностранных дел, не удалось обнаружить⁶. Судя по дневнику Чиано, он не верил в возможность серьезного разрастания конфликта и распорядился «начать мобилизацию, достаточную для обеспечения на первый случай вооруженного нейтралитета»⁷.

18 сентября посол Аттолико информировал об обмене мнениями между итальянским военным атташе и генералом Типпельскирхом, который подчеркнул, что «эвентуальным контактам в военной области между Италией и Германией должен предшествовать политический договор»⁸.

На 12 часов 19 сентября в Мюнхене была назначена встреча министров иностранных дел Риббентропа и Чиано, а также высоких

¹ DDI. V. X. P. IX.

² См.: Ibid.

³ См.: Ibid. Doc. 505. P. 714.

⁴ *Ciano G. Diario*. P. 179.

⁵ См.: Ibid.

⁶ DDI. V. X. P. X.

⁷ *Ciano G. Diario*. P. 184.

⁸ DDI. V. X. Doc. 72. P. 64. В приложении к документу приводится письмо военного атташе Марраса.

военных руководителей Кейтеля, Париани и Валле. Однако из авторитетных итальянских источников в Лондон поступила информация, что приготовления Италии носят «поверхностный характер», и в случае войны она не выступит на стороне Германии.

Через дипломатические и секретные каналы в Рим стекалась информация об истинных намерениях руководства западных держав относительно чехословацкого кризиса. 20 сентября итальянский посол в Лондоне Д. Гранди сообщил в Рим, что по полученным от доверенного лица данным¹ в правительстве Великобритании обсужден вопрос о передаче Германии судетской области без проведения плебисцита, о создании кантонов для этнических групп в местах их разреженного проживания, о придании Чехословакии статуса нейтрального государства под гарантии великих держав². 21 сентября министр иностранных дел Великобритании Э. Галифакс лично позвонил послу Д. Гранди и сообщил, что под давлением Франции и Великобритании чехословацкое правительство решило уступить «полностью»³.

22 сентября министр иностранных дел Италии принял германского посла Макензена⁴. По поручению Гитлера посол выразил признательность итальянскому руководству и народу за тот «исторический поворот», который осуществил дуче в развитии международной обстановки. По-существу, Макензен подтвердил, что в удовлетворении венгерских и польских притязаний инициативу полностью перехватила Германия. Из Берхтесгадена Гитлер связывался с представителями Венгрии и Польши и рекомендовал им интенсифицировать их действия с целью удовлетворения притязаний к Чехословакии. Посол отметил, что на днях прибудет принц Гессенский с посланием от фюрера Муссолини⁵.

¹ Речь идет об адвокате Адриано Дингли, много лет являвшимся одним из «закрытых каналов» между Муссолини и семьей Чемберленов.

² См.: DDI. V. X. Doc. 83. P. 74.

³ См.: Ibid. Doc. 97. P. 91.

⁴ В публикации итальянских документов мало записей контактов итальянских руководителей с германским послом Макензеном.

⁵ DDI. V. X. Doc. 108. P. 103.

В тот же день министр иностранных дел Г. Чиано подготовил докладную записку для Муссолини¹. В ней сообщалось о результатах его бесед с посланником Венгрии и послом Великобритании. В первом случае Г. Чиано констатировал стремление Венгрии силовым образом решить проблему венгерских меньшинств в Чехословакии. В связи с этим Г. Чиано рекомендовал венгерскому руководству не провоцировать конфликт и не предпринимать инициатив относительно венгерского меньшинства в Чехословакии, чтобы не спровоцировать реакцию Малой Антанты². Относительно беседы с британским послом Г. Чиано писал, что посол Великобритании сообщил о продолжении «мирной инициативы» Чемберлена и выразил надежду, что Германия преждевременными действиями не сорвет эти усилия. Чиано обратил внимание посла на важность одновременного решения проблемы польского и венгерского меньшинства, в противном случае мир снова может оказаться под угрозой. По своей инициативе лорд Перт спросил, готова ли Италия выступить гарантом новых чехословацких границ после решения проблем этнических меньшинств. Чиано ответил, что этот вопрос главой фашистского правительства не рассматривался, и он не может дать официальный ответ. По личному мнению Чиано, Италия могла бы благоприятно рассмотреть это предложение, если будет также решена проблема венгерских и польских меньшинств³.

22–23 сентября состоялась встреча между Гитлером и Чемберленом в Бад-Годесберге. Оценивая итоги встречи, военный атташе в Берлине Маррас отмечал, что можно прогнозировать следующие германские цели: польский коридор, Шлезвиг, Данциг, Мемель⁴. Посол Аттолико обратил внимание на то, что Гитлер, по его мнению, дал знать Чемберлену о необходимости одновременного рассмотрения вопроса о польских и венгерских меньшинствах. На вопрос английской стороны, готов ли Гитлер заклю-

¹ Документ впервые опубликован в сб.: *Mosca R. L'Europa verso la catastrofe.* Milano, 1964. V. 1. P. 392–394.

² DDI. V. X. Doc. 101. P. 97.

³ Ibid. Doc. 109. P. 104–105.

⁴ Ibid. Doc. 107. P. 103.

чить пакт о ненападении и гарантировать будущее Чехословацкое государство, Гитлер ответил отрицательно, подчеркнув при этом, что гарантии позволили бы правительству Чехословакии продолжать угнетать другие меньшинства¹.

Таким образом, германское и итальянское руководство поощряли территориальные претензии Будапешта и Варшавы, правительства которых охотно включились в борьбу за раздел чехословацкой территории. А между Берлином и Римом развернулось соперничество за влияние на Варшаву и Будапешт. Гитлер рекомендовал правительствам Венгрии и Польши интенсифицировать их территориальные притязания к Чехословакии².

Советское руководство, напротив, попыталось повлиять на Варшаву, дав понять, что если польские войска оккупируют чехословацкую территорию, оно расторгнет пакт о ненападении с Польшей. Как отметил итальянский посол в Варшаве, вряд ли советские угрозы могли оказать какое-либо влияние на решение польского правительства³. В разгар кризиса 28 сентября Польша направила меморандум президенту Чехословакии Э. Бенешу, в котором выдвигала требования уступок двух районов⁴.

По мере усиления капитулянтских настроений в Лондоне и Париже советское руководство стало выражать свою озабоченность и разочарование политикой западных государств. Как пишет французский историк Э. дю Рео, советская сторона проявляла тревогу в отношении позиции Франции, начиная с Рейнского кризиса⁵. «Накануне мюнхенского кризиса ни высшее командование, ни МИД Франции не хотели при рассмотрении соотношения сил принимать в расчет дополнительную поддержку, которую можно было бы получить от СССР, заключив с ним соглашение о помощи

¹ DDI. V. X. Doc. 112. P. 108.

² Ibid. Doc. 108. P. 103.

³ Ibid. Doc. 121. P. 115.

⁴ Ibid. Doc. 174. P. 159; Doc. 186. P. 169.

⁵ *Дю Рео Э.* Франция, Германия и СССР // СССР, Франция и эволюция Европы в 30-е годы : сб. науч. статей. М., 2003. С. 223.

военно-воздушными силами», — констатирует французский историк¹.

Тема чехословацкого кризиса стала основной в донесении итальянского посла в Москве А. Россо о результатах встречи с заместителем наркома иностранных дел В. Потёмкиным 22 сентября. Посол отметил, что В. Потёмкин все еще верит в возможность сопротивления чешского народа и в возможность давления Народного фронта на французское правительство. А. Россо обратил внимание на слова В. Потёмкина о том, что, по его мнению, следующей немецкой жертвой станет Польша.

Сегодня Польша провозглашает аннексию небольшой зоны чехословацкой территории, где живут несколько десятков тысяч польских меньшинств. Она забывает, однако, что в границах польского государства проживают миллионы украинцев, немцев, белорусов, евреев и др. Как Польша может надеяться на то, что на глазах у Бека² Германия после успеха, достигнутого в Чехословакии, задержит у польских границ судьбоносный марш германизма, нацеленного на достижение европейской гегемонии, и более того, мировой? И кто придет Польше на помощь в час опасности для нее?³

Посол обратил внимание на то, что в разговоре с ним В. Потёмкин использовал слова «раздел Польши».

Р. Квартараро приводит ссылку на еще более жесткую реакцию В. Потёмкина в связи с приемом им французского посла 4 октября, который попытался объяснить позицию Франции в связи с Мюнхенской конференцией. После гробового молчания В. Потёмкин сказал:

Бедный мой друг, что же вы наделали? Что касается нас, то единственным решением, которое мне представляется, является четвертый раздел Польши⁴.

¹ *Дю Пео Э.* Франция, Германия и СССР. С. 224.

² Юзеф Бек — польский министр иностранных дел.

³ DDI. V. X. Doc. 110. P. 105–107.

⁴ *Quartararo R.* Italia — URSS. 1917–1941: I rapport politici. Napoli, 1997. P. 225.

Из этих слов А. Россо сделал вывод о появлении новых идей у советских руководителей. Он писал:

Мое мнение сводится к тому, что в качестве ближайшей реакции на текущие события СССР может отказаться от своих попыток международного сотрудничества с «буржуазными правительствами» западных демократий и перейти к оборонительной политике относительной изоляции (не отказываясь от революционной коммунистической пропаганды в отношении тех же демократических государств)¹.

К этому посол добавил, что, по его мнению, вчерашняя речь наркома иностранных дел М. Литвинова является примечательным показателем провала политики «коллективной безопасности», которую проводил СССР в последние годы. Это означает, что СССР снимает с себя какую-либо ответственность и собирается проводить внешнюю политику в соответствии с собственными идеалами и интересами. Если оставить в стороне идеалы, то собственные интересы могут побудить к радикальному изменению системы друзей и союзников. И хотя это вопрос второстепенной важности, после полного провала политики коллективной безопасности можно прогнозировать изменение положения самого М. Литвинова².

Посол в СССР А. Россо писал, что «черная тень “пакта четырех” буквально преследует Москву»³. То, что 23 августа 1939 г. года прогноз итальянского посла в Москве А. Россо подтвердится, не является достаточным основанием для выводов, которые сделал российский исследователь Д. Г. Наджафов о том, что советское руководство после Мюнхена настроилось на сближение с нацистской Германией⁴.

Несмотря на то, что положение СССР в период чехословацкого кризиса было хуже некуда, советское руководство свое

¹ DDI. V. X. P. 106.

² Ibid. P.107.

³ Ibid. Doc. 192. P. 178.

⁴ *Наджафов Д. Г. «Подлинное толкование Мюнхена» : Новый архивный документ и его интерпретация // СССР, Франция и эволюция Европы в 30-е годы : сб. науч. ст. М., 2003. С. 201–202.*

тактическое и стратегическое планирование не сводило к одному единственному варианту, т. е. к сближению с Германией.

23 сентября 1938 г. чехословацкий кризис перешел в решающую стадию. Итальянский посол в Берлине информировал Рим о том, что в ответе Н. Чемберлену германский рейхканцлер проявил склонность к продолжению переговоров, однако категорически отказался предоставлять Чехословакии какие-либо гарантии безопасности после урегулирования судетского вопроса¹. В тот же вечер министр иностранных дел Г. Чиано информировал главу правительства, что согласно источникам в Берлине, вторжение немецких войск в судетскую область может произойти уже на следующий день².

24 сентября в 18.00 меморандум Гитлера с изложением германских требований был вручен чехословацкому руководству через британского посланника в Праге.

Й. Риббентроп по телефону подтвердил послу Б. Аттолико, что если до 1 октября не будут выполнены германские требования, войска рейха войдут на территорию Чехословакии. В тот же день посол Б. Аттолико сообщил, что, по информации из надежных источников, глава правительства Чехословакии Э. Бенеш примет германские требования до вечера в понедельник³. Однако 25 сентября чехословацкий посланник в Лондоне передал британскому министру иностранных дел отрицательный ответ своего правительства на меморандум Гитлера⁴.

24 сентября в 14.30 посол Аттолико дал знать Чиано, что в Италию направляется доверенное лицо Гитлера принц Гессенский. Основной целью визита являлось желание Гитлера довести непосредственно до Муссолини информацию о встречах в Берхтесгадене и Годесберге⁵. Составители сборника документов отмечают, что в итальянских архивах не найдены записи визита принца

¹ DDI. V. X. Doc. 112. P. 108.

² Ibid. Doc. 120. P. 115; Doc. 129. P. 122.

³ Ibid. Doc. 131. P. 122.

⁴ Ibid. Doc. 144. P. 133.

⁵ Ibid. Doc. 134. P. 124.

Гессенского. Сохранились заметки в дневнике Чиано от 25 сентября. Чиано отметил, что принц Гессенский прибыл без какого-либо письменного документа. Он поблагодарил Муссолини за поддержку. Тот, в свою очередь, выразил уверенность в том, что Великобритания и Франция не станут воевать. Но если это случится, Италия выступит на стороне Германии¹.

В эти же дни из Берлина поступила информация о встречах военного атташе Э. Марраса с германскими военными руководителями генералом Ф. Гальдером и генералом В. Кейтелем. Германские руководители указывали на важное значение «превентивного политического соглашения между фюрером и дуче»². Позже в ноябре министр иностранных дел Чиано информировал фашистскую палату о том, что в разгар чехословацкого кризиса Муссолини лично распорядился провести мобилизацию, в основном на западной границе, в Ливии, на Эгейских островах и острове Пантеллерия. В долине реки По численность войск был доведена до 75 % мобилизации, предусмотренной в военное время, в повышенную готовность были приведены армия, авиация и флот³. Повышенные меры безопасности были предприняты в Эфиопии, и был направлен приказ маршалу Бальбо подготовиться к ведению наступательных действий из Ливии в направлении Александрии. 26 октября Бальбо сообщил о невозможности осуществления наступательных действий из Ливии в связи с незавершенностью подготовки к войне⁴.

По словам итальянского министра иностранных дел, Муссолини распорядился создать базу политического соглашения с Берлином и установить совместные итало-германские военные институты.

Нацистское руководство продолжало нагнетать обстановку против Чехословакии. 26 сентября Гитлер выступил с речью в берлинском *SportPalatz*. Основное содержание речи было направлено

¹ Ciano G. Diario. P. 183–184.

² DDI. V. X. Doc. 139. P. 129.

³ См.: Minniti F. Fino alla Guerra. P. 169.

⁴ См. об этом: Ibid. P. 171.

на обоснование национал-социалистической расистской концепции внешней политики. Касаясь чехословацкого кризиса, Гитлер сделал упор на то, что между французским и немецким народами нет столкновения интересов¹.

Синхронно с ним Муссолини сделал заявление в Вероне о необходимости поиска мирных путей решения судетского вопроса². Немецкая сторона через итальянского посла Б. Аттолико подробно информировала Рим о ходе посреднических усилий со стороны западных держав. 26 сентября вечером статс-секретарь МИД Германии Э. Вейцзекер пригласил посла Аттолико для того, чтобы информировать его о приезде сэра Г. Вильсона с посланием Чемберлена. В нем содержалось предложение об обсуждении Берлином и Прагой условий и средств вывода чехословацких вооруженных сил и ввода немецких войск. Гитлер отклонил инициативу, настаивая на безусловном выполнении немецких условий³.

В канун мюнхенской конференции были предприняты попытки со стороны США, СССР, Лиги Наций вмешаться в разрешение конфликта. Например, 28 сентября временный поверенный в делах США в Москве А. Кирк передал письмо президента Рузвельта, в котором тот предлагал присоединиться к действиям Рузвельта, направившего два дня назад письма Гитлеру, Бенешу, Даладье и Чемберлену с обращением не прерывать переговоры по мирному разрешению кризиса⁴. Таким образом Рузвельт надеялся избежать военного конфликта. В тот же день советское правительство ответило, выразив уважение позиции американского президента, и заявило о готовности «поддержать предложение, выдвинутое руководством США, созвать международную конференцию»⁵.

Правительство Чехословакии все больше оглядывалось на Лондон и Париж, не принимая в расчет возможность поддержки со стороны Москвы. Правительства Польши и Венгрии стояли на

¹ DDI. V. X. Doc. 147. P. 136.

² Ibid. P. 138.

³ Ibid. Doc. 152. P. 140.

⁴ Ibid. Doc. 184. P. 168.

⁵ Ibid. P. 177.

откровенно античехословацких позициях и были готовы ввести свои войска на ее территорию. Венгерское правительство даже согласилось предоставить свои аэродромы немецкой авиации и получило согласие на размещение итальянских истребителей для обороны Будапешта¹. Правительство Румынии проявляло заинтересованность в союзе с Польшей в большей мере, чем в выполнении обязательств в отношении Чехословакии². Тем не менее, министр иностранных дел Румынии Н. Петреску-Комнен дал понять, что его страна не останется безучастной к вторжению венгерских войск в Чехословакию, и призывало югославов к солидарности с Румынией³. В свою очередь, югославское правительство дало понять, что останется вне конфликта⁴. Судя по инструкциям из Рима, итальянское руководство опасалось, что активные действия Венгрии против Чехословакии могут спровоцировать Малую Антанту на вмешательство⁵.

29 сентября в Мюнхене состоялась встреча руководителей четырех государств — Италии, Германии, Великобритании и Франции. По итогам встречи Чехословакии был вынесен приговор, который привел к расчленению государства. После Мюнхенской конференции правительство Н. Чемберлена вообще не принимало в расчет советские интересы, французское руководство колебалось, и чем ближе к концу сентября, тем все более в сторону позиции Н. Чемберлена.

В итальянских архивах имеется несколько документов, по которым можно восстановить развитие событий. Прежде всего это меморандум итальянского министра иностранных дел, в котором излагается хроника трех дней — 28, 29 и 30 сентября и доклад итальянского посла в Берлине, который был участником всех событий

¹ DDI. V. X. Doc. 128. P. 121; DDI. V. X. Doc. 141. P. 131.

² DDI. V. X. Doc. 124. P. 117. Из заявления румынского посланника министру иностранных дел Чиано от 23 сентября.

³ DDI. V. X. Doc. 138. P. 129.

⁴ Ibid. Doc. 133. P. 124.

⁵ Ibid. Doc. 158. P. 147.

в Мюнхене¹. В меморандуме отмечался факт передачи чехословацкой территории Германии и условия, которые обязывали чехословацкую сторону осуществить эвакуацию населения в кратчайшие сроки с 1 по 10 октября. Прагу строго предупреждали, что она будет нести ответственность за разрушения, которые могут иметь место. Предполагалось, что на четвертую часть территории, передаваемой Германии, немецкие войска войдут начиная с 1 октября. Остальную часть территории немецкие войска оккупируют до 10 октября. Кроме того, международная комиссия должна определить до конца ноября территории, на которых под ее надзором будет проведен плебисцит. Окончательные границы Чехословакии будут определены международной комиссией после проведения плебисцита в районах проживания меньшинств. Чешско-немецкая комиссия должна определить детали перемещения населения, чешское правительство в течение четырех недель с момента подписания соглашения должно уволить из своих военных и полицейских подразделений тех судетских немцев, которые этого пожелают. Наконец, чехословацкое правительство обязывалось освободить из тюрем судетских немцев, осужденных по политическим мотивам.

В приложениях к договору отмечалось, что правительства Великобритании и Франции подтвердят свои гарантии новых границ Чехословакии против неспровоцированной агрессии. После решения проблем польских и венгерских меньшинств к этим гарантиям присоединятся Германия и Италия. Главы четырех держав заявили, что если в течение ближайших четырех месяцев проблема польских и венгерских меньшинств не будет урегулирована, они вновь проведут конференцию глав четырех держав. Наконец, главы четырех держав объявили о создании международной комиссии в составе статс-секретаря МИД Германии, итальянского,

¹ Впервые документ был опубликован в 1948 г. в сб. : *Mosca R. L'Europa verso la catastrophe*. V. 1. P. 396–402. Полный текст соглашения и приложений к нему см.: DDI. V. X. Doc. 190. P. 174–176; Doc. 199. P. 183–187; DDI. V. X. Doc. 199. P. 183–187; Doc. 222. P. 208–214.

британского и французского послов в Берлине и представителя, уполномоченного чехословацким правительством¹.

Во второй день работы конференции британский премьер-министр Н. Чемберлен и германский канцлер А. Гитлер подписали англо-германскую декларацию о ненападении². За ней должна была последовать аналогичная франко-германская декларация³.

Весьма симптоматичной была оценка значения Мюнхенского соглашения, данная послом в Лондоне Д. Гранди:

Соглашение в одно мгновение трансформировало мировой и европейский дух... оно нанесло поражение международному антифашизму; нанесло поражение и отбросило Россию за пределы Европы; сделало рабочим органом «пакт четырех»; разрушило Малую Антанту и всю систему французских союзов; нанесло ущерб французскому престижу, оттеснив ее [Францию] на второстепенные позиции; высшей пробой военной угрозы подвергло испытанию на прочность фашистский режим и показало непобедимую военную силу итало-германского союза; дало Германии победу, которую она могла получить только военными действиями...⁴

Посол в Москве А. Россо передавал свое впечатление о том, что советская внешняя политика, находясь в изоляции, претерпевает серьезную эволюцию, и, по его мнению, наблюдается «провал программы коллективной безопасности»⁵. В своем другом сообщении от 5 октября он пишет, что исходя из статьи, опубликованной в органе НКВД, следует, что советско-чехословацкий договор о взаимопомощи следует рассматривать как прекративший действие по вине Франции. Продолжая логику рассуждений, посол

¹ DDI. V. X. Doc. 190. P. 175.

² См.: Документы и материалы кануна Второй мировой войны : в 2 т. М., 1948. С. 319–320.

³ Подписана 6 декабря 1938 г. в Париже министрами иностранных дел Франции и Германии. См.: Документы и материалы кануна Второй мировой войны. С. 334–335.

⁴ DDI. V. X. Doc. 203. P. 189.

⁵ Ibid. Doc. 207. P. 192.

делает вывод о том, что СССР также считает прекратившим действие договор с Францией¹.

Дж. Андре считает, что после Мюнхенского соглашения, продемонстрировавшего слабость западных демократий, Муссолини не был настроен на укрепление отношений с Великобританией в целях поддержания европейского равновесия. Муссолини стремился извлечь максимальные выгоды, опираясь на поддержку Берлина. В связи с этим итальянская сторона с возмущением отнеслась к франко-германскому сближению и оценила его как противоречащее целям оси².

Мюнхенское соглашение изменило равновесие сил в Европе в пользу Германии, которая реально превратилась в господствующее европейское государство. Как писал итальянский посол в Берлине, с момента прихода Гитлера к власти людские ресурсы Германии увеличились примерно на 15 млн чел., территория — на 110 тыс. км². Германия получила доступ к огромным запасам угля и леса, к производству цинка, чугуна. В плане коммуникаций Германии открыта дорога на Восток к нефтяным месторождениям Румынии, к контролю над Верхним Дунаем, к экспансии на Балканах, на Ближний Восток. Весьма примечательным посол назвал визит министра Функа в Турцию с целью ограничить британское влияние. Завершая донесение, посол пишет, что ничего нового в этих действиях германской стороны нет. Каждый раз, когда западные державы делают уступки, притязания Германии становятся все более настойчивыми³. 12 октября итальянский посол в Турции О. Де Пеппо информировал о предоставлении Германией займа Турции, увязав эту помощь с германским проникновением по линии Анкара — Багдад⁴.

Таким образом, вслед за мюнхенским соглашением фашистские государства сделали решающий шаг к подготовке военного союза, нацеленного на передел мира. Ими были сформулированы

¹ DDI. V. X. Doc. 228. P. 222.

² Ibid. P. XI.

³ Ibid. Doc. 264. P. 267.

⁴ Ibid. Doc. 270. P. 272–274.

конкретные претензии к Великобритании и Франции. Мюнхенский сговор не устранил угрозу вооруженной борьбы за передел мира, но и не исключил продолжения дипломатических игр. Контуры будущих военно-политических союзов все еще оставались размытыми.

После достижения Мюнхенского соглашения по Чехословакии фашистское руководство не было ознакомлено с дальнейшими гитлеровскими планами и стремилось выжать для себя все, что возможно, из нового международного баланса сил. В первую очередь оно попыталось оказать давление на Францию, ослабленную внутрисполитической борьбой и нежеланием британского союзника поддержать французские интересы в Восточном Средиземноморье, на Балканах и в Восточной Европе.

3.4. Тревожная неопределенность: фашистская политика под знаком мюнхенского конкордата (октябрь 1938 — март 1939)

Успех гитлеровской дипломатии оказал влияние на фашистское руководство, которое вынесло в повестку дня заключение военного союза с Германией. Вместе с тем, редактор тома «Итальянские дипломатические документы» Дж. Андре отмечает наличие трений между партнерами по ряду вопросов, которые необходимо было преодолеть. Например, недовольство итальянцев тем, что в период кризиса германская сторона утаивала информацию о своих намерениях; англо-германским и франко-германским сближением; германским проникновением в Балкано-Дунайский район. Например, посол Аттолико, анализируя позицию Германии по вопросу венгерских притязаний на русено-карпатскую территорию, отметил, что немцы не хотели бы «захлопнуть окно» и сами не прочь претендовать на этот район. По мнению Дж. Андре, итальянское руководство оказалось не готовым к новой политической реальности и предпринимало непоследовательные действия¹.

¹ DDI. V. X. P. XI.

12 октября итальянский посол в Варшаве сообщил, что во Львове прошли демонстрации в пользу создания автономной Закарпатской Русии. Он сообщил об озабоченности польского руководства тем, что это выступление «на службе германских интересов» нацелено на то, чтобы воспрепятствовать созданию общей польско-венгерской границы¹. В этот же день Чиано записал в дневнике, что Муссолини поручил ему оказать влияние на Прагу с целью передачи Будапешту территорий, населенных венграми².

30 сентября посол в Берлине сообщил о предстоящем подписании англо-германской декларации. Несмотря на попытки германского руководства минимизировать значение декларации, что попытался сделать принц Гессенский во время своего очередного визита в Италию, в Риме не поверили этому утверждению³. Чиано записал в дневнике:

...Хотят ли они вступления в силу пакта от 16 апреля? Если они это сделают, хорошо. В противном случае каждый будет вести свою игру: дуче говорит, что может поставить вопрос перед большим советом о денонсировании этого соглашения, которое слишком задержалось в своем совершенствовании⁴.

Тем не менее, итальянское правительство приступило к выводу своего десяти тысячного корпуса из Испании, выполняя договоренность, достигнутую с Чемберленом в Мюнхене⁵.

В ходе Мюнхенской конференции состоялся краткий обмен мнениями между Чемберленом и Муссолини. Глава британского кабинета предложил провести конференцию четырех держав для обсуждения испанского вопроса. Муссолини обошел молчанием это предложение. Он обещал в ближайшее время осуществить вывод примерно половины интервенционистского корпуса из Испании и пригласил Чемберлена посетить Италию, как только

¹ DDI. V. X. Doc. 265. P. 269.

² См.: *Ciano G. Diario*. P. 195.

³ DDI. V. X. Doc. 194. P. 179.

⁴ *Ciano G. Diario*. P. 190–191.

⁵ DDI. V. X. Doc. 204. P. 190.

отношения между двумя странами будут урегулированы. Вместе с тем, Муссолини отклонил предложение Чемберлена о проведении дополнительной встречи между ними, сославшись на то, что она, во-первых, могла бы вызвать раздражение Гитлера, а во-вторых, трудно было бы мотивировать отказ от проведения подобной беседы с Даладье.

Этими действиями Муссолини рассчитывал ускорить вступление в силу англо-итальянского соглашения от 16 апреля. 3 октября Чиано занес в свой дневник следующие слова Муссолини: «Я подтверждаю, что не имеет смысла говорить о конференции четырех или о других встречах до тех пор, пока отношения не будут нормализованы»¹. Вступление в силу англо-итальянского соглашения выдвигалось также в качестве основного условия возобновления переговоров с Францией.

Итальянские и германские руководители обсудили на мюнхенской конференции проект тройственного пакта, предложенный японскими милитаристами. В конце августа совет пяти министров Японии принял решение ускорить переговоры с Германией о заключении военного союза. На заседании было высказано желание японского правительства извлечь опыт из событий в Европе, усилить борьбу против происков Коммунистического Интернационала и его агентуры в духе требований Антикоминтерновского пакта для Азии.

Итальянский посол в Токио Дж. Аурити сообщил 26 сентября, что японское правительство одобрило проект договора и направило его на редакционную доработку, которая завершится через несколько недель. Послу Японии в Риме было поручено доставить проект и обсудить его с итальянским руководством. Затем предполагалось направить японскую делегацию в качестве ответного визита на приезд делегации фашистской партии в мае 1938 г. Посол в Токио сообщал в Рим, что японская сторона не ставит знак равенства между заключением союза с Германией и Италией. Например,

¹ *Ciano G. Diario*. P. 191.

в Берлине предпочитают не обсуждать идею пакта до тех пор, пока Япония не завершит военные приготовления¹.

29 сентября посол Аурити сообщил, что самым специфическим элементом соглашения с Италией являются соглашения между двумя армиями и флотами, которые должны были бы рассмотреть «различные определенные гипотезы войны»². В конце послания Аурити подчеркнул: «...но обсуждать и заключать только с нами, утверждаю, только с нами»³.

29 сентября во время конференции в Мюнхене Риббентроп передал Чиано проект трехстороннего договора на английском языке⁴. Имеются основания для предположения, что он не был идентичным проекту, о котором писал посол Аурити.

В преамбуле текста, переданного Риббентропом, указывалось, что в период после заключения Антикоминтерновского пакта активность Коминтерна в Европе и Азии продолжает усиливаться. «Исходя из твердого признания опасности, которую она представляет собой, и стремясь защитить себя против угрозы их общим идеологическим интересам, три договаривающиеся стороны договариваются о следующем: трехсторонний пакт». Первая статья предусматривала солидарность и сотрудничество в том случае, если одна из сторон будет вовлечена в дипломатические затруднения с третьими государствами. Во второй статье предусматривалась солидарность участников пакта в случае, если один из участников станет объектом угрозы. Третья статья рассматривала случай неспровоцированной агрессии против одного из участников пакта, и стороны обязывались оказать в этом случае друг другу государственную поддержку⁵.

Далее оговаривалось, что трехсторонний пакт заключается как приложение к антикоминтерновскому договору. В проекте отмечалась важность заключения дополнительного протокола, в котором

¹ DDI. V. X. Doc. 151. P. 139.

² *Ferretti V. Il Giappone e la politica estera italiana.* P. 221.

³ DDI. V. X. Doc. 185. P. 168.

⁴ *Ibid.* Doc. 191. P. 176–177.

⁵ *Ibid.* P. 177.

были бы отражены вопросы сотрудничества в политической, военной и экономической сферах. Предполагалось, что эти соглашения могут быть приняты только после того, как будут обсуждены все возможные условия такого сотрудничества, исходя из географического положения каждого из участников пакта. «Только в этом случае “Трехсторонний пакт” как целостный документ станет автоматически эффективным»¹.

Г. Чиано записал в дневнике:

Риббентроп изложил мне проект трехстороннего пакта между Италией, Германией и Японией. Говорит, что это нечто «самое грандиозное в мире». Как всегда, Риббентроп преувеличивает. Верю, что спокойно изучим и, возможно, через какое-то время поддержим².

8 октября посол в Японии сообщил в Рим, что «продолжаются контакты между заинтересованными министерствами»³.

10 октября последовало подробное сообщение итальянского военно-морского атташе в Японии Дж. Джиорджиса адмиралу Д. Каваньяри. Он доложил о том, что после прибытия 22 сентября в Токио и официального представления 1 октября встретился с руководителями ВМФ Японии. По итогам встречи он докладывал в Рим: японский военно-морской флот рассчитывает на итало-японское военно-морское сотрудничество с антибританскими намерениями. Он информировал о японских предложениях:

А. Автоматически благожелательный нейтралитет.

Б. После изучения ситуации реализуется мобилизация с целью скопления на Дальнем Востоке (в Средиземноморье) части военно-морских сил противника.

В. После дальнейшего исследования ситуации реализуется: акты враждебности (войны) при взаимном сотрудничестве⁴.

В ходе дальнейших контактов итальянского атташе с военно-морскими руководителями речь шла о японских предложениях раз-

¹ DDI. V. X. P. 177.

² *Ciano G. Diario*. P. 189.

³ DDI. V. X. Doc. 244. P. 242.

⁴ *Ibid.* Doc. 255. P. 253–255.

вития оперативного, организационного и транспортного сотрудничества.

Во второй части своего донесения атташе коснулся позиции руководства сухопутных сил. Он отметил, что армия не проявляет интереса к сотрудничеству двух стран на море, указал на доминирующее влияние сухопутных сил на формирование внешней политики Японии. Он также подчеркнул, что первоначально инициатива пакта исходила от армии, и только затем — от флота. Джорджис отметил, что военный атташе поддерживает контакт с Генеральным штабом, и 7 октября сообщил, что проект пакта имеет также полную поддержку в армии, и в ближайшее время там намерены начать обсуждение некоторых технических вопросов. Особенность переговоров с японцами заключалась в том, что предпочтение отдавалось отдельным переговорам с каждым родом войск.

Джорджис также обратил внимание на стремление армии придать тройственному военному пакту антикоммунистическое содержание и, таким образом, направить его главным образом против СССР. А что касается итало-японского военного договора, то, с одной стороны, он усиливал бы трехсторонний пакт, а с другой стороны, обеспечивал бы антианглийскую безопасность двух стран на море. По мнению атташе, отставка министра иностранных дел К. Угаки и передача поста премьер-министру Ф. Коноэ должна была облегчить заключение итало-японского пакта. Атташе отметил сильное влияние сложной расстановки в правительстве Японии при рассмотрении вопроса о заключении пакта. Военные считают эту тему своей прерогативой, поэтому посольство Японии в Риме не проявляет видимого интереса к переговорам о пакте¹.

9 октября Гитлер выступил с речью в Саарбрюкене. Он отметил важную роль Муссолини в достижении мюнхенского решения чехословацкой проблемы. «Муссолини — единственный настоящий друг, которого мы имеем». По его мнению, позиция Великобритании и Франции может быть переменчива в связи с приходом

¹ DDI. V. X. Doc. 255. P. 253–255.

к власти антигерманских политических лидеров. В связи с этим Гитлер объявил о продолжении строительства фортификационных сооружений на западных границах¹.

Сначала итальянское руководство полностью поддержало Венгрию в ее притязаниях на территории Закарпатской Русии. Одной из целей этой акции являлось установление общей польско-венгерской границы. После встречи с послом Польши в Берлине и посланником Венгрии Аттолико сообщал, что поляки мечтают о совместной польско-венгерской границе с тем, чтобы установить ось Варшава — Будапешт². Муссолини даже обещал направить эскадрилью истребителей для обороны Будапешта³.

В 20-х числах октября переговоры о притязаниях Польши и Венгрии к Чехословакии вошли в заключительную стадию. Итальянское руководство принимало участие в разделе Чехословакии и пыталось лоббировать венгерские интересы. Но основная роль в разделе Чехословакии, безусловно, принадлежала Германии. После ознакомления с новым германским планом, который ограничивал венгерские притязания, Чиано записал 20 октября в своем дневнике:

Я почувствовал обман. Выяснилось больше, чем я предполагал, что план нехорош для венгров. Риббентроп недоговаривает, и когда я заговорил с ним относительно общей границы между Польшей и Венгрией, он ускользнул от ответа. Дуче не намерен оказывать давление на Будапешт. Я в этом смысле проговорил Виллани⁴: «Если вы примете план, который можно назвать немецким, хорошо, и мы будем довольны. В противном случае дайте нам знать, что мы сможем сделать для вас»⁵.

Еще 21 октября, по сообщению итальянского посла в Варшаве, польское правительство проявляло решимость добиваться

¹ DDI. V. X. P. 265.

² Ibid. Doc. 66. P. 59.

³ Ibid. P. 261.

⁴ Венгерский посланник в Риме.

⁵ *Ciano G. Diario*. P. 198.

создания общей границы с Венгрией¹. Об этом открыто заявлял министр иностранных дел Польши Бек во время своего визита 19 октября в Румынию и переговоров с королем Каролем. Ценой румынской поддержки объявлялась передача ей некоторых территорий Закарпатской Русии, на которых проживали румынские меньшинства. Итальянский посланник отметил, что король решительно отверг эти предложения². Добиваясь немецкой поддержки, посол Польши в Берлине встретился с Герингом. Он намекнул нацистскому руководителю, что установление общей границы с Венгрией особенно важным будет для решения «украинского вопроса», к которому Германия всегда проявляет интерес³.

22 октября состоялся телефонный разговор между министром иностранных дел Чиано и его немецким коллегой Риббентропом⁴. Риббентроп скептически высказался относительно возможности мирного арбитража между Чехословакией и Венгрией. Вместе с тем он подчеркнул нежелание германской стороны осуществлять арбитраж насильственными методами. В свою очередь, Чиано заверил коллегу в том, что он даст знать венграм, что Италия в вопросе арбитража будет действовать согласованно с Германией и будет стремиться исключить любую опасность использования силы. По мнению Риббентропа, Чехословакия хотела бы проведения новой конференции четырех по проблеме меньшинств. Чиано ответил, что не итальянской стороной эта инициатива была отклонена.

Г. Чиано отметил антивенгерские настроения Риббентропа и добавил: «Более, чем обычно, он выступал в качестве адвоката Праги»⁵. Эта немецкая позиция была подтверждена в ходе нового телефонного разговора, состоявшегося 23 октября между Чиано и Риббентропом. На этот раз Риббентроп мог сослаться непосредственно на мнение Гитлера, который высказался против участия

¹ DDI. V. X. Doc. 305. P. 311.

² Ibid. Doc. 307. P. 313.

³ Ibid. Doc. 309. P. 314.

⁴ Ibid. Doc. 316. P. 319–320.

⁵ Ibid.

стран оси в арбитраже. Немецкая сторона настаивала на прямых переговорах между Прагой и Будапештом. В случае провала прямых переговоров Гитлер настаивал на проведении конференции четырех стран на уровне министров иностранных дел. Наконец, Риббентроп согласовал дату своего короткого неофициального визита в Рим¹.

Венгерское правительство попыталось через Рим оказать нажим на Берлин, чтобы побудить его к проведению арбитража. 23 октября состоялась беседа между венгерским посланником Виллани и министром иностранных дел Чиано. Виллани высказал предположение, что Великобритания и Франция при определенных условиях поддержали бы арбитраж, осуществленный странами оси. Конфиденциально посланник сообщил о разногласиях, выявившихся в немецко-венгерских отношениях по вопросу о передаче Венгрии трех чехословацких городов². Но затем под нажимом Берлина итальянское руководство неожиданно для Будапешта решительно отказало в поддержке. Не исключено, что на Рим оказали влияние отрицательные позиции руководства Румынии и Югославии, которые стремились воспрепятствовать как созданию польско-венгерской границы, так и передаче Венгрии Закарпатской Русии³. В качестве контраргумента муссировались слухи о приведении в действие статей Малой Антанты. 24 октября Чиано записал в дневнике, что Муссолини распорядился воздержаться от поддержки претензий Венгрии на Русению⁴.

Состоявшийся 2 ноября под эгидой Германии и Италии первый Венский арбитраж предписывал передать Венгрии южные районы Словакии и Подкарпатской Украины. Однако из-за противодействия Германии не были удовлетворены польские и венгерские планы установления общей границы⁵.

¹ DDI. V. X. Doc. 319. P. 322–323.

² Ibid. Doc. 320. P. 323–324.

³ Ibid. Doc. 295. P. 297–298.

⁴ См.: *Ciano G. Diario*. P. 200.

⁵ DDI. V. X. Doc. 355. P. 367–369; Doc. 432. P. 467.

Советская внешняя политика в этот период находилась в центре внимания итальянской дипломатической службы. Посольство Италии в Москве продолжало констатировать продолжение антигерманской политики Москвы, что, по мнению итальянских дипломатов, находило подтверждение в смягчении позиции Москвы в отношении Польши¹. 26 ноября была оглашена польско-советская декларация, которая подтверждала действие договора о ненападении между двумя странами и содержала заявление об улучшении торговых отношений между ними². Мимо внимания посла также не прошли действия Кремля, направленные на улучшение отношений с Соединенными Штатами³.

По мнению Андре, последовавшая концентрация внимания итальянского руководства на конфликте с Францией вела к ослаблению ее влияния в Юго-Восточной Европе в пользу Германии⁴.

Фашистское руководство чувствовало себя обойденным в результате мюнхенской сделки. Это довольно метко охарактеризовал британский посол в Риме лорд Перт:

Господин Муссолини, естественно, надеется, что его действия в связи с кризисом получат конкретное признание со стороны правительства Ее Величества в форме вступления в силу соглашения и признания империи. Я думаю, что для него было неожиданным, что в то время как премьер-министр вернулся из Мюнхена с соглашением, подписанным Гитлером, которое устанавливало консультации с Германией, он, несмотря на активное вмешательство в поддержку предложений премьер-министра, был оставлен за дверью на холоде. В то время как нашкотивший ребенок получает награду, прилежный остается с пустыми руками⁵.

Итальянское руководство внимательно следило за ходом франко-германских отношений, которые были направлены на

¹ DDI. V. X. Doc. 399. P. 430–431; Doc. 476. P. 505–507; Doc. 551. P. 601.

² DDI. V. X. Doc. 476. P. 505–507.

³ Ibid. Doc. 416. P. 449–450.

⁴ Ibid. P. XII.

⁵ Documents on British Foreign Policy. 1919–1939. Third Series. L., 1949. V. 3. P. 322.

оживление Локарнского пакта¹. О начале переговоров Муссолини был информирован принцем Гессенским во время его визита в Италию 11 октября². По рекомендации из Лондона французское правительство предприняло шаги к улучшению отношений с Римом, направив после долгого перерыва нового посла, вручение верительных грамот которым было равносильно признанию Итальянской империи. 19 октября временный поверенный в делах Италии во Франции докладывал о своей встрече с министром общественных работ, который информировал о желании президента Даладье провести встречу с Муссолини в целях улучшения двусторонних отношений³. Однако сдержанная реакция со стороны Италии в отношении Франции означала, что в Риме не считают эти инициативы достаточными для нормализации двусторонних отношений.

Одновременно британское руководство предложило фашистской Италии сценарий мероприятий, публичное объявление о которых, по его расчетам, должно было облегчить ратификацию парламентом англо-итальянского соглашения. Во врученном 14 октября министру Чиано британским послом меморандуме предлагалось вывести десяти тысячный контингент итальянских сухопутных сил из Испании, что составляло более половины находившихся там итальянских войск (при условии вывода остальных войск); не направлять в Испанию новые итальянские контингенты; не стремиться компенсировать вывод итальянских сухопутных сил дополнительной посылкой летчиков; добиваться прекращения бомбардировок в Испании, которые могли бы привести к жертвам на английских судах⁴. В этом меморандуме не упоминалось сделанное десятью днями ранее предложение Галифакса о проведении конференции четырех держав по испанскому вопросу.

Д. Болек Чекки публикует ряд архивных документов Форин Оффиса, в которых были изложены аргументы английской стороны в пользу соглашения с Италией. Предполагалось, что прекращение

¹ DDI. V. X. Doc. 312. P. 316.

² Ibid. Doc. 314. P. 318.

³ Ibid. Doc. 293. P. 295–296.

⁴ Ibid. Doc. 277. P. 279–280

войны в Испании даст свободу действий Италии и приведет к ослаблению ее связей с Германией, что соглашение с Италией повлияет на прекращение антибританской кампании на Ближнем и Среднем Востоке, будет способствовать урегулированию эфиопской проблемы и нормализации положения в Северо-Восточной и Восточной Африке, положительно повлияет на обстановку на Балканах и в других районах Средиземноморья. Признав Центральную Европу германской сферой влияния, Великобритания должна сосредоточить усилия на защите своей империи, на Иберийском полуострове и в Средиземноморье¹.

21 октября в поддержку заявленной Чемберленом политики «умиротворения» выступил влиятельный британский политик министр внутренних дел Сэмюэль Хор. В целом его речь была встречена позитивно в немецких и итальянских кругах².

Р. Ванситтарт, скептически относившийся к возможности отрыва фашистской Италии от Германии, указывал на то, что Муссолини шантажировал Чемберлена угрозой заключения военного союза с Германией³.

В октябре в японском правительстве произошли перестановки, в результате которых пост министра иностранных дел занял Хатино Арита, сыгравший активную роль в подготовке Антикоминтерновского пакта. В 20-х числах октября военные атташе трех стран завершили доработку проекта договора. Изменения коснулись всех разделов проекта. Если первоначально в преамбуле говорилось о намерении трех стран «защищаться против угрозы их общим идеологическим интересам», то в новом проекте содержался более широкий призыв к «защите общих интересов трех договаривающихся держав». В основной документ были внесены две новые — четвертая и пятая — статьи, запрещавшие заключать сепаратные перемирия или мир, определившие продолжительность действия пакта в десять лет, условия его вступления в силу, продления и прекращения действия. Вторая статья была дополнена обязательством

¹ *Bolech Cecchi D.* L'accordo di due imperi. P. 211, 214. 287. Annex 15.

² DDI. V. X. Doc. 318. P. 321–322.

³ См.: *Bolech Cecchi D.* Op. cit. P. 213.

экономической поддержки. В третьей был убран последний абзац, в котором отмечалось: «...три договаривающиеся державы убеждены в том, что заключением настоящего договора они смогут внести последующий вклад в дело сохранения мира для их народов и всего человечества». В новом проекте подобная маскировка агрессивной сущности договора, видимо, была сочтена излишней. Примечательно, что было включено обязательство немедленно обсудить мероприятия в случае вступления в войну одной из сторон. Содержание дополнительного секретного протокола в основном было сохранено, но он приобрел более обязательный характер по сравнению с предыдущим. Сразу же после вступления пакта в силу предполагалось создать комиссии по экономическому, военному и политическому сотрудничеству трех стран¹.

Для обсуждения нового проекта пакта 27 октября в Италию прибыл германский министр иностранных дел Риббентроп. Его переговоры в Риме выявили нежелание итальянской стороны форсировать подписание соглашения. Это объяснялось многими причинами. Об одной из них Чиано записал в дневнике 27 октября:

У меня есть план заморозить его (военный пакт. — *В. М.*), тем более что Перт (английский посол в Риме. — *В. М.*) сообщил мне по секрету о решении англичан ратифицировать апрельский пакт в середине ноября. Мы должны держать открытыми обе двери, союз сегодня (с Германией. — *В. М.*) закрыл бы, возможно, навсегда одну из них, и не менее важную. Дуче, которого я информировал, думает точно так же².

Другая немаловажная причина обструкции итальянцев была четко изложена в меморандуме Муссолини, который Чиано зачитал Риббентропу. В нем содержалась позиция итальянского руководства в связи с японским предложением о заключении военного союза.

¹ Текст проекта договора опубликован в кн.: *Toscano M. Le origini diplomatiche del Patto d'Acciaio*. P. 44–45.

² *Ciano G. Diario*. P. 202.

1. Если говорить о военном союзе оборонительного характера, то в нем нет абсолютно никакой необходимости. Никто сегодня в мире и завтра не собирается нападать на тоталитарные государства, потому что они выступают вместе. В политических целях оборонительного характера достаточно Антикоминтерновского пакта и оси Рим — Берлин.

2. Если говорить не об оборонительном, а о наступательном союзе, тогда представляется целесообразным следующее: а) *перспективные цели трех держав должны быть ясно определены и согласованы*, союз должен вырасти из пустившей глубокие корни дружбы между народами. Когда последние условия будут достигнуты, станет ясно, что толчок неизбежен, союз возникнет естественно, как логическое следствие ситуации (курсив мой. — В. М.)¹.

Главным в меморандуме являлось указание на необходимость достижения предварительного условия — разграничения сфер влияния, — без этого итало-фашистское руководство отказывалось подписать военный пакт.

Тем не менее, отмечает Л. Чева, именно визит Риббентропа дал толчок военным контактам между двумя странами. Инициатива с итальянской стороны шла от заместителя военного министра, начальника Генерального штаба армии Париани. Немецкая сторона реагировала с большой сдержанностью и медлительностью².

В сущности, предпосылки для заключения тройственного военно-политического союза сложились к концу 1938 г. 10 ноября получили дальнейшее развитие германо-японские отношения в результате заключения соглашения, предусматривающего обмен военной информацией³. Задержка с подписанием тройственного пакта была вызвана стремлением каждой из сторон получить максимальную выгоду и выбрать наиболее благоприятный момент.

Пауза в переговорах о военном союзе позволила итало-фашистскому руководству снять возможные помехи на пути ратификации

¹ Ceva L. Altre notizie sulle conversazioni militari italo-tedesche alla vigilia della seconda guerra mondiale // Il Risorgimento. 1978. Ott. P. 152.

² Ibid.

³ Ferreti V. La politica giapponese e i rapporti con l'Italia e la Germania, 1935–1939 // Storia Contemporanea. 1976. № 4. P. 799–800.

англо-итальянского соглашения. Со своей стороны английское правительство не стало акцентировать внимание на вопросах отзыва итальянских военных летчиков и прекращения бомбардировок английских судов, ограничившись лаконичным заверением парламенту, что Муссолини искренне надеется на восстановление мира и порядка в Испании в самое ближайшее время.

2 ноября 1938 г. британский парламент начал дебаты по англо-итальянскому соглашению. Спустя пять дней посол в Риме Перт информировал Чиано о вступлении «пасхального» соглашения в силу 16 ноября.

Подготовленный 10 ноября британским кабинетом для внутреннего пользования политический меморандум о положении в Центральной и Юго-Восточной Европе свидетельствовал о том, что в правящих кругах Великобритании не строили иллюзий относительно возможной внешнеполитической переориентации Италии. С ратификацией соглашения в Лондоне связывали надежды на восстановление традиционной дружбы между двумя странами. Великобритания могла предложить Италии безопасность ее коммуникаций с заморскими странами. Германия же могла оказать содействие итальянским устремлениям в расширении границ ее империи в Северной Африке в районе от Средиземного моря до Индийского океана, причем преимущественно за счет Британской империи. Авторы меморандума считали, что склонность Муссолини и других фашистских руководителей к авантюризму могла подтолкнуть их на агрессивные действия.

В меморандуме рассматривался вариант обострения итало-германского соперничества в Юго-Восточной Европе. В этой связи отмечалось, что экономическое положение Италии может подталкивать ее в сторону Запада. Однако извлечь из этого какие-либо преимущества для Великобритании авторы меморандума не предлагали. Они бесстрастно констатировали, что при нынешнем положении дел отсутствуют перспективы инвестиций западных держав в Италию.

В меморандуме рассматривалась также возможность достижения соглашения между Германией и Италией о разграничении

сфер влияния в Юго-Восточной Европе, что должно было означать, комментирует меморандум итальянский историк Д. Болек Чекки, что Германия нацеливает свою экспансию в направлении Украины¹.

Представляется возможным сделать вывод о том, что англо-итальянское соглашение от 16 апреля 1938 г. имело цели, ограниченные рамками достижения общего соглашения между Германией, Италией, Англией и Францией. Примечательно, что его ратификация состоялась 16 ноября того же года, т. е. после мюнхенской конференции, в период между подписанием англо-германской декларации 30 сентября и франко-германской 6 декабря, когда дипломатам Великобритании и Франции, казалось бы, удалось достичь договоренности с фашистскими государствами.

2 ноября 1938 г. британский парламент начал дебаты по англо-итальянскому соглашению. Спустя пять дней посол в Риме Перт информировал Чиано о вступлении соглашения в силу 16 октября.

16 ноября 1938 г. состоялась ратификация англо-итальянского соглашения британским парламентом. В тот же день в зале «Виттория» итальянского МИД британский посол Перт и Чиано подписали заявление о вступлении англо-итальянского соглашения в силу. Британский посол выразил надежду относительно «полного и дружественного сотрудничества между двумя империями»². В подходе к сотрудничеству с Лондоном проявилась позиция главы фашистского правительства, которую отразил Чиано 16 ноября на страницах своего дневника:

В Европе ось остается основной. В Средиземноморье сотрудничество с англичанами — до тех пор, пока это будет возможным. Франция находится за чертой: по отношению к ней определены наши требования³.

¹ DBFP. Vol. 3. P. 35 ; *Bolech Cecchi D. L' accordo di due imperi.* P. 237–238.

² *Bolech Cecchi D. L' accordo di due imperi.* P. 241.

³ *Ciano G. Diario.* P. 293.

Франция остро реагировала на англо-итальянское соглашение, рассматривая его как попытку этих двух стран установить своеобразный протекторат над всем Средиземноморьем и низвести в связи с этим Францию до положения второстепенной державы. Уклонение фашистской Италии от заключения аналогичного соглашения с Парижем расценивалось как тревожный симптом, свидетельствовавший о выдвижении ею требований к Французской республике¹.

За ним последовало предъявление Италией требований к Франции. Рим претендовал на превращение Туниса в итало-французский кондоминиум, на передачу всей железной дороги от Аддис-Абебы до Джибути под полный итальянский контроль, на совместное административное управление портом Джибути. Итальянцы требовали допустить их представителей к управлению Суэцким каналом. 30 ноября Чиано изложил итальянские претензии в фашистской палате, его речь прерывалась возгласами: «Тунис, Джибути, Корсика!»

Одновременно итальянское руководство поощряло развитие военных связей с Германией. На следующий день после заключения мюнхенского соглашения начальник Генерального штаба армии Париани указал германскому военному атташе в Риме полковнику Ринтелену на опасные последствия для двух стран отсутствия контактов между их генеральными штабами. Спустя месяц из Берлина пришло предложение начать переговоры на уровне генеральных штабов. 26 ноября Гитлер и руководство ОКВ договорились о начале военных переговоров с итальянскими коллегами. 30 ноября 1938 г. начальник объединенного командования вермахта В. Кейтель передал министру иностранных дел Риббентропу меморандум с изложением платформы генерального штаба на переговорах с итальянской стороной.

Основной принцип переговоров был сформулирован следующим образом: «Никаких совместных военных операций под

¹ См. об этом: *Стегарт С. А.* Дипломатия Франции перед Второй мировой войной. М., 1980. С. 239.

единым командованием, но установление задач и определение театров войны для каждого государства, на которых стороны будут действовать независимо». В разделе «Военно-политическая основа переговоров» указывалось, что из войны Германии и Италии против Франции и Великобритании надо вывести в первую очередь Францию. В этом случае Великобритания потеряет собственные базы для продолжения войны на континенте и окажется в одиночестве перед объединенным потенциалом фашистских государств.

Предполагаемые условия военных действий: строгий нейтралитет Швейцарии, Бельгии и Голландии; благожелательный нейтралитет Венгрии и Испании; неясные позиции Балканских стран и Польши; враждебное отношение к странам оси Советской России. Позиция неевропейских стран в меморандуме не рассматривалась.

Распределение театров военных действий: Германия концентрирует все сухопутные, военно-морские и воздушные силы на Западном фронте. На суше — германское наступление против Франции. В это время германский военно-морской флот ведет действия против английских и французских морских коммуникаций в Северном море и Атлантическом океане. Военно-воздушный флот поддерживает действия на море и на суше.

Италия ведет военные действия главным образом в Средиземном море и Северной Африке. Италия должна также способствовать сохранению нейтралитета Балканских стран, являющихся главной базой снабжения фашистских государств. Лишь в случае возникновения угрозы для Германии на Восточном фронте планировались совместные действия Италии и Венгрии против Польши. В Средиземном море за Италией оставалась возможность оккупации Балеарских островов для воспрепятствования переброске французских сил на материк. Далее — захват Корсики, военные действия во Французской Северной Африке, поддержка повстанческого движения в Марокко. Затем боевые действия против английских коммуникаций и военных сил на море и в воздухе, создание угрозы английскому влиянию в Египте, Палестине и на

Ближнем Востоке, выведение из строя английской базы на Гибралтаре. На западе итальянцы должны были «сковать на своей границе максимально возможное число французских войск».

В заключительную часть меморандума были вынесены вопросы, которые вермахт рассчитывал обсудить с итальянцами в первую очередь: участие Италии во всех оборонительных (активных и пассивных) мероприятиях Германии, обмен информацией между службами вооруженных сил, участие Италии в осуществлении военной цензуры в отношении иностранных государств, сотрудничество в области сырья и производства вооружений, в области коммуникаций¹.

В сущности, эта концепция не исключала возможности создания единого командного союзного органа в целях согласования стратегических директив, а также оказания содействия союзнику на его театре военных действий. Несколько лет спустя с горькой иронией: современный военный исследователь М. Монтанари отметит, что объединенное командование вермахта покажет на практике в Северной Африке, как Германия уважает соблюдение «независимости» союзника в ведении операций итало-германскими войсками².

Платформа, предложенная германским генеральным штабом, ставила вопрос о распределении театров военных действий против Англии и Франции, но за бортом дискуссии Берлин все еще оставлял вопросы разграничения сфер влияния между самими фашистскими государствами. Пока перспективы переговоров с Германией о разграничении сфер влияния оставались неясными, итальянское руководство стремилось ограничить военное сотрудничество с Берлином узкой технической областью и уклонялось от обсуждения общестратегических вопросов.

Тем временем в Риме было продолжено обсуждение планов, связанных с обеспечением безопасности коммуникаций

¹ См.: Documents on German Foreign Policy, 1918–1947. Series D. L., 1949. V. 4. P. 411 ; L'Esercito italiano alla vigilia della seconda guerra mondiale. Roma, 1982. P. 410–417. Allegato 6. P. 377–378.

² См.: L'Esercito italiano alla vigilia della seconda guerra mondiale. P. 33–34.

с Северной Африкой в случае войны. В качестве рабочей гипотезы рассматривалось ведение военных действий Италии и Германии против коалиции в составе Англии, Франции, СССР, Египта, Турции и Греции. Гарантией успешного развития событий считалось овладение Мальтой, важным стратегическим пунктом в Средиземном море. Из-за разногласий окончательных решений не было принято¹.

В середине декабря 1938 г. инспектор артиллерийских вооружений генерал У. Фаутилли обсудил с германским руководством формы сотрудничества двух армий в военно-технической области. Но по различным причинам до 9 марта следующего года никаких конкретных форм сотрудничества в военной области не наблюдалось².

23 ноября 1938 г. Геббельс обратился по телефону к министру народной культуры Д. Альфиери с «маленькой», как он подчеркнул, просьбой. В связи с международной антигерманской кампанией по «еврейскому вопросу» нацистское руководство усилило в целях ее нейтрализации нападки на британскую колониальную политику, что, по словам Геббельса, принесло положительные результаты. «Мы были бы очень признательны, — писал он Альфиери, — если бы вы могли помочь нам таким образом, чтобы итальянская печать развернула подобную кампанию против английской колониальной политики, однако без ссылок на наши статьи». В этом случае, пояснил германский министр пропаганды, Берлин получил бы возможность цитировать итальянскую прессу по данному вопросу. Именно в этот период расистские и антисемитские тенденции приобретают официальный и организованный характер в политике фашистского правительства Италии³.

¹ *Gabriele M. Operazione C 3: Malta. Roma, 1975. P. 17 ; Ceva L. Appunti per una storia dello Stato Maggiore Generale fino alla vigilia della «non belligeranza» (giugno 1925 — luglio 1939) // Storia contemporanea. 1979. № 2. P. 240–241.*

² *Ceva L. Altre notizie sulle conversazioni militari italo-tedesche alla vigilia della seconda guerra mondiale. P. 152.*

³ Цит по: *De Felice R. Storia degli ebrei italiani sotto il fascismo. V. 2. 1977. P. 409.*

В ноябре было подписано итало-германское соглашение по культурным связям. Его целью являлось «углубление сердечных отношений между двумя странами» через культурные отношения. Ратификация соглашения состоялась в феврале, а первое заседание — в июне 1939 г. в Ганновере. Особенно расширилось сотрудничество на антикоммунистической основе. С итальянской стороны эти связи осуществлялись под эгидой образованного в 1937 г. *Centro di ricerca anticomunista*, преобразованного в 1942 г. в *Centro di ricerca ed attivita sull'organizzazione di nuovo ordine*. Во время поездки министра Альфиери в Вену в июне 1939 г. Геббельс предложил принять программу широкого сотрудничества в области печати, радио и координировать на ее основе совместные действия оси на международной арене.

С 1938 г. стало практиковаться направление итальянцев на работу в Германию. В первой половине 1939 г. в Германии находилось уже 37 тыс. сельскохозяйственных рабочих и более 9 тыс. было занято в промышленности, в основном на строительстве. В архивных документах отмечается, что итальянские рабочие подвергались жестокой эксплуатации, а в документах итало-фашистского правительства указывалось на то, что направлению рабочих в Германию придавалось «политическое значение высочайшей важности» в рамках политики фашистской оси. К 1938 г. произошла также существенная переориентация внешней торговли фашистской Италии. В 1926 г. доля Германии в итальянском импорте составляла 13,8 %, в 1938 г. — 21,2 %. Импорт из Германии машинного оборудования, важнейших видов сырья и полуфабрикатов в 1938 г. покрывал свыше 51 % всей импортируемой продукции этого профиля. За эти годы возросла также доля Германии в экспорте итальянской продукции: с 15 % в 1921 г. до 24,9 % в 1938 г. При этом поставки в Германию продуктов питания, важнейшей статьи итальянской торговли, составляли 39,2 % ко всему экспорту.

15 декабря глава итальянского правительства сообщил японскому послу наиболее приемлемую дату для подписания

тройственного пакта — вторая половина января или февраль 1939 г. К этому времени стали бы известны результаты англо-итальянских переговоров на уровне глав правительств. Кроме того, в Риме опасались преждевременного втягивания Италии в конфликт между Токио и Вашингтоном, возникший вслед за провозглашением японским руководителем доктрины «Великой Восточной Азии»¹. Частично это подтверждается сдержанным ответом итальянской стороны на призыв немецкого руководства активно поддержать Германию в полемике против Соединенных Штатов Америки.

17 декабря 1938 г. Чиано информировал французское правительство о том, что Италия расторгает в одностороннем порядке соглашение Лавала — Муссолини 1935 г. 30 ноября министр выступил с речью, за которой последовали антифранцузские демонстрации в ряде городов².

По «секретному каналу» Муссолини направил в Лондон три документа, в которых конкретизировались итальянские претензии в преддверии намеченного на начало января 1939 г. визита главы британского правительства Н. Чемберлена в Рим. Речь шла о британском посредничестве в итало-французском споре из-за Туниса, Ниццы и Корсики. Кроме того, Рим добивался от Великобритании расширения прав итальянской общины на Мальте, обсуждения англо-итальянского торгового сотрудничества, поддержки итальянских интересов на Балканах, британской финансовой и экономической помощи в освоении ресурсов Эфиопии³.

В начале января 1939 г. премьер-министр Франции Э. Даладьё совершил поездку на Корсику и в Тунис, в ходе которой публично отверг итальянские притязания. Однако в беседе в конце декабря между Ж. Бонне и британским послом французский министр иностранных дел не исключал возможности переговоров с Италией

¹ См. об этом: *Ferreti V.* La politica giapponese e i rapporti con l'Italia e la Germania, 1935–1939. P. 790.

² См. об этом: *Стегарт С. А.* Дипломатия Франции перед Второй мировой войной. С. 239.

³ См. об этом: *Quartararo R.* Roma tra Londra e Berlino. P. 411–413.

и допускал предоставление некоторых уступок. Забегая вперед, отметим, что в результате конфиденциальных контактов между итальянским промышленником В. Фаджиоли, имевшим устойчивые контакты во французской правящей элите, и банкиром П. Бодуэном, которые имели место в конце января и в начале февраля, французская сторона намекнула на готовность пойти на уступки Италии в вопросах управления портом Джибути, относительно передачи участка железной дороги Джибути — Аддис-Абеба на эфиопской территории, а также участия в управлении Суэцким каналом и, наконец, рассмотреть статус итальянцев в Тунисе¹.

Перспективы дальнейшей материализации мюнхенского курса обсуждались в ходе переговоров Чемберлена и Муссолини 11–13 января 1939 г. в Риме. Вместе с британским премьер-министром в составе делегации присутствовал министр иностранных дел лорд Галифакс. «Час-два беседы с глазу на глаз с Муссолини могут иметь значение чрезвычайной важности для планирования переговоров с Гитлером», — откровенничал Н. Чемберлен в письме своей сестре².

Линия поведения британской делегации на переговорах в Риме была разработана с учетом того, что Италия является членом фашистской оси. И посягать на этот статус Италии Чемберлен не собирался. Б. Муссолини подчеркивал, что фундаментальным направлением итальянской внешней политики является сотрудничество с Германией в рамках оси Рим — Берлин, однако это не является препятствием для установления дружеских отношений с Великобританией и Францией. Б. Муссолини подчеркивал, что Италия не наращивает свой контингент в Испании и, напротив, принимает меры к его ограничению и полному выводу из Испании после победы франкистов.

¹ См.: DBFP. Vol. 3. P. 484 ; *Santarelli E.* Storia del fascismo. Roma, 1981. P. 474, 475.

² Цит. по: *Stafford P.* The Chamberlain — Halifax Visit to Rome: A Reappraisal // *English Historical Rev.* 1983. № 1. P. 68.

В портфеле британского премьер-министра были подготовлены предложения относительно некоторых уступок Италии, преимущественно за счет третьих стран. В свою очередь, Н. Чемберлен акцентировал внимание на том, что сотрудничество четырех государств, проявившее себя в ходе Мюнхенского соглашения, не получило продолжения, на которое он рассчитывал. «...К сожалению, он не может отметить никаких признаков дружеской взаимности или сигналов к началу переговоров со стороны Германии», и это несмотря на устойчивое желание британской стороны улучшать отношения с Берлином¹. Отсюда важной, если не главной целью переговоров являлось выяснение через Муссолини дальнейших намерений фашистской оси. К последней теме Чемберлен возвращался неоднократно.

И Муссолини, и Чемберлен дали высокую оценку англо-итальянскому соглашению. Чемберлен приветствовал состоявшийся накануне его визита первый обмен военной информацией, предусмотренный соглашением. Муссолини отметил, что фашистская ось является основным направлением итальянской внешней политики. Он высказался в пользу более широких и постоянных контактов и соглашений между четырьмя державами².

На следующий день, 12 января, в центре внимания оказались итало-французские отношения, которые резко обострились в связи с активизацией итальянских территориальных требований к Франции и денонсацией итальянской стороной январского 1935 г. двустороннего договора с Францией. Никаких конкретных предложений по поводу их урегулирования не прозвучало ни с той, ни с другой стороны. Затем Н. Чемберлен вновь вернулся к теме отношений с Германией и посетовал, что после Мюнхенского соглашения никаких сигналов из Берлина относительно «самых глубоких отношений» не последовало. Возможно, основной причиной визита Чемберлена в Рим являлось выяснение ближайших

¹ DDI. V. XI. Doc. 48. P. 73–76. 11 января 1939. Переговоры главы правительства Муссолини с премьер-министром Великобритании Чемберленом.

² ACS. MCP. B. 33. Fasc. 437. Visita di Chamberlain in Italia ; L'Europa verso la catastrofe. V. 2. P. 12 ; *Stafford P. The Chamberlain — Halifax Visit to Rome.* P. 68–92.

германских планов и намерений. «...В мире распространено мнение, что фюрер держит в голове нанесение новых ударов, которые могли бы быть опасными для всеобщего мира», — уточнял Чемберлен. В качестве предположений британский премьер-министр определил действия Германии против Украины с целью создания независимого государства, наступление на Западе против Франции или против Польши. При этом он подчеркнул, что любые из выше-названных действий могут иметь локальный характер. Однако наибольшее беспокойство вызывает отсутствие представлений об истинных германских намерениях.

В ответ Муссолини постарался рассеять озабоченность Чемберлена относительно германских агрессивных действий тривиальными рассуждениями, за которыми не чувствовалось какой-либо реальной осведомленности о ближайших намерениях Гитлера. Стороны обменялись мнениями относительно возможности предоставления Чехословакии гарантий международной безопасности, однако договорились в дальнейшем вернуться к этому вопросу¹.

В целом переговоры отразили намерение правящих кругов Великобритании и Италии следовать курсом мюнхенской политики. Однако они не дали ответа на главный вопрос: как дальше будут развиваться отношения между Великобританией и Францией, с одной стороны, и Германией и Италией — с другой.

Встреча Чемберлена и Муссолини повлияла на планирование военных операций фашистским командованием. 15 января И. Бальбо был принят А. Париани, с которым обсудил новую директиву Муссолини. Ее смысл сводился к тому, что Италия исключала возможность войны против Великобритании и предусматривала возможность военных оборонительных действий против Франции не только в Альпах, но и на ливийско-тунисской границе. Тем не менее, были обсуждены планы нейтрализации Корсики. Бальбо, вопреки директиве Муссолини, продолжал настаивать на подготовке наступательных действий в Северной Африке, в частности

¹ DDI. V. XI. Doc. 48. P. 78–79. 12 января 1939. Переговоры главы правительства Муссолини с премьер-министром Великобритании Чемберленом.

против Туниса. Оставался открытым вопрос о взаимоотношениях с Германией. Было решено дожидаться выступления Гитлера 30 января¹.

С самого начала 1939 г. тревожные вести о возможном направлении германской агрессии с целью полного подчинения Чехословакии поступали по дипломатическим каналам. Среди опубликованных итальянских дипломатических документов имеется донесение итальянского военного атташе в Бухаресте Делла Порта. Военный атташе докладывал 9 января 1939 г. о том, что его венгерский коллега в Бухаресте поведал о перспективах немецко-чехословацких отношений и о германских притязаниях на Украину. Согласно его сценарию, бывшая Чехословакия в составе Богемии, Моравии и Словакии будет присоединена к Германии, а чешские и словацкие войска могут повторить судьбу австрийских. Далее, Германия на территории Русении создаст украинское государство, в которое войдут территории Западной Буковины и Бессарабии. За поддержку Венгрией этого проекта она получит румынские территории, населенные венгерскими меньшинствами. Перед лицом прямого вооруженного конфликта с Германией советское руководство предпочтет согласиться с германским проектом².

Тем временем итальянский посол в Москве А. Россо докладывал в Рим относительно продолжающейся тенденции к сближению СССР с Польшей:

Искренне или нет, но это советское отношение демонстрирует ясным образом, что советские политические директивы нацелены решительно, по крайней мере в данный момент, на консолидацию и развитие хороших отношений с Польшей с целью ее вовлечения в антигерманский блок, к которому, несмотря на Мюнхен, Литвинов все еще не охладел. Более того, у меня сложилось впечатление, что сегодняшнее обострение итало-французских отношений возрождает в Москве уверенность в возможности создания политической коалиции под знаком антифашизма³.

¹ См. об этом: *Minniti F. Fino alla Guerra. P. 177–180.*

² DDI. V. XI. Doc. 44. P. 69–70.

³ DDI. V. XI. Doc. 3. P. 5.

8 января посол в Москве направил в Рим обширное донесение, в котором попытался проанализировать изменения в советской внешней политике, начиная с Мюнхенского соглашения. По его мнению, Литвинов все еще не оставил надежду на формирование антифашистской коалиции демократических государств. И это несмотря на широко распространенное мнение, что после Мюнхена советское руководство посчитало проигранным сражение за коллективную безопасность. Некоторые надежды в советском руководстве поддерживает складывание в Великобритании оппозиции «капитулянтской политике» Н. Чемберлена, выступление Франции против реваншистских требований к ней со стороны Италии. В рамках этого курса советское руководство пытается сблизиться с Польшей и с соседними государствами — Финляндией, Литвой и Латвией, Ираном. Москва рассчитывает на сближение между Вашингтоном, Парижем и Лондоном и на нажим со стороны США в отношении Великобритании и Франции с целью формирования демократического блока, к которому мог бы примкнуть СССР. В завершение своего донесения посол констатировал, что его личные наблюдения и приведенные им факты свидетельствуют о том, что советские руководители «ищут различные способы для оживления идеи коллективной безопасности и работают над созданием атмосферы за рубежом, которая благоприятствовала бы советской игре против фашизма»¹.

В начале января состоялся визит польского министра иностранных дел Ю. Бека в Берлин, где он был принят Гитлером. С одной стороны, Гитлер заверил польского министра, что у Германии нет территориальных видов на Украину, а имеются чисто экономические интересы. А с другой стороны, он подчеркнул, что рассматривает Украину «как наиболее слабое звено в советской системе». Согласно донесению посла Аттолико, вернувшись в Варшаву, польский министр заявил об абсолютной уверенности в германском продвижении в направлении Украины².

¹ DDI. V. XI. Doc. 32. P. 56–58.

² Ibid. Doc. 58. P. 89.

Посол в Берлине Б. Аттолико призывал не придавать слишком большого значения нормализации советско-польских отношений. Анализируя итоги визита польского министра иностранных дел Ю. Бека в Берлин, посол ссылается на слова самого польского министра, который фактически минимизировал значение советско-польской декларации от 26 ноября 1938 г. утверждением, что речь идет о простой «нормализации уже имеющихся отношений»¹. 25–27 января 1939 г. И. Риббентроп посетил с визитом Варшаву. После возвращения он информировал итальянского посла о том, что одной из основных целей визита было ослабить значение польско-советской декларации от 26 ноября 1938 г., подписанной сразу после Мюнхенской конференции².

Вопреки расхожему мнению об изоляции СССР в связи с Мюнхенской конференцией, в январе отмечается его определенная активность на дипломатическом поле. 24 января посол А. Россо сообщил в Рим о своей беседе с замнаркома В. Потёмкиным, который как бы между прочим заметил о возможности советско-германских переговоров с целью увеличения объема торговли между двумя странами. Это сообщение было подтверждено временным поверенным в делах Германии в Москве К. фон Типпельскирхом. Послу показалось, что в советских кругах поддерживают слухи о сближении между Москвой и Берлином, возможно, чтобы вызвать реакцию в Лондоне и Париже³. По инициативе итальянской стороны в январе возобновились экономические переговоры с СССР. 7 февраля был подписан целый комплекс документов, касающихся торговли между двумя странами⁴.

31 января посол в Москве доложил в Рим о своей беседе с турецким послом на обеде, устроенном М. Литвиновым. Посол Турции изложил ему литвиновскую идею создания «Черноморского пакта» с участием СССР, Румынии, Болгарии, Турции

¹ DDI. V. XI. Doc. 27. P. 48–49.

² Ibid. Doc. 122. P. 161.

³ Ibid. Doc. 97. P. 139.

⁴ Хормач И. А. СССР — Италия : 1924–1939 гг. С. 242–243.

и Греции. Речь шла о проекте, который мог бы компенсировать распад Балканской Антанты¹.

В то же самое время продолжала раскрываться дипломатическая интрига вокруг так называемого «украинского вопроса», который не мог не волновать советскую сторону. 13 января посол в Берлине Аттолико сообщил о встрече сотрудника отдела печати посольства Д. Дзанки с бывшим руководителем «независимой» Украины гетманом Скоропадским. По его мнению, мюнхенский договор сделал украинскую проблему чрезвычайно актуальной, выдвинув на первый план возможность германской экспансии на европейский восток. В некоторых официальных кругах, подчеркивал посол, распространяется мнение о том, что Германия приступит к разрешению вопроса Прикарпатской Русии уже ближайшей весной. Д. Дзанки сообщил, что Скоропадский уверен в безоговорочной германской поддержке².

В 20-х числах января внимание итальянского МИД было привлечено к результатам визита министра иностранных дел Чехословакии Хвалковского в Берлин, где он был принят Гитлером и Риббентропом. В ходе переговоров заметное место было уделено положению немецких меньшинств, проживающих в Чехословакии. По этому поводу чехословацкий министр сделал предположение, что германское руководство стремится распространить проблему привилегированного положения немецких меньшинств и на другие страны. У чехословацкого министра сложилось впечатление, что украинский вопрос не находится в центре внимания германской дипломатии.

Следующей важной темой для обсуждения стало положение евреев в Чехословакии. Риббентроп в очень жесткой и агрессивной форме настаивал на том, чтобы чехословацкое руководство следовало антисемитской политике Германии. Третьей темой стало требование германского руководства предпринять решительные шаги к сокращению чехословацкой армии. В экономической

¹ DDI. V. XI. Doc. 129. P. 169.

² Ibid. Doc. 54. P. 82–84.

области Берлин настаивал на создании системы взаимных преференций и на приобретении Германией практически всей произведенной продукции военного назначения. На вопрос относительно германских гарантий территориальной целостности новых границ Чехословакии Риббентроп ответил уклончиво. Хвалковский, по мнению итальянского посланника в Праге Франсони, вернулся из Праги «сильно озабоченным». «Не оставляйте нас одних; мы не спрашиваем больше, быть ли нам с осью: с Римом и Берлином, лишь бы не... с одним Берлином»¹.

22 февраля итальянский посланник в Праге Франсони сообщал, что чехословацкое руководство добивается международных гарантий безопасности границ страны как со стороны Франции и России, так и со стороны фашистской оси².

3.5. Планирование итальянских военных операций

В декабре 1938 г. одновременно с обсуждением вопроса о союзе с Германией фашистское руководство приняло решение об итальянском военном присутствии в Албании. Политическая директива обязывала оперативный отдел генерального штаба разработать план вторжения в Албанию³. 3 января 1939 г. на совещании в Генеральном штабе состоялось обсуждение трех планов, целью которого являлось сопоставление планов наступления против Югославии, против Греции и одновременного против Греции и Югославии. В рамках подготовительной фазы операций против указанных стран рассматривалась возможность ввода войск на территорию Албании. Точная дата реализации планов не называлась и была поставлена в зависимость от развития международной обстановки⁴.

¹ DDI. V. XI. Doc. 94. P. 132–135.

² Ibid. Doc. 213. P. 261.

³ См.: *Minniti F. Fino alla Guerra*. P. 182.

⁴ Ibid. P. 184.

26 января 1939 г. под председательством зам. военного министра, начальника Генерального штаба Бадольо состоялось обсуждение общей политической директивы Муссолини. Ее суть сводилась к ведению ограниченной войны с одной Францией. При этом предполагалась «абсолютная оборона как на альпийском, так и на ливийском фронтах». Больше не говорилось о военных действиях с целью захвата Египта или английских баз в Средиземном море. Главные усилия Италии были направлены на обеспечение стабильных поставок в Ливию, чтобы обеспечить ее защиту. Новая политическая директива шла вразрез с обсуждавшимися ранее военными планами военных действий и вызвала недоумение у участников совещания. Начальник генерального штаба военно-воздушных сил Валле заметил, что необходимо решить вопрос о нейтрализации Корсики. Неясным представлялось направление дальнейшего развития военного сотрудничества с Германией. Бадольо пояснил, что глава итальянского правительства устанавливает свое окончательное решение относительно принятия общей стратегии с Германией в зависимость от предстоящей речи Гитлера¹.

Наиболее вероятной версией является та, что Муссолини откладывал утверждение общей стратегической директивы до заключения тройственного военно-политического союза, намеченного на ближайшие недели. В пользу такого предположения свидетельствует тот факт, что общая стратегическая директива итальянского руководства была представлена затем через неделю после подписания «стального пакта»².

В итоговом документе совещания было записано, что Бадольо должен обсудить с Муссолини «отношения Германии с нами в зависимости от того, какие соглашения необходимо заключить с германскими штабами родов войск». Отмечалась необходимость

¹ См.: Ceva L. Appunti per una storia dello Stato Maggiore Generale fino alla vigilia della «non belligeranza» (giugno 1925 — luglio 1939) // Storia contemporanea. 1979. № 2. P. 242–245.

² DDI. V. XII. № 59. P. 49–51.

подготовки более обширного плана наступательных действий, «потому что оборона не решит проблем»¹.

30 января Гитлер выступил в рейхстаге с речью, в которой обосновывал «необходимость жизненного пространства» для немцев. В частности, он требовал возвращения Германии ее бывших колоний. Он также заявил о поддержке Италии в «любой войне». Это было выражением солидарности германского руководства с итальянскими экспансионистскими устремлениями².

В конце января британское руководство получило информацию из «абсолютно надежного источника» о том, что фашистская Италия приняла германское предложение о военном союзе³. Вслед за ней выступления Муссолини 4 февраля содержали прямые указания на угрозу вооруженного столкновения с Великобританией и Францией⁴.

Основные направления фашистской внешней политики на 1939 г. были сформулированы главой правительства Муссолини в письменном докладе, направленном 5 февраля в Большой фашистский совет. Как подчеркивалось в докладе, в нем были определены краткие, средние и долгосрочные ориентиры фашистской внешней политики. Основной итальянской проблемой Муссолини назвал «отсутствие свободного выхода к океанам». В качестве объекта итальянских притязаний на континенте он обозначил Албанию, а главной целью итальянской внешней политики — обеспечение выхода к океанам. «К какому океану? К Индийскому океану. Осуществив связь через Судан, Ливию и Египет или к Атлантическому океану через Французскую Северную Африку». Достижению этих целей служит политика оси Рим — Берлин. Он подтвердил итальянские притязания на Тунис, Джибути, Суэцкий канал, Корсику. В качестве возможного развития событий Муссолини не исключал

¹ Ceva L. Appunti per una storia dello Stato Maggiore Generale fino alla vigilia della «non belligeranza». P. 245.

² См. об этом: СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны. М., 1971. С. 671.

³ См.: Stafford P. The Chamberlain — Halifax Visit to Rome. P. 94.

⁴ См.: История Италии : в 3 т. М., 1971. Т. 3. С. 144.

возникновения войны с Францией. Он предполагал, что война с Францией приобретет характер исключительно военно-воздушных и военно-морских действий. Но наиболее предпочтительными для вступления в войну он называл 1941–1942 гг., когда Италия завершит перевооружение своих вооруженных сил¹.

В начале 1939 г. стратегическое планирование в Северо-Восточной Африке занимало второстепенное место, тем не менее, в начале января был подготовлен план действий против Джибути, более напоминавший государственный переворот².

Поступавшие из Парижа сигналы свидетельствовали о готовности французского руководства продолжить переговоры с Римом ценою удовлетворения итальянских территориальных требований. Итальянский посол в Париже сигнализировал в Рим, что во французских официальных кругах циркулируют предложения о возможных уступках итальянцам, в частности, о предоставлении Джибути статуса *porto franco* (свободного порта), об уступке Италии железной дороги или даже установлении итальянского контроля над нею, о предоставлении итальянцам в Тунисе статуса на основе конвенции 1896 г.³

С 19 по 25 февраля в Берлине находился с визитом экономический советник при британском МИД Ф. Эштон-Гуэткин. В ходе переговоров с Риббентропом, Герингом и Функом он пытался расчистить почву для будущего соглашения по сотрудничеству в области экспорта двух стран на мировых рынках, где Великобритания столкнулась в последнее время с германской экспортной интервенцией, в частности, в рамках Британской империи и Юго-Восточной Европы⁴. Визит Ф. Эштон-Гуэткина привлек самое пристальное внимание итальянских дипломатов, поскольку речь могла идти об англо-германском соглашении, затрагивавшем итальянские интересы, прежде всего в Юго-Восточной Европе. 3 марта посол в Берлине Аттолико с удовлетворением констатировал, что визит

¹ См.: DDI. V. XI. Doc. 155. P. 194–198.

² Minniti F. Fino alla Guerra. P. 189.

³ DDI. V. XI. Doc. 159. P. 201–202.

⁴ Ibid. Doc. 211. P. 258–260.

британского дипломата не привел к каким либо сдвигам в англо-германских отношениях¹.

Спустя несколько дней 1 марта премьер-министр Великобритании Н. Чемберлен сенсационно посетил посольство СССР в Лондоне, что было расценено в дипломатических кругах как поворот британской политики к сотрудничеству с СССР. Однако посол в Лондоне Д. Гранди призвал не преувеличивать значение этого визита. Вероятнее всего, писал посол, это был ответ на критику лейбористов, призывавших не допустить намечавшееся советско-германское сближение. Он выразил уверенность в том, что в англо-советских отношениях не произойдет решительных изменений до тех пор, пока не станут понятны перспективы англо-германского сотрудничества².

3.6. Продолжение переговоров о тройственном военно-политическом союзе

Активная фаза переговоров о заключении тройственного итало-германско-японского военно-политического договора была продолжена в самом начале 1939 г.

4 января итальянский посол в Берлине Аттолико вручил Риббентропу письмо, написанное Чиано по поручению своего главы правительства. В письме итальянский министр иностранных дел сообщил, что в связи с пока не определенной позицией Японии Муссолини предлагает заключить двусторонний итало-германский пакт о взаимопомощи в конце января 1939 г. При этом итальянская сторона подчеркивала, что не связывает заключение пакта с обострением своих отношений с Францией, которые она намеревается решить мирным путем. Ее претензии к Франции, уточнил Чиано, охватывают следующие вопросы: признание статуса итальянцев, проживающих в Тунисе, уступка порта Джибути, использование железной дороги Джибути — Аддис-Абеба, итальянское участие

¹ DDI. V. XI. Doc. 244. P. 291–292.

² Ibid. Doc. 258. P. 311–312.

в управлении Суэцким каналом. При этом он подчеркивал, что заключение пакта могло стать ответом на усиление англо-французского сотрудничества и привести к вовлечению в орбиту оси Югославии, Венгрии и Румынии¹.

6 января посол в Берлине Аттолико направил министру иностранных дел проект основного текста договора и дополнительного секретного протокола. В основном документе отмечалось развитие антикоминтерновской направленности сотрудничества трех государств. Однако в самом тексте не уточнялось, против каких третьих государств будет осуществлено их сотрудничество в случае возникновения угрозы одному из договаривающихся государств².

В дополнительном секретном протоколе договор без обиняков назывался «О союзе». В первом разделе содержалось предложение о создании постоянной совместной комиссии трех министров иностранных дел с целью определения потенциальных противников и выработки условий политической, экономической и военной помощи. Кроме того, предполагалось создать несколько подкомиссий, в том числе для координации согласованной политики в области информации и печати³.

Утром 9 января советник итальянского посольства в Берлине Маджистрати после встречи с японским послом Ошимой пришел к заключению, что японская сторона не будет готова в ближайшее время подписать тройственный пакт⁴.

11 января 1939 г. посол Италии в Берлине Аттолико докладывает в Рим о завершении работы над проектом военного договора и добавляет, что присоединение к нему Японии является весьма проблематичным. В качестве даты для подписания намечено 28 января⁵. К своему донесению посол прилагает итальянский перевод ответа Риббентропа на письмо Чиано от 2 января.

¹ См.: *L'Europa verso la catastrofe*. V. 2. P. 12–14 ; DDI. V. XI. Doc. 4. P. 6–7.

² DDI. V. XI. Doc. 22. P. 41.

³ Ibid. P. 41–43. Проект договора между Италией, Германией и Японией.

⁴ Ibid. Doc. 35. P. 59–60.

⁵ Ibid. Doc. 46. P. 71.

Германский министр иностранных дел сообщает о том, что на днях он передал японскому послу Ошиму окончательную редакцию текста пакта и дополнительного секретного протокола. Подписание договора министрами иностранных дел предполагалось осуществить в Берлине и приурочить к очередной годовщине прихода нацистов к власти¹.

21 января посол в Берлине доложил в Рим, что к данному моменту никакого ответа из Японии не поступило². Спустя четыре дня Аттолико сообщил, что в связи со сменой кабинета в Японии ответ из Токио затягивается. В связи с этим итальянский министр иностранных дел Чиано отложил свой визит в Берлин до окончательного выяснения позиции Японии³.

Риббентроп одобрил итальянское предложение в целом, но отметил, что его реализацию, видимо, придется отложить в связи с падением кабинета министров в Японии. Тем не менее, к 28 января все должно было быть готово для подписания пакта. Аттолико в беседе с Риббентропом заметил, что хотя в письме не говорится об условиях соглашения, он имеет инструкции считать их обсуждение «чрезвычайно важным» делом. Посол сообщил, что в Риме хотели бы обсудить вопрос о разграничении сфер влияния, проблемы экономического сотрудничества между двумя странами, а также южнотирольский вопрос. Итальянская сторона особенно настаивала на установлении системы преференций в итало-германской финансовой и экономической политике в отношении третьих стран. Особенно большое беспокойство Италии вызывали германские требования расчетов в валюте или золотом. «Разве мы требуем оплаты золотом за труд наших рабочих в Германии!» — воскликнул итальянский посол. Он указал на необходимость достижения соглашения по финансовым и экономическим вопросам. Риббентроп обещал внимательно изучить итальянские предложения⁴.

¹ DDI. V. XI. P. 71–72.

² Ibid. Doc. 82. P. 118.

³ Ibid. Doc. 107. P. 148–149.

⁴ См.: *Toscano M.* Le origini diplomatiche del Patto d'Acciaio. P. 100–102.

Фашистское руководство было заинтересовано в решении спорных вопросов с Германией. Вместе с тем оно опасалось чрезмерными требованиями затруднить заключение пакта. Чиано с нескрываемым беспокойством констатировал, что посол зашел «слишком далеко в обосновании итальянских условий»¹. 8 января он записал в дневнике:

Затем мы подробно рассмотрели вместе с дуче, какие действия надлежит предпринять: более тесные отношения с Югославией, Венгрией, Румынией и, возможно, Польшей в целях обеспечения сырья. Союз с Испанией, как только война будет выиграна. Урегулирование счетов с Францией. Мы не требуем Ниццы и Савойи, ибо они находятся по ту сторону Альп. Корсика: автономия, независимость, аннексия. Тунис: урегулирование вопроса о меньшинствах для итальянцев, автономия бея, итальянский протекторат. Джибути: свободный порт и открытая железная дорога, совместная администрация с Францией, аннексия. Суэцкий канал: широкое участие в администрации. Ликвидация Албании по соглашению с Белградом, при случае — содействие созданию сербской зоны в Салониках².

К своему донесению посол прилагает итальянский перевод ответа Риббентропа на письмо Чиано от 2 января. Германский министр иностранных дел сообщает о том, что на днях он передал японскому послу Ошиму окончательную редакцию текста пакта и дополнительного секретного протокола. Подписание договора министрами иностранных дел предполагалось осуществить в Берлине и приурочить к очередной годовщине прихода нацистов к власти³.

21 января посол в Берлине доложил в Рим, что к данному моменту никакого ответа из Японии не поступило⁴. Спустя четыре дня Аттолико сообщил, что в связи со сменой правительства в Японии ответ из Токио затягивается. В связи с этим итальянский

¹ *Ciano G. Diario. 1939–1943. Milano, 1971. P. 21.*

² *Чиано Г. Дневник фашиста. 1939–1943. М., 2010. С. 21.*

³ *DDI. V. XI. P. 71–72.*

⁴ *Ibid. Doc. 82. P. 118.*

министр иностранных дел Чиано отложил свой визит в Берлин до окончательного выяснения позиции Японии¹.

30 января глава кабинета МИД Италии Анфузо подготовил для министра иностранных дел справку, в которой были отражены важнейшие этапы тройственных переговоров. На первой странице этого документа обнаружена записка, сделанная рукой Чиано: «...остановить все»². И далее содержится следующий текст: «Направлено начальнику кабинета военно-морских сил от Анфузо 2 февраля 1939». В сообщении, направленном Анфузо министру иностранных дел 4 февраля, говорится, что «кабинет военно-морских сил инструктировал военно-морского атташе в Токио прекратить переговоры, на что последний ответил, что сами переговоры о соглашении уже прерваны более месяца назад»³.

2 февраля посол в Берлине Аттолико доложил в Рим о своей встрече с Риббентропом. Последний сообщил, что японское правительство в целом согласно с проектом договора, однако настаивает на изменении некоторых деталей. В целях поддержания максимальной секретности для уточнения деталей в Берлин в районе 28 февраля прибудет японская делегация. Риббентроп раздраженно высказал мнение, что так долго ждать невозможно. Поэтому он настаивал перед послом Японии, чтобы японские предложения были немедленно направлены в Берлин. Он высказался в пользу заключения тройственного договора в конце февраля — начале марта⁴. 6 февраля посол в Берлине Аттолико информировал Рим, что после беседы с японским послом у него сложилось впечатление, что японцы не заинтересованы в быстром продвижении переговоров о военном союзе⁵.

1 марта, исходя из перспективы заключения союзного договора с Германией, итальянский генеральный штаб внес изменения в директиву Р. R. 12, трансформировав германскую позицию из

¹ DDI. V. XI. Doc. 107. P. 148–149.

² Ibid. P. 165.

³ Ibid.

⁴ Ibid. Doc. 138. P. 181.

⁵ Ibid. Doc. 161. P. 204.

«нейтральной» в «союзную». Тем не менее, что касается Северной Африки, то план был ориентирован на оборону даже в том случае, если англичане проявят сдержанность, а французы двинутся в направлении Триполи. Эта позиция контрастировала с предложениями Бальбо о наступательном характере действий Италии в Северной Африке. Несмотря на появление в плане раздела «операции в Северной Африке», он продолжал оставаться незавершенным¹.

В ожидании приезда японской делегации в Берлин посол Аттолико сообщает 2 марта о тенденциях японской стороны к усилению отношений в рамках треугольника Токио — Рим — Берлин, но без «достижения подлинного военного союза». Воспользовавшись случаем, Аттолико передал Гитлеру предложение Муссолини о важности соглашений между генеральными штабами двух стран, с которым фюрер выразил свое согласие².

4 марта посол Аттолико принял участие во встрече Риббентропа с японскими послами Хиратори в Риме и Ошимой в Берлине. Ошима информировал, что японское правительство в принципе согласно подписать тройственный договор с небольшими изменениями. Однако, оставшись наедине с Хиратори, Аттолико выслушал от него многочисленные сомнения относительно действия тройственного пакта. Во-первых, в Японии предпочитают рассматривать сотрудничество фашистских государств исключительно в антисоветском плане и хотели бы уточнить, как будет действовать пакт в случае англо-германского или итало-французского конфликта, особенно в случае начала войны Японии с США. «Какие действия предпримут Италия и Германия в этом случае?» — спрашивал посол. «Все эти ситуации должны быть скрупулезно прописаны в пакте», — утверждал он. Сам он не мог объяснить истинные намерения своего правительства и предпочел снова обратиться с телефонограммой в Токио. По итогам встречи Аттолико констатировал, что было бы наивно с японской

¹ Minniti F. Fino alla Guerra. P. 180.

² DDI. V. XI. Doc. 241. P. 289.

стороны рассчитывать лишь на антисоветский характер пакта. Риббентроп призвал не спешить с выводами и отметил, что если не получится заключить трехсторонний союз, всегда существует возможность заключить его на двоих, но таким образом, чтобы не компрометировать третью сторону. Германский министр не исключал возможности заключения пакта, который предусматривал бы японский благожелательный нейтралитет в случае возникновения европейской войны и вступления Японии в войну, только если она приобретет межконтинентальный характер. Наконец, Риббентроп поддержал предложение Муссолини относительно проведения переговоров начальников генеральных штабов двух стран¹.

6 марта японский министр иностранных дел, выступая перед членами финансовой комиссии, сделал заявление о том, что Антикоминтерновский пакт является основой внешней политики Японии в борьбе против коммунизма, но, что касается строительства «Нового порядка» в Восточной Азии, то сотрудничество Японии с государствами оси не должно рассматриваться как направленное против демократических государств².

Спустя пять дней посол в Берлине Аттолико доложил в Рим, что верховный командующий вермахта В. Кейтель получил распоряжение установить контакты со своим коллегой генералом А. Париани с целью обсуждения деталей предстоящей встречи³.

10 марта министр иностранных дел направил письмо послу в Берлине, в котором содержалось одобрение предстоящей встречи Кейтеля и Париани. Местом встречи предлагался Инсбрук, а время предполагалось уточнить как можно скорее⁴. Затем с германской стороны последовало предложение провести аналогичную встречу командующих военно-морскими силами двух стран⁵.

Можно предполагать, что в тот момент озабоченность в Риме в связи с медлительностью и неопределенностью японской

¹ DDI. V. XI. Doc. 254. P. 305–307.

² Ibid. Doc. 267. P. 324.

³ Ibid. Doc. 262. P. 318.

⁴ Ibid. Doc. 269. P. 318.

⁵ Ibid. Doc. 461. P. 557.

стороны была вызвана ходом испанской войны. Италия не только стремилась повлиять на ее быстрее завершение победой Франко, но и ожидала скорейшего присоединения франкистской Испании к Антикоминтерновскому пакту. К такому выводу подводит письмо министра Чиано итальянскому послу в Саламанке Г. Виоле, в котором он пишет, что японская медлительность объясняется чисто бюрократическими причинами, которые не должны воспрепятствовать присоединению Испании к Римскому пакту¹.

На выбор Муссолини в пользу скорейшего заключения военно-политического союза с Германией повлиял чехословацкий кризис марта 1939 г. Трезво оценивая возможности сопротивления германской экспансии в Центральной Европе, Муссолини решил сделать ставку на укрепление военно-политического сотрудничества с Германией, не отказываясь от продолжения сотрудничества с Великобританией.

¹ DDI. V. XI. Doc. 283. P. 344.

Глава 4

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ФАШИСТСКОЙ ИТАЛИИ В ПЕРИОД ПОЛЬСКОГО КРИЗИСА (март — сентябрь 1939)

Влияние захвата Чехословакии на внешнюю политику Италии. — Балканский кризис и итальянская оккупация Албании. — Агония коллективной безопасности. — Вывод итальянских войск из Испании. — Итало-германские военные переговоры и заключение «стального пакта». — Италия на пороге Второй мировой войны. — Итальянские планы вступления в войну и объявление «неучастия в войне» (non belligeranza)

4.1. Влияние захвата Чехословакии на внешнюю политику Италии

15 марта 1939 г. германские войска оккупировали Чехословакию, ликвидировав ее как самостоятельное государство. Словакия была провозглашена независимым государством под фактическим германским протекторатом. В результате окончательного поглощения Чехословакии усилились политические, экономические и стратегические позиции Германии не только в Центральной, но и в Юго-Восточной Европе. Нацистская Германия наложила руку на большую часть золотого и валютного запаса чешского эмиссионного банка. Берлин получил значительное количество чешского оружия и установил контроль над чехословацкими военными заводами, которые снабжали оружием страны Юго-Восточной Европы. Обладая заводами Круппа и предприятиями *Škoda*, Германия

получила монопольное право на поставки вооружения в Восточную и Юго-Восточную Европу, что позволяло ей оказывать политическое давление на малые страны. В области внешней торговли захват Чехословакии позволил еще больше закрепить зависимость малых стран от германского рынка и поставок товаров из Германии. Кроме того, оккупация Чехословакии позволила значительно улучшить стратегическое положение гитлеровского рейха. Территория Богемии и Моравии сразу же была использована для размещения авиационных баз только что созданной четвертой военно-воздушной армии, радиус действий которой простирался на большую часть Балкан¹.

Подчинению балканских стран отводилось важное место в гитлеровских планах экономической и политической организации мира под руководством Германии. 8 марта 1939 г. Гитлер, выступая на совещании военно-экономических и партийных руководителей, подтвердил претензии Германии на включение Балкан и Дунайского бассейна в германское «жизненное пространство»². «Центр тяжести расширения нашего влияния должен находиться в Юго-Восточной Европе», — заявил генеральный уполномоченный по особым вопросам К. Краух на Генеральном совете, посвященном утверждению гитлеровского «четырёхлетнего плана»³.

С весны 1939 г. усилия Берлина были направлены на то, чтобы прервать политические и экономические связи стран Юго-Восточной Европы с Англией и Францией, превратить их в аграрно-сырьевые придатки гитлеровской Германии. После оккупации Чехословакии Германия усилила нажим на Венгрию, Болгарию и Югославию с целью добиться их присоединения к Антикоминтерновскому пакту.

¹ Чемпалов И. Н. Политика великих держав в Юго-Восточной Европе накануне Второй мировой войны (1933–1939 гг.) : дис. ... докт. ист. наук. Пермь, 1973. С. 317.

² СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны. М., 1971. Док. 145. С. 225. Записка о речи Гитлера 8 марта 1939 г.

³ Анатомия войны : Новые документы о роли германского монополистического капитала в подготовке и ведении второй мировой войны. М., 1971. Док. 93. С. 193.

Новый акт гитлеровской агрессии обострил противоречия Германии практически со всеми государствами, имевшими интересы в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе. У руководства Франции и Великобритании не было уверенности в том, что германская агрессия будет развиваться в восточном направлении. В Лондоне и Париже опасались, что рейх вместо того, чтобы пойти на Восток, двинется против западных держав или вместе с Италией предпримет наступление через Балканы на Ближний Восток, Средиземное море и Северную Африку. Хотя правительства Чемберлена и Даладье продолжали наступать в защиту мюнхенской линии, появившиеся симптомы подготовки Германии к наступлению против западных держав вынудили их изменить тактику. Чтобы сделать Гитлера более сговорчивым, правительства Англии и Франции разработали и поэтапно претворяли в жизнь целый арсенал политических, экономических и военных методов давления на Германию. В него вошли такие меры, как предоставление гарантий малым странам, переговоры с Советским Союзом и другими странами, укрепление Балканской Антанты, экономическая блокада. Англо-французские союзники рассматривали переговоры с Советским Союзом и балканскими странами как «резервное средство» на случай, если не удастся договориться с гитлеровцами, и они окажутся в состоянии войны с Германией. Правительства Чемберлена и Даладье давали понять гитлеровскому руководству, что и в Лондоне, и в Париже рассматривают Балканы в качестве рубежа, прикрывающего доступы к Средиземному морю.

Немаловажное значение западные союзники придавали также попыткам расколоть блок фашистских агрессоров, оторвать Италию от «оси» и таким путем изолировать Германию. Англия и Франция рассчитывали воспользоваться для этой цели обострением итало-германского соперничества на Балканах, последовавшим за оккупацией Чехословакии.

В этот период недовольство политикой фашистской «оси» охватило итальянские правящие круги. Министр торговли и финансов Ф. Гуарнери выражал тревогу по поводу того, что активизация

германского экономического и политического проникновения на Балканы ставит под вопрос итальянские позиции в этом районе¹.

Фашистский официоз *Il Giornale d'Italia* писал в день оккупации Чехословакии: «Опять эта политика проводится в пользу только одного партнера по оси. Германское влияние резко усилилось в районе, где оно сталкивается с итальянскими интересами»².

В донесениях итальянских дипломатов из разных уголков мира сообщалось об озабоченности правящих кругов многих стран в связи германской агрессией. Особенно обращалось внимание на то, что впервые нацистская Германия захватила территории, на которых не проживало немецкое население. Таким образом, отмечалось, что Германия приступила к реализации своего плана создания «жизненного пространства», ближайшие цели которого не поддавались прогнозированию. Тем более, что речь шла о нарушении обязательств, которые Гитлер персонально взял на себя в связи с Мюнхенским соглашением и Венским арбитражем.

Наиболее содержательные донесения поступали из Берлина от посла Аттолико и военного атташе генерала Марраса. Генерал обстоятельно изложил ход германской военной операции против Чехословакии и формы организации германского протектората над Богемией и Моравией. Таким образом, Германия создала блок, насчитывавший 85 млн жителей, который доминировал в Срединной и Юго-Восточной Европе и полностью поглощал чешскую военную промышленность. Военный атташе констатировал:

Никаких препятствий более не существует для развития германской экспансии на восток и юго-восток. Претензии к Польше выйдут теперь на первый план, усиливаются планы оккупации Украины, выхода к Черному морю, перехвата продовольственных и нефтяных ресурсов Румынии³.

В военных и политических германских кругах распространилось мнение о том, что континентальная гегемония в Срединной

¹ *Catalano F. L'Economia italiana di guerra. Milano, 1969. P. 33.*

² *Il Giornale d'Italia. 1939. Marco. 16.*

³ *DDI. V. XI. Doc. 324. P. 389.*

Европе, Дунайском бассейне и на Балканах может с успехом заметить германские колониальные притязания. Через дружественную Венгрию Германии проще оказывать влияние на Карпатскую Украину и реализовать планы отчуждения польской Украины. Отныне Германия становится центральной осью Европы, к чьей организации и мощному военному аппарату друзья и враги должны относиться с вниманием¹.

При молчаливой поддержке Германии Венгрия предъявила свои претензии на Восточную Словакию, где дело дошло до вооруженных столкновений со словацкими войсками². Установление общей польско-венгерской границы рассматривалось в Берлине как одно из средств давления на Польшу.

По мнению Дж. Андре, полная германская оккупация Чехословакии в марте 1939 г. стала абсолютной неожиданностью для итальянского руководства. После речи Гитлера, произнесенной 30 января 1939 г. в рейхстаге, итальянский посол в Берлине Аттолико направлял убаюкивающие донесения в Рим, которые не предвещали резкого поворота в немецко-чехословацких отношениях. И только в ночь с 13 на 14 марта 1939 г. после беседы с министром иностранных дел Риббентропом посол Аттолико сообщил, что Берлин решил поддержать независимость Словакии и дать свободу действий венграм в направлении Прикарпатской Руссии. В отношении будущей судьбы Богемии не было сказано ничего определенного. Таким образом, сделал вывод Дж. Андре, германское руководство в очередной раз избегало каких-либо консультаций относительно своих экспансионистских планов, давая ясно понять итальянцам, что рассматривает Чехословакию как часть своей собственной зоны влияния в Европе³.

С этой точкой зрения итальянского историка трудно согласиться. Сценарии германской агрессии против Чехословакии обсуждались уже в начале января. 10 марта бывший глава словацкой автономии Й. Тисо обратился в Берлин с письмом, в котором

¹ Ibid. Doc. 324. P. 387–391.

² Ibid. Doc. 396. P. 484–485.

³ Ibid. Doc. 27. P. 48–49; P. XI.

выражалась просьба установить германский протекторат над Словакией. Итальянский посланник в Праге Ф. Франсони докладывал о возникновении политического кризиса в Чехословакии, вызванного отставкой словацкого кабинета, ряд членов которого выступали за независимость Словакии. Посланник также информировал, что в Праге ждут германской реакции, и если Берлин поддержит независимость Словакии, то в Праге не найдут возможности противодействовать этому¹.

После встречи с Риббентропом 11 марта Аттолико докладывал в Рим, что в Берлине надеются, что пражское руководство держит ситуацию под контролем. Тем не менее, посол констатировал: «Берлин, таким образом, ждет у окна»². Уже на следующий день посол сообщал о военных приготовлениях в Германии против Чехословакии³. Итальянский посланник Винчи докладывал из Будапешта об имеющейся в германской миссии информации, что чехословацкое государство находится на пути распада⁴.

Германские войска еще не успели войти в Прагу, как в сопредельных с Чехословакией государствах активизировались планы по расчленению исчезающего государства. Венгрия демонстрировала желание присоединить Русению и установить общую границу с Польшей⁵.

Относительно германских намерений в Чехословакии посол Аттолико получил информацию лично от Риббентропа вечером 13 марта в 21 час⁶. На следующий день он был принят государственным секретарем Вейцзекером, по итогам беседы с которым синтезировал ближайшие германские планы: передать Венгрии Русению, чтобы помочь ей укрепить отношения с Польшей; создать словацкое государство под германским протекторатом; взять под контроль безопасность этнических немцев на территории бывшего

¹ DDI. V. XI. Doc. 268. P. 325.

² Ibid. Doc. 277. P. 339.

³ Ibid. Doc. 282. P. 343–344.

⁴ Ibid. Doc. 286. P. 350.

⁵ Ibid. P. 351–352.

⁶ Ibid. Doc. 340. P. 409.

чехословацкого государства и в приграничных с Германией регионах... Тем, кто будет ссылаться на Мюнхенские соглашения, подчеркнул Вейцзеккер, «ответим, что Мюнхен остался в прошлом, и что Чехословакия первой нарушила Мюнхенские соглашения»¹.

14 марта министр иностранных дел Чиано записал в дневнике, что «ось функционирует в пользу только одной из стран оси». На следующий день он добавил в дневнике: «Необходимо дать ему (итальянскому народу. — В. М.) удовлетворение и компенсацию: Албанию»². В инструкции Чиано, направленной посланнику в Тиране Ф. Якомони, говорилось, что «необходимо создавать предпосылки для направления флота, авиации и высадки войск»³.

В проекте ответа главы фашистского правительства Гитлеру (оригинал самого письма не обнаружен в архивах) Муссолини декларирует полную солидарность с действиями германского партнера против Чехословакии и оценивает событие как триумф держав оси. Большая часть его послания была обращена к обоснованию итальянских притязаний на Албанию и необходимости *параллельных* действий итальянской стороны с целью присоединения Албании и укрепления итальянских позиций в Адриатическом море⁴.

Согласно записи Чиано в дневнике, глава правительства проявлял большую озабоченность в связи с тем, что Хорватия может добиться независимости под германским покровительством⁵. Итальянский консул в Граце сообщал о распространенных в этом регионе слухах относительно неминуемого выхода Германии к портам на Адриатике⁶.

В ответ на оккупацию Чехословакии правительство Муссолини приступило к подготовке захвата Албании. Итальянские руководители надеялись в результате этой акции создать военные базы

¹ DDI. V. XI. Doc. 296. P. 361–362.

² Чиано Г. Дневник фашиста. 1939–1943. М., 2010. С. 62.

³ DDI. V. XI. Doc. 304. P. 367.

⁴ Ibid. Doc. 310. P. 376–377.

⁵ См.: Чиано Г. Указ. соч. С. 64.

⁶ DDI. V. XI. Doc. 322. P. 386.

на Балканах, укрепить стратегическое положение Италии в Юго-Восточной Европе и восстановить нарушенное равновесие сил в фашистской «оси». Таким образом, Италия взяла курс на локальные войны. «Инициатива Рима не была согласована с Берлином, который в тот момент не был расположен к нарушению порядка на Балканах», — вспоминает М. Маджистрати¹. Подтверждение тому находим в письме Гитлера Муссолини, в котором нацистский лидер предлагал Муссолини воздержаться от проведения крупных операций на Балканах².

В конце марта 1939 г. уже не возникало сомнений относительно того, что следующей жертвой германской экспансии может стать Польша. К такому выводу пришел временный поверенный в делах Италии в Берлине Маджистрати на основании своей беседы с Риббентропом³.

Вечером 17 марта министр иностранных дел Чиано принял германского посла Макензена. По инициативе Чиано была обсуждена хорватская ситуация, которая, по мнению итальянской стороны, напоминала чехословацкую ситуацию. Чиано без обиняков заявил, что роль словацкого лидера сепаратистов Тисо вполне может сыграть лидер хорватских сепаратистов Мачек, который точно так же может обратиться в Берлин за поддержкой. Итальянский министр подчеркнул, что «в то время как Италия практически не проявляла интереса к событиям, которые развивались в Чехословакии, она не может занимать такую же позицию в отношении событий, в которые может быть вовлечена Хорватия». Он напомнил послу, что Гитлер всегда заявлял о незаинтересованности Германии в Средиземноморском регионе в общем и в Адриатике в частности. Чиано попросил германского посла передать его точку зрения фюреру⁴.

Нам известно, что в 1939 г. не произошло распада Югославии по чехословацкому сценарию. Однако, если судить по донесениям итальянских дипломатов, практически во всех европейских

¹ *Magistrati M. L'Italia a Berlino : (1937–1939). Milano, 1956. P. 329.*

² См.: *Чиано Г. Дневник фашиста. С. 63.*

³ DDI. V. XI. Doc. 400. P. 492.

⁴ Ibid. Doc. 325. P. 391–392.

столицах в тот период не было сомнения в том, что на очереди находится развал Югославии под германским контролем. Например, итальянский предприниматель В. Фаджиоли по итогам своей встречи с высокопоставленным французским коллегой П. Бодуэном, президентом Индокитайского банка, информирует Чиано о настроениях во французских правящих кругах: «Сегодня в Париже стало известно, что готовится раздел Югославии». Ссылаясь на высокопоставленного информатора, В. Фаджиоли сообщает, что глава правительства Даладье расположен пойти на уступки колониальных территорий Италии и заключить договор с Муссолини¹.

Несколькими днями позже посол во Франции Р. Гуарилья со слов П. Лавалья подтвердил расположенность французского руководства к переговорам с Италией. Лаваль лично вызвался приехать в Рим с посреднической миссией. Чиано жестко пресек эту попытку, заявив, что приезд Лавалья придаст излишнюю публичность переговорам. По его мнению, лучше было продолжить переговоры по официальным дипломатическим каналам через посла Франции в Риме².

19 марта министр иностранных дел Италии передал поручение посланнику в Белграде М. Инделли информировать короля-регента Югославии о позиции Италии, сведенной к трем пунктам: во-первых, Италия намерена продолжать политику тесного сотрудничества с Югославией, направленную на поддержание целостности этой страны; во-вторых, что он дал знать в Берлин, что любое изменение статуса Хорватии затрагивает итальянские интересы; в-третьих, дуче советует королю-регенту как можно быстрее решить хорватский вопрос, чтобы предотвратить сепаратистские действия, которые могут иметь крайне опасные последствия³.

Военный атташе в Берлине Э. Маррас на основе своих информационных источников прогнозировал последующее усиление германского давления на Польшу и даже утверждал, что

¹ DDI. V. XI. Doc. 335. P. 404.

² Ibid. Doc. 342. P. 413–414.

³ Ibid. Doc. 336. P. 405.

Западная (польская) Украина может стать следующей целью Гитлера. Он подчеркивал антипольское значение последних событий, а именно что немецкие войска отныне получили благоприятные возможности для давления на Польшу в вопросах Данцига и коридора и расширили плацдарм для нападения на саму Польшу, временно отложив колониальные притязания¹.

Последовавшее за чехословацкими событиями заключение германско-румынского соглашения ставило экономику Румынии под полный германский контроль, о чем посол Аттолико с тревогой докладывал в Рим². В торговом представительстве Италии в Берлине расценили германско-румынский договор как важный этап в формировании нового германского экономического порядка в Центральной и Юго-Восточной Европе³.

Однако оба дипломата, Аттолико и Маррас, были убеждены в том, что пока Германия не завершила свои планы перевооружения, она не готова к вооруженному конфликту. В подтверждение своих слов Аттолико ссылался на беседу с Гитлером 20 марта, в ходе которой канцлер заявил, что итальянцы должны стремиться к тому, чтобы избежать конфликта с Францией до тех пор, пока не будет завершена подготовка германского военного флота.

Тем не менее, Аттолико, погруженный в тревожную атмосферу в Берлине, рекомендовал категорически не допускать, чтобы Германия свела к нулю Мюнхенские соглашения и результаты Венского арбитража, при заключении которых Италия сыграла «выдающуюся роль». Итальянский посол призывал не допустить, чтобы венгерские притязания на Прикарпатскую Русению были получены исключительно из рук одной Германии. Посол Аттолико констатировал, что в результате германских действий Италия может быть окончательно вытеснена с Балкан. Наконец, он

¹ DDI. V. XI. Doc. 334. P. 402.

² Ibid. Doc. 330. P. 397. См. подробнее о германско-румынском экономическом соглашении: *Чемпалов И. Н.* К истории заключения германско-румынского экономического соглашения 1939 года // Новая и новейшая история. 1959. № 1.

³ DDI. V. XI. Doc. 390. P. 477.

предлагал, прежде чем приступить к дальнейшему продвижению союзнических итало-германских отношений, добиться взаимных обязательств, особенно на Балканах. В противном случае, подчеркивал посол, за Италией «будет оставлена только Средиземноморская вода»¹.

20 марта министр иностранных дел Чиано принял германского посла Макензена, который передал ответ германского руководства на ранее сделанный запрос из Рима. Посол утверждал, что «Германия не имеет никаких собственных притязаний ни в одной зоне Средиземного моря, и фюрер рассматривает его как итальянское море». Он опроверг слухи относительно заинтересованности Германии в хорватских делах и в изменении статус-кво Хорватии. Германия оставляет хорватскую проблему на усмотрение итальянцев².

В тот же день посол Аттолико был принят Гитлером. На встрече присутствовал Риббентроп. Посол тотчас выехал в Рим для личного доклада Муссолини о содержании переговоров. По итогам обсуждения итало-германских отношений Муссолини принял решение продолжить свою линию на сотрудничество с Германией в рамках оси, однако поставил задачу зафиксировать зоны влияния и действий обеих стран и решить в пользу Италии проблему немецкоговорящего населения в Альто Адидже (Южном Тироле)³.

В связи с муссированием хорватской проблемы лидер сепаратистов председатель Хорватской крестьянской партии В. Мачек вступил в контакт с Чиано через своего доверенного человека А. Карнелутти. Карнелутти передал, что только в том случае, если итальянцы не проявят заинтересованность в хорватских делах, Мачек будет вынужден обратиться к Германии. Однако хорваты, утверждал он, предпочитают автономию в югославской конфедерации. В связи с этим они обращаются к Италии с просьбой осуществить нажим на югославское руководство, если понадобится,

¹ DDI. V. XI. Doc. 340. P. 412.

² Ibid. Doc. 351. P. 420.

³ Ibid. Doc. 352. P. 421.

то и военный, чтобы принудить Белград к признанию хорватской автономии. Затем должны быть заключены соглашения о таможенном и валютном союзе, а позже, через два-три года, провозглашение Виктора Эммануила III королем Хорватии. Муссолини распорядился передать через Карнелутти, что Италия высказывается в пользу соглашения между Загребом и Белградом на конфедеративной основе для того, чтобы выиграть время. Если переговоры провалятся, то Италия не останется безучастной и защитит независимость Хорватии с помощью оружия¹.

20 марта германский министр иностранных дел направил своему коллеге личное письмо, в котором заверил итальянскую сторону, что «Германия не будет проводить независимую политику в средиземноморских странах» и что она «не заинтересована в хорватском вопросе». Он сообщил, что примерно месяц назад представители хорватских сепаратистов имели в Берлине неофициальные контакты, но им дали понять, что Берлин не будет проводить самостоятельную от Италии политику в этом вопросе². В ответ Чиано выразил удовлетворение тем, что германская сторона признала, что «во всех средиземноморских вопросах политика оси должна определяться Римом»³.

Комментируя позицию Муссолини, Дж. Андре утверждает, что дипломатические документы не позволяют ответить на все возникающие в связи с этим вопросы. Он предполагает, что в тот момент внимание дуче было сконцентрировано на Хорватии в связи с опасениями ее перехода под германское влияние как логического следствия развития обстановки на Балканах. В итальянской историографии высказывалось мнение, что Муссолини выжидал и не исключал сближения с западными демократиями, чтобы изменить неблагоприятный для Италии баланс сил на Балканах. Вместе с тем глава фашистского правительства был скептически настроен

¹ DDI. V. XI. Doc. 353. P. 422–423.

² Ibid. Doc. 354. P. 424.

³ Ibid. Doc. 389. P. 477.

в отношении того, что в Европе имеются силы, которые могут реально противостоять германской экспансии¹.

Дж. Андре утверждает, что вряд ли на Муссолини произвело серьезное впечатление письмо, направленное ему 20 марта главой британского правительства². На протяжении всего периода чехословацкого кризиса посольство Италии в Лондоне информировало Рим о позиции британской стороны, которая не оставляла сомнения в том, что у правительства Чемберлена отсутствуют какая-либо воля, моральная сила и желание оказать противодействие германской агрессивной политике. Муссолини принял решение ответить на это письмо после албанской операции. Чиано записал в дневнике, что содержание письма Чемберлена «доказывает инертность демократических держав»³. В ответ Муссолини заявил, что «не предпримет каких-либо (миротворческих. — В. М.) инициатив до тех пор, пока права Италии не будут признаны». В качестве таковых он обозначил притязания Италии к Франции и их колониальный характер⁴.

Итальянская сторона оставила без внимания британскую инициативу, согласно которой европейские государства призывались к консультациям в случае возникновения угрозы по отношению к какому-либо из них⁵.

Неудивительно, что в речи от 26 марта, обращенной как к «внутренним», так и к «внешним» слушателям, Муссолини подтвердил свою политическую линию на полную солидарность в рамках фашистской оси:

Географически, исторически, политически и в военном отношении Средиземноморье является жизненным пространством для Италии, и поэтому, когда мы говорим о Средиземноморье, то естественным образом включаем туда залив, который называется Адриатикой,

¹ DDI. V. XI. P. XI.

² Ibid. Doc. 355. P. 425–426.

³ Чиано Г. Дневник фашиста. С. 71.

⁴ DDI. V. XI. Doc. 430. P. 526–527.

⁵ Ibid. P. 479.

где Италия имеет постоянные интересы, не являющиеся нетерпимыми по отношению к славянским народам¹.

Накануне встречи итальянского и германского министров иностранных дел Муссолини составил памятную записку для Чиано с перечнем вопросов, которые было необходимо обсудить. Среди них значились следующие:

- ...а) цели, в пространстве и во времени, германской политики;
- б) экономические позиции Италии в Балканском и Дунайском бассейнах;
- с) итало-французские, итало-югославские, итало-албанские отношения;
- д) вывод немцев из Альто Адидже;
- е) тройственный военный союз;
- ф) итало-германские экономические отношения².

Следуя инструкциям из Рима, итальянский посол Аттолико настаивал, чтобы вопрос об Альто Адидже рассматривался в двусторонних отношениях как «часть общей политики оси». 5 апреля Маджистрати имел беседу с руководителем IV политического отдела МИД Германии, обратив его внимание на то, что ситуация осложнилась после аншлюса, поскольку некоторая часть жителей Альто Адидже стала принимать немецкое гражданство³.

Как и ранее, в поле зрения итальянской дипломатии находилась советская внешняя политика. Комментируя речь Сталина, произнесенную 10 марта на XVIII съезде ВКП(б), итальянский посол обратил внимание на ее умеренный тон в отношении тоталитарных государств и на нескрываемое раздражение в отношении западных демократий, которые стремятся спровоцировать войну в восточном направлении⁴.

События в Чехословакии подтвердили сложившееся в советском руководстве мнение, что Германия сделала очередной шаг

¹ DDI. V. XI. P. 491.

² Ibid. Doc. 415. P. 510–511.

³ Ibid. P. 438.

⁴ Ibid. Doc. 285. P. 347–349.

в направлении *Drang nach Osten*. На это указал зам. наркома иностранных дел В. Потёмкин во время встречи с итальянским послом в Москве. Потёмкин намекнул, что следующим направлением германской экспансии станет балканско-дунайская Европа, что неизбежно приведет к столкновению с итальянской политикой. И далее посол приводит дословно слова Потёмкина:

Я убежден, что не так далеко то время, когда ваш великий руководитель признает, что между Италией и СССР существует общность политических интересов, и я не вижу, почему различие политических режимов должно препятствовать этому сотрудничеству, которое я начинал в то время, когда имел честь представлять мое правительство в Риме¹.

Телеграмма была прочитана лично Муссолини. Чиано ответил послу в Москве, что «возможности такого рода нами никогда не исключались»².

Советская нота протеста в связи с расчленением Чехословакии была воспринята в Берлине и Риме как достаточно умеренная, хотя в ней советское правительство недвусмысленно дало понять, что имело место прямое нарушение международного права. Посол Германии в Москве заметил, что советская нота «не требует обязательного контрответа»³.

20 марта посол Аттолико сообщил, что после расчленения Чехословакии в Германии усилились позиции сторонников сотрудничества с СССР⁴. Тем не менее, в корреспонденции из Москвы не было зафиксировано никаких изменений советской позиции в отношении критического восприятия германской экспансии.

Напротив, 25 марта посол в Москве Россо сообщил о достигнутом соглашении между СССР, Великобританией и Францией относительно оглашения совместной декларации. Посол

¹ DDI. V. XI. Doc. 326. P. 392.

² Ibid. Doc. 338. P. 407.

³ Ibid. Doc. 337. P. 406.

⁴ Ibid. Doc. 347. P. 417.

отметил незаинтересованность СССР в декларациях исключительно демонстративного характера против тоталитарных государств. «Единственное, что может интересовать СССР, это формирование широкой коалиции с участием его основных приграничных государств (Польши, Румынии и Турции)». Из бесед с Литвиновым и Потёмкиным у итальянского посла сложилось впечатление о наличии у них большой подозрительности в отношении Лондона и Парижа. Сегодня, отметил он, советское руководство заинтересовано в сохранении свободы выбора и ставит своих западных партнеров перед дилеммой: возврат к принципам коллективной безопасности с очень точными и безоговорочными обязательствами взаимной помощи между всеми заинтересованными государствами, или СССР сохраняет собственную независимость в принятии решений и действий¹.

С 23 по 27 марта 1939 г. в Москве находилась британская торговая делегация во главе с парламентским секретарем по внешней торговле Хадсоном. Посол в Москве Россо отметил, что, по его мнению, результативность визита можно рассматривать недостаточной, если не провалившейся².

4.2. Балканский кризис и итальянская оккупация Албании

Если исходить из публикации итальянских дипломатических документов, то впервые «албанская проблема» была поставлена министром иностранных дел Чиано в середине января 1939 г. в связи с его поездкой в Югославию. Итальянское руководство придавало большое значение развитию дружественных отношений с правительством М. Стоядиновича. В ходе переговоров с главой югославского правительства Чиано предложил план раздела Албании и поддержку югославских притязаний на Салоники в рамках тесного сотрудничества между двумя странами. Предложения

¹ DDI. V. XI. Doc. 392. P. 479–481.

² Ibid. Doc. 585. P. 679.

итальянской стороны нашли положительный отклик в Белграде, и Стоядинович настоял на продолжении обсуждения за рамками обычных дипломатических каналов¹.

Отставка Стоядиновича 4 февраля привела к изменениям в итальянской политике в отношении Белграда, и идея согласованных действий с Белградом была отложена. В Риме существовало опасение, что Югославия может дистанцироваться от стран фашистской оси. На этот случай Генеральный штаб подготовил проект «С» вторжения двумя вооруженными группировками в Хорватию и захвата Загреба с последующим расчленением Югославии. Командующий Паданской группировкой генерал Э. Бастико поручил задание заняться логистической подготовкой наступательных операций. Важно отметить, что предстоящий союз с Германией не отменил работы по укреплению северных границ с ней, начатые ранее². Захват Албании был запланирован после заключения союза с Германией³.

После отставки Стоядиновича дипломаты интенсифицировали контакты с сепаратистским хорватским движением В. Мачека. Во время встречи с Генеральным консулом Италии в Загребе Мачек продвигал идею перегруппировки сил на Балканах и в Восточной Европе и прогнозировал создание проитальянского союза между Польшей, Венгрией и независимой Хорватией⁴.

Вместе с тем, итальянская дипломатия оценила как провал состоявшееся в Бухаресте 20–22 февраля заседание Совета Балканской Антанты. Например, посланник в Афинах Р. Боскарелли докладывал Чиано, что участникам не удалось консолидировать их позиции и договориться о противодействии агрессии в этом регионе⁵.

¹ DDI. V. XI. P. 126–130.

² *Minniti F.* Fino alla Guerra : Strategie e conflitto nella politica di potenza di Mussolini. 1923–1940. Napoli, 2000. P. 184.

³ *De Felice R.* Mussolini il duce. Torino, 1981. P. 582.

⁴ DDI. V. XI. Doc. 256. P. 308–309.

⁵ Ibid. Doc. 250. P. 296–299.

Кроме того, в Риме возросла озабоченность в связи с усилившимся германским экономическим проникновением в Албанию¹. 9 февраля посол Аттолико информировал Чиано о своей беседе с статс-секретарем МИД Германии Э. Вейцзекером, который сообщил о финансировании с германской стороны разработки нефтяных ресурсов в Албании². В ответ на итальянские заявления о том, что Албания является «внутренним делом Италии», германское руководство настойчиво стремилось убедить итальянцев в отсутствии у них особых интересов в отношении этой страны.

Итальянский посланник в Тиране Якомони сообщал о слабости режима короля Зогу и о настроениях албанского населения, которое с нетерпением ждет прихода итальянцев. Король Зогу в беседе с итальянским посланником высказывал намерения в случае распада Югославии присоединить Косово к Албании. В любом случае он не возражал против присутствия итальянских войск в Албании и предлагал услуги албанской стороны, чтобы спровоцировать беспорядки в Косово, Боснии, Черногории, Македонии³. Все это подкрепляло в Риме впечатление о возможности быстротечной итальянской военной операции в Албании. Наряду с этим посланник Якомони предупреждал, что благоприятная для итальянцев ситуация не может продолжаться долго.

Глава фашистского правительства Муссолини считал, что любые действия против Албании могут быть начаты после окончания войны в Испании и заключения союзного договора с Германией. Эту позицию он еще раз подтвердил в начале марта. Изменения в итальянских планах произошли тотчас после германской оккупации Чехословакии 16 марта 1939 г. Во-первых, итальянское руководство намеревалось доказать внутри страны и вовне, что фашистская ось не функционирует исключительно в интересах одной Германии; во-вторых, оккупация Чехословакии спровоцировала опасения среди итальянцев быть вовлеченными

¹ 6 февраля 1939 г. Г. Чиано записал в своем дневнике: «Начало действий — первая пасхальная неделя». См.: *Г. Чиано. Дневник фашиста*. С. 39.

² DDI. V. XI. Doc. 168. P. 210.

³ Ibid. Doc. 364. P. 437.

в мировой конфликт и усилила озабоченность в связи с германской экспансией в Дунайско-Балканский регион с выходом в Адриатику.

В Риме начали рассматривать последствия возможного распада югославского государства. При этом исходили из последствий присоединения Косово к Албании, создания независимого хорватского государства. В перспективе подчинения Хорватии итальянскому влиянию были активизированы контакты с хорватским сепаратистским движением Мачека. Наряду с этим в Риме отдавали отчет в том, что из кризиса югославского государства наибольшие дивиденды может извлечь Германия.

Таким образом, установление полного итальянского контроля над Албанией должно было, по расчетам фашистского руководства, гарантировать преимущественные позиции Италии на Балканах. С военной точки зрения это было важно сделать для установления контроля над входом в Адриатическое море, а в случае войны с Югославией — для открытия против нее второго фронта на юге. С политической точки зрения — для оказания давления на Югославию, чтобы воспрепятствовать ее сближению с западными демократиями и приведению в действие обязательств участников Балканской Антанты.

На принятие решения относительно Албании повлияла недооценка итальянским руководством возможной реакции британской стороны. На основании переговоров с британским послом в Риме Пертом у Чиано сложилось впечатление о том, что Лондон относится с пониманием к усилению итальянских позиций в Албании. К такому выводу подводил анализ британской прессы. В ответ на запрос итальянского посланника в Тиране относительно возможной реакции британской стороны на итальянские действия в Албании министр иностранных дел направил подборку материалов британской прессы, из которой следовало, что в Великобритании с пониманием относятся к установлению итальянского протектората над Албанией.

23 марта Муссолини принимает окончательное решение о вторжении в Албанию и одновременно о мерах, которые не привели бы к дестабилизации положения в Югославии¹.

В сборнике итальянских дипломатических документов опубликованы четыре проекта организации новых отношений между Италией и Албанией. Проект «А» состоял из трех коротких статей, которые предусматривали «объединение территории, народа и судьбы (албанцев. — *В. М.*) с Италией». Король Зогу и его наследники объявлялись правителями Албании в качестве наместников итальянского короля². В проекте «В» были детально прописаны механизмы осуществления протектората Италии над Албанией. К примеру, предусматривалось создание Албанской фашистской партии по модели итальянской и ее подчинение последней, устанавливался таможенный и валютный союз³. Проект «С» являлся более мягким. Он предусматривал «тесные союзнические отношения» между двумя странами, и Италия брала на себя обязательства по «защите целостности, независимости и суверенитета Албании»⁴. Проект «D» был одобрен Муссолини 1 апреля, и его задачей являлось «спасти лицо албанского короля». В нем были прописаны «скорее формальные, чем сущностные статьи». В проекте декларировалось намерение обеих сторон «устанавливать естественные отношения между двумя государствами» с целью защиты их взаимной безопасности. Италия выступала в качестве гаранта безопасности Албании против внешней угрозы. Для реализации этого плана Албания брала на себя обязательства предоставить Италии в пользование морские порты, аэродромы и другие средства коммуникаций. Для лучшего функционирования механизма сотрудничества предполагалось ввести в каждое албанское

¹ *Minniti F.* Fino alla Guerra. P. 185.

² DDI. V. XI. Doc. 383. P. 464. Проект «А» от 23 марта 1939 г., отредактированный Муссолини.

³ *Ibid.* P. 464–465. Проект «В» от 23 марта 1939 г., отредактированный Чиано и Генеральным директором по общим делам Витетти, одобренный Муссолини и направленный в Албанию 25 марта.

⁴ *Ibid.* P. 466–467. Проект «С» от 31 марта 1939 г., подготовленный посланником в Албании Якомони по распоряжению министра иностранных дел.

министерство итальянца в ранге генерального секретаря. Были установлены механизмы фашизации албанского государства и общества¹. Собственно, проект «D» был положен в основу обсуждений с албанским руководством².

24 марта министр иностранных дел Чиано информировал посланника в Албании Якомони о решении Муссолини осуществить «полный пересмотр существующих отношений между нами и Албанией», установив «новый порядок» в форме протектората³. Практически до 1 апреля Муссолини рассчитывал решить вопрос с Албанией по «чехословацкому варианту», побудив короля Зогу согласиться на установление протектората⁴.

1 апреля Муссолини принял посланника в Тиране Якомони и поручил ему передать королю Зогу, что начиная с этого момента обе страны должны усилить союзнические отношения с целью объединения судьбы двух государств и народов, чтобы «гарантировать мирный прогресс албанского народа»⁵. На следующий день Якомони вернулся в Тирану.

В первые дни апреля внимание итальянской дипломатии было привлечено к подготовке мирового общественного мнения и официальных кругов к аннексии Албании. Рано утром 4 апреля Чиано направил инструктивное письмо послам в европейских столицах, в котором излагал итальянскую версию интервенции против Албании. Ее суть сводилась к тому, что в ответ на итальянское предложение о заключении нового союзного договора король Албании начал мобилизацию своих вооруженных сил. Действия албанских властей создали угрозу проживающему в Албании итальянскому населению. В ожидании развития событий Италия развернула свои войска в области Пульы⁶.

¹ DDI. V. XI. Doc. 383. P. 468–470. Проект «D» был одобрен Муссолини 1 апреля 1939 г.

² Ibid. Doc. 474. P. 567.

³ Ibid. Doc. 387. P. 473.

⁴ *De Felice R. Mussolini il duce*. P. 606–607.

⁵ DDI. V. XI. Doc. 440. P. 537.

⁶ Ibid. Doc. 449. P. 548–549.

Поздним вечером того же дня Чиано направил дополнительные инструкции послам в Лондоне и Париже, в которых предлагал в беседе с руководителями этих западных стран настаивать на антигерманском значении оккупации Албании. «Итальянские действия имеют целью воспрепятствовать дальнейшей германской экспансии на Балканы». «Имело бы смысл, — продолжал Чиано, — инициировать эти гипотезы в некоторых местных газетах»¹.

5 апреля германский министр иностранных дел Риббентроп сообщил через посла Аттолико о германской поддержке действий Италии в Албании².

Поздно вечером 5 апреля Муссолини направил инструкцию посланнику в Тиране, чтобы тот сообщил албанскому руководству, что Муссолини ждет положительного или отрицательного ответа от албанского руководства до 12 часов 6 апреля³. Король Зогу обратился к Муссолини с просьбой продлить ему время для принятия решения до 18 часов того же дня⁴. В 17.40 министр иностранных дел информировал посланника в Тиране, что высадка итальянских войск начнется 7 апреля в 4.30 утра⁵. В 20.20 Якомони направил в Рим ответ короля Зогу, в котором было отмечено, что албанское руководство предлагает подписать военную конвенцию, в которой оговаривались бы условия высадки итальянских войск. В противном случае высадка итальянских войск будет рассматриваться как акт военных действий⁶. Поступившее в 3 часа утра 7 апреля письмо короля Зогу на имя главы фашистского правительства с предложением о заключении военной конвенции уже не могло остановить итальянскую военную машину⁷. Муссолини ответил королю Зогу, что тот может направить своих представителей в Дураццо для переговоров с командующим экспедиционным корпусом генералом

¹ Ibid. Doc. 455. P. 552.

² Ibid. Doc. 463. P. 559.

³ Ibid. Doc. 466. P. 561.

⁴ Ibid. Doc. 476. P. 570.

⁵ Ibid. Doc. 478. P. 570.

⁶ Ibid. Doc. 479. P. 570–571.

⁷ Ibid. Doc. 491. P. 585.

Гудзони. Одновременно Муссолини отдал распоряжение генералу Гудзони принять албанских представителей для переговоров, не прекращая военной операции против Албании. «Предложения короля Зогу являются неприемлемыми. Не теряйте время и выдвигайтесь к столице и другим целям, которые были определены вам через Валле»¹.

Итальянские действия против Албании проходили в крайне неблагоприятной для Рима международной обстановке. Только что нацистская Германия расчленила Чехословакию, в Испании победу одержали франкисты. 8 апреля Испания присоединилась к Антикоминтерновскому пакту, что привело к изменению военно-политического баланса сил в Средиземноморье. Попытки Чиано представить в Лондоне и Париже албанскую акцию как противодействие германскому продвижению на Балканы, что частично было справедливым, не произвели большого успеха. Напротив, как доносили итальянские дипломаты, распространялось убеждение, что действия Рима продиктованы логикой достижения «жизненного пространства», развиваются согласованно с Берлином и имеют конечной целью установление контроля над Балканами со стороны держав оси. 10 апреля генерал Париани отдал распоряжение ввести в работу стратегические планы военных действий против Греции и Югославии. Албанский военный участок был передан для планирования военных операций Второму отделу, в чьем ведении находилось планирование военных действий в Средиземноморье². В июне 1939 г. маршал Бадольо докладывал Муссолини, что с захватом Албании «была закрыта дверь в Адриатику и открыта дверь для высадки на Балканах, в направлении Салоники — Константинополь, в направлении Афин, наконец, в направлении побережья Далмации и в сердце Югославии». «Из Албании представлялось возможным зажать в клещи Югославию, угрожать Греции, наложить руку на Болгарию, оказывать поддержку итальянским островам в Эгейском море против англо-франко-греко-турецкого

¹ Генерал Валле, зам. министра и начальник штаба военно-воздушных сил. См.: DDI. V. XI. Doc. 493. P. 586; Doc. 494. P. 587.

² *Minniti F. Fino alla Guerra.* P. 187.

наступления; особую ценность эта территория представляет для авиации, поскольку позволяет выдвинуть на 250 км свои базы против вероятного противника»¹.

Одновременно итальянское командование возобновило военное планирование в Северо-Восточной Африке². В связи с этим негативная британская реакция оказалась намного сильнее, чем предполагали в Риме. 4 апреля агентство *Reiter* распространило информацию о реакции британских официальных кругов, в которой говорилось, что итальянские действия против Албании станут нарушением англо-итальянского договора 1938 г., обеспечивавшего статус-кво в бассейне Средиземного моря³.

Британское руководство признавало наличие особых итальянских интересов в Албании, однако напоминало, что нарушение суверенитета этой страны вступало в противоречие с англо-итальянским «пасхальным» договором 1938 г.⁴ По существу, это означало провал всей политики Чемберлена в отношении Италии. 8 апреля временный поверенный в делах в Лондоне Г. Кролла вновь был принят британским министром иностранных дел, который заявил о возможности расторжения англо-итальянского соглашения 1938 г. и о предоставлении гарантий Греции и другим потенциальным жертвам агрессии⁵. 10 и 11 апреля внешнеполитический комитет английского правительства обсуждал ситуацию, сложившуюся в Юго-Восточной Европе и в районе Средиземного моря в результате итальянской агрессии против Албании. Были рассмотрены меры по обеспечению британских интересов на подступах к Ближнему Востоку. Итогом стало предложение о предоставлении гарантий безопасности Греции и Румынии, что и произошло 13 апреля. Одновременно было решено подготовить декларацию о взаимопомощи с Турцией⁶.

¹ Diario storico del Comando Supremo. Т. 1. V. 2. P. 39.

² *Minniti F.* Fino alla Guerra. P. 190.

³ DDI. V. XI. Doc. 465. P. 560.

⁴ Ibid. Doc. 496. P. 588.

⁵ Ibid. Doc. 503. P. 596–598.

⁶ См. об этом: *Фёдоров К. В.* Политика СССР в Восточной и Юго-Восточной Европе после возникновения предвоенного политического кризиса. С. 60.

Тем не менее, в течение нескольких дней между Лондоном и Римом шел оживленный обмен мнениями. На наш взгляд, Дж. Андре преувеличивает остроту реакции Лондона на аннексию Албании. Он утверждает, что реакция на вторжение в Албанию была резкой, и ее не смягчило сообщение из Рима о выводе своих войск из Испании. Предложение было направлено по «секретному каналу» через адвоката Дингли и Дж. Болла¹, и вскоре на него был получен сухой ответ, который нельзя было интерпретировать иначе, чем как знак падения доверия к фашистскому руководству. Попытки итальянцев связать немедленный вывод войск из Испании с признанием союза корон Италии и Албании были отвергнуты британской стороной. Незамедлительно последовал ответ из Лондона: 13 апреля Великобритания предоставила гарантии Греции. За день до этого Италия декларировала соблюдение греческой целостности, однако этого оказалось недостаточно для Лондона. По мнению Дж. Андре, итальянская интервенция в Албании привела к решительному повороту в отношениях между Лондоном и Римом².

9 апреля Чиано дал распоряжение временному поверенному в Лондоне Кролла сообщить Галифаксу о том, что итальянское руководство предоставило Греции гарантии не предпринимать против нее враждебных действий и о предстоящем выводе итальянского военного контингента из Испании³.

Если судить по итогам очередной встречи 9 апреля временного поверенного в Лондоне Кролла с министром иностранных дел Галифаксом, то последний больше не упоминал о разрыве «пасхального соглашения». Напротив, в завершение встречи Галифакс просил передать Муссолини, что он лично и глава правительства придают важное значение соглашению. «Дайте знать дуче, что Чемберлен и я испытываем к нему максимальное доверие

¹ DDI. V. XI. P. 621.

² Ibid. P. XV.

³ Ibid. Doc. 513. P. 604.

и желаем продолжать сотрудничать лично с ним в интересах европейского мира»¹.

Британское правительство выразило формальную озабоченность в связи с итальянской оккупацией Албании. Однако, судя по итогам встречи Кролла и Галифакса, британская сторона была вполне удовлетворена итальянским ответом. Единственное, что беспокоило Чемберлена и Галифакса в тот момент, это набиравшая в стране силу оппозиция политике Чемберлена. Подводя итоги обсуждению албанского вопроса на заседании кабинета 10 апреля, Галифакс отметил, что «мы не можем не принимать в расчет реакцию нашего общественного мнения»². В преддверии дискуссии в парламенте по албанскому вопросу Галифакс обратился к Муссолини с просьбой подсказать, какие еще аргументы мог бы использовать премьер-министр для успокоения политической оппозиции и общественного мнения³.

В преддверии заседания палаты общин британский премьер-министр информировал Рим о своем предстоящем выступлении, в котором «как можно в наименее вызывающей форме» выразил недовольство действиями итальянского правительства, которое «бросило тень на искренность его намерений в соблюдении своих обязательств» согласно «пасхальному» соглашению⁴. 13 апреля Чемберлен заявил в палате общин о предоставлении гарантий поддержания суверенитета и территориальной целостности Румынии и Греции. За этим последовало аналогичное заявление французского правительства. Британское Адмиралтейство распорядилось о передислокации своего флота из вод Мальты в Александрию⁵.

21 апреля британский посол Великобритании лорд Перт в связи с завершением своей миссии в Риме был принят Муссолини и вручил ему ноту британского правительства. В ней отмечалось, что британское правительство намеревается «оказывать

¹ Ibid. Doc. 508. P. 601–602.

² DDI. V. XI. Doc. 523. P. 613.

³ Ibid. Doc. 518. P. 608.

⁴ DDI. № 539. P. 627–628.

⁵ См.: *Minniti F. Fino alla Guerra*. P. 188.

сопротивление агрессии в определенных специфических случаях, что не означает, что оно имеет какое-либо желание осуществлять окружение или угрозу Италии или Германии»¹. Британское правительство обратилось с просьбой, чтобы при вручении верительных грамот новым послом Перси Лорейном не упоминался новый дополнительный титул Виктора Эммануила в качестве короля Албании. Эта просьба была удовлетворена итальянской стороной².

На политическом и дипломатическом уровнях итальянское руководство стремилось смягчить последствия оккупации Албании. Оно заверило страны Средиземноморского региона и Великобританию о том, что Италия не имеет планов дальнейшей экспансии в этом регионе. Рим пытался оказывать давление на процесс переговоров между руководителем хорватских сепаратистов Мачеком и главой югославского правительства Цветковичем³. В перспективе создания независимого хорватского государства между центральным правительством и Мачеком возникли серьезные разногласия по территориальным вопросам. Основными предметами спора стали западная Босния вплоть до рек Босна и Нарента, Рагуза, Каттаро, часть Герцеговины и Сирмио. Глава правительства Цветкович заявил, что он не может без плебисцита решить проблему сербских меньшинств в этих районах⁴.

С 18 по 20 апреля в Риме проходили переговоры с венгерской правительственной делегацией в составе премьер-министра П. Телеки и министра иностранных дел И. Чаки. После оккупации Чехословакии усилилось давление Германии на Венгрию⁵. В этой ситуации правительство Венгрии стремилось заручиться поддержкой Италии. В Риме Телеки и Чаки выразили опасения по поводу того, что «Венгрия может косвенно или непосредственно пострадать от динамической силы Германии». Муссолини

¹ DDI. V. XI. Doc. 585. P. 679.

² Ibid. Doc. 586. P. 679–680.

³ Ibid. Doc. 586. P. 679–680; Doc. 638. P. 737–738.

⁴ Ibid. Doc. 667. P. 774–777.

⁵ Венгрия и Вторая мировая война : Секретные документы из истории и кануна Второй мировой войны. М., 1962. С. 163.

обещал оказать венграм поддержку и рекомендовал добиваться соглашения с Югославией. Чиано обещал обсудить этот вопрос в ходе предстоящих переговоров с югославской делегацией. Отношениям с Венгрией в Риме придавали особое значение для укрепления итальянских позиций на Балканах. Обе стороны были связаны Римскими протоколами. Несмотря на выпадение из Римского блока Австрии, Италия и Венгрия неоднократно заявляли, что «дух Римских протоколов остается в силе»¹. В Риме даже рассматривалась возможность заключения династической унии с Венгрией путем передачи короны Святого Стефана представителю Савойского дома².

22 апреля в Венеции итальянский министр Чиано принял югославского коллегу Цинцар-Марковича. Югославский министр приветствовал решение Италии не направлять значительного количества войск в Албанию к северу от линии Дураццо — Тирана. Цинцар-Маркович сообщил, что югославское правительство не примет гарантии западных держав и будет развивать отношения с «осью», ориентируясь главным образом на Рим. Он выразил недовольство политикой Румынии и высказался за постепенное улучшение отношений с Венгрией³.

Перед поездкой в Венецию Цинцар-Маркович высказывал предположение, что итальянцы предложат югославам присоединиться к балканскому блоку в составе Албании, Венгрии и Болгарии⁴. Встреча в Венеции и переговоры с венгерской делегацией показали, что итальянское правительство не собиралось уступать германскому союзнику свои позиции в Юго-Восточной Европе. Взамен согласия на военное сотрудничество с Германией фашистские руководители добивались от Берлина признания

¹ См. об этом: *Шихов В. И.* Итало-германское соперничество в странах Дунайского бассейна летом 1938 г. // Уч. зап. Урал. гос ун-та. № 74. Свердловск, 1968. С. 40 ; Венгрия и Вторая мировая война. С. 183.

² См.: *Pacor M.* L'Italia e Balcani dal Risorgimento alla Resistenza. Milano, 1968. P. 139.

³ *Ciano G.* L'Italia di fronte al conflitto. Milano, 1939. P. 144–145.

⁴ DBFP. V. 5. P. 348.

итальянских интересов в Юго-Восточной Европе. В апреле итальянский генеральный штаб разрабатывал планы агрессии на Балканах, которые предполагалось осуществить при первом удобном случае.

27 апреля венгерский министр иностранных дел обратился к итальянскому правительству с просьбой оказать поддержку Венгрии в случае возникновения конфликта с Германией из-за отказа пропустить германские войска в Польшу через венгерскую территорию¹. Муссолини обещал оказать поддержку венграм, но посоветовал «ладить с осью». Затем глава фашистского правительства рассмотрел возможные варианты развития международной обстановки в случае германо-польского конфликта и изложил венграм свое мнение относительно позиции двух стран в этой ситуации.

1. Если война ограничится конфликтом между Германией и Польшей, то пожелание о проходе германских войск должно быть отклонено... нейтралитет как со стороны Италии, так и Венгрии.

2. Если война не будет локализована, то тогда Италия всеми силами поддержит Германию, такой же политики должна придерживаться и Венгрия. Таким образом, пожелание немцев следует удовлетворить².

В случае всеобщей войны, продолжал Муссолини, страны «оси» будут находиться главным образом в обороне по отношению к западным державам. Военные действия должны вестись в основном в Юго-Восточной Европе. На Балканах фашистские государства должны опираться на Болгарию и, в зависимости от обстановки, начать из Албании наступление на Грецию³. Такова была суть итальянского плана «параллельной войны». В соответствии с ним Муссолини начал готовиться к агрессии против балканских стран. В Албании итальянцы планировали расширять сеть стратегических дорог. Чиано согласовал с хорватскими сепаратистами

¹ Венгрия и Вторая мировая война. Док. 95. С.172, 173.

² Там же. Док. 95. С. 172.

³ Венгрия и Вторая мировая война. Док. 96. С. 173–175.

план расчленения Югославии¹. В то же время правительство Муссолини не отказывалось от возможности подчинения балканских стран мирным путем.

Итальянская агрессия на Балканах спровоцировала отказ Турции от многолетнего нейтралитета и вызвала подписание 12 мая англо-турецкой декларации о взаимной помощи. В промежутке между этими событиями было заключено германско-румынское экономическое соглашение, фактически поставившее румынскую экономику под германский контроль. В Лондоне приходили к выводу, что действия против Албании являются первой фазой более широкого плана экспансии стран оси с целью установления их полного господства на Балканах. Донесения итальянских дипломатов из Афин и Анкары подтверждали растущую озабоченность в этих странах. Целью британского руководства стало закрыть итальянское, а, возможно, и совместное итало-германское продвижение в направлении Восточного Средиземноморья.

Итальянская дипломатия вела работу в направлении создания балканского блока под эгидой Италии. С 10 по 14 мая в Италии находился принц-регент Югославии Павел. В рамках визита состоялись переговоры Чиано с главой югославского правительства Цинцар-Марковичем, в ходе которых Италия поддерживала идею блока в составе Румынии, Болгарии и Югославии, направленного против Турции. Чтобы добиться желаемого, отметил Чиано, «необходимо добиться соглашения между венграми и румынами»². Одновременно Рим продолжал поддерживать сепаратистские амбиции лидера хорватской крестьянской партии Мачека³. Однако осуществление итальянских планов весной 1939 г. было затруднено, поскольку страны Юго-Восточной Европы оказались в этот период под натиском двух противостоящих блоков.

¹ Смирнова Н. Д. Балканская политика фашистской Италии. М., 1969. С. 136, 137.

² DDI. V. XI. P. 814.

³ Ibid. Doc. 706. P. 815–817.

4.3. Агония коллективной безопасности

Впервые в итальянских дипломатических документах идея сближения стран оси с СССР прослеживается во время визита маршала Геринга в Рим с 14 по 17 апреля и его переговоров с Муссолини¹.

Комментируя внешнеполитические тенденции в Берлине, посол Аттолико отметил 18 апреля нарастание польско-германской враждебности. Относительно германской политики в отношении СССР он констатировал: «Исключение Советского Союза»².

18 марта советское правительство предложило созвать совещание представителей СССР, Франции, Англии, Польши, Румынии и Турции³. По замыслу советского руководства, конференция должна была выработать меры, направленные на укрепление региональной безопасности в Восточной и Юго-Восточной Европе. 21 марта советский посол в Турции информировал министра иностранных дел о советской инициативе и получил первоначальную поддержку турецкой стороны⁴.

22 апреля посол в Москве Россо информировал, что советское руководство в переговорах с Лондоном и Парижем стремится добиться распространения взаимных обязательств о военной помощи как на Западе, так и на Востоке⁵.

25 апреля внимание итальянской стороны было привлечено к неожиданной поездке зам. наркома иностранных дел Потёмкина в Турцию⁶. Итальянский посол Россо связывал этот визит со

¹ DDI. V. XI. P. 652.

² Ibid. Doc. 573. P. 662.

³ СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны. С. 246.

⁴ *Фёдоров К. В.* политика СССР в Восточной и Юго-Восточной Европе после возникновения предвоенного политического кризиса (март-июнь 1939) // *Политика великих держав на Балканах и Ближнем Востоке в новейшее время.* Свердловск, 1983. С. 56.

⁵ DDI. V. XI. Doc. 590. P. 683.

⁶ Поездка заместителя наркома иностранных дел В. П. Потёмкина состоялась с 27 апреля по 5 мая 1939 г.

стремлением СССР присоединиться к англо-турецкому договору о взаимной помощи¹.

Два дня спустя Аттолико сообщал, что под нажимом Великобритании и России происходит дрейф Турции в сторону противников держав оси. «Восточная дверь закрывается», — констатировал посол². Слухи о том, что итогом визита Потёмкина в Анкару станет заключение англо-советского договора о взаимопомощи в Средиземноморье, не оправдались, расширения гарантий безопасности на Юго-Восточную Европу не произошло. Англо-турецкий договор о взаимопомощи ограничился обеспечением безопасности двух стран в бассейне Средиземного моря³. Комментируя коммюнике по итогам советско-турецких переговоров, итальянский дипломат пришел к выводу, что «никаких конкретных результатов не было достигнуто между Советами и Анкарой»⁴.

Мимо внимания советского руководства не могли пройти переговоры Берлина со странами Балтии. 3 мая 1939 г. посол Аттолико сообщал из Берлина, что в связи с возможностью соглашения между Польшей и СССР о взаимопомощи в случае германской агрессии прибалтийские государства предпочитают заключить договоры о ненападении и нейтралитете с Германией⁵.

Отставка Литвинова с поста наркома иностранных дел не осталась без внимания итальянского посла в Москве. Он связывал отставку с тем, что Литвинов в последнее время активно работал над достижением тесного военно-политического сотрудничества с Англией и Францией. Отставка Литвинова могла означать провал этих переговоров. Вполне возможно, что недовольство в Кремле было вызвано итогами недавней поездки Потёмкина в Анкару. На обратном пути в Москву Потёмкин посетил Болгарию, Румынию, Польшу, где состоялись его встречи с руководителями этих стран. Итоги переговоров оценивались весьма сдержанно.

¹ DDI. V. XI. Doc. 599. P. 691.

² Ibid. Doc. 605. P. 697.

³ Ibid. Doc. 656. P. 758; Doc. 673. P. 780.

⁴ Ibid. Doc. 664. P. 766.

⁵ Ibid. Doc. 633. P. 731.

Например, посол в Варшаве П. Ароне сообщил о признаках улучшения советско-польских отношений, о чем свидетельствовало назначение нового советского посла в Польшу. Этот пост оставался вакантным в течение полутора лет. В Варшаву прибыл советский атташе по торговле с целью возглавить торговое представительство в Варшаве, созданное в рамках экономического соглашения между двумя странами от 14 июня 1936 г.¹

Дипломатические усилия В. Потёмкина находились в русле советских предложений от 17 апреля 1939 г. Их задачей являлось вовлечение стран Восточной и Юго-Восточной Европы в организацию коллективного отпора германской и итальянской агрессии совместно с Великобританией и Францией. Британский посол в Турции сообщал в Лондон, что целью Потёмкина является достижение гармонии между советской и турецкой политикой, а также «синхронизация» советско-турецких и англо-франко-советских переговоров. 29 апреля англичане дали понять турецкому руководству, что возможность заключения англо-франко-советского соглашения сомнительна². Коллективной региональной безопасности Лондон противопоставил предоставление гарантий отдельным странам, что сохраняло ему свободу рук в переговорах с Берлином и Римом.

Итальянский посол в Москве сделал предположение, что отставка Литвинова означала поражение в советском руководстве сторонников сотрудничества с западными державами, и победу одержали сторонники изоляционистской политики, желающие прямого вооруженного столкновения между фашистскими государствами и западными демократиями³.

В следующей телеграмме он предполагает, что отставка Литвинова напрямую связана с провалом советско-британских переговоров. В разгар чехословацкого кризиса, когда начали говорить о германских притязаниях на Украину, Литвинов предложил

¹ DDI. V. XI. Doc. 676. P. 782; Doc. 691. P. 795.

² *Фёдоров К. В.* Политика СССР в Восточной и Юго-Восточной Европе после возникновения предвоенного политического кризиса. С. 64–66.

³ DDI. V. XI. Doc. 644. P. 744–745.

Чемберлену провести конференцию с целью создания широкой системы коллективной безопасности. Взамен глава британского кабинета предложил ограничиться консультациями по дипломатическим каналам¹.

В Берлине, сообщал временный поверенный Маджистрати, отставку Литвинова расценивали как важную предпосылку для улучшения советско-германских отношений².

На заседании британского кабинета министров в конце мая Галифакс признал, что срыв англо-франко-советских переговоров может побудить Гитлера начать войну³. То же самый вывод можно отнести к ускорению итало-германских переговоров о военном союзе. В Риме были основания полагать, что дело идет к средиземноморскому Мюнхену, и боялись опоздать к разделу очередной добычи.

На встрече в Милане 6–7 мая с итальянским министром иностранных дел Риббентроп впервые выразил свое убеждение в том, что «необходимо использовать благоприятный случай для того, чтобы добиваться присоединения России к антитоталитарному блоку», но вместе с тем заявил о «необходимости проявлять большую осторожность и абсолютное чувство меры»⁴.

Среди предположений, высказанных в германских дипломатических кругах, были и такие, как, например, со слов посла в Москве фон Шуленбурга, что Москва ищет сближения со странами оси. Эту гипотезу фон Шуленбург считал наиболее вероятной⁵.

10 мая в Мюнхене Риббентроп провел встречу с германскими послами в ряде европейских стран, в ходе которой была обсуждена ситуация, вызванная отставкой Литвинова. Он проявил сдержанный оптимизм в отношении развития отношений с СССР, указав

¹ DDI. V. XI. Doc. 650. P. 750–752.

² Ibid. Doc. 659. P. 761.

³ *Сиполс В. Я.* Дипломатическая борьба накануне Второй мировой войны. М., 1979. С. 243.

⁴ DDI. V. XI. Doc. 666. P. 772–773.

⁵ Ibid. Doc. 668. P. 777.

на важность «возобновления торговых и политических отношений в разумных пределах»¹.

Посол в Москве обратил внимание на жесткое заявление ТАСС в отношении Великобритании в связи с англо-советскими переговорами. ТАСС выразил недовольство нежеланием британской стороны взять на себя какие-либо конкретные обязательства абсолютной солидарности с СССР на Дальнем Востоке². В следующих телеграммах он предположил, что негативную реакцию в Москве вызвало нежелание Лондона и Парижа пойти на соглашения с Москвой о «полной взаимопомощи».

12 мая посол Росо направил телеграмму с развернутым анализом текущей советской внешней политики. В Москве больше не рассматривают фашистскую ось как исключительно антисоветский блок, а считают его направленным против Англии и Франции. После оккупации фашистскими государствами Чехословакии и Албании Лондон и Париж стали искать способы вовлечения СССР в военные союзы. Однако советская внешняя политика, опирающаяся на принципы коллективной безопасности, стремится к созданию единого блока взаимной помощи, который гарантировал бы безопасность в Центральной и Юго-Восточной Европе. Советское руководство считает, что Лондон и Париж не проявляют заинтересованности в проекте, основанном на взаимности и равенстве обязательств. Они стремятся только к пакту, который обязал бы СССР оказать поддержку Великобритании и Франции в случае, если они окажутся вовлеченными в конфликт в связи с выполнением их гарантий Польше и Румынии. При этом не принимается в расчет, что это не единственные пограничные страны с СССР. В то время как СССР должен автоматически исполнить взятые на себя обязательства, Лондон и Париж стремятся оставить для себя право выбора времени и места выполнения договорных обязательств. Западные державы добиваются советской поддержки, не предлагая равенства и взаимности в ответ. Таким образом,

¹ DDI. V. XI. Doc. 674. P. 780–781.

² Ibid. Doc. 675. P. 781.

резюмирует посол, «Москва добивается безопасности на тот случай, если Германия двинется против СССР не только через Польшу или Румынию, но также через балтийские государства или через Финляндию. В этом случае они хотели бы поддержки от Англии и Франции с использованием всей их военной мощи». Решение СССР о военном союзе с Лондоном и Парижем всецело зависит от того, примут ли там условия Москвы¹.

15 мая посол в Москве Росо обратил внимание на публикацию в газете «Известия», в которой выражалась безоговорочная поддержка Англо-турецкой декларации от 12 мая 1939 г. По его мнению, автор статьи настаивал на теснейших отношениях между СССР и Турцией. Таким образом, важным результатом поездки Потёмкина в Турцию стала гармонизация советской и англо-турецкой политики в Восточном Средиземноморье².

16 мая посол Росо имел встречу с самим Потёмкиным, который изложил ему свою версию итогов поездки в Турцию. По мнению Потёмкина, его визит в Турцию был поддержан Анкарой, которая стремилась проконсульгироваться с дружественным государством накануне заключения пакта с Великобританией. Советский нарком утверждал, что пакт находится в гармонии с советской концепцией взаимной помощи против агрессоров. Англо-турецкое соглашение может быть расширено, чтобы охватить весь Балканский полуостров или, по крайней мере, создать большое пространство безопасности вокруг Черного моря. Советский дипломат считал, что основой для организации системы взаимопомощи на Черном море и Балканах могут стать Балканская Антанта, британские гарантии Греции, тесное советско-турецкое сотрудничество. СССР относится положительно к такому расширению и расположен принять участие в нем, если настоящие переговоры с Лондоном придут к благоприятному заключению англо-франко-советского договора о взаимной помощи. Потёмкин утверждал, что

¹ DDI. V. XI. Doc. 680. P. 787; Doc. 681. P. 787; Doc. 692. P. 796–798.

² Ibid. Doc. 707. P. 817–818.

в Софии и Бухаресте он встретил понимание и желание сотрудничать с Москвой в вопросах безопасности.

В переговорах с польским министром иностранных дел советский заместитель наркома заявил, что реально Польша может рассчитывать только на советскую поддержку, в то время как французская и английская может иметь чисто теоретический характер. По мнению итальянского посла, Потёмкин был искренне удовлетворен поездкой в Анкару и последующими переговорами в Софии, Бухаресте и Варшаве¹. Из Анкары поступала в Рим информация аналогичного содержания².

20 мая итальянский министр иностранных дел направил посланникам в Афинах, Белграде и Бухаресте инструкции, в которых говорилось о солидарности итальянского правительства с заявлениями германского правительства, осуждающего Англо-турецкое соглашение как направленное против держав оси³.

Министр иностранных дел Югославии направил письмо своему румынскому коллеге Г. Гафенку, исполнявшему в тот момент роль президента Балканской Антанты, в котором заявил, что Англо-турецкое соглашение противоречит решению членов этой организации о нейтралитете. В связи с возникшими между членами этой организации разногласиями было принято решение провести 8 июня в Анкаре консультации членов Балканской Антанты⁴.

Греческий министр иностранных дел выразил сожаление в связи с тем, что Турция взяла на себя обязательства по Англо-турецкому соглашению⁵.

20 мая посол в Берлине Аттолико сообщил о новой германской инициативе. Германский посол в Москве получил задание встретиться с Молотовым, чтобы предложить Кремлю возобновить торговые переговоры, прекращенные несколько месяцев назад. В случае утвердительного ответа германское правительство направит

¹ DDI. V. XI. Doc. 709. P. 820–821; Doc. 711. P. 822–824.

² Ibid. Doc. 712. P. 825–831.

³ Ibid. Doc. 728. P. 847–848.

⁴ Ibid. Doc. 732. P. 851.

⁵ Ibid. Doc. 734. P. 853.

в Москву тех же самых экспертов, которые уже вели переговоры. «На данный момент ничего другого нет», — закончил письмо посол¹. На следующий день итальянский посол телеграфировал в Рим, что первые попытки посла Шуленбурга не увенчались успехом, поскольку Кремль отнесся к ним «с огромным подозрением»².

20 мая вернувшийся в Лондон посол Дино Гранди сообщал в Рим о своих впечатлениях от встреч с Чемберленом и Галифаксом. «Мое личное впечатление, что Англия, несмотря на лихорадочные приготовления к войне, будет стремиться избежать ее вплоть до последнего момента». В доказательство он ссылаясь на Чемберлена, который задавал ему вопрос относительно того, сможет ли Муссолини вновь, как это было в сентябре 1938 г., вмешаться и спасти мир³.

Во время встречи с Г. Чиано в канун подписания союзного договора Риббентроп заявил о слабости СССР и о том, что Москва не сможет оказать существенную помощь Франции и Великобритании⁴. 24 мая итальянский посол в Москве Россо сообщил о своем разговоре с германским коллегой Шуленбургом, который передал ему содержание разговора с наркомом иностранных дел В. Молотовым. По словам германского посла, Молотов выразил готовность к возобновлению переговоров с Берлином относительно нового торгового соглашения. По словам советского руководителя, сам по себе торговый договор не представляет реального интереса, если не будет подкреплён «политической основой». О какой «политической основе» идет речь, советский нарком не уточнил⁵. На следующий день итальянский посол сообщил, что инициатива возобновления торговых переговоров исходила из Берлина. До этого вопрос о переговорах неоднократно поднимался несколько месяцев назад, в том числе во время переговоров с наркомом внешней

¹ DDI. V. XI. Doc. 729. P. 848.

² Ibid. P. 848.

³ Ibid. Doc. 731. P. 851–852.

⁴ Чиано Г. Дневник фашиста. С. 108.

⁵ См.: *Toscano M. L'Italia e gli accordi tedesco-sovietici dell'agosto 1939. Firenze, 1955. P. 32.*

торговли А. Микояном. По поручению Риббентропа посол Шуленбург запросил аудиенцию у наркома Молотова¹. Как пояснил Риббентроп, германская инициатива была вызвана реакцией на англо-франко-советские переговоры. «Отвечать действием на действие, давлением на давление», — заявил Риббентроп. «Необходимо дать понять России, чтобы она не опасалась ни Японии, ни Германии». Правда, данная политическая инициатива не получила поддержки с японской стороны². Тем не менее, Берлин продолжал настаивать на улучшении отношений с СССР. 29 мая Риббентроп обратился к послу Аттолико с просьбой, чтобы итальянский посол в Москве встретился с заместителем наркома Потёмкиным и дал ему понять, что в тот момент, когда СССР направляет свои решительные усилия на сотрудничество с Англией, Берлин подает знаки «естественной эволюции его позиции» в отношении СССР³. Жесты доброй воли, направляемые из Берлина, показывали вполне очевидное намерение Германии сорвать переговоры СССР с западными демократиями. В июне были продолжены советско-германские контакты вокруг заключения нового торгового соглашения и «политических предпосылок». Активное участие в переговорах принимал нарком внешней торговли А. Микоян⁴.

31 мая 1939 г. В. М. Молотов произнес свою первую речь в качестве наркома иностранных дел.

Ведя переговоры с Англией и Францией, мы вовсе не считаем необходимым отказываться от деловых связей с Германией и Италией. Еще в начале прошлого года по инициативе германского правительства начались переговоры о торговом соглашении и новых кредитах. Тогда со стороны Германии было сделано предложение о предоставлении кредита в 200 млн марок. Поскольку об условиях соглашения мы не договорились, то вопрос снят. В конце 1938 г. германское правительство вновь поставило вопрос об экономических переговорах. При этом с германской стороны была выражена

¹ Ibid. P. 32.

² Ibid. P. 36, 51.

³ Ibid. P. 39.

⁴ Ibid. P. 47.

готовность пойти на ряд уступок... Переговоры... были прерваны. Судя по некоторым признакам, не исключено, что переговоры могут возобновиться¹.

4.4. Вывод итальянских войск из Испании

В начале 1939 г. ход военных и политических событий в Испании рассматривался в итальянских верхах с нескрываемой озабоченностью. Во-первых, не было уверенности в том, что Франко удастся успешно завершить наступление на каталонском фронте. Отсюда возникали опасения, что Франко может пойти на компромисс с противником, заключив мирное соглашение. В Риме настаивали на бескомпромиссном завершении войны в Испании, чтобы обеспечить последующую управляемость страны режимом Франко. На фоне разговоров относительно возможного французского вмешательства в гражданскую войну итальянское руководство рассматривало возможность отправки дополнительных итальянских регулярных войск в Испанию. 14 января 1939 г. лично глава итальянского правительства направил итальянскому послу в Саламанке письмо, в котором приказал использовать все имеющиеся в распоряжении технические и людские ресурсы для успешного завершения операции в Каталонии, чтобы опередить возможное вмешательство Франции в испанские дела. «...Необходимо опередить французов, нанеся поражение красным, и оккупировать Барселону, исключив тем самым возможность Франции осуществить даже частично свои планы», — инструктировал Муссолини².

Однако завершение войны в Испании не способствовало наступлению спокойствия в Риме. Крайне ревниво там было воспринято начало улучшения испано-французских отношений в связи с направлением в Мадрид в качестве посла маршала

¹ Третья сессия Верховного Совета СССР. 25–31 мая 1939 г. : стенограф. отчет. М., 1939. С. 467–476.

² DDI. V. XI. Doc. 55. P. 84.

Петэна и заключения соглашения Йордана — Берарда. Обеспокоенность была настолько сильной, что министр иностранных дел Чиано с удовлетворением воспринял сообщение о предстоящем заключении договора о дружбе между Испанией и другим конкурентом Италии в этом регионе — Германией¹. 8 февраля министр иностранных дел Чиано телеграфировал послу в Берлине, чтобы он информировал Риббентропа о том, что итальянская сторона с симпатией относится к предстоящему заключению испанско-германского пакта².

Германская сторона подробно информировала Рим о ходе переговоров с Франко о заключении договора³. Договор о дружбе между Германией и Испанией был подписан 31 марта.

Этот договор был практически аналогичным договору между Италией и Испанией, заключенному в 1936 г. В этом же контексте находилось исходящее из Рима в Мадрид предложение о немедленном присоединении Испании к Антикоминтерновскому пакту. 27 марта соглашение о присоединении было подписано с оговоркой, что оно будет секретным. Однако под давлением итальянской и германской сторон протокол о присоединении был предан гласности.

4.5. Итало-германские военные переговоры и заключение «стального пакта»

На выбор Муссолини в пользу скорейшего заключения военно-политического союза с Германией повлиял чехословацкий кризис марта 1939 г.

Трезво оценивая слабые возможности сопротивления германской экспансии в Центральной Европе, Муссолини решил сделать ставку на укрепление военно-политического сотрудничества с Германией, рассчитывая в будущем военно-политическом

¹ DDI. V. XI. Doc. 106. P. 147–148.

² Ibid. Doc. 164. P. 208.

³ Ibid. Doc. 242. P. 290.

договоре определить сферы влияния союзников, заручиться германской поддержкой для осуществления планов «параллельной войны», заставить западные державы пойти на уступки в Средиземноморье.

22 марта в Риме было принято решение продолжить переговоры о заключении военно-политического союза с Германией. Присутствовавший при этом решении итальянский посол в Берлине Аттолико писал:

Внешний фасад оси должен быть восстановлен, но внутри необходимо поставить точки над «i». Это предупредит внезапное немецкое продвижение и в какой-то степени внесет перелом в сторону удовлетворения хотя бы в скромной форме итальянских претензий, выдвигаемых в отношении Франции...¹

В тот же день в соответствии с указанием Гитлера начальник штаба верховного командования вооруженных сил Германии генерал Кейтель подписал директиву «о переговорах вермахта с Италией»².

27 марта во время приема временного поверенного Италии в Берлине Маджистрати Риббентроп констатировал, что в Японии все еще продолжается борьба между политиками-традиционалистами, являющимися противниками военного союза с Италией и Германией, и военными, заинтересованными в таком союзе. В настоящий момент он, Риббентроп, изучает новый проект договора, по поводу которого свяжется с Чиано через два-три дня³.

2 апреля японский посол в Риме Хиратори вручил Чиано проект тройственного договора между Германией, Италией и Японией. В преамбуле подчеркивалась его прямая связь с Антикоминтерновским пактом 1936 г. и делался упор на сотрудничестве в борьбе с мировым коммунизмом. Более того, японская сторона предлагала после заключения пакта информировать правительства

¹ Цит. по: *Magistrati M. L'Italia a Berlino*. P. 327.

² DGFP. Vol. 6. App. 1. P. 1107–1108.

³ DDI. V. XI. Doc. 400. P. 493.

западных стран о том, что пакт направлен исключительно против СССР¹. Акцент на антисоветской направленности пакта был отклонен итальянской и германской сторонами².

4 апреля посол Аттолико сообщил о встрече в Берлине Риббентропа с японским послом Ошимой, которому было поручено передать в Токио, что германская сторона категорически исключает направление какого-либо сообщения Англии и Франции относительно тройственного пакта. Договор является оборонительным и не направлен против какой-либо другой стороны. Однако если один из участников союза будет атакован, то он становится врагом других участников договора³.

Наряду с военными переговорами итальянские руководители предполагали провести встречу министров иностранных дел двух стран. Глава правительства направил министру иностранных дел инструкцию относительно подготовки встречи. Муссолини предлагал обсудить с Риббентропом следующие вопросы: а) цели германской политики в пространстве и во времени; б) экономические позиции Италии на Балканах и в Дунайском бассейне; в) итало-французские, итало-югославские и итало-албанские отношения; г) переселение немцев из Альто-Адидже; д) тройственный союз⁴.

5 и 6 апреля в Инсбруке состоялась запланированная встреча между двумя начальниками генеральных штабов Кейтелем и Парини⁵. В 1952 и 1956 г. итальянский историк М. Тоскано опубликовал часть документов относительно военных переговоров между

¹ DDI. V. XI. Doc. 443. P. 541–543. Проект договора между Германией, Италией и Японией.

² *Toscano M.* Le origini diplomatiche del Patto d'Acciaio. Firenze, 1956. P. 197–198, 201.

³ DDI. V. XI. Doc. 454. P. 551.

⁴ *Toscano M.* Le origini del Patto d'Acciaio. Firenze, 1948. P. 102.

⁵ Впервые в отечественной историографии тема итало-германских военных переговоров в апреле 1939 г. была рассмотрена в статье: *Чемпалов И. Н.* Итало-германские переговоры о военном сотрудничестве и разграничении сфер влияния в Юго-Восточной Европе и Средиземноморском бассейне (март-июнь 1939 г.) // Балканы и Ближний Восток в новейшее время. Свердловск, 1973. С. 3–31.

представителями армии и флота¹. Относительно переговоров сухопутных сил были опубликованы пять итальянских и два немецких документа. Что касается переговоров руководителей флотов, то были опубликованы только два документа, а именно относящиеся к переговорам адмиралов Редера и Каваньяри 20 и 21 июня в Фридрихсхафене. Позже записи этих встреч вошли в сборники итальянских и германских дипломатических документов.

В значительной части итальянских исследований, обращенных к военно-политическому кризису накануне Второй мировой войны, не уделяется большого внимания итало-германским военным переговорам либо их значение сводится, как это прослеживается в трудах М. Тоскано, к обмену информацией о состоянии вооружений в обеих странах.

В опубликованной в 2012 г. книге Э. Джин, обращенной к теме взаимоотношений между Муссолини и лидерами западных союзников в период от Мюнхенского соглашения до вступления Италии в войну, проводится тезис о неподготовленности страны к войне. Отсюда имело место «несоответствие между политикой силы, воображаемой Муссолини, и опасной военной неподготовленностью в решающий момент»². Автор справедливо обращает внимание на «больные» точки итальянской военной машины, которые касались как слабости вооружений, так и недостатков стратегического планирования и управления войсками³. Муссолини, по мнению Э. Джин, оказался «заложником идеологии»⁴.

В правящих кругах Великобритании и Франции не преувеличивали опасность, исходящую собственно от фашистской Италии. Значение для Лондона и Парижа имели совокупная мощь держав «оси» и направление очередного удара. В связи с этим попытки

¹ См.: *Toscano M.* Le conversazioni militari italo-tedesche alla vigilia della seconda guerra mondiale // *Rivista storica italiana*, 1952. № 1 ; *Toscano M.* Le origini diplomatiche del Patto d' Acciaio.

² *Gin E.* L' ora segnata dal destino : Gli Alleati e Mussolini da Monaco all' intervento (Settembre 1938 — Giugno 1940). Roma, 2012. P. 67.

³ См.: *Ibid.* P. 67, 68, 69.

⁴ *Ibid.* P. 70.

совместного итало-германского военного планирования привлекали самое пристальное внимание англо-французских союзников.

В Инсбруке Кейтель и Париани подтвердили взаимную солидарность в случае возникновения войны с третьими государствами и высказались за углубление военного и экономического сотрудничества между двумя странами, для реализации которого потребуются развитие транспортной инфраструктуры между ними. Кейтель предложил установить прямые контакты между руководящими институтами военной экономики двух стран. Они отметили неизбежность войны с Англией и Францией, но сошлись во мнении, что необходимо выбрать благоприятный момент для стран оси через несколько лет (три-четыре года), когда обе страны завершат перевооружение. Стороны пришли к согласию в том, что необходимо полностью переориентировать экономику балканских стран на военные нужды обеих стран оси при сохранении формальной независимости Румынии, Болгарии и Югославии. Кейтель высказал заинтересованность в проведении встречи Гитлера и Муссолини с тем, чтобы обсудить международную политическую ситуацию и планирование будущего конфликта против Англии и Франции. Немецкая сторона заявила о немедленном выводе своих войск из Испании и о прекращении поставок вооружений. Были обсуждены перспективы составления единого плана военных действий и создания общего командования для ведения операций в случае коалиционной войны. Однако обе стороны не выдвинули конкретных предложений по данному вопросу и ограничились пожеланиями более тесного сотрудничества между военными руководителями¹.

В ходе обсуждения возникли разногласия относительно форм, методов и целей сотрудничества. Париани изложил план «параллельной» войны, который предусматривал ведение локальной войны против Франции в Северной Африке. Итальянскому плану Кейтель противопоставил политику согласованных действий фашистских стран. На переговорах в Инсбруке выявились также

¹ DDI. V. XI. Doc. 472. P. 565; Doc. 473. P. 566; Doc. 488. P. 582.

разногласия по балканскому вопросу. Париани недвусмысленно обратил внимание на интерес Италии «расширить собственную экономическую основу» на Балканах. Кейтель, указав на важное значение этого района для Германии, высказался против оккупации балканских стран. Албания, по-существу, стала первой жертвой итальянского плана «параллельной войны».

Кроме того, по инициативе немецкой стороны было достигнуто соглашение о сотрудничестве и обмене информацией между разведывательными службами двух стран. В связи с этим Париани обратился к министру иностранных дел с просьбой определить параметры этого сотрудничества¹, на что Чиано ответил, что итальянская сторона считает преждевременным делиться информацией, полученной от своих агентов на Ближнем Востоке².

По итогам встречи в Инсбруке генерал Маррас подготовил резюме для министра иностранных дел Чиано. В нем содержалось итальянское видение германской политики и военных оперативных концепций на ближайшее время. Польско-германские отношения рассматривались как неопределенные. При этом отмечалось стремление Лондона втянуть Польшу в свою военно-политическую орбиту. В случае польско-германского вооруженного конфликта советские возможности оказания военной поддержки оценивались невысоко, прежде всего по причине репрессирования высшего командного состава. Относительно Франции германская сторона считала, что она может начать военные действия только в случае прямой угрозы метрополии или колониям. Вмешательство Великобритании на стороне Франции прогнозировалось только в случае, если будут затронуты британские жизненные интересы³.

За скобками переговоров остались планы германского руководства в отношении Италии в связи с подготовкой плана нападения на Польшу, который получил название *Weiss*. В начале апреля в германской ставке было принято решение приступить к реализации плана нападения на Польшу в «любое время, начиная

¹ DDI. V. XI. Doc. 547. P. 638.

² Ibid. Doc. 576. P. 669.

³ Ibid. Doc. 489. P. 583.

с 1 сентября 1939 года». В плане *Weiss* указывалось: немецкая сторона не может рассчитывать на Венгрию как на безоговорочного союзника. Позиция Италии определяется осью Берлин — Рим¹. Германское руководство стремилось подчинить итальянскую политику единой стратегии «оси», направляемой из Берлина. При помощи Италии Гитлер предполагал нейтрализовать Балканы, а в случае конфликта с западными державами сковать англо-французские силы в Средиземноморье². В Инсбруке Кейтель предложил создать единое военное командование³.

14 апреля посол Аттолико сообщил об итогах обмена мнениями между Риббентропом и японским послом Ошимой относительно тройственного пакта. Германский министр иностранных дел вновь категорически высказался против упоминания в нем Великобритании и Франции. В этом нет никакой необходимости, поскольку априори пакт провозглашается в качестве оборонительного и вступает в действие в случае нападения на одну из сторон, сказал он. Кроме того, он высказался против акцентирования антисоветской направленности пакта. В целом обе стороны решили дожидаться ответа из Токио и затем предпринимать какие-либо действия в отношении пакта⁴.

20 апреля посол Аттолико встретил на приеме по случаю дня рождения Гитлера японского посла Хиратори и задал ему вопрос относительно ответа японского руководства по поводу проекта тройственного пакта. Японский посол ответил, что не имеет никакой информации из Токио. «В Берлине раздражены позицией Токио», — отметил посол⁵.

¹ СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны. Док. 209. С. 301; Док. 227. С. 326.

² Эти предложения были изложены в директиве германского штаба ОКВ от 26 ноября 1938 г. относительно военных переговоров с Италией. См.: СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны. Док. 53.

³ *Toscano M.* Le conversazioni militari italo-tedesche alla vigilia della seconda guerra mondiale. P. 352.

⁴ DDI. V. XI. Doc. 545. P. 634–636.

⁵ Ibid. Doc. 580. P. 673.

С 14 по 17 апреля Геринг находился в Италии. В заметке от редакции сборника документов указывается, что в итальянских архивах не найдены документы относительно этого визита. Если исходить из заметок в дневнике Чиано и публикаций германских дипломатических документов, то итоги визита Геринга можно свести к обсуждению актуальной международной обстановки, вызванной событиями в Чехословакии и Албании. Геринг сделал заявление о вхождении Югославии и Хорватии, в частности, в итальянскую сферу влияния. Относительно возможного конфликта с западными державами он заверил, что это произойдет не ранее 1942–1943 гг. Обсуждая польско-германские отношения, Геринг указал на важность постепенного сближения с СССР. Эту идею горячо поддержал Муссолини¹.

Наконец, 25 апреля посол Хиратори сообщил Аттолико, что из Токио пришел абсолютно отрицательный ответ. Японский кабинет категорически настаивал на том, чтобы тройственный договор предусматривал возможность военных действий только против СССР. В связи с японской позицией Риббентроп предложил заключить двусторонний итало-германский военный союз, текст которого он пообещал взять на предстоящие переговоры со своим итальянским коллегой².

28 апреля итальянский посол в Токио Аурити сообщил, что последние сигналы из японского кабинета являются позитивными. На днях поступит официальное подтверждение относительно тройственного пакта³.

28 апреля Гитлер выступил с речью в рейхстаге, которая стала ответом на письма президента США Рузвельта, направленные Гитлеру и Муссолини. В этом письме Рузвельт предложил всем странам взять на себя обязательства в течение десяти лет воздерживаться от вооруженного пересмотра границ и территориальной целостности других государств. В ответ Гитлер заявил о расторжении англо-германского морского соглашения 1935 г.

¹ DDI. V. XI. Doc. P. 652.

² Ibid. Doc. 597. P. 689.

³ Ibid. Doc. 609. P. 701.

и польско-германского соглашения 1934 г. Он подтвердил курс на военно-политическое сближение Германии, Италии и Японии¹. По мнению посла Аттолико, само по себе аннулирование договоров не следует преувеличивать. Проблема заключается в другом, а именно в том, что Гитлер использует тактику, которая уже принесла ему успех в отношении Чехословакии. Речь идет о том, что всякий раз, когда он выдвигает свои требования, он на новом витке никогда не возвращается к ним, а наращивает эти требования. Посол заключает свое донесение словами:

И здесь я вижу опасность. Если Польше по понятным причинам трудно принять уже выдвинутые Гитлером предложения, то можно с большим основанием предполагать, что он выдвинет новые требования, и более жесткие... Следовательно, в данный момент Германия не проявляет чрезмерной спешки. Она уверена, что время на ее стороне².

Вплоть до последнего момента в Берлине не исключали возможности заключения тройственного военного союза³. Во время встречи с Аттолико германский министр иностранных дел предложил провести встречу двух министров иностранных дел 6 и 7 мая в неформальной обстановке⁴. И только 2 мая Риббентроп сообщил, что поскольку возникли затруднения с заключением тройственного договора, он предложил заключить пакт между двумя странами⁵.

25 апреля состоялось подписание итало-французского торгового договора, в ходе которого состоялась встреча Чиано с французским послом в Риме А. Франсуа-Понсе. Чиано записал 26 апреля в своем дневнике:

По телефону сообщил дуче о переговорах с Франсуа-Понсе. Он не придает этому факту большого значения. Говорит: «Я не намереваюсь начинать переговоры с Францией, разве только после подписания договора с Германией»⁶.

¹ DDI. V. XI. Doc. 610. P. 701–704.

² Ibid. Doc. 613. P. 707–708.

³ Ibid. Doc. 619. P. 713.

⁴ Ibid. Doc. 620. P. 713.

⁵ Ibid. Doc. 626. P. 720.

⁶ Чиано Г. Дневник фашиста. С. 94.

3 мая заместитель министра военно-морского флота Каваньяри направил своему немецкому коллеге адмиралу Редеру письмо, в котором принял приглашение встретиться для обсуждения вопросов сотрудничества между военно-морскими ведомствами¹.

Наконец, 4 мая министр иностранных дел Японии Арита пригласил итальянского посла, чтобы передать ему устное заявление главы правительства Хиранума для передачи Муссолини. В нем говорилось, что все силы Японии сконцентрированы на борьбе в Восточной Азии за установление нового порядка. Япония готова продемонстрировать свою солидарность всеми имеющимися у нее ресурсами со странами оси в борьбе против любого противника, не только Советского Союза. Однако при нынешних обстоятельствах она не в состоянии оказать практическую эффективную военную помощь европейским партнерам².

По существу, японское правительство связало заключение тройственного военного пакта со следующими условиями:

— Обмен секретными нотами, в которых Япония заявляет, и европейские страны оси это признают, что в случае агрессии со стороны третьих государств япония не берет на себя никаких серьезных обязательств по оказанию военной помощи до тех пор, пока не завершит военные действия в Китае.

— Японская сторона истолковывает договор как чисто оборонительный; «историческим» субъектом договора является Советский Союз, все еще рассматриваемый японцами как наиболее актуальная проблема; отсутствие взаимных обязательств в случае агрессии со стороны третьих государств вытекает из самого контекста японских предложений; отдельно предусматривается отсутствие каких-либо обязательств в случае оборонительной войны³.

В тот же день Аттолико сообщил, что юридический отдел министерства иностранных дел Германии подготовил проект двустороннего пакта, несмотря на то, что Риббентроп до последнего момента надеется на заключение тройственного пакта. В то же

¹ DDI. V. XI. Doc. 637. P. 736.

² Ibid. Doc. 639. P. 739.

³ Ibid. Doc. 643. P. 744.

время он не заинтересован в тройственном пакте, лишенном конкретного серьезного содержания. А что касается двустороннего пакта, то он скорее призван «произвести впечатление»¹.

4 мая Муссолини направил министру иностранных дел Чиано инструкции для его предстоящих переговоров с германским коллегой. Документ начинался с того, что оба государства должны были определить в качестве стратегической цели сохранение мирного периода сроком не менее трех лет. И только начиная с 1943 г. могут открыться великие перспективы для победы в войне. Далее он указывал причины, по которым Италии необходим был мирный период:

- подготовить к войне Ливию, Албанию и навести порядок в Эфиопии, из которой должно выйти вооруженное соединение, насчитывающее 1,5 млн человек;
- завершить строительство и вооружить шесть линейных кораблей, находящихся в производстве;
- обновить всю артиллерию малого и крупного калибра;
- осуществить планы экономической автаркии, которые должны отразить любую попытку окружения со стороны демократических плутократий;
- провести в 1942 г. всемирную выставку, которая должна символизировать первое 20-летие фашистского режима и обеспечить поступление валюты;
- произвести репатриацию итальянцев из Франции, что является очень серьезной проблемой военного и морального характера;
- завершить уже начатое перемещение военной промышленности из Паданской долины в южную Италию;
- углубить отношения солидарности не только между правительствами оси, но также между народами, что, несомненно, привело бы к ослаблению напряженности в отношениях между церковью и нацизмом, чего хотел бы Ватикан.

¹ DDI. V. XI. Doc. 640. P. 740.

Можно надеяться, писал далее Муссолини, что через три года Япония завершит свою японскую кампанию.

Далее, глава фашистского правительства короткими предложениями обозначил позицию Италии по важнейшим международным проблемам.

Великобритания. Отношения Италии с Великобританией являются скорее формально дружественными, чем первостепенными. В реальности соглашения от 16 апреля 1938 г. в своем применении играли скорее негативную, чем позитивную роль. Они могут быть полезными в некоторых случаях также для Берлина, если эти соглашения останутся в силе.

Франция. Ничего нового после прихода Бодуэна. Фашистское правительство его не торопит, показывая, что разногласия между Италией и Францией носят скорее моральный характер. В случае ограниченного конфликта между Францией и Италией фашистское правительство не будет добиваться поддержки людьми, а только технической, если будет необходимо.

Испания. Совместные действия оси, чтобы иметь позицию Испании дружественной.

Югославия. Итальянская политика является определенной. Югославия находится в преобладающей сфере итальянских интересов.

Отношения с Россией. Такие, чтобы избежать присоединения России к враждебному блоку, но не более того.

Военный союз. Италия относится благоприятно к союзу двух или трех государств, в зависимости от решения Токио. Военные соглашения должны быть тщательно подготовлены таким образом, чтобы, особенно при данных обстоятельствах, они действовали почти автоматически.

Вопрос об Альто Адидже. Враждебная активность бывших австрийцев; ситуация может оказаться на службе врагов оси; может спровоцировать большой инцидент.

Область экономики. Уголь и машинное оборудование.

Общая политика. Говорить о мире и готовиться к войне¹.

¹ DDI. V. XI. Doc. 641. P. 741–743.

Прежде всего важно понять мотивы, по которым Муссолини в ходе встречи двух министров иностранных дел Риббентропа и Чиано принимает на первый взгляд неожиданное решение о заключении итало-германского пакта. Дж. Андре полагает, что это было вызвано намерением Муссолини через двустороннее соглашение зафиксировать с Германией разграничение сфер влияния в Дунайско-Балканском регионе. Однако прямых подтверждений этому выводу в опубликованных документах не имеется. Дж. Андре ссылается на другое мнение в итальянской историографии, что это была реакция Муссолини на появившиеся во французской печати сообщения об ослаблении связей внутри оси Рим — Берлин¹.

Дж. Андре считает необъяснимым то, что итальянская сторона не использовала заключение договора для закрепления собственных территориальных интересов, даже для стандартного подтверждения целостности общих границ. В итальянских архивах не найдено ни одного подготовительного документа. Возможно, это связано с тем, что Муссолини и Чиано оказались своего рода пленниками ситуации, которую они сами и создали. Отсюда их стремление любой ценой доказать неизбежность фашистской оси².

С другой стороны, в договор была включена статья, согласно которой обе стороны брали на себя обязательства избегать провоцирования военного конфликта в ближайшие три-четыре года. Накануне миланской встречи Риббентропа и Чиано глава фашистского правительства инструктировал министра иностранных дел по поводу включения этого пункта в договор. Риббентроп ответил согласием.

Итальянская сторона также настаивала на установлении постоянной системы консультаций между партнерами. В Риме все еще были под впечатлением германского поведения в период чехословацкого кризиса, когда до них дошла информация о действиях партнера после того, как события завершились.

¹ DDI. V. XI. P. XVI.

² Ibid. P. XVI–XVII.

Вопрос об общей итало-германской границе был связан с намерением Италии решать южнотирольскую (Альто Адидже) проблему путем переселения неитальянского населения.

В своем дневнике Чиано записал, что одновременно Муссолини рассчитывал ускорить решение проблемы итальянизации района Альто Адидже путем скорейшей эвакуации немецкоговорящего населения в Германию¹. В Риме не скрывали своей озабоченности нарастанием ирредентистских настроений среди немецкоязычного населения этой итальянской провинции², в то время как немецкая сторона настаивала на неспешном разрешении этой проблемы³.

6–7 мая в Милане состоялась встреча Чиано и Риббентропа. В рамках обсуждения общей международной обстановки Риббентроп отклонил предложение Ватикана о проведении международной конференции по безопасности. Относительно Польши Риббентроп заверил, что Германия не прекратит оказывать давление на эту страну, прежде всего по вопросу о данцигском коридоре. «Через несколько месяцев ни Франция, ни Англия не вступятся за Польшу», — заявил он. Риббентроп назвал наиболее приемлемым сохранение мирного периода в течение четырех-пяти лет для того, чтобы завершить военные приготовления. Он также предостерег итальянцев от развязывания войны с Францией, поскольку, как сказал он, любой локальный конфликт повлечет за собой поддержку Великобритании, и Германия не сможет остаться в стороне. Риббентроп высказался за укрепление отношений с Испанией, вплоть до включения ее в союзные отношения с фашистской осью. Относительно Югославии Риббентроп высказался за поддержание благоприятного в пользу оси нейтралитета этой страны. В любом случае, подтвердил он, «Италия имеет абсолютно преобладающие интересы в этой стране». В отношении Греции германский министр предложил добиваться замены действующего греческого короля на его преемника, более расположенного к странам оси,

¹ Чиано Г. Дневник фашиста. С. 16.

² DDI. V. XI. P. 26–27.

³ Ibid. Doc. 12. P. 26.

а в отношении Болгарии — продолжать оказывать на нее давление с целью ее дрейфа в сторону оси.

По инициативе Чиано большое внимание в ходе переговоров было отведено вопросу об Альто Адидже.

Неоднократно в течение весны 1939 г. итальянская сторона выносила на обсуждение эту проблему. 1 и 5 апреля посол Аттолико и Маджистрати провели переговоры в МИД Германии по этому вопросу. Итальянские дипломаты обратили внимание на растущую напряженность между этническими австрийцами и итальянцами (итальянские дипломаты использовали понятие «жители Альто Адидже германской расы и итальянской расы»). Единственный способ решения проблемы они видели в переселении в Германию «жителей Альто Адидже германской расы». По поручению Муссолини 27 апреля Маджистрати обсудил в германском МИД положение в Альто Адидже и передал предложение главы фашистского правительства о необходимости безотлагательного решения проблемы. В ответ ему было заявлено, что германская сторона изучает проблему переселения, однако пока не может точно сообщить о сроках. 3 мая Чиано в беседе с германским послом в Риме снова затронул проблему Альто Адидже и переселения десяти тысяч жителей «немецкой расы» в Германию.

В ответ Риббентроп подтвердил, что Германия не заинтересована в территории Альто Адидже и как можно скорее решит вопрос о перемещении указанного населения. Была достигнута договоренность о том, что после возвращения в Берлин посол Аттолико продолжит с ним выработку конкретного решения.

Естественно, что основная дискуссия переговоров двух министров иностранных дел сосредоточилась вокруг военного союза. Риббентроп обещал как можно скорее направить проект союзного договора для изучения и обсуждения. Он все еще не отказался от мысли привлечь Японию к участию в союзном договоре¹.

8 мая одновременно в Риме и Берлине появились сообщения о скором подписании итало-германского военного союза. Судя по

¹ DDI. V. XI. Doc. 666. P. 741–743, 770–774.

документам, работа над текстом договора началась сразу же после миланской встречи. Итальянская сторона настаивала на включении в проект пункта о незыблемости итало-германской границы по Бреннеру и о взаимном признании каждой из сторон сфер интересов друг друга¹.

12 мая был решен вопрос о сроках и месте подписания военно-политического союза. «Напоминаю, что Риббентроп может передать мне завтра или в крайнем случае послезавтра проект пакта, который я должен переправить самолетом в Рим. Время визита намечено 21–24 мая с прибытием 21 и отправлением утром 24 мая», — сообщил в Рим посол Аттолико². В тот же день Аттолико отправил в Рим врученный ему германским МИД проект итало-германского военного союза.

На следующий день Аттолико телеграфировал в Рим, что в представленном Риббентропом проекте нет упоминания о границе по Бреннеру, не включены ограничивающие формулировки «в случае неспровоцированной агрессии», что придает пакту наступательный характер. По мнению Аттолико, откровенно алармистский характер пакта он предложил бы замаскировать и назвать его «итало-германским военно-политическим оборонительным пактом»³. В следующей телеграмме он сообщает, что Риббентроп предложил удовлетворить запрос итальянцев относительно границы следующей формулировкой в преамбуле: «После того как были установлены общие границы, зафиксированные навсегда между Германией и Италией, возник надежный мост для взаимной помощи и поддержки...» Более того, Риббентроп обещал через неделю начать обсуждение так называемого вопроса «десяти тысяч», т. е. переселения тирольтцев. С этой целью он предложил создать смешанную итало-германскую комиссию по репатриации из Альто Адидже. По мнению посла, это явилось бы хорошей предпосылкой для конкретного решения вопроса⁴.

¹ DDI. V. XI. Doc. 694. P. 799.

² Ibid. Doc. 685. P. 791.

³ Ibid. Doc. 694. P. 799–800.

⁴ Ibid. Doc. 695. P. 801.

Аттолико сообщил, что Риббентроп не оставляет идею тройственного пакта и надеется на присоединение Японии к итало-германскому пакту. Однако обсуждение этого вопроса с новым послом Японии в Берлине Ошимой показало, что японская сторона продолжает настаивать на его исключительно антисоветской направленности¹. 14 мая глава кабинета министерства иностранных дел Италии Ф. Анфузо отметил, что считает попытки Риббентропа вовлечь Японию в союзнические отношения «бесполезными»².

Наконец, 17 мая Редер ответил на предложение о встрече со своим итальянским коллегой Каваньяри, определив в качестве времени и места встречи 20–21 июня 1939 г. во Фридрисхафене на берегу озера Костанца³.

Итальянский министр иностранных дел Чиано прибыл в Берлин 21 мая. В архивах МИД Италии не сохранились документы относительно его переговоров с германским коллегой. В дневнике Чиано записано, что по сравнению с их миланской встречей, не обсуждалось ничего нового. Риббентроп настаивал на поддержании статус-кво в Югославии. Чиано, в свою очередь, заметил, что это возможно до тех пор, пока Югославия не будет проводить антиитальянскую политику. По хорватскому вопросу он добавил, что Италия не будет безучастной в случае развития событий в этом регионе. Напротив, в ходе переговоров с Гиммлером Чиано получил от него предложение как можно скорее установить протекторат над Хорватией. Гитлер во время встречи с Чиано вновь подтвердил, что средиземноморская политика оси должна определяться Италией.

22 мая 1939 г. в Берлине состоялось официальное подписание Пакта о дружбе и союзе между Италией и Германией.

В преамбуле указывалось, что договор направлен на установление тесных связей дружбы и солидарности между фашистской Италией и национал-социалистической Германией. Далее отмечалось, что обе стороны исходят из «общих и зафиксированных навсегда границ» между ними. Отмечалось родство народов обеих

¹ DDI. V. XI. Doc. 696. P. 802.

² Ibid. Doc. 702. P. 810.

³ Ibid. Doc. 637. P. 736.

стран в одинаковом видении и отстаивании всеми объединенными силами безопасности их «жизненных пространств».

В первой статье обе стороны брали на себя обязательство поддерживать постоянный контакт с целью обмена мнениями по вопросам, затрагивающим общие интересы.

Во второй статье обе стороны брали на себя обязательство в случае возникновения внешней опасности для одной из сторон оказать ей без промедления полную политическую и дипломатическую поддержку с целью исключения этой угрозы.

Согласно третьей статье, в случае вовлечения одной из сторон в военные действия другая сторона брала на себя обязательства немедленно выступить в качестве союзника с использованием всех своих наземных, морских и воздушных сил.

Четвертая статья определяла условия необходимой подготовительной работы для быстрой реализации предыдущей статьи, а именно углубление военного и военно-экономического сотрудничества между двумя странами. С этой целью предусматривалось создание двух постоянных комиссий под руководством министров иностранных дел.

Пятая статья предусматривала, что в случае военных действий все договаривающиеся стороны берут на себя обязательство не заключать сепаратный мир или перемирие.

Шестая статья предусматривала, что обе стороны, имеющие дружественные отношения с третьими государствами, будут стремиться гармонизировать их с общими интересами обеих сторон, заключающих данный пакт.

Наконец, седьмая статья определяла, что пакт вступает в силу сразу же после его подписания; длительность действия пакта определена сроком в десять лет, после чего возможна его пролонгация при желании сторон¹. Текст пакта был тотчас представлен публике.

К пакту был приложен дополнительный секретный протокол, состоящий из двух статей. В первой статье говорилось о том, что оба министра иностранных дел должны договориться как можно

¹ DDI. V. XI. Doc. 735. P. 854–855.

скорее об организации, методах и месте работы комиссий по военным и военно-экономическим вопросам. Во второй статье перед двумя министрами иностранных дел ставилась задача как можно скорее обеспечить сотрудничество в области печати, информации и пропаганды для реализации целей, предусмотренных пактом.

Для реализации задач, предусмотренных секретным протоколом, предусматривалось при каждом из посольств в столицах договаривающихся государств создать группу квалифицированных экспертов, которые под руководством министерств иностранных дел будут поддерживать постоянные консультации в целях координации политики союзных государств в области печати, информации и пропаганды¹.

С итальянской стороны министр иностранных дел Г. Чиано возглавил военную и экономическую комиссию по реализации «стального пакта»².

Влиятельный итальянский политик, посол в Лондоне Гранди, выражая мнение апологетов итало-германского пакта, считал, что он делает Италию сильнее.

Миланский пакт делает нас сильнее в отношении Лондона и еще более сильными в отношении Берлина, растут наши возможности действий в международной области, и он позволяет Италии выбирать ее желания мира или войны³.

4.6. Италия на пороге Второй мировой войны

Итало-германский военный договор приблизил Вторую мировую войну. После встречи в Милане Риббентроп заявил: «Польша больше не является проблемой»⁴. 23 мая Гитлер выступил на совещании перед военными руководителями германской армии. Он напомнил ближайшую задачу Германии «напасть на Польшу

¹ DDI. V. XI. Doc. 735. P. 856.

² Ceva L. Altre notizie sulle conversazioni militari italo-tedesche alla vigilia della seconda guerra (aprile — giugno 1939) // Il Risorgimento. 1971. № 3. P. 178.

³ DDI. V. XI. Doc. 731. P. 851.

⁴ Цит. по: Weizscker E. Memoirs. L., 1950. P. 184.

при первой возможности». Планируя захват Польши, германское военное руководство исходило из двух возможностей. Первая — ведение локальной польско-германской войны. Согласно второму сценарию, который должен был вступить в силу в том случае, если «не удастся исключить Запад из игры», Гитлер считал возможным вести одновременно войну против западных держав и Польши. В этом случае Италия должна была сковать англо-французские силы в Средиземноморье и на альпийской границе, нейтрализовать Балканы. «Что касается Италии, — заявил Гитлер, — мы будем продолжать твердо придерживаться прорыва линии Мажино, такая возможность должна быть изучена». До завершения подготовки операции Гитлер приказал «хранить наши намерения в секрете как от Италии, так и от Японии»¹. Последнее замечание объяснялось тем, что в ходе предыдущих военных переговоров германскому военному руководству не удалось согласовать с итальянцами план совместных действий против англо-французского блока. В Берлине рассчитывали возобновить переговоры по этим вопросам.

Весной и летом 1939 г. германское руководство стало проявлять повышенный интерес к Ливии и пыталось заинтересовать Муссолини в совместных действиях в бассейне Средиземного моря. Итальянское военное командование, изучив положение в Северной Африке, пришло к выводу, что ведение военных действий из Ливии требует быстроты и эффективности маневра, что невозможно осуществить, не имея полностью механизированных пехотных соединений, значительных авиатранспортных, парашютных и воздушных сил. Кроме того, командование итальянским блоком указывало на необходимость нейтрализации Мальты для обеспечения безопасного сообщения с Ливией. Нападение на Мальту неизбежно привело бы к войне с Англией, поэтому на совещании военных руководителей, состоявшемся в мае в ставке маршала Бадольо, было принято решение воздержаться от наступательных действий из Ливии².

¹ DGFP. V. 6. Doc. 433. P. 574–580.

² См. об этом: *Faldella E. L'Italia e la seconda guerra mondiale*. Bologna, 1967. P. 69, 70.

Зато было продолжено планирование операций в итальянской Восточной Африке. Однако обсуждение возможных операций в этом регионе привело к выводу, что главной задачей должно стать «обеспечение безопасности и внутренней прочности Империи»¹.

26 мая Риббентроп поручил статс-секретарю Вейцзекеру подготовить план работы комиссий, предусмотренных пактом. На следующий день Вейцзекер передал проект плана итальянскому послу. Руководителю итальянской экономической делегации Джанини, находившемуся в тот момент в Берлине, Риббентроп предложил немедленно начать подготовку к осеннему заседанию военно-экономической комиссии, на котором следовало рассмотреть вопросы экономической политики оси с учетом использования Балкан².

Прежде, чем приступить к разворачиванию сотрудничества с германским союзником, правительство Муссолини решило изложить свою позицию по вопросам военно-политической стратегии фашистской оси. 28 мая Муссолини вызвал маршала Бадольо и вручил ему копию документа, который позже получит в научной литературе название «меморандума Каваллеро». 3 июня заместитель председателя итало-германской военной и военно-экономической комиссий генерал У. Каваллеро будет направлен с письмом Муссолини в Берлин³. Генералу было поручено также обсудить условия работы смешанных комиссий⁴.

В первой части своего письма Муссолини обосновал неизбежность войны между «плутократическими, эгоистическими, консервативными нациями», с одной стороны, и «перенаселенными бедными нациями» с другой, т. е. между англо-французским блоком и фашистской осью. Глава фашистского правительства

¹ *Minniti F. Fino alla Guerra.* P. 191.

² DDI. V. 12. № 29. P. 21.

³ *Ceva L. Appunti per una storia dello Stato Maggiore Generale fino alla vigilia della «non belligeranza» (giugno 1925 — luglio 1939) // Storia contemporanea.* 1979. № 2. P. 246. См. текст «меморандума Каваллеро» в сборнике документов: DDI. V. 12. № 59. P. 49–51.

⁴ DDI. V. 12. № 65. P. 55.

призывал готовиться к предстоящей войне, но указывал, что до 1943 г. Италия не желает начинать всеобщую войну. Затем Муссолини изложил итальянский план военных действий. По его мнению, против Англии и Франции следует вести позиционную войну по линии Рейн — Альпы — Ливия. «Следовательно, на западе война примет, главным образом, характер морской и воздушной». Наступательные действия он предлагал развернуть против соседних английских и французских колоний, в направлении востока и юго-востока.

Весь Дунайский и Балканский районы необходимо захватить в первые несколько часов войны, чтобы обеспечить надежный тыл фашистских государств... В этой игре мы можем рассчитывать на две проходные пешки — Венгрию и Болгарию¹.

Осуществление этой операции Муссолини предлагал поручить итальянской армии. Участие немцев в данной войне ограничивалось поставками материалов и вооружения. Только на основе такого плана, выдвинутого Муссолини, итальянцы соглашались координировать действия двух стран.

В Берлине Каваллеро пробыл со 2 по 10 июня, но так и не был принят Гитлером². Он вел переговоры с министром Риббентропом, статс-секретарем Вейцзекером, генералами Браухичем и Кейтелем. В ходе переговоров были согласованы организационные вопросы работы смешанных комиссий³. 6 июня посол Аттолико сообщил в Рим, что Гитлер ознакомился с письмом Муссолини, дал знать о «максимальном согласии», но по ряду пунктов хотел бы лично поговорить с дуче⁴. До встречи двух диктаторов было решено продолжать переговоры между руководителями отдельных родов

¹ Явным желанием Муссолини было направить гитлеровскую агрессию против Польши, а затем и Советского Союза. Не случайно итальянское правительство активно стремилось помешать улучшению советско-германских отношений летом 1939 г. // DDI. V. 12. № 48, 73.

² См. об этом: *Magistrati M. L'Italia a Berlino*. P. 358.

³ DDI. V. 12. № 182. P. 161–162.

⁴ Ibid. № 130. P. 112.

войск. Именно Каваллеро окончательно согласовал дату проведения военно-морских переговоров¹.

В развитие «меморандума Каваллеро» Муссолини поручил своему военному заместителю маршалу Бадольо осуществить инспекцию западной границы, Ливии и Албании². Инспекционная поездка состоялась с 5 по 10 июня 1939 г., по ее итогам Бадольо вновь отметил незавершенность военных приготовлений. Кроме того, он настаивал на укреплении военно-морских баз в силу их особой стратегической важности в Средиземном море. Он полагал, что только к концу 1940 г. можно добиться создания эффективной оборонительной системы в Западной Ливии³.

С 19 по 26 июня 1939 г. состоялась инспекционная поездка Бадольо в Албанию. Он должен был оценить возможности ведения войны на Балканах. После захвата Албании генштаб поручил генералу Гудзони разработать план агрессии против Греции. В пространном меморандуме на имя главы правительства маршал Бадольо отметил стратегическую важность «освоения» Албании для закрытия Адриатического моря, высадки на Балканах и продвижения в направлении линии Салоники — Константинополь — Афины. Из Албании, подчеркнул Бадольо, можно угрожать Югославии и Греции, воздействовать на Болгарию, обеспечить безопасность Эгейских островов. Важную ценность этот «оперативный театр особой деликатности» (так отозвался об Албании Бадольо) представлял для размещения на нем авиационных баз. Бадольо ясно указывал, что итальянские войска в Албании надо нацеливать против Греции, Югославии, а также их балканских и ближневосточных союзников⁴.

¹ См.: *Toscano M.* Le conversazioni militari italo-tedesche alla vigilia della seconda guerra mondiale. P. 365.

² См.: *Ceva L.* Appunti per una storia dello Stato Maggiore Generale fino alla vigilia della «non belligeranza». P. 247.

³ См.: *In Africa Settentrionale. La preparazione al conflitto : L'avanzata su Sidi el Barrani.* Roma, 1955. P. 43–60.

⁴ См.: *La campagna di Grecia.* Roma, 1980. T. 2. P. 7–22.

20 и 21 июня в местечке Фридрихсхафен на берегу Баденского озера состоялись переговоры между военно-морскими делегациями двух стран. Итальянская сторона была представлена начальником штаба флота адмиралом Д. Каваньяри, немецкая — командующим флотом адмиралом Редером. В ходе двухдневных переговоров стороны обсудили планы морской войны против Англии и Франции, согласовали действия флотов и договорились о дальнейшем развитии военно-морского сотрудничества.

В Фридрихсхафене выяснилось, что германская сторона, по существу, отклонила итальянский план войны, изложенный в «меморандуме Каваллеро». Член германской делегации начальник штаба ВМФ адмирал Шнивинд писал о позиции Германии:

Немцы должны заботиться о том, чтобы в комбинированной войне Италия не увлекалась захватом Туниса, Египта, но в интересах наших общих целей она проявила бы самую энергичную активность в Западном Средиземноморье и одновременно заняла бы оборону в Восточном. В будущей войне Италия должна уделять основное внимание действиям военно-морских сил. Задачи итальянской армии, за исключением колониальных сил, не будут иметь такого решающего размаха, как действия флота и воздушных сил¹.

В результате переговоров итальянская сторона отвергла германские предложения о возможности перенести военные действия в Западное Средиземноморье с целью прервать французские коммуникации с Северной Африкой и обезопасить коммуникации с Испанией. Адмиралу Редеру не оставалось ничего другого, как принять план Каваньяри, который делал ставку на укреплении Сицилийского пролива и действиях оттуда против вражеских баз в Гибралтаре, Ороне, Александрии и на территории Турции. Основное значение в действиях против вражеских флотов Каваньяри придавал авиации. Кроме того, речь шла об активных действиях подводных лодок и надводных судов в Индийском океане. Сотрудничество между двумя военными флотами было низведено до направления двенадцати итальянских подводных лодок

¹ DGFP. Vol. 6. App. XIV. P. 1126–1127.

в Атлантический океан¹. Тем не менее, в коммюнике указывалось на «полное согласие» и «взаимное удовлетворение» итогами переговоров².

В 1971 г. историк Л. Чева ввел в оборот документы относительно визита в Германию 24–28 июня 1939 г. генерала Валле, начальника генерального штаба авиации, и его переговоров с коллегой генералом Мильхом и с маршалом Герингом. Текст соглашения между Валле и Мильхом о сотрудничестве в области военно-воздушных сил от 26 мая 1939 г. был опубликован в германских дипломатических документах. Соглашение предусматривало создание трех итало-германских технических комиссий. Во время переговоров обсуждался также вопрос о поставках в Италию зенитных орудий³. В ходе переговоров было достигнуто соглашение общего характера о разграничении сфер действий германской и итальянской авиации в воздушном пространстве над Францией⁴.

Одновременно Италию посетила представительная делегация испанских летчиков. Ее руководитель генерал А. Кинделан в интервью итальянской газете *La Stampa* указывал на фактическое соперничество двух союзов в Средиземном море. В 20-х числах июня внимание западных держав привлекла инспекционная поездка начальника генштаба Бадольо в Ливию и Албанию. Поездка сопровождалась демонстративным визитом 30 итальянских судов в испанские порты Танжер и Лиссабон⁵.

24 июня генерал Каваллеро представил Муссолини документ, в котором сообщалось о результатах переговоров в Берлине относительно образования смешанных постоянных комиссий.

1. Военно-политическая комиссия.

Обязанности: а) представлять материалы для решений глав правительств по проблемам, имеющим взаимный интерес при

¹ DDI. V. 13. App. IV ; *Minniti F.* Fino alla Guerra. P. 192.

² См.: *Il Giornale d'Italia.* 1939. Juno 22.

³ *Ceva L.* Altre notizie sulle conversazioni militari italo-tedesche alla vigilia della seconda guerra (aprile — giugno 1939). P. 151–152.

⁴ *Minniti F.* Fino alla Guerra. P. 192.

⁵ *The Times.* 20.VI.1939.

подготовке и ведении войны; б) способствовать осуществлению указанных решений и вытекающих из них соглашений о координации действий, а также директив для военно-экономической комиссии; в) играть роль центра, в котором обобщаются результаты сотрудничества между отдельными видами вооруженных сил с тем, чтобы привести их в соответствие с целями, указанными в пунктах «а» и «б».

С германской стороны главой военно-политической комиссии был назначен Вейцзекер.

2. Военно-экономическая комиссия.

Обязанности: а) изучать проблемы, представляющие общий интерес в области военной экономики, как в период подготовки, так и в период войны; б) предоставить соответствующим правительствам необходимые рекомендации, главным образом касающиеся снабжения сырьем, обеспечения транспортом, налаживания производства, вооружения, продовольствия; в) расширить обязанности и возможные соглашения также и на другие страны, если окажется необходимым включить их в военную экономику союзников.

У. Каваллеро сообщил, что главой этой комиссии назначен К. Риттер, который должен прибыть в Рим в начале июля для обсуждения организационных вопросов. В документе упоминалось также о создании постоянного секретариата, который должен стать «центром», «основным инструментом в деятельности обеих комиссий».

В заключение Каваллеро сообщил о предложении Риббентропа начать работу комиссии уже в середине июля в Берлине, чтобы определить повестку дня и формы ее работы¹.

В Лондоне и Париже усилились опасения в том, что одновременно с германской агрессией против Польши Италия начнет наступление против англо-французских колоний, прервет их средиземноморские коммуникации с Индией и Ближним Востоком. Западные союзники предполагали также возможность совместных действий Германии, Италии и Испании в Средиземном море. В немалой степени этому способствовали сами итальянцы,

¹ DDI. V. XII. № 349.

например, первого июня В. Гайда сообщил в газете *Il Giornale d'Italia*, что соглашение, достигнутое в ходе визита генерала Мильха в Италию (24–28 июня 1939 г.), будет способствовать сотрудничеству двух военно-воздушных сил не только в Европе, но и за ее пределами¹. Английская газета *The Times* уловила в этом намек на возможность предоставления итальянцам немецких самолетов для использования в Африке². Смысл маневра итальянского правительства состоял, скорее всего, в том, чтобы склонить западные державы к «средиземноморскому Мюнхену».

Однако в Лондоне и Париже отнеслись всерьез к фашистской угрозе англо-французским колониальным владениям, не без оснований рассматривая возможность комбинированных итало-германских действий в этом регионе. «Контроль над Средиземным морем предоставил бы Германии и Италии доступ к ближневосточной нефти», — предостерегал французский адмирал Р. де Бело³.

Британский историк И. Плейфер считает, что фашистская агрессия в бассейне Средиземного моря создала бы также угрозу английским морским и воздушным коммуникациям с Индией и Дальним Востоком. На региональных совещаниях в мае и июне 1939 г. в Рабате, Адене и Иерусалиме представители Англии и Франции обсудили планы совместных действий против итальянских коммуникаций и колоний. Предполагалось установить контроль над Красным морем и блокировать Средиземное море⁴.

До начала проявлений открытой враждебности против Италии западные союзники вновь обратились к мерам политического и дипломатического воздействия на ось. 23 июня в Париже министр иностранных дел Франции и турецкий посол подписали франко-турецкую декларацию, текст которой совпадал с англо-турецкой⁵. Подписание декларации открыло путь к оформлению

¹ О пребывании генерального инспектора ВВС Германии Мильха в Италии см.: DGFP. Vol. 6. App. IX, X.

² *The Times*. 2.VI.1939.

³ *Belot de R. The Struggle for the Mediterranean, 1939–1945*. Princeton, 1951. P. XII.

⁴ *Playfair I. S. O. The Mediterranean and Middle East*. L., 1954. V. 1. P. 25–26, 31.

⁵ *The Times*. 24.VI.1939.

англо-франко-турецкого союза. Франко-турецкая декларация вызвала резкие нападки на политику Турции и западных держав со стороны Италии, которая рассматривала ее как антиитальянский акт¹. Итальянский посол в Париже сообщал правительству: «Хотя заявление касается только Средиземного моря, здесь утверждают, что оба правительства изучают способ гарантировать безопасность также на Балканах»².

В июне были продолжены советско-германские консультации по поводу торгового договора. Судя по опубликованным итальянским дипломатическим документам, итальянская сторона имела о переговорах достаточно полное представление, параллельно отслеживала ход англо-франко-советских переговоров, однако предпочитала занимать осторожную позицию.

Новый нажим западных держав оказал влияние на ход итало-германских переговоров в части реализации военных статей «стального пакта».

1 июля посол в Берлине Аттолико сообщил о германском предложении провести 10 июля сессию обеих смешанных комиссий. Итальянский посол высказывался против поспешного проведения сессии. Объяснение статс-секретаря Вейцекера, что он стремится провести заседание до ухода в отпуск, показалось ему малоубедительным. В качестве одного из аргументов в пользу отсрочки сессии Аттолико сослался на отсутствие между двумя союзными странами согласованной «тщательно разработанной программы» и «политической директивы». С итальянской стороны, продолжал посол, эти исходные позиции были продиктованы дуче в письме, которое привез Каваллеро, но Гитлер все еще не ответил на предложения Муссолини. Поэтому Аттолико предложил провести заседание комиссий после встречи двух союзных руководителей³. Одновременно он обращал внимание на обострение польско-германских отношений⁴.

¹ DDI. V. 12. № 371. P. 294.

² Ibid. № 351.

³ Ibid. № 428. P. 328–329.

⁴ DDI. V. 12. № 323. № 766.

4 июля английский посол в Риме П. Лорейн передал министру Чиано текст заявления премьер-министра Чемберлена в связи с обострением данцигского вопроса. Английский премьер-министр предупреждал, что агрессия Германии против Польши неизбежно приведет к европейской войне. В то же самое время в заявлении Н. Чемберлена содержалось предложение Муссолини выступить в роли посредника. «Передайте Чемберлену, — ответил 7 июля Муссолини английскому послу, — что если Англия готова сражаться в защиту Польши, то Италия возьмется за оружие на стороне своего союзника Германии»¹. «Однако за кулисами он занимал противоположную позицию, — пишет У. Черчилль, — ему не хотелось оказаться вовлеченным в европейскую войну, чтобы помочь Германии завоевать Польшу»².

В инструкции министру иностранных дел Муссолини рекомендовал убедить германского союзника в том, что приобретение Данцига не улучшит стратегических позиций рейха, который и так владеет Восточной Пруссией и Словакией³.

Начало июля прошло под знаком стремления Рима выяснить истинные намерения Гитлера в отношении Польши. Соответствующие запросы направлялись послу в Берлине Аттолико. На очередной запрос посол доложил в Рим о своей беседе с министром иностранных дел. Риббентроп объяснил, что до встречи Гитлера и Муссолини не запланированы какие-либо действия, если только Польша не создаст «невыносимую обстановку»⁴. Однако это заявление не успокоило Муссолини. В условиях надвигающегося конфликта итальянское руководство решило придерживаться двойственной тактики, а именно избегать действий, которые могли бы привести к войне с Англией и Францией и одновременно готовиться к локальной войне, чтобы не упустить свой шанс. Для сохранения свободы действий в предстоящем конфликте Рим ограничил военные контакты с германским союзником. В частности,

¹ Ibid. № 505. P. 382.

² Черчилль У. Вторая мировая война : в 6 т. М., 1991. Т. 1. С. 353.

³ DDI. V. 12. № 505. P. 382.

⁴ The Ciano's Diplomatic Papers. P. 288 ; DGFP. V. 6. № 626. P. 884.

с 5 по 7 июля в Риме германский посол по особым поручениям К. Риттер вел переговоры с генералом Каваллеро о созыве сессии военно-политической и военно-экономической комиссий. Но договориться по этому вопросу не удалось. 7 июля Гитлер предложил Муссолини провести совместную встречу 4 августа. Два дня спустя Чиано ответил в Берлин, что по «различным мотивам» было бы лучше отложить переговоры двух глав правительств до конца сентября. Таким образом, в Риме старались избежать принятия каких-либо важных решений до прояснения международной обстановки.

Переговоры Риттера в Риме обнажили разногласия между фашистскими державами в отношении Венгрии. Германия не хотела признавать особых отношений между Италией и Венгрией. Итальянское правительство вело подготовку к «параллельной войне» на Балканах и намеревалось привлечь Венгрию к ее осуществлению.

11 июля Париани подготовил для главы правительства меморандум, в котором рассмотрел варианты участия Италии в операциях на различных театрах военных действий. Самым трудным был признан театр военных действий против Франции. При этом итальянцы предпочитали, чтобы военные действия велись против линии Мажино, а не на альпийском фронте. На Балканах и Украине интерес для итальянцев представлял раздел добычи с Германией. В отношении Югославии предпочтение отдавалось юлийскому через Словению, а не албанскому направлению. В Северной Африке их интересовала проблема коммуникаций в Средиземном и Красном морях. Подписанный командующим войсками в Албании генералом Гудзони проект предусматривал отрезать Грецию от Балкан, оккупировать Корфу, Ионические острова. На завершение подготовки отводился один год¹.

17 июля Муссолини предложил венгерскому премьер-министру Телеки «обсудить конкретные вопросы военного порядка»

¹ *Minniti F. Fino alla Guerra. P. 193.*

между руководителями двух армий¹. Венгерское правительство заняло позицию, схожую с итальянской, и настаивало на обсуждении военных и военно-экономических вопросов на германо-итало-венгерских переговорах, явно рассчитывая на поддержку Рима.

21 июля германское руководство отклонило венгерскую инициативу о проведении встречи представителей трех стран и предложило в конце июля — начале августа обсудить проблемы снабжения сырьем, поставок материалов и коммуникаций на германо-венгерских переговорах². 24 июля венгерский посланник передал Гитлеру два письма премьер-министра Телеки. В первом письме Телеки обещал в случае войны согласовывать венгерскую политику с политикой оси. В конце письма глава венгерского правительства отклонил предложение Берлина о двухсторонних переговорах и настаивал на обсуждении «в трехстороннем порядке» «задач» самого тесного сотрудничества трех держав³. Во втором письме Телеки сообщал, что в случае польско-германской войны Венгрия будет «не в состоянии начать военные действия против Польши»⁴. Из писем Телеки видно, что венгерские руководители продолжали строить свою политику в расчете на использование противоречий в фашистской оси, склоняясь к сотрудничеству с ее римской половиной. В Берлине письма Телеки вызвали негодование, в то время как в Италии получили негласную поддержку⁵.

В июле польско-германские отношения резко обострились. Посол Аттолико возражал против переноса встречи двух диктаторов на более поздний срок, указывая на концентрацию германских войск у польской границы. Он сообщал:

¹ *Macartney C. A. October fifteenth*. Edinburg, 1956. Part 1. P. 358.

² DGFP. V. 6. № 578, 706.

³ Венгрия и Вторая мировая война. Док. 99. С. 177–178.

⁴ Там же. Док. 100. С. 178.

⁵ См. об этом: *Пушкаш А. И.* Венгрия в годы Второй мировой войны. С. 95–96; DGFP. V. 6. P. 1019; DDI. V. 12. Doc. 715. P. 535.

Важное политическое решение будет принято в середине августа. В свете этой информации, за которую я ручаюсь, можно легко понять, почему фюрер настаивает на проведении встречи 4 августа. Фюрер, очевидно, хочет посоветоваться с дуче относительно окончательного решения. Если эта встреча не состоится, откажется ли фюрер решать вопрос самостоятельно? Очень в этом сомневаюсь¹.

Видимо, аргументы итальянского посла оказали влияние на итальянское руководство. 15 июля Аттолико передал Гитлеру, что Муссолини согласен встретиться с ним 4 августа. Вернувшийся из поездки в Испанию Г. Чиано включился в подготовку визита Муссолини. 19 июля он записал в дневнике:

Может быть, ввиду того факта, что по многим причинам военные планы следует отложить как можно дальше, он сможет поговорить с фюрером насчет созыва международной конференции мира. Это дало бы следующие преимущества: либо демократии согласятся сесть за круглый стол и вести переговоры, и дело кончится тем, что им придется пойти на значительные уступки, либо они откажутся, и в таком случае мы будем иметь преимущества в качестве инициаторов мира, что... облегчит нам обоснование наших требований.

Наряду с этим в записях Чиано наблюдается накапливающаяся тревога относительно германских планов:

Но каковы же подлинные намерения Гитлера? Аттолико... предостерегает о неизбежности нового и, может быть, рокового кризиса².

Не доверяя полностью Аттолико, проявлявшему, по мнению Чиано, чрезмерную озабоченность в связи с нацистскими планами в отношении Польши, министр иностранных дел взвалил подготовку встречи двух руководителей на своего родственника М. Маджистрати. 21 июля Маджистрати был вызван в Рим. Чиано записал в дневнике:

¹ DDI. V. 12. № 535. P. 399–402.

² Чиано Г. Дневник фашиста. С. 140.

Массимо не столь пессимистически смотрит на положение и подтверждает мои подозрения насчет того, что Аттолико поддался панике без достаточных на это оснований¹.

Маджистрати принял активное участие совместно с Муссолини и Чиано в разработке программы встречи с Гитлером на Бреннерском перевале. В основе плана встречи находилось обсуждение предложения о созыве международной конференции². Маджистрати вернулся в Берлин с указанием принимать участие во всех переговорах посла Аттолико по вопросам, связанным с организацией встречи³. В те же самые дни Чиано дал поручения активизировать контакты с косовскими ирредентистами на предмет их подготовки к «моменту возникновения неизбежного югославского кризиса»⁴.

11 июля Париани подготовил для главы правительства меморандум, в котором рассмотрел варианты участия Италии в операциях на различных театрах военных действий. Самым трудным был признан театр военных действий против Франции. При этом итальянцы предпочитали, чтобы военные действия велись против линии Мажино, а не на альпийском фронте. На Балканах и Украине интерес для итальянцев представлял раздел добычи с Германией. В отношении Югославии предпочтение отдавалось юлийскому через Словению, а не албанскому направлению. В Северной Африке их интересовала проблема коммуникаций в Средиземном и Красном морях. Подписанный командующим войсками в Албании генералом Гудзони проект предусматривал отрезать Грецию от Балкан, оккупировать Корфу, ионические острова. На завершение подготовки отводился один год⁵.

¹ Там же. С. 140.

² Правительства Англии и Франции поощряли Италию выступить с инициативой проведения мирной конференции. См.: DDI. V. 12. № 617 ; *M. Gilbert, R. Gott. The Appears*. Boston, 1963. P. 235.

³ *Magistrati M. L'Italia a Berlino*. P. 377.

⁴ *Чиано Г.* Указ. соч. С. 141.

⁵ *Minniti F. Fino alla Guerra*. P. 192–193.

25 июля посол Аттолико в сопровождении советника итальянского посольства Маджистрати выехал в Зальцбург для переговоров с Риббентропом. Итальянские дипломаты изложили германскому министру сомнения Муссолини относительно возможности локализовать польско-германский конфликт. Сославшись на меморандум Каваллеро, они отметили, что международная обстановка не является благоприятной для развязывания всеобщей войны, поэтому Муссолини предлагает созвать международную конференцию в составе Англии, Франции, Германии, Италии, Испании и Польши для обсуждения германских и итальянских притязаний. «Конструктивную программу мирного урегулирования конфликта» Муссолини предлагал обсудить во время встречи двух диктаторов. Если Гитлер согласен с этими предложениями, то он должен поставить в известность итальянское правительство до 31 июля. Обсуждение мирных предложений ставилось в качестве условия для проведения переговоров двух лидеров на Бреннере. К «меморандуму Маджистрати» прилагался проект коммюнике о встрече двух руководителей, написанный лично Муссолини. В нем содержалось обращение к западным державам о проведении международной конференции «для урегулирования главных проблем, которые волнуют Европу»¹.

Гитлер отверг предложения Муссолини. В докладе посла Аттолико в Рим отмечалось, что, по мнению Гитлера, позиции стран оси являются настолько сильными в мире, что любая мирная инициатива с их стороны будет рассматриваться противниками как проявление слабости. И эта инициатива может окончательно подтолкнуть СССР в объятия англичан и французов².

Риббентроп передал Аттолико, что Германия намерена решить данцигскую проблему любым путем. «Какая-либо мирная инициатива оси будет рассматриваться вражескими державами как признак слабости», — заявил министр. Он также отклонил итальянский проект коммюнике. Чтобы не привлекать особого внимания

¹ DDI. V. 12. № 662. P. 497–500; № 687. P. 517–523.

² *Toscano M.* L'Italia e gli accordi tedesco-sovietici dell'agosto 1939. P. 66.

к встрече двух руководителей, Риббентроп предложил провести ее во Флоренции под предлогом присутствия Гитлера на военных маневрах¹.

Если судить по записи Чиано в дневнике, то даже после встречи его дипломатов с Риббентропом он все еще не верил в возможность начала «большой» войны. Тем не менее, он всецело поддерживал решение Муссолини отложить встречу с Гитлером². 28 июля Аттолико передал Риббентропу, что поскольку Гитлер отклонил предложения Муссолини, последний предлагает отложить встречу на неопределенный срок³.

Мотивы, которыми руководствовался Муссолини, подробно изложил Маджистрати. Чтобы не создавать недоразумений и двусмысленности в переговорах с Берлином, писал советник, необходимо строго придерживаться положений, зафиксированных в «стальном пакте». Поскольку стороны брали на себя обязательства предварительно консультироваться во всех случаях без исключения, не итальянское правительство должно требовать разъяснений, а Германия как заинтересованная сторона должна настаивать на консультациях с Римом. «Если мы будем требовать от немцев ответить “да” или “нет”, они ответят двусмысленно, и нам трудно будет интерпретировать характер ответа и апеллировать к договору», — писал Маджистрати⁴.

Очевидно, по тем же причинам итальянцы отклонили германское предложение о проведении военных переговоров двух стран в первой половине августа, объявив в качестве возможной даты начало сентября, вопреки тому, что инициатива поездки военной делегации во главе с маршалом Бадольо первоначально принадлежала итальянцам⁵. Несмотря на сохраняющееся недоверие к тревожным сообщениям посла Аттолико, Чиано посетили пер-

¹ См.: DGFP. V. 6. № 718. P. 985–987; № 647. P. 485 ; *Wiskemann E. The Rome-Berlin Axis : A Study of the Relations between Hitler and Mussolini.* L., 1966. P. 190.

² *Чиано Г. Дневник фашиста.* С. 140.

³ DDI. V. 12. № 717. P. 536–538.

⁴ Ibid. № 740. P. 555.

⁵ Ibid. № 514. P. 387; № 679. P. 514; № 701. P. 530.

вые сомнения относительно правоты донесений Маджистрати. «...Либо он видит и знает нечто, совершенно ускользнувшее от нас», — пишет в дневнике Чиано по поводу донесений Аттолико¹. В это время внимание итальянского внешнеполитического ведомства переключается на Египет, куда англичане ввели дополнительные контингенты индийских войск.

1 августа посол Аттолико направил очередное тревожное донесение в Рим, в котором сообщал, что германский министр иностранных дел настойчиво добивается немедленного проведения двусторонних переговоров. Риббентроп не скрывал, что целью этой встречи должно стать согласование позиций двух стран на случай европейской войны². Письмо посла не нашло отражения в дневнике Чиано. Несмотря на то, что новый военный атташе в Берлине М. Роатта информирует о растущей концентрации германских войск на польской границе, Чиано записывает 3 августа в дневнике: «Может быть, я ошибаюсь, но я продолжаю быть оптимистом»³.

Судя по записям в дневнике Чиано, резкий поворот в его настроениях произошел 6 августа. По итогам обсуждения европейской ситуации с Муссолини он вносит следующую запись:

Пойдя за немцами, мы вступим в войну, и вступим в нее при самых неблагоприятных условиях для оси и в особенности для Италии... Если наступит кризис, мы будем сражаться хотя бы для того, чтобы спасти нашу честь. Но мы должны избежать войны⁴.

Чиано поддержал идею встречи с Риббентропом, которая, по его мнению, должна иметь форму частного характера. В ходе встречи Чиано планировал настаивать на проекте Муссолини о проведении международной конференции.

7 августа Чиано сообщил в Берлин, что «до изучения возникшей ситуации» и завершения англо-франко-советских переговоров

¹ Чиано Г. Дневник фашиста. С. 144.

² DDI. V. 12. № 743. P. 561.

³ Чиано Г. Указ. соч. С. 145.

⁴ Там же. С. 146.

он не видит оснований для переговоров на высшем уровне, и предложил провести встречу двух министров иностранных дел. Муссолини пожелал, чтобы встреча носила частный характер и сдержанно освещалась в прессе. В тот же день Риббентроп определил место и время встречи: Зальцбург, 11 августа¹.

9 августа Париани отдал устное распоряжение к подготовке двух наступлений: одного — против Югославии, не согласованного с Германией в направлении болгарской границы, и другого — против Греции в направлении Салоник. Северная Африка продолжала оставаться исключенной из любого рассмотрения средиземноморской стратегии².

Переговоры двух министров иностранных дел проходили в Зальцбурге с 11 по 13 августа.

Министр иностранных дел Г. Чиано отметил в дневнике, что он был направлен в Зальцбург, чтобы доказать немцам, «что мы должны избежать конфликта с Польшей, поскольку было бы невозможно локализовать его, а всеобщая война была бы катастрофой для всех»³.

Нацистские руководители, пишет Н. Д. Смирнова, оказывали сильное давление на итальянского союзника, чтобы заставить его выступить одновременно с Германией⁴. При этом они изъявляли готовность позволить итальянцам оккупировать Хорватию и Далмацию. Словению Гитлер решил прибрать к своим рукам⁵. Однако договоренностей по этим вопросам достигнуто не было.

В итальянских дипломатических документах от 8, 13 и 14 августа говорится о возобновлении итало-японских переговоров. 18 августа в документах кабинета МИД Италии появилась запись о том, что министерство военно-морского флота Японии предложило возобновить изучение пакета предложений об итало-японском пакте. Начальник штаба ВМФ Италии адмирал Каваньяри

¹ DGFP. Vol. 6. № 777. P. 1073.

² *Mimmiti F.* Fino alla Guerra. P. 193.

³ *Чиано Г.* Указ. соч. С. 148.

⁴ См.: *Смирнова Н. Д.* Балканская политика фашистской Италии. С. 139.

⁵ *Mosca R.* L'Europa verso la catastrofe. V. 2. P. 80.

направил 21 августа 1939 г. инструкцию военно-морскому атташе в Токио, из которой следовало, что «данный момент не является благоприятным для начала известных переговоров»¹.

4.7. Итальянские планы вступления в войну и объявление «неучастия в войне» (*non belligeranza*)

Фашистская Италия готовилась к участию в войне и могла 1 сентября 1939 г. выполнить свои союзнические обязательства перед Германией. Почему же этого не произошло? К примеру, авторы военно-исторического исследования «Греческая кампания» пишут, что в конце августа обсуждение плана наступательных действий против Греции и Югославии не выходило за рамки «оперативного изучения»².

Угроза возникновения войны в связи с германскими требованиями к Польше не являлась откровением для фашистского руководства. Более того, она ускорила военные приготовления на Балканах в связи с обострением польско-германских отношений. Бадольо сделал следующее признание:

16 августа (т. е. сразу же после встречи в Зальцбурге Чиано с Гитлером и Риббентропом. — В. М.) в связи с неминуемостью германских действий для решения данцигской проблемы дуче дал мне директивы оперативного характера, которыми мы должны руководствоваться³.

В директиве были определены следующие направления действий:

1. В случае польско-германского конфликта Великобритания и ее союзники могут вмешаться в войну. Италия должна сохранить строго оборонительные позиции. Италия не должна делать

¹ DDI. V. XI. P. 165. Сноска 7.

² La campagna di Grecia. T. 1. P. 26, 109–111; T. 2. P. 215–218.

³ *Badoglio P. L'Italia nella seconda guerra mondiale*. Milano, 1946. P. 35.

никаких приготовлений, которые могут показать, что она присоединяется к германской инициативе.

2. Если мы будем атакованы, мы должны обеспечить неприкосновенность наших границ и в короткий срок подготовить наступление против Греции, чтобы достичь Салоники.

3. Если позволит ситуация, мы захватим Хорватию.

4. Штабы родов войск должны немедленно приступить к изучению наступательных операций против Греции и Югославии¹.

В любом случае в директиве подчеркивался характер войны как *параллельной* Германии².

Париани провел четыре встречи с высшими офицерами Генерального штаба, в ходе которых были рассмотрены различные варианты поведения Италии в зависимости от развития международного кризиса. Были рассмотрены варианты наступления против Греции, высадки на Корфу и других островах. Наступление против Югославии требовало использования долины реки Дравы, а значит, получения согласия или сотрудничества с Венгрией и Германией. В связи с этим Париани сделал запрос Бадольо относительно возможности такого сотрудничества, а также поддержки сухопутных операций со стороны воздушных и морских сил. Ответ Бадольо был достаточно сдержанным по всем вопросам. Относительно использования долины Дравы необходимо было обратиться к Муссолини. Участие Венгрии в совместной операции он рассматривал в качестве возможного. Принятие решения о прямой поддержке воздушных и морских сил находилось в компетенции Верховного командования. Относительно поддержки со стороны флота Бадольо выразил сомнения, поскольку, по его мнению, флот будет обременен другими обязательствами. В целом Бадольо полагал, что начало военных действий на Балканах будет находиться в прямой зависимости от ситуации в Альпах или в Ливии³.

¹ См.: *Faldella E. L'Italia nella seconda Guerra mondiale. revisioni di giudizi. Cappelli, 1959. P. 132–133.*

² *Minniti F. Fino alla Guerra. P. 194.*

³ См. об этом: *Ibid. P. 195–196.*

Муссолини колебался относительно поддержки германского союзника в войне. 20 августа Чиано записал в дневнике:

...Дуче в мое отсутствие сделал поворот на 180 градусов. Он хочет оказать поддержку Германии во что бы то ни стало в конфликте, который сейчас совсем близок... А пока что англичане обратились к дуче с призывом урегулировать конфликт мирным образом¹.

Следующая запись в дневнике Чиано была сделана 21 августа:

Муссолини подтвердил свое решение идти вместе с немцами².

22 августа был рассмотрен «план Гудзони», на основании которого 23 августа были разработаны директивы для «албанского оперативного театра». Осуществление операции Муссолини поставил в зависимость от позиции Англии и Франции. В этот день Чиано сделал следующую запись:

Нам не следует принимать поспешных решений. Мы должны подождать и, если возможно, быть готовыми самим получить что-нибудь в Хорватии и Далмации. Дуче создал для этой цели специальную армию под командованием Грациани. Я установил контакт с нашими хорватскими друзьями в Италии и в их собственной стране³.

23 августа 1939 г. был подписан советско-германский пакт о ненападении с секретным протоколом о разграничении сфер влияния в Восточной Европе⁴. Во время встречи в Зальцбурге Риббентроп дал понять своему итальянскому партнеру о том, что ведутся советско-германские переговоры. Чиано обратил внимание на высочайшую секретность информации о переговорах⁵.

23 августа Муссолини пояснил, что положительно относится к сотрудничеству с Венгрией и Болгарией против Югославии, но отметил в качестве «немыслимого» прямое сотрудничество

¹ Чиано Г. Дневник фашиста. С. 154.

² Там же. С. 155.

³ Там же. С. 157.

⁴ Чубарьян А. О. Канун трагедии. Сталин и международный кризис : Сентябрь 1939 — июнь 1941 года. М., 2008. С. 30.

⁵ Mosca R. L'Europa verso la catastrofe. V. 2. P. 79.

с Германией по поводу ввода войск. Глава правительства отдал распоряжение Париани относительно продолжения работы оперативного отдела над целями и формами наступательных действий против Греции. Для этой цели были запланированы двадцать дивизий. В качестве наступательных целей были определены Салоники, Корфу, Кефалония, Занте, Санта Маура. Спустя три дня оперативный отдел генштаба представил план, названный «Наступательные операции EJ», который предполагал задействовать ось в случае возникновения антисербских выступлений в Хорватии и Македонии для быстрой и неожиданной оккупации Словении и Хорватии. Наступление планировалось осуществлять двумя армиями, находящимися в распоряжении паданской группировки, на Загреб через Люблян и Карловац. При этом категорически исключалось какое-либо обращение к Берлину по поводу участия в наступательной кампании германских войск¹.

Итальянское руководство одновременно пыталось прояснить перспективы польско-германского конфликта, выяснить позицию западных держав на предмет их реакции и готовило собственные параллельные действия на тот случай, если состоится сделка по типу мюнхенского соглашения или польско-германская война будет носить локальный характер.

Англо-французские союзники осуществили ряд военных и дипломатических демаршей с тем, чтобы воспрепятствовать вступлению Италии в войну и, соответственно, распространению конфликта на Балканы, Средиземноморье и Северную Африку. В июле и августе в Рим поступали сообщения, что в случае европейской войны Англия и Франция будут придерживаться оборонительной тактики в отношении Германии и нанесут «сокрушительный удар» по Италии и ее позициям в Средиземном море и Африке².

20 августа министр иностранных дел Англии Галифакс напомнил итальянскому правительству, что западные державы окажут

¹ См.: *Minniti F. Fino alla Guerra*. P. 196–197.

² DDI. V. 12. № 690, 745.

поддержку Польше в случае германской агрессии¹. В тот же день Муссолини, министр Чиано и посол Аттолико составили проект ноты германскому правительству, в котором указывали, сославшись на письмо Галифакса, на невозможность локализовать германо-польский конфликт. Итальянское правительство, говорилось в документе, не считает возможным начать военные действия в Африке и особенно в Ливии. В качестве альтернативы войне итальянские руководители настаивали на созыве международной конференции².

22 августа правительство Чемберлена публично подтвердило гарантии Польше. В тот же день Чиано записал в дневнике:

Мы должны подождать и, если возможно, быть готовыми самим получить что-нибудь в Хорватии и Далмации. Дуче создал для этой цели специальную армию под командованием Грациани³.

Запись в дневнике от 23 августа отсутствует.

24 августа Чиано был принят королем Виктором Эммануилом. Речь зашла о неподготовленности Италии к ведению войны против англо-французских союзников. «Даже оборона наших границ недостаточна... французы могут прорвать нашу линию обороны с большой легкостью». Оба сошлись во мнении, что Италия должна занять нейтральную позицию в случае конфликта Германии с западными державами⁴.

А 25 августа Англия и Польша заключили договор о взаимопомощи. Угроза европейской войны стала реальностью. Возможности выбора действий для фашистского руководства были сведены к двум: поддержать союзника по «стальному пакту» и обречь страну на мощный удар со стороны англо-французских союзников или найти способ уклониться от вступления в войну.

Вечером 25 августа глава итальянского правительства сообщил Гитлеру, что Италия не может принять участие в европейской войне

¹ Ibid. V. 13. № 117. P. 80.

² DDI. V. 13. № 123. P. 83.

³ Чиано Г. Дневник фашиста. С. 157.

⁴ Там же С. 159

из-за недостаточной военной подготовленности¹. «Мы не готовы начинать войну. Мы вступим в войну, когда вы (немцы. — *В. М.*) предоставите нам все материалы и сырье, в которых мы нуждаемся», — записал Чиано в тот же день в дневнике². Посол Германии Макензен попросил составить список итальянских потребностей. На следующий день в резиденции Муссолини под руководством главы правительства состоялось совещание с участием начальников штабов трех родов войск, на котором были обсуждены итальянские потребности в сырье и военной амуниции. По итогам был составлен список итальянских запросов к Германии, о котором Чиано образно сказал, что «его достаточно, чтобы убить быка, если бы бык умел читать»³. При передаче списка итальянский посол в Берлине допустил ошибку, позже он признается министру иностранных дел, что сделал это намеренно, указав, что запрошенные амуниция и материалы должны быть предоставлены немедленно. Речь шла о 17 млн т груза, для доставки которых потребовалось бы 17 тыс. вагонов⁴. На следующий день Гитлер ответил, что Германия может поставить только железо, уголь и лес, всего несколько зенитных батарей. Фюрер отметил, что призывает Италию быть дружественной и просил не сообщать о решении занять нейтральную позицию.

25 августа английский посол в Риме информировал свое правительство, что несмотря на громкую политическую риторику в поддержку Германии, Италия не вступит в войну против западных держав и останется нейтральной⁵. Британский министр иностранных дел Галифакс заверил Чиано, что принятые британские меры в Средиземном море не следует истолковывать как подготовку к военным действиям против Италии. Итальянцы болезненно реагировали на сообщение Галифакса о немецком предложении

¹ DDI. V. 13. № 250. P. 164–165. Письмо было вручено Гитлеру 25 августа в 18 часов.

² Чиано Г. Дневник фашиста. С. 160.

³ Там же. С. 160.

⁴ Там же. С. 160–161.

⁵ DBFP. Vol. 7. № 269. P. 220–221.

заклучить союз с Великобританией. Муссолини негодует в связи с тем, что это было сделано без уведомления итальянской стороны. Между министрами иностранных дел Великобритании и Италии устанавливается постоянный телефонный контакт¹. 27 августа начальник генерального штаба сухопутных сил Париани направил маршалу Бадольо два оперативных плана операций. Один — против Греции с указанием уже известного маршрута движения и завоевания целей. Второй — наступления против Югославии. Разработчик плана полковник А. Гандин отдавал предпочтение реализации плана по албанскому образцу².

29 августа Бадольо направил специальные директивы оперативного характера относительно оборонительно-наступательных действий в Ливии, итальянской Восточной Африке против Сомали и Джибути, а также оборонительных действий в Восточной Ливии посредством организации операций в Судане. Муссолини дал оценку этим операциям как «полностью соответствовавшим» политике *non belligeranza*.

31 августа начальник генерального штаба Бадольо направил главе правительства «Оперативный план действий на случай развития международной обстановки».

В нем конкретизировались планы наступательных действий против Греции и Югославии. Из него следовало, что Италия располагает скудными ресурсами для отражения наступательных действий Франции на двух фронтах. Только после преодоления критической фазы столкновений Италия сможет осуществить наступление против Греции при благоприятном отношении Болгарии и Венгрии. Что касается наступления против Югославии, то можно говорить о нем только в случае распада государства³.

В последние дни перед нападением Германии на Польшу итальянское руководство пыталось исполнить роль переговорщика между Лондоном и Берлином. 31 августа оно предприняло одну из последних попыток. Чиано связался с британским коллегой

¹ Чиано Г. Дневник фашиста. С. 161, 162.

² Minniti F. Fino alla Guerra. P. 198–199.

³ Faldella E. L'Italia nella seconda Guerra mondiale. P. 134.

и сообщил ему, что «дуче может предпринять шаги перед Гитлером лишь в том случае, если он сможет обещать жирный куш — Данциг». Через некоторое время Галифакс ответил, что предложение о Данциге отклоняется. Итальянская сторона предложила провести 5 сентября международную конференцию для обсуждения статей Версальского договора, по которым существуют разногласия в Европе. Однако до конца дня 31 августа ответа не поступило. Вечером 31 августа, исходя из опасений по поводу непредвиденного удара по Италии со стороны Великобритании и Франции, Чиано открыто заявил британскому послу, что Италия не вступит в войну¹.

В пять часов вечера 1 сентября открылось заседание совета министров Италии, на котором глава правительства объявил о невмешательстве Италии в войну (*non belligeranza*).

Последние попытки мирного урегулирования предпринимались со стороны Франции и Великобритании 1 и 2 сентября. 1 сентября военное командование отдало распоряжение «обеспечить неприкосновенность наших границ как на Родине, так и в заморских территориях»². 2 сентября генерал Париани направил приказ генералу Содду подготовить шесть наступательных планов, из которых два предусматривали контрнаступление на западном и восточном фронтах Ливии. По поводу планов наступления Бальбо скептически оценил возможности Италии³.

3 сентября Великобритания и Франция объявили войну Германии.

Фашистская Италия выразила озабоченность в связи с тем, что Франция и Великобритания приняли антиитальянские превентивные меры в Средиземноморье, Северной и Восточной Африке. 5 сентября Чиано получил заверения от французского посла, а затем и начальника генерального штаба Франции Гамелена, что антиитальянские меры уже отменены⁴.

¹ Чиано Г. Указ. соч. С. 167.

² Minniti F. Op. cit. P. 199.

³ Ibid. P. 200–201.

⁴ Чиано Г. Указ. соч. С. 171 ; Minniti F. Op. cit. P. 202.

В сентябре итальянский Генеральный штаб и штабы родов войск продолжили планирование военных операций на Балканах, в Средиземноморье, в Северной и Восточной Африке.

В чем причины уклонения Италии от вооруженной поддержки германского союзника? Во-первых, итальянские вооруженные силы действительно не были подготовлены к крупномасштабной войне. Итальянская армия по качеству своего вооружения и по тактическим взглядам оставалась на уровне периода войны с Эфиопией. Из числившихся в строю более 3 тыс. самолетов лишь третья часть была в состоянии летать. Производственные мощности авиастроения были ограничены. При этом английские самолеты имели лучшие качественные характеристики, чем итальянские. Немало слабых мест имел и военно-морской флот¹. Во-вторых, поскольку планы автаркии были далеки от завершения, итальянскому правительству не удалось ослабить зависимость от импорта важнейших видов сырья. Хотя к началу войны доля западных держав в итальянском импорте сократилась до 1/4 (в 1929 г. — 1/2), ни Германия, ни страны Юго-Восточной Европы не могли снабжать Италию по номенклатуре и качеству теми видами сырья и продовольствия, которые она продолжала ввозить из Британской империи, США и Франции. Кроме того, подавляющая часть итальянского импорта шла морским путем. Сухопутным путем ввозилось в среднем 23 % всего импорта. Таким образом, возможность импорта в Италию зависела на три четверти от коммуникаций, которые контролировались Англией и Францией².

В-третьих, как показали итало-германские переговоры весны-лета 1939 г., между двумя союзниками имелись серьезные разногласия не только относительно времени развязывания европейской войны, но и по вопросам военной стратегии. Гитлеровское руководство, развернув подготовку к европейской войне, стремилось заручиться итальянской поддержкой. Италия должна была нейтрализовать Балканы, сковать англо-французские силы в Северной

¹ Филатов Г. С. Крах итальянского фашизма. С. 123–130 ; Faldella E. L'Italia e la seconda Guerra mondiale. P. 42, 44, 53–54.

² Вишнев С. Военная экономика фашистской Италии. М., 1946. С. 44, 56

Африке и Средиземном море. Однако фашистская Италия не была готова к европейской войне. Муссолини рассчитывал воспользоваться двух-трехлетним мирным периодом для завершения подготовки к борьбе за передел мира, а до этого времени надеялся при первом благоприятном случае осуществить планы «параллельной войны». Гипотетически такая возможность существовала до 3 сентября 1939 г.

Англо-французским союзникам не удалось урегулировать противоречия с фашистским блоком мирным путем. Но они не теряли надежд договориться с фашистскими агрессорами за счет СССР и других стран. Западным державам удалось использовать разногласия между Италией и Германией для ослабления фашистской оси, не допустить вступления в действие «стального пакта». Объявление войны Германии позволило им удержать Италию от агрессии на Балканах и таким образом избежать распространения войны на районы, граничащие с колониальными владениями Англии и Франции. Изменение отношения Муссолини к вступлению в войну произошло под мощным давлением англо-французского блока¹. В период «странной войны» западным союзникам удалось привлечь Италию к давлению на Берлин с тем, чтобы повернуть гитлеровскую агрессию против Советского Союза.

¹ Чепалов И. Н. Политика великих держав на Балканах в период предвоенного политического кризиса в Европе // Политика великих держав на Балканах и Ближнем Востоке (1933–1941). Свердловск, 1976. С. 128–129.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Тема ответственности за развязывание Второй мировой войны продолжает оставаться одной из ключевых в мировой историографии.

Миф о мирной фашистской политике сформировался в итальянской историографии под влиянием речи министра иностранных дел Италии Чиано, произнесенной в палате фаши и корпораций в декабре 1939 г. В ней разъяснялась позиция фашистского руководства в связи с объявлением в сентябре 1939 г. политики «невоюющего союзника» Германии. Министр объяснил уклонение Италии от выполнения союзнических обязательств тем, что Германия нарушила обещание придерживаться мирной политики в течение трех-четырех лет. При этом итальянская политика была представлена как «политика мира», а Муссолини — «миротворцем»¹. Английский исследователь Э. Вискеманн метко подметила, что основным мотивом речи Чиано было: «Не мы предатели»². 23 декабря 1943 г. он написал введение к своему дневнику, в котором отмечалось, что «трагедия Италии началась в августе 1939 г.», когда на встрече в Зальцбурге с Риббентропом он впервые узнал о «вероломном решении» германского союзника объявить войну Польше. Германское руководство было уверено, пишет Чиано, что Франция и Англия останутся безучастными к растерзанию Польши. Германские действия, по мнению Чиано, шли вразрез с буквой «стального пакта», статьи которого якобы оговаривали период в три-четыре года, в течение которых ни Италия, ни Германия не будут поднимать вопросы, способные нарушить европейский порядок. «С вероломным поведением» Германии в отношении

¹ См.: *L'Italia di fronte al conflitto* : Discorso di G. Ciano 16 dicembre 1939. Milano, 1940.

² См.: *Wiskemann E. The Rome-Berlin Axis*. L., 1949. P. 186.

своего союзника он связывал, таким образом, причины поражения фашистского блока в войне¹.

Тезисы Чиано были подхвачены и развиты в публикациях бывших фашистских дипломатов и военачальников. К примеру, деятель фашистской партии и дипломат Дж. Бастианини писал, что Гитлер «поступил грубо и подло по отношению к Италии, начав войну, что противоречило каждой букве и духу договора, связывающего нас». В связи с этим «наши права иметь свободу рук были законными», заключал он².

В послевоенной литературе нашел отражение еще один расхожий тезис, выдвинутый У. Черчиллем в декабре 1940 г., о вине «только одного человека» — Муссолини — за втягивание Италии в войну на стороне Германии. «Он [Муссолини] никогда не говорил своим подчиненным о решениях, которые принимал», — утверждал в русле этого тезиса бывший начальник фашистского генерального штаба П. Бадольо³. Многие итальянские авторы, пишет в связи с этим Э. Коллотти, стремятся свести проблематику итало-фашистской «параллельной войны» к «персональной войне» Муссолини⁴.

В общих чертах эти концептуальные установки о «предательстве» и «вероломстве Германии» по отношению к союзнику, «о вине только одного человека» проявились в мемуарных источниках дипломатов Д. Альфиери, Ф. Анфузо, Р. Гуарилья, М. Лючоли (М. Доности), С. Ланца (Л. Симони), Р. Канталупо, Д. М. Туинетти, Р. Бова Скоппа, Э. Грацци, А. Беио, А. М. Понсе де Леон, Д. Гранжи, Ф. Сувича⁵.

¹ *Ciano G. Introduzione // Ciano G. Diario: 1937–1943 / a cura di R. De Felice. Milano, 1990. P. 20–21.*

² *Bastianini G. Uomini, cose, fatti. Milano, 1959. P. 87.*

³ *Badoglio P. Italy in the Second World War. Oxford, 1948. P. 14.*

⁴ См.: *Коллотти Э. Балканы во внешней политике фашистской Италии // Международные отношения на Балканах. М., 1974. С. 238.*

⁵ Более подробный анализ мемуарной литературы см.: *Михайленко В. И. Итальянская литература о политике держав оси Берлин — Рим на Балканах (1939–1940) // Политика великих держав на Балканах и Ближнем Востоке. Свердловск, 1977. С. 113–136.*

Во второй книге воспоминаний «Пролог драмы» бывший военный атташе М. Маджистрати утверждал: «...Я считаю своим долгом еще раз повторить, что наша страна никогда, даже в самые опасные моменты Эфиопской войны и ввода в Средиземноморье британского *Home Fleet* и нефтяных санкций, не думала о разжигании вооруженного конфликта в качестве окончательного и необходимого урегулирования кризисов, в которые она была вовлечена»¹. Поэтому, продолжал автор, было бы «несправедливым и антиисторическим утверждать, что Италия была между 1933–1937 гг. “великим нарушителем” мирового порядка». И в последующие два года итальянские действия «всегда были направлены, несмотря на тяжелейшую обстановку, на установление связей, на поиск договоренностей с целью проведения встреч и конференций, чтобы разорвать опасную изоляцию событий и дать выход возможным компромиссам и посредничеству»².

Оценка внешнеполитического поведения Италии накануне Второй мировой войны является тем самым историческим случаем, о котором говорят, что «дьявол обитает в мелочах». В качестве примера сошлюсь на одну из недавних книг о взаимоотношениях между Италией, Францией и Великобританией в период между Мюнхенским соглашением и вступлением Италии в войну. Ее автор итальянский исследователь Эмилио Джин ставит задачу доказать, что вступление Италии во Вторую мировую войну представляло собой последнюю попытку Муссолини «перевести вопрос (конфликт между странами оси и западными союзниками. — В. М.) на рельсы переговоров и дипломатии»³. Автор сосредоточился на дипломатических переговорах, которые велись на протяжении девяти месяцев после Мюнхена между Римом, Лондоном и Парижем. В частности, он уделяет немало места включению в переговоры нового посредника – Ватикана. Накануне визита Риббентропа 6–7 мая 1939 г. представитель Ватикана попытался

¹ *Magistrati M. Prologo del dramma. Milano, 1971. P. 26.*

² *Ibid. P. 26–27.*

³ См.: *Gin E. L'ora segnata dal destino : Gli Alleati e Mussolini da Monaco all'intervento, Settembre 1938 – Gigno 1940. Roma, 2012.*

выступить посредником между Францией и Италией. На это премьер-министр Э. Даладье ответил, что он не будет вести какой-либо диалог с «этим бандитом» Муссолини. По мнению Э. Джина, это повлияло на принятие Муссолини решения о союзе с Германией. Итало-германские военные переговоры, которые, по мнению автора, велись с 6 февраля 1939 г. и были нацелены исключительно на то, чтобы иметь информацию о германских планах экспансии¹.

Э. Джин приводит убедительные доказательства того, что в период назревания мирового конфликта британское политическое и военное руководство рассматривало средиземноморский театр военных действий как решающий для себя и планировало нанесение сокрушительного удара по итальянскому военному флоту. Тем не менее, автор придерживается мнения, что не угроза нанесения сокрушительного удара по Италии со стороны англо-французских союзников, а ощущение своей мессианской посреднической роли побудило Муссолини объявить политику *non belligeranza*².

Еще в 1933 г. лидер итальянских коммунистов П. Тольятти обращал внимание на то, что «слабость» итальянского империализма не является доказательством его меньшей агрессивности. Напротив, «слабый» империализм не может примириться с существующим положением в международных отношениях и ставит самым настоятельным образом и постоянно проблему нового предела мира³.

Исследование фашистской внешней политики между двумя мировыми войнами подтверждает этот вывод П. Тольятти. Поставленная в период прихода Муссолини к власти задача пересмотра версальских соглашений всегда находилась в центре фашистской внешней и военной политики. Однако нельзя согласиться с выводом ряда итальянских исследователей, например Р. Москати, который пишет об исключительно «импровизационном» характере итальянской экспансии, осуществляемой мирными средствами

¹ См.: *Gin E. Op. cit.* P. 90–91, 93.

² См.: *Ibid.* P. 101, 119.

³ См.: *Togliatti P. Opere.* Roma, 1973. Vol. 3. T. 2. P. 199–207.

«в любом направлении и в любой момент, без каких-либо заранее обусловленных целей»¹.

Выводы нашего исследования исключают рассуждения об «импровизационном» характере фашистской внешней политики. К началу Второй мировой войны внешнеполитические цели экспансии были в основном определены. Планы ведения военных действий были разработаны применительно к каждой из намеченных целей. К моменту начала войны фашистская Италия не решила задачу согласованного единого стратегического плана действий, что являлось следствием ее недостаточного военно-мобилизационного потенциала для самостоятельного решения поставленных задач. Будучи «слабым» хищником, фашистская Италия стремилась избежать риска прямой конфронтации с сильным противником или утратить свободу действий в объятиях более мощного союзника. Отсюда проистекает использование фашистской дипломатией тактических приемов политики *peso determinante* или стратегической линии на действия, «параллельные» своему более сильному союзнику.

Последние недели мира перед нападением Германии на Польшу Муссолини и его ближайшее окружение терзали сомнения — поддаться искушению «параллельных» действий с Германией и нарваться на сокрушительный удар со стороны англо-французских союзников или объявить формальный нейтралитет и выжидать более удобного случая.

Для фашистского руководства заключение «стального пакта» не предопределило выбора союзника в большой войне, что и доказало объявление политики *non belligeranza*. Окончательный выбор союзника зависел от того, какую великую державу или блок держав Муссолини оценит как будущего победителя в войне. В этом фатальном промежутке между миром и войной фашистское руководство продолжило поиск выгодных для себя предложений.

¹ Moscati R. Locarno // La politica estera italiana dal 1914 al 1943 / a cura di M. Toscano. Ed. RAI, 1963. P. 104.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
-----------------------	----------

Глава 1 **ФАШИСТСКАЯ ИТАЛИЯ В ВЕРСАЛЬСКОЙ СИСТЕМЕ (1922–1934)**

1.1. «Побежденная в лагере победителей»	12
1.2. Становление фашистской дипломатии	17
1.3. Италия в европейской политике умиротворения	26
1.4. Усиление государственного регулирования экономики	41
1.5. Итальянская военная промышленность между двумя мировыми войнами.....	46
1.6. Контроль над вооруженными силами и военное планирование	50
1.7. Фашистская внешняя политика в тисках версальских договоренностей	54
1.8. Объявление политики <i>peso determinante</i>	59

Глава 2 **НА ПУТИ К ПАРАЛЛЕЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ МУССОЛИНИ (1933–1938)**

2.1. Фашистские планы «нового порядка» в Европе.....	63
2.2. Итальянская инициатива «пакта четырех».....	77
2.3. Проект Восточного пакта и позиция Италии.....	80
2.4. На пути к формированию политической оси Рим — Берлин.....	98
2.5. Планирование итальянских военных операций и начало тройственных переговоров о военном союзе.....	133
2.6. На пути к средиземноморскому урегулированию	140
2.7. Англо-итальянское «пасхальное» соглашение 16 апреля 1938 г. ...	155

Глава 3
**ФАШИСТСКАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА
В ПЕРИОД ЧЕХОСЛОВАЦКОГО КРИЗИСА
(март 1938 — март 1939)**

3.1. Новые внешнеполитические вызовы	176
3.2. Тройственные переговоры о военном союзе.....	180
3.3. Мюнхенское соглашение и позиция Италии.....	194
3.4. Тревожная неопределенность: фашистская политика под знаком мюнхенского конкордата (октябрь 1938 — март 1939)	208
3.5. Планирование итальянских военных операций.....	237
3.6. Продолжение переговоров о тройственном военно-политическом союзе.....	241

Глава 4
**ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ФАШИСТСКОЙ ИТАЛИИ
В ПЕРИОД ПОЛЬСКОГО КРИЗИСА
(март — сентябрь 1939)**

4.1. Влияние захвата Чехословакии на внешнюю политику Италии....	249
4.2. Балканский кризис и итальянская оккупация Албании.....	264
4.3. Агония коллективной безопасности	279
4.4. Вывод итальянских войск из Испании	288
4.5. Итало-германские военные переговоры и заключение «стального пакта».....	289
4.6. Италия на пороге Второй мировой войны	307
4.7. Итальянские планы вступления в войну и объявление «неучастия в войне» (<i>non belligeranza</i>).....	326
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	336

Научное издание

Михайленко Валерий Иванович

**«ПАРАЛЛЕЛЬНАЯ» СТРАТЕГИЯ МУССОЛИНИ:
Внешняя политика фашистской Италии (1922–1940)**

В трех томах

Том 1

**ФАШИСТСКАЯ ИТАЛИЯ
В ВЕРСАЛЬСКОЙ СИСТЕМЕ
(октябрь 1922 — август 1939)**

Редактор *Е. В. Березина*

Корректор *Е. В. Березина*

Компьютерная верстка *Н. Ю. Михайлов*

Ответственный за выпуск *И. С. Малечко*

Подписано в печать 24.10.2013.
Формат 60×84 $\frac{1}{16}$. Бумага офсетная. Гарнитура Times.
Уч.-изд. л. 17,28. Усл. печ. л. 18,58. Тираж 500 экз. Заказ № 2611.

Издательство Уральского университета
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4

Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре УрФУ.
620000, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 4.
Тел.: +7 (343) 350-56-64, 350-90-13.
Факс: +7 (343) 358-93-06.
E-mail: press-urfu@mail.ru